

Г. КИРДЕЦОВЪ

**У ВОРОТЬ
ПЕТРОГРАДА**

(1919—1920)

**СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ:
РУССКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ „МОСКВА“
ВЪ БЕРЛИНЪ И НЬЮ-ІОРКЪ**

БЕРЛИНЪ 1921



Г. Кирдецовъ

У воротъ Петрограда

(1919 — 1920 г. г.)

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ:
РУССКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ „МОСКВА“
ВЪ БЕРЛИНЪ и НЬЮ-ІОРКЪ

БЕРЛИНЪ 1921 г.

Всѣ права сохранены за авторомъ.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Uebersetzungsrecht in fremde Sprachen.

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ Е. А. ГУТНОВА
BERLIN S. 14, DRESDNERSTRASSE 82-83.

Sine ire et studio...

Вмѣсто предисловія.

Я предлагаю вниманію читателя не историческій трудъ, а только страницы вчерашней дѣйствительности — «отрѣзки изъ записной книжки». Я описываю событія, развернувшіяся на протяженіи 1919—1920 г. на берегахъ Финскаго залива въ связи съ походомъ Юденича на Петроградъ. Эти событія я описываю такъ, какъ я ихъ видѣлъ въ качествѣ непосредственнаго участника и наблюдателя. Единственная задача, которую я здѣсь преслѣдовалъ, это — показать, почему данная страница изъ исторіи гражданской войны кончилась для противобольшевистскаго дѣла столь-же печально какъ и все то, что было совершено за это-же время на Югѣ, въ Сибири и на крайнемъ Сѣверѣ.

Само собой понятно, что мой трудъ не притязаетъ на «объективность». Это — дѣло будущаго историка россійской революціи, а не насъ современниковъ, которые только путемъ познанія вчерашнихъ заблужденій, ошибокъ и грѣховъ смогутъ завтра найти отвѣтъ на вопросъ: что дѣлать?.. Этому пониманію вчерашней дѣйствительности я и посвящаю свой трудъ.

Я избѣгалъ, какъ читатель увидитъ, и хронологіи и архитектурной систематичности — онъ только помѣшали-бы задачу, которую я ставилъ себѣ во имя «науки», за которую, дѣйствительно, платить не жалко лишь бы ученіе шло впрокъ... Лица, учрежденія и факты привлекали наше вниманіе въ той мѣрѣ, въ какой они являлись техническимъ выраженіемъ идей, лежавшихъ въ основѣ вооруженной борьбы противъ Советской власти. Вотъ почему читатель только попутно найдетъ въ моемъ трудѣ тотъ или иной «обвинительный актъ» противъ отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ многія волею судебъ и нынѣ еще продолжаютъ вдохновлять такъ называемую бѣлую идеологію.

Отмѣчу еще, что матеріаломъ для моего труда служили мнѣ мои личныя воспоминанія, а также документы, вывезенные мною изъ Гельсингфорса и Ревеля и относящіеся къ отдѣльнымъ сторонамъ дѣятельности Политическаго Совѣщанія Юденича и Сѣв. зап. Правительства.

Чехо-Словакія, май 1921 г.

ГЛАВА I.

Къ Финскимъ берегамъ.

3-го января 1919 г. на пароходѣ, шедшемъ изъ Стокгольма въ финскія шхеры, вниманіе пассажировъ привлекалъ къ себѣ нѣкій господинъ лѣтъ 50-ти, небольшого роста, сутуловатый, широкоплечій, съ бычьимъ затылкомъ и непомѣрно длинными усами. Онъ ни съ кѣмъ не заговаривалъ за общимъ столомъ, старательно пряталъ глаза при случайныхъ встрѣчахъ, а когда его о чемъ-либо спрашивали, то вмѣсто него торопливо отвѣчали то одинъ, то другой изъ двухъ другихъ пассажировъ неотлучно его сопровождавшихъ.

Онъ явно внушалъ обоимъ большое уваженіе, минутами даже страхъ. Ихъ разговоръ также не имѣлъ характера бесѣды равныхъ межъ собой людей: онъ ставилъ краткіе вопросы или дѣлалъ столь-же краткія замѣчанія, о нихъ, — почтительно поддаваясь корпусомъ впередъ, отвѣчали, и въ такихъ случаяхъ до меня долетало отрывистое, придушенное: «такъ точно, ваше...ство» или: «слушаюсь»... На палубѣ, бывало, когда «онъ» гулялъ, заложивъ руки на спину и отмѣривая шаги, они словно его охраняли, держась чуть-чуть позади и подобострастно заглядывая ему въ лицо.

Одинъ только разъ — помню — за весь переходъ до Або среди немногочисленныхъ русскихъ

пассажировъ завязалась общая краткая бесѣда. Заговорили о томъ, что наболѣло на душѣ — о большевизмѣ и большевикахъ.

То было время первыхъ «южныхъ» надеждъ: бывшая кавказская армія успѣшно отбивалась отъ мѣстныхъ большевиковъ: въ Ростовѣ на Д. послѣ смерти Алексѣева, Красновъ и Деникинъ организовывали свои первые добровольческіе отряды; изъ Украины, вслѣдствіе капитуляціи германцевъ на западѣ и, согласно договора о перемиріи, успѣшно уходили длинные эшелоны арміи ген. Эйхгорна, загромаждая всѣ пути, идущіе на западъ, покидая во многихъ мѣстахъ обозы, артиллерію, продовольствіе и снаряженіе.

* * *

...Кто первый, вслѣдъ за уходящими нѣмцами, займетъ этотъ обширный край, растянувшійся отъ Одессы до Пинскихъ болотъ и отъ Ростова на Д. до курскихъ окраинъ? Большевики напираютъ съ сѣвера, Петлюра съ запада, т.-е. изъ Восточной Галиціи. Красновъ съ донскими казаками держитъ курсъ на Екатеринославъ и Донецкій бассейнъ...

Но красная армія Троцкаго еще только образовывается, Петлюра только пугаетъ своими «корпусами», потому что, въ дѣйствительности, вслѣдствіе перемирія на западѣ отъ него откалываются успѣшно одинъ за другимъ всѣ его австро-галиційскіе легіоны, Красновъ-же находится подъ явнымъ политическимъ подозрѣніемъ за свое сотрудничество съ нѣмцами.

Еще помнили, что недавно, за мѣсяць — два до германскаго краха на западѣ, онъ посылалъ въ Берлинъ съ официальной миссіей къ Вильгельму своего друга герцога Лейхтенбергскаго и просилъ вѣщеноснаго Гогенцоллерна отъ имени «десятковъ

милліоновъ русскихъ людей» осуществить возможно скорѣе планъ ген. Гоффмана (знаменитаго героя Брестъ-Литовска) т. е. занять Москву и Петроградъ, а тамъ, Богъ дастъ, все устроится на славу—монархія въ Россіи будетъ восстановлена въ полномъ объемѣ и русскій народъ и его династія вѣчно будутъ чтить память Вильгельма...

Этому эпизоду посвящены характерныя мѣста въ появившихся недавно воспоминаніяхъ „*Erlebnisse im Kriege*“ вождя германскаго центра, б. министра финансовъ въ первомъ германскомъ республиканскомъ кабинетѣ, д-ра Эрцбергера, который, благодаря своей близости къ тогдашнему канцлеру Бетману-Гольвегу, очевидно былъ посвященъ во всѣ детали предстоявшаго «дѣла». Но Эрцбергеръ, какъ, впрочемъ, и Людендорфъ, а вмѣстѣ съ ними и Гельферихъ, побывавшій въ Москвѣ послѣ убійства гр. Мирбаха (6-VII-1918), одинаково подчеркиваютъ, что августовскій планъ ген. Гоффмана, политически подготовленный въ самой Россіи не только красновской челобитной, но еще въ большей мѣрѣ знаменитою по своей внезапности «оріентаціей» Милюкова на нѣмцевъ. — всѣ эти современники и участники событій согласно указываютъ, что планъ двинуть 8 дивизій, стянутыхъ въ районѣ Орши, на Москву, а 4, сосредоточенныхъ подъ Псковомъ, — на Петроградъ былъ сорванъ исключительно военными событіями на германскомъ фронтѣ во Франціи. Въ ночь на 9-ое авг. англо-французская армія прорвала германскія линіи въ районѣ Мондидье на большомъ участкѣ, и съ того момента вплоть до капитуляціи и заключенія перемирія нѣмцамъ «уже не до Россіи было»; дивизіи, сосредоточенныя въ Оршѣ и Псковѣ понадобились для затычки западныхъ дыръ, а другихъ свободныхъ резервовъ для дѣйствія противъ Петрограда и Москвы уже не было.

Такъ, по свидѣтельству небезпристрастныхъ

лѣтописцевъ императорской Германіи, грандіозному плану, имѣвшему при тогдашнихъ условіяхъ много шансовъ на успѣхъ, не суждено было осуществиться. П. Н. Милуковъ скоро опять пошелъ въ Каноссу, переправившись въ Парижъ, а оттуда въ Лондонъ; Красновъ же, изгнанный донской Радой и скомпрометированный у Деникина, перенесъ свою квартиру на другой конецъ Россіи — въ Ревель, въ ряды сѣв. зап. арміи, въ моментъ, когда она готовилась взять Петроградъ и оттуда протянуть руку Деникину, наступавшему черезъ Орель и Тулу на Москву...

Объ этомъ и другомъ говорили русскіе пассажиры — «бѣженцами» насъ тогда еще не называли.

«Онъ», выслушалъ различныя пророчества, политическія и стратегическія объясненія общаго положенія, а также рассказъ о томъ, какъ каждый изъ пассажировъ, прежде чѣмъ попасть на суденышко, отвозившее насъ къ берегамъ Финляндіи, долженъ былъ пройти черезъ Сциллу и Харибду всевозможныхъ визъ, шлагбаумовъ, опросовъ и арестовъ — выслушавъ все это съ олимпійскимъ спокойствіемъ, онъ молвилъ, наконецъ, сильно потянувъ внизъ свой длинный лѣвый усъ:

— Еще хуже будетъ... Хуже...

Такіе-же проблески здороваго оптимизма и вѣры въ Россію мнѣ довелось обнаружить черезъ нѣкоторое время въ Гельсингфорсѣ у другого извѣстнаго русскаго общественнаго дѣятеля — у В. Д. Кузьмина-Караваева, о которомъ кто-то еще въ Петроградѣ однажды мѣтко сказалъ, что въ царскую эпоху «это былъ либераль въ генеральскихъ кругахъ и генераль—въ либеральныхъ». Хотя заслуга эта передъ россійской общественностью не велика, но въ Гельсингфорсѣ весной и лѣтомъ 1919 г. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, не смотря на свои преклонныя лѣта и расшатанное здоровье, все же сдѣлался

активнѣйшимъ членомъ такъ называемаго Политическаго Совѣщанія при будущемъ Главнокомандующемъ сѣверо-западнаго фронта. Онъ велъ переговоры (черезъ переводчиковъ) съ англичанами объ оружіи и снаряженіи, съ американцами — о продовольствіи для Петрограда, а въ свободные часы срывалъ «фронду», исходящую отъ столпа гельсингфорской оппозиціи нѣкоего сенатора С. В. Иванова, б. председателя петроградской Городской Управы. Тотъ, на примѣръ, находилъ, что все дѣло снабженія Петрограда продовольствіемъ и санитаріей должно было представлено «закономѣрному органу городского Самоуправленія», каковымъ онъ столь-же закономѣрно считалъ себя и двухъ-трехъ петроградскихъ гласныхъ, случайно оказавшихся тогда въ Гельсингфорсѣ, а не самочинному политическому совѣщанію при Главнокомандующемъ.

Въ этомъ выражалась вся его оппозиція. Но за эту дерзновенную смѣлость С. В. Ивановъ и прослылъ тогда въ Гельсингфорсѣ «демократомъ», вождемъ оппозиціи, между тѣмъ какъ либераль изъ генеральскихъ круговъ — В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, — тяготѣлъ больше къ «умѣреннымъ» — централистамъ.

И вотъ однажды — это было вскорѣ послѣ перваго неудачнаго наступленія на Петроградъ со стороны Ямбура — когда молодые элементы за чашкой чая у А. В. Карташева стали напирать на Политическое Совѣщаніе, требуя отъ него болѣе активныхъ дѣйствій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, выслушавъ ихъ горячія рѣчи, спокойно молвилъ съ выраженіемъ глубокой покорности судьбѣ:

— Погибла Греція, погибъ Римъ, погибнетъ, очевидно и Россія...

То-же пророчествовалъ, какъ мы видѣли, и нашъ спутникъ на пароходѣ, которому черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ описанной здѣсь встрѣчи суждено было

стать на нѣкоторое время обще-міровой знамени-
тостью и «почти» золотыми буквами вписать свое
имя въ страницѣ исторіи Россіи.

Это былъ — Юденичъ.

* * *

Я началъ свой трудъ съ описанія встрѣчи съ
Юденичемъ, конечно, не потому что я склоненъ
былъ-бы считать его выдающейся фигурой въ обла-
сти политики или стратегіи: еще меньше въ мои за-
дачи входитъ сдѣлать изъ него національнаго «ге-
роя», которому якобы только по злему капризу
судьбы не удалось завершить дѣло освобожденія
Петрограда осенью 1919 г. и тѣмъ самымъ автома-
тически положить начало общему изгнанію боль-
шевиковъ изъ Россіи.

Напротивъ, мнѣ хотѣлось бы только показать,
какъ идеологія бѣлаго противобольшевистскаго
движенія неизбежно должна была привести къ
магическому превращенію маленькаго ничтожнаго
человѣка въ «диктатора», что социальнo-политиче-
скія силы, лежавшія въ основѣ антибольшевист-
ской вооруженной борьбы на всемъ протяженіи рос-
сійской территоріи неуклонно и неминуемо должны
были привести къ краху всего движенія — незави-
симо отъ вопроса, гдѣ какой «диктаторъ» дѣйстви-
тельно находился ли лѣтомъ и осенью 1919 г. на бе-
регахъ Финскаго залива «самъ» верховный прави-
тель или только его намѣстникъ карриатура
«Главнокомандующаго» — Юденичъ.

Болѣзнь бѣлаго движенія была, вѣдь, не въ ли-
цахъ, не въ тѣхъ или иныхъ военно-политическихъ
«фигурахъ», оказавшихся по случайному стеченію
обстоятельствъ во главѣ его, а въ отсутствіи у него
идеологій или, точнѣе по выраженію Анатоля Фран-
са, въ «злой» его идеологій.

Вглядитесь, въ самомъ дѣлѣ, во внутреннюю
сущность дѣла.

Всѣ бѣлые фронты 1919—1920 г. г. имѣли свои особенности, обусловленные мѣстными географическими, національными, гражданско-политическими и международно-правовыми факторами. У Колчака были одни условія, у Деникина — другія, на Архангельскомъ и Мурманскомъ фронтахъ—третьи, на сѣверо-западѣ, наконецъ, подь Петроградомъ — четвертыя. Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей вліявшія, несомнѣнно, въ большей или меньшей степени на ходъ событій, складывались въ пользу антибольшевистской борьбы, другія — во вредъ. И тѣмъ не менѣе движеніе потерпѣло крахъ на всѣхъ фронтахъ и почти одновременно — подобно тому какъ крахомъ же кончались войны, которыя французскіе эмигранты эпохи Великой Революціи — прямо или косвенно — вели противъ голодной арміи Конвента. Послѣдній — помните — порознь и купно билъ пруссаковъ, австрійцевъ, испанцевъ, сардинцевъ, словомъ кому только охота была быть битымъ; англичанъ даже съ ихъ флотомъ армія Конвента голыми руками изгнала изъ Тулона.

На этихъ «особенностяхъ» нашихъ различныхъ нѣотиво-большевистскихъ фронтовъ мы остановимся впоследствии, въ частности, въ отдѣльной главѣ мы покажемъ, напримѣръ, насколько на б. сѣверо-западномъ «юденинскомъ» фронтѣ англійскій элементъ игралъ далеко не послѣднюю роль, бросающую обильный свѣтъ на общую политику Англій въ русскомъ вопросѣ. И пусть не указываютъ идеологи нашего бѣлаго движенія, что именно эта разновидность мѣстныхъ условій, въ которыхъ приходилось дѣйствовать отдѣльнымъ фронтамъ и привела къ краху, что, молъ, каждый отдѣльный диктаторъ и его армія и правительство были плѣнниками окружающей обстановки и жертвами скрещивавшихся международныхъ вліяній. Пусть не указываютъ они и на параллель міровой войны въ этомъ вопросѣ.

Вѣдь, послѣдній аргументъ говорить какъ разъ

противъ нихъ. Военно-стратегическія и гражданско-политическія особенности союзныхъ фронтовъ въ Европѣ и Азіи представляли собой, насколько понятно даже для малограмотныхъ, самую пеструю картину мѣстныхъ особенностей, обусловленныхъ длинной серіей историческихъ, географическихъ, социальныхъ и даже религиозныхъ причинъ. И тѣмъ не менѣе союзники не только вышли сухими изъ воды, но даже оказались побѣдителями по всей линіи. Значитъ, не въ мѣстныхъ особенностяхъ кроется вопросъ о побѣдѣ или разгромѣ большого движенія, а въ основной идеѣ, которая руководить всѣмъ движеніемъ.

Пруссія въ 1870 г. разгромила Францію Наполеона III потому, что она была сильна не только пушками и митральезами, но, главнымъ образомъ, здоровой идеей національнаго объединенія Германіи; Франція-же второй имперіи была до корня развращена политически и морально, а ея солдаты, естественно, не понимали почему, въ сущности, они должны битъ пруссаковъ во имя неприкосновенности испанскаго престола.

Даже идеологи чистѣйшаго технического милитаризма давно уже признаютъ, что идея — все.

«Стратегія — это та-же политика, но съ другими средствами» — училъ Клаузевицъ несомнѣнно и нашихъ отечественныхъ генераловъ. Политика-же, какъ извѣстно, съ неба не падаетъ. Она — игра интересовъ и техническое выраженіе идей.

Великая Французская Революція была сильна именно своей идеей, — въ этомъ согласны всѣ ея научные изслѣдователи отъ Карлейля и Тэна до Жореса; достаточно было, чтобы, скажемъ, всего 5% голодныхъ оборванныхъ солдатъ Конвента были убѣждены, что они несутъ на остріѣ своихъ штыковъ свободу, равенство и братство; достаточно было имъ знать и вѣрить, что противъ нихъ дѣйствуютъ реставраторы — и революціонная армія въ цѣломъ творила чудеса на поляхъ сраженія, вписавъ

Жеманъ и Вальми золотыми буквами въ общую военную исторію Франціи.

Все это — азбука для современныхъ поколѣній; но если требуется еще какое нибудь убѣдительное доказательство, то оно дано было въ прошломъ году результатами польско-совѣтской войны.

Французскій генераль Вайганъ, начальникъ штаба Фоша, организаторъ обороны Варшавы и сентябрьскаго польскаго контръ-наступленія, завершившагося разгромомъ Совѣтской арміи, по возвращеніи въ Парижъ суммировалъ свои впечатлѣнія о польской и совѣтской арміяхъ въ военно-техническомъ отношеніи двумя словами: «объ хуже»...

Въ чемъ-же секретъ несомнѣнной побѣды поляковъ? Почему они имѣли свою «Марну», если отдѣльныя ихъ части были вооружены косами вмѣсто винтовокъ, а обмундированіе и снаряженіе уступало большевистскимъ.

А потому что, скажемъ, 5% ихъ солдатъ вѣрили въ правоту своей идеи и были убѣждены, что вступивъ Радекъ во главѣ сколоченнаго имъ въ Бѣлостоку совѣтскаго правительства въ Варшаву — и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или даже недѣль Польша превратится въ такой же рай, какъ Россія, гдѣ мухи дохнутъ отъ голода, а Чрезвычайка — «править».

И пусть не лжетъ лишній разъ совѣтское правительство, что, молъ, стрѣлочники виноваты въ военной катастрофѣ, что какой то Буденный (вчера ній герой) непростительно «зарвался», а красная армія, подойдя къ стѣнамъ Варшавы, оказалась утомленной длинными переходами и артиллерія вовсе не успѣвала... Эти оправданія стоятъ столько-же, сколько подобныя-же защитительныя рѣчи на устахъ любого моднаго адвоката буржуазнаго правительства. «Переутомленіе» красной арміи, разъ она въ постоянныхъ бояхъ и «прорывахъ» прошла что-то около 500 верстъ, можно было предви-

дѣть, а что до артиллеріи и обозовъ — то ихъ качество и темпъ передвиженія зналъ, надо думать, не только Главковерхъ Тукачевскій, но любой артиллерійскій поручикъ.

Нѣтъ, не въ этомъ секретъ пораженія подѣ Варшавой, а въ томъ, что красная армія шла въ бой изъ подѣ палки, безъ идеи, безъ вѣры въ свое дѣло. Былъ, правда, моментъ, когда и она, такая же голая и босая, какъ польская, одерживала побѣды и стала внушать къ себѣ уваженіе выдающихся военныхъ авторитетовъ Европы, что, въ свою очередь, замѣтно стало вліять на общій престижъ Совѣтской власти. Но это наблюдалось только тогда, когда (май и іюнь 20 г.) маршалъ Пилсудскій, считая, что разъ въ Совѣтской Россіи «все лежитъ плохо», то и Польшѣ можно пожить, вздумалъ учинить свой набѣгъ на Кіевъ и бѣло-русскія земли. Но при блестящемъ отпорѣ, который дала ему тогда красная армія она не была «красной», подобно тому какъ далеки были отъ якобинства и тѣ французскіе полки, которые по приказу Конвента изгнали англичанъ изъ Тулона въ какія нибудь сутки. Когда-же коммунистическій империализмъ сталъ толкать эту армію все дальше и дальше, не взирая на то, что этнографическая линія Керзона, принятая большевиками, да еще съ маленькимъ плюсомъ, давно уже была пройдена, когда Ленинъ вздумалъ использовать не «красную» свою армію въ цѣляхъ ускоренія взрыва соціальной революціи на Западѣ черезъ варшавскія ворота — то оказалось, что изъ двухъ армій, изъ которыхъ одна, по выраженію Вейгана, «хуже другой», побѣдила та, которая въ данный моментъ и при данныхъ условіяхъ была болѣе сильна своей идеей — польская.

И по аналогіи — примѣнительно къ затронутому здѣсь вопросу о Юденичѣ — надлежитъ сказать то-же что о большевистскомъ Главкомандую-

щемъ Тукачевскомъ и о десяткахъ другихъ генераловъ, терпѣвшихъ пораженія:

Не въ стратегической бездарности Юденича секретъ внезапнаго разгрома сѣв. зап. арміи подъ Гатчиной и Царскимъ Селомъ. Бывшій «герой» Эрзерума могъ бы оказаться и съ успѣхомъ «героемъ Петрограда», но для этого нужно было, чтобы онъ не былъ Юденичемъ, т. е. чтобы онъ и его ближайшіе сотрудники въ области какъ военной, такъ и политической, не были выразителями идей отжившаго міра и тѣхъ соціальныхъ силъ, которымъ побѣда подъ Петроградомъ нужна была только для того, чтобы насильственно остановить непреложный ходъ неизбѣжнаго историческаго процесса — демократизаціи Россіи.

Глава II.

Гельсингфорсъ и Ревель.

Въ описываемые нами дни въ Гельсингфорсъ, а еще больше на южномъ берегу Финскаго залива — въ Ревельъ явно «назрѣвали событія».

Въ ночь на Новый Годъ англійскій флотъ въ составѣ нѣсколькихъ легкихъ крейсеровъ и десятка миноносцевъ-истребителей впервые появился въ западной части Финскаго залива — примѣрно по линіи Гельсингфорсъ — Ревель. Въ ту же ночь онъ имѣлъ первую встрѣчу съ отрядомъ легкихъ большевистскихъ судовъ, въ результатѣ которой одинъ красный истребитель былъ пущенъ ко дну, а два быстроходныхъ миноносца типа «Новикъ» послѣ первыхъ-же выстрѣловъ сдались. То были «Спартакъ» и «Автроиль», числящіеся въ эстонскомъ флотѣ, которому англійскій адмиралъ Кованъ передалъ ихъ тогда «по приказу His Majesty» на правахъ пользованія.

Эту подробность важно отмѣтить потому, что молодая эстонская республика, по примѣру Финляндцевъ, смотрѣла впослѣдствіи на эти суда какъ на «военную добычу» — между тѣмъ какъ въ дѣйствительности Эстонцы ихъ никогда не «добывали», а англійскій адмиралъ, естественно, не могъ дарить эстонцамъ того, что ему не принадлежало, разъ His Majesty въ войнѣ съ Россіей не только не состоялъ, но даже считалъ себя ея союзникомъ. Что-же

касается большевистской власти, то заключая 28 янв. 1920 г. мирный договоръ съ Эстоніей, она даже не потрудилась вспомнить объ этихъ судахъ, оговоривъ лишь суммарно въ одной изъ статей, что весь военный матеріалъ, оставленный Россіей въ предѣлахъ Эстоніи переходить въ ея собственность.

Большевикамъ никогда не жалко....

Появленіе англійскаго флота въ Финскомъ заливѣ, т. е. на морскихъ подступахъ къ Петрограду, и фактъ, что онъ принялъ или даже вызвалъ бои съ большевистскими судами заставляли рассчитывать на возможность широкихъ морскихъ операцій противъ Кронштадта, который въ ту пору былъ, несомнѣнно, уязвимъ. Соответствующія данныя въ изобиліи находились у англійскаго адмирала, а также въ финляндскомъ штабѣ. Это было время, когда нѣмцы, согласно требованію договора о перемиріи съ союзниками, только что покинули предѣлы Финляндіи (18-е декабря 1918 г.), а немного раньше, — южный берегъ залива, Ревель и всю территорию до Пскова и дальше. Изъ Финляндіи они ушли «подъ музыку», провожаемые восторженными „Auf Wiedersehen“ бѣлогвардейцевъ Маннергейма, депутаціями отъ университета и ученыхъ обществъ, барышнями и толпами дѣтей, подносящими цвѣты — словомъ, какъ полагается «освободителямъ». Изъ Ревеля же, а еще раньше изъ Нарвы и Юрьева, они бѣжали, бросая богатый военный матеріалъ и снаряженіе (кромѣ продовольствія), продавая оружіе всѣмъ безъ исключенія — бѣлымъ и краснымъ, тому, кто больше предлагалъ.

Черезъ мѣсяць послѣ этихъ событій, въ серединѣ января 1919 г., когда я впервые посѣтилъ Ревель, тогдашній эстонскій министръ-президентъ и вождь такъ называемой народной партіи Пэтсъ доказывалъ мнѣ, что нѣмецкія войска продавали открыто оружіе (вплоть до цѣлыхъ батарей артиллеріи) предпочтительно краснымъ частямъ и от-

дѣльнымъ комиссарамъ. Не знаю—такъ ли это было въ дѣйствительности, ибо въ Ревель я прибылъ въ тѣ дни не какъ россійскій эмигрантъ, терпимый, но не любимый, а въ качествѣ... корреспондента вліятельныхъ англійскихъ газетъ, и весьма возможно, что глава молодой республики черезъ меня «дѣлалъ настроеніе» въ Англии въ пользу своей страны.

У эстонцевъ, какъ и у русскихъ, отъ появленія англійской эскадры въ Финскомъ заливѣ черезъ нѣсколько-же дней послѣ ухода нѣмцевъ радостно забились сердца.

Противниковъ военной помощи со стороны союзниковъ — среди русскихъ демократическихъ партій, въ томъ числѣ и социалистическихъ, тогда еще не было. Насилію должна быть противопоставлена сила. Силу же могли дать только союзники, не занятые больше никакими военными дѣйствіями противъ Германіи, которая уже капитулировала. Опыта правленія Колчака и Деникина тогда еще не было. Для русскихъ социалистовъ, въ частности, вопросъ о томъ, можно и должно ли пользоваться военной помощью извиѣ рѣшался исключительно въ плоскости тактики, а не принциповъ. Марксистское „Zwischen zwei Rechten entscheidet die Gewalt“ не оспаривалось.

Сами-же большевики въ тѣ дни замѣтно колебались и открыто въ своей печати обсуждали вопросъ, не слѣдуетъ-ли использовать моментъ появленія союзной реальной силы въ Финскомъ заливѣ, чтобы уйти, по крайней мѣрѣ изъ Петрограда, и отдать его на съѣденіе Ллойдъ-Джорджу, а самимъ тѣмъ временемъ окопаться по линіи Бологое — Тихвинъ, ближайшей къ Москвѣ.

Какія послѣдствія эта мѣра имѣла-бы для дальнѣйшей борьбы съ Совѣтской властью при полной неорганизованности красной арміи, при наличіи 30-ти тысячъ чехо-словаковъ на Уралѣ, при

продвиженіи Винниченко и Петлюры на Кіевъ и при общемъ тогдашнемъ состояніи умовъ въ Совѣтской Россіи (голодъ еще не убивалъ тогда инціативу) — удержалась ли бы тогда совѣтская власть въ Москвѣ, терзаемая непрекращающимися крестьянскими возстаніями въ центральномъ и волжскомъ районахъ, рабочими забастовками и саботажемъ — сказать не трудно.

Достаточно напомнить для иллюстраціи тогдашняго настроенія умовъ среди большевиковъ и состояніе ихъ психики слѣдующій фактъ.

Красныя дивизіи, подошедшія 5-го янв. 1919 г. (т. е. черезъ мѣсяць послѣ ухода германцевъ) къ Ревелю на разстояніе тридцати верстъ, были отброшены съ большими потерями отрядами ревельскихъ... гимназистовъ, которые наспѣхъ были организованы мѣстными общественными группами отъ социаль-демократовъ до народниковъ (к. д.) включительно. Эти-же гимназисты, среди которыхъ находились дѣти въ возрастѣ 12 — 13 лѣтъ, да еще нѣкоторые добровольческіе отряды подъ руководствомъ эстонскихъ офицеровъ русской службы случайно оказавшихся въ странѣ послѣ ухода нѣмцевъ, безъ штабовъ и учреждений, безъ хлѣба и денегъ и почти безъ амуниціи — они не только отбросили большевистскую армаду отъ Ревеля, но къ 22-му января уже бились съ ней подъ Нарвой и Юрьевымъ пройдя съ боемъ болѣе 200 верстъ.

Въ то-же время въ южной части тогдашней Эстляндской губ. и въ сѣверной части Лифляндской отряды русскихъ солдатъ, (первыя ячейки будущей сѣв. зап. арміи) образованные раньше въ Псковѣ, успешно сдерживали натискъ другой большевистской армады, которая черезъ Валку рвалась въ Ригу.

Я видѣлъ въ тѣ дни въ Ревелѣ въ эстонскомъ главномъ штабѣ, помѣщавшемся въ трехъ крошечныхъ комнаткахъ недостроеннаго дома на Булоч-

ной ул. и въ кабинетѣ тогдашняго главы правительства Пэтса неопровержимыя доказательства слабости большевиковъ, — военной и политической Арміи, вродѣ той, которая черезъ годъ сражалась противъ Деникина, Колчака и Юденича одновременно — не было еще, не было и того государственнаго аппарата, который большевики впоследствии успѣли создать чисто механическими средствами. Я видѣлъ и трофеи, захваченные эстонскими гимназистами и солдатами-добровольцами у большевиковъ: знамена китайскихъ «коммунистическихъ» полковъ и ихъ печати, отъ которыхъ вѣяло смертнымъ холодомъ; штандарты отборныхъ латышскихъ частей, которымъ было поручено взять Ревель и Ригу во что бы то ни стало, и, наконецъ, рапорты, донесенія и приказы, свидѣтельствовавшія только объ одномъ что «власти» у большевиковъ еще нѣтъ, что они пока только злоумышленники, хитростью и обманомъ забравшіеся въ чужой домъ, къ которому, однако, съ разныхъ концовъ уже стекаются законные его владѣльцы — демократія Россіи.

И оттого у многихъ такъ радостно забились сердца, когда въ первые январскіе дни англійская эскадра вошла въ Финскій заливъ и тотчасъ-же, какъ мы видѣли, ликвидировала большевистскія морскія силы, шедшія на бомбардировку Ревеля съ моря. Впрочемъ, впоследствии было установлено, что никакого «боя» въ военно-техническомъ смыслѣ слова не было; большевистскія суда (типа «Новикъ»), обладавшія значительно большей скоростью хода чѣмъ англійскіе истребители, сдались адмиралу Ковану добровольно. Команда осталась невредима, только знаменитый Раскольниковъ, главный морской комиссаръ, былъ снятъ съ «Автройна» и отправленъ въ Англію. Это показывало, что и флотъ, «краса и гордость октябрьской революціи», далеко не надеженъ.

* * *

Оставалось теперь выяснить вопросъ, какія общественно-политическія организаціи имѣются налицо по близости къ обозначившемуся и развивающемуся «петроградскому» театру войны, т. е. въ Гельсингфорсѣ и Ревелѣ, а если ихъ еще нѣтъ, то изъ какихъ элементовъ онѣ могутъ быть созданы и какимъ духомъ проникнуты въ цѣляхъ успѣшнаго руководства движеніемъ по возможности безъ директивъ изъ центра — Парижа, гдѣ въ ту пору уже были сосредоточены сливки первой россійской эмиграціи. Во-вторыхъ, выяснить надлежало въ первую-же голову тѣ формы, въ которыя должны вылиться взаимно-отношенія между русскими общественно-политическими организаціями и мѣстными новыми государственными образованіями — независимо отъ того признаны-ли они С. Д. Сазоновымъ, прибывшимъ тогда въ Парижъ съ большою помпой по мандату знаменитаго государственнаго совѣщанія въ Яссахъ въ качествѣ полномочнаго руководителя внѣшней политики Россіи....

Въ Гельсингфорсѣ, куда я прибылъ 4-го янв. 1919 г., я засталъ своеобразную арену россійской общественности и самодѣятельности. Мѣстное, такъ называемое, коренное русское населеніе «политикой» не занималось. Оно состояло, главнымъ образомъ, изъ зажиточныхъ купцовъ и землевладѣльцевъ, крѣпкихъ буржуа, перешедшихъ частью въ финляндское гражданство, и рѣдкихъ интеллигентныхъ элементовъ — учителей и чиновниковъ. Эта часть населенія, естественно своими мыслями и чувствами была за бѣло-островскимъ шлагбаумомъ — въ Россіи, но въ сколько нибудь замѣтную активность не переходила.

Другой значительный контингентъ русскихъ составляли военные, преимущественно офицеры, служившіе раньше въ различныхъ русскихъ гарнизонахъ въ Финляндіи, и флотскіе. Они уцѣлѣли такъ или иначе при подавленіи финляндскаго коммуни-

стического возстанія бѣлогвардейцами ген. Маннергейма и нѣмецкими дивизіями Фонъ-деръ-Гольца, когда слово русскій означало «большевикъ», когда въ Выборгѣ, напримѣръ, въ одинъ день были разстрѣляны русскіе офицеры, солдаты и матросы ни въ чемъ неповинные. Но объ этихъ черныхъ страницахъ бѣлой Финляндіи — впереди.

Число этихъ офицеровъ — кадровыхъ и военного производства — по скромному подсчету доходило до 5-ти тысячъ. Впослѣдствіи Юденичъ мнѣ говорилъ, что, по даннымъ его штаба, оно можетъ быть доведено до 8 тысячъ и больше. Это была аморфная масса, разбѣянная по всѣй Финляндіи, безъ всякихъ руководящихъ центровъ, въ большинствѣ своемъ голодная, насчитывавшая въ своихъ рядахъ какъ представителей большевизма (ихъ, правда, было очень мало), такъ и приверженцевъ самого неограниченнаго абсолютизма. Она терпѣла гоненія и оскорбленія со стороны финляндскихъ властей, у которыхъ по этой части оказался вдругъ большой опытъ, заимствованный, очевидно, у бывшихъ царскихъ властей въ Финляндіи, а также у нѣмецкихъ друзей за время ихъ оккупациі страны съ мая по декабрь 1918 г.

Отмѣтимъ мимоходомъ, что съ международно-правовой точки зрѣнія объ «оккупациі» Финляндіи не могло быть и рѣчи: нѣмцы были приглашены въ Финляндію правительствомъ Свинхувуда только въ качествѣ сотрудниковъ по подавленію финляндскаго-же краснаго возстанія; къ русскимъ-же и русскому государственному имуществу оккупационныя нормы не могли быть примѣняемы еще и потому, что вступленіе фонъ-деръ-Гольца въ страну состоялось послѣ подписанія Брестъ-Литовскаго договора, на который нѣмцы смотрѣли формально, по крайней мѣрѣ, какъ на конкретный международный трактатъ. Но, въ силу внутреннихъ законовъ прусскаго милитаризма, требованіе нѣмцевъ

въ Финляндіи превратилось скоро для русскихъ и всего русскаго въ новое «состояніе войны». Финляндская бѣлая гвардія, особенно такъ называемые «егеря» (финляндцы, бѣжавшіе во время войны въ Германію и сформированные тамъ въ спеціальныя егерскіе финляндскіе батальоны для борьбы на русскомъ фронтѣ). — эти бѣлогвардейцы и егеря, усвоившіе въ Германіи лучшіе приемы прусскихъ Держимордъ, охотно дѣлали всѣ логическія заключенія изъ новаго своеобразнаго «состоянія войны», провозглашеннаго фонъ-деръ-Гольцомъ — и русскіе, особенно военный элементъ, терѣли жестоко физически и нравственно.

Наряду съ этимъ справедливость требуетъ отмѣтить другой фактъ, засвидѣтельствованный миѣ показаніями представителей всѣхъ русскихъ общественныхъ классовъ и группировокъ въ Финляндіи, не исключая крайне-правыхъ. Никогда, ни до ни послѣ Бобрикова, отношенія къ русскимъ и ко всему русскому не отличались въ Финляндіи такимъ сердечнымъ благожелательствомъ, какъ во время коммунистическаго правленія съ 16-го янв. по 12 мая 1918 г. Не было зарегистрировано ни одного ареста, ни одного разстрѣла русскихъ, какъ таковыхъ или въ зависимости отъ классовой принадлежности. Въ гостиницахъ Гельсингфорса и Выборга жила масса богатыхъ бѣженцевъ изъ Петрограда; уѣзды, расположенные у русской границы, также были полны русскихъ бѣженцевъ, владѣвшихъ тамъ недвижимымъ имуществомъ. Всѣ они оставались на своихъ мѣстахъ, въ своихъ помѣстьяхъ, и ни одинъ красный финскій комиссаръ не вздумалъ ихъ выселять или лишать свободы. Когда-же, наоборотъ, послѣ вступленія Маннергейма и фонъ-деръ Гольца въ Гельсингфорсъ, въ Выборгской губерніи начались бои съ послѣдними отступающими къ Петрограду финскими красными частями, то волна бѣлаго террора захлестнула и тамошній русскій элементъ,

далекій по своему общественному вѣсу отъ всякаго большевизма.

Покойный Л. Н. Андреевъ, жившій въ то время въ Тюрисево, рассказывалъ мнѣ вполнѣдствіи объ этой эпохѣ много печальныхъ страницъ. Онъ едва-ли сгушалъ тогда краски, потому что его рассказъ относился къ моменту наивысшаго напряженія его гнѣва именно противъ большевиковъ (январь 1919 года), когда онъ почти на моихъ глазахъ писалъ свой «S. O. S.» и истерически взывалъ къ вооруженной борьбѣ съ коммунистическимъ терроромъ — къ интервенціи Вильсона и Ллойдъ-Джорджа, Фоша и Клемансо.

Когда я спросилъ, не думаетъ ли онъ, что въ Россіи дѣло обойдется безъ ужасовъ бѣлаго террора, онъ отвѣтилъ, что, въ силу особенностей русскаго характера, русскій бѣлый терроръ, буде онъ разразится, не будетъ похожъ на финляндскій, и прибавилъ:

— А отъ своей, русской, пули мнѣ пріятнѣе умереть, чѣмъ отъ чужой...

Фактъ во всякомъ случаѣ непреложный, что финляндскій бѣлый терроръ былъ грозенъ. Достаточно сказать, что по одной амнистіи лѣта 1920 г., т.-е. амнистіи, провозглашенной черезъ 2 года послѣ подавленія коммунистическаго возстанія, изъ финляндскихъ тюремъ должно было выйти на свободу свыше 8 тысячъ человекъ. И отъ этого террора, естественно, терпѣли прямо или косвенно русскіе, преимущественно-же русское бѣлое офицерство, сдѣлавшееся козломъ отпущенія для финляндскаго шовинизма, которымъ въ ту пору были заражены всѣ буржуазныя партіи молодой, только что обрѣтшей свою независимость, страны.

* * *

Отъ этихъ гоненій и постоянныхъ административныхъ преслѣдованій, молодое офицерство стало искать спасенія на южномъ берегу Финскаго залива — въ Ревель, гдѣ, какъ мы уже отмѣтили, въ январьскіе дни вооруженная борьба съ совѣтской властью стала принимать болѣе или менѣе организованный характеръ, хотя и не выходя за предѣлы партизанщины.

Началась тяга въ Эстонію. Молодые офицеры, небольшими группами въ 10—15 человекъ, — въ большинствѣ случаевъ элементы, которымъ «нечего было терять» въ Финляндіи, но которымъ становилось невтерпѣжъ положеніе паріевъ, — на торговыхъ суденышкахъ или ледоколахъ, зачастую вмѣстѣ съ партіями финляндскихъ добровольцевъ, спѣшившихъ въ Эстонію, стали переправляться въ Ревель.

Но въ этой тягѣ, въ дни моего приѣзда въ Гельсингфорсъ, не было никакой планомѣрности; партіи добровольцевъ-офицеровъ шли въ Ревель на собственный рискъ и страхъ, безъ «подъемныхъ суточныхъ и прогонныхъ», безъ всякаго снабженія, влекомые, съ одной стороны, желаніемъ уйти возможно скорѣе изъ Финляндіи, съ другой — стремленіемъ попасть на арену активной борьбы съ большевизмомъ, причемъ большинство только изъ газетныхъ сообщеній знало, что на томъ (эстонскомъ) берегу залива дѣйствуетъ какой-то «сѣверный русскій корпусъ».

Въ политическомъ отношеніи эти люди представляли собой матеріалъ, который поддавался обработкѣ въ любую сторону. Многіе изъ нихъ вполнѣдствіи при наступленіи сѣв.-зап. арміи на Петроградъ, ничѣмъ себя не запятнали, ни въ военномъ и ни въ политическомъ отношеніи; многіе пали смертью храбрыхъ на поляхъ сраженія подъ Гатчиной и Царскимъ Селомъ подъ знаменемъ «Учредительное Собраніе». Многіе подпали подъ развращаю-

щее вліяніе бандитовъ и казнокрадovъ, которыми, къ сожалѣнію, кишмя кишѣла сѣв.-зап. армія. Значительная же часть, ограбленная нравственно и матеріально, томится и понынѣ въ лѣсахъ Эстоніи на лѣсныхъ работахъ, куда ихъ загналъ эстонскій шовинизмъ, возведенный въ государственную систему при явномъ попустительствѣ мѣстной социаль-демократіи. Еще нѣкоторая часть послѣ ликвидаціи фронта бросилась изъ огня въ полымя — ушла въ Совѣтскую Россію, гдѣ имъ была обѣщана амнистія при условіи, если они вернуться къ опредѣленному сроку.

* * *

Я засталъ, наконецъ, въ Гельсингфорсѣ и третью группу русскихъ людей — наиболѣе вліятельную, наиболѣе активную и политически кристаллизованную. На ней я и остановлюсь подробнѣе, потому что изъ нея-то и выросло движеніе «на Петроградъ». Она-то впоследствии и питала духовно и политически Юденича и его штабъ — и не только въ такъ называемый гельсингфорскій періодъ его дѣятельности, когда «герой Эрзерума» и будущій диктаторъ Петрограда мѣсяцами почти не выходилъ изъ отеля *Socitetshuset*, но и въ послѣдующій боевой періодъ въ Ревелѣ и Нарвѣ, когда уже существовало сѣв.-зап. правительство. Это — правительство, какъ мы дальше покажемъ, и должно было опредѣлять всю политическую фізіономію петроградскаго фронта, вести армію въ подлинно демократическомъ фарватерѣ (въ кабинетѣ Ліанозова участвовали 2 социаль-демократа и 2 правыхъ социалиста-революціонера) и управлять освобожденнымъ краемъ на началахъ подлиннаго демократизма безъ всякой примѣси военной диктатуры. Но въ силу внутренней логики блага движенія и требованій военного положенія, оно капитулировало шагъ за шагомъ передъ военными властями и докатилось до того, что 24-го окт.,

когда Павловскъ и Царское Село уже были взяты, Юденичъ, собиравшійся на другой день вступить въ Петроградъ, ни минуты не задумался сказать своимъ приближеннымъ, что «эту шваль» онъ въ Петроградъ не пустить....

Но объ этомъ впереди — когда мы покажемъ въ оправданіе отдѣльныхъ честныхъ и безкорыстныхъ труженниковъ сѣв.-зап. правительства, что не это правительство опредѣляло политическую дѣятельность Юденича, а другое, скрытое для постороннихъ взглядовъ, шедшее изъ Гельсингфорса, связанное кровно съ Парижемъ и оттуда вдохновляемое. Я бы назвалъ эту гельсингфорскую группу умѣренно-либеральной. Она состояла изъ крупныхъ петроградскихъ промышленниковъ, заводчиковъ, банкировъ, отдѣльныхъ сановниковъ стараго режима и генераловъ. Представителей интеллигенціи (хотя бы и буржуазной) въ ней почти не было, если не считать Е. Н. Кедрина, Г. Вл. Гессена, К. А. Арабажина и Е. Ляцкого, которые одно время поддерживали техническую связь съ ней.

Помню — уже черезъ нѣсколько дней послѣ моего прїѣзда въ Гельсингфорсъ, послѣ моей лекціи въ квартирѣ К. А. Арабажина, мнѣ стало ясно изъ рассказовъ хозяина и гостей (представителей мѣстной трудовой интеллигенціи), что заправляющая группа въ социально-политическомъ отношеніи выражаетъ собою квинтъ-эссенцію умѣреннаго либерализма.

Назову отдѣльныя имена, изъ которыхъ многія извѣстны широкимъ общественнымъ кругамъ: Лянозовъ, Утеманъ, Добрынинъ, Шуберскій, Шайкевичъ (Международный банкъ), Мещерскій (заводчикъ), Форостовскій, Мамонтовъ, бр. Гессенъ («Волга», «Кавказъ и Меркурій»), Каменка (Азовско-Донской банкъ), кн. Волконскій (тов. предсѣдателя Г. Думы и б. тов. министра внутреннихъ дѣлъ при

Протопоповъ), гр. А. Буксгевденъ, ген. Суворовъ, ген. Кондзеровскій, банкиръ Груббэ...

Такъ называемая «треповская» затѣя, относящаяся къ осени 1918 г., когда въ Финляндіи доживали свои послѣдніе дни нѣмцы и заключавшаяся въ томъ, чтобы образовать на территоріи Финляндіи при содѣйствіи фонъ-деръ Гольца «всероссійское правительство» — эта затѣя, которая тогда въ виду опредѣленныхъ приготовленій знаменитаго брестскаго ген. Гоффмана къ занятію Петрограда многимъ сулила шансы на успѣхъ, однако, отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть. Б. царскій премьеръ Треповъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ и тамъ все разболталъ, а тѣмъ временемъ дѣла у германцевъ на западномъ фронтѣ кончились катастрофой, и имъ пришлось отказать уже отъ новыхъ россійскихъ экспериментовъ.

Въ Финляндіи эта затѣя не оставила сколько нибудь замѣтныхъ слѣдовъ, кромѣ, кажется, воспоминанія о 500 000 марокъ, которыя были отпущены финляндскимъ правительствомъ Трепову «на надобности русскаго Комитета». Но связь отдѣльныхъ представителей обрисованной здѣсь группы лично съ Треповымъ или съ его политическими тенденціями сохранилась.

Одинъ изъ нихъ, нѣкій гр. А. Буксгевденъ, бывшій одно время правой рукой Юденича и ближайшимъ, хотя и не гласнымъ его совѣтникомъ, рассказывалъ мнѣ подробно, для иллюстраціи своихъ «заслугъ» передъ Россіей, что именно на него нѣсколькими мѣсяцами раньше, т.-е. ранней осенью 1918 г., выпала честь съѣздить «по опредѣленному мандату» въ главную квартиру ген. Гоффмана, что тамъ совмѣстно съ брестскимъ герсемъ были разработаны детали занятія Петрограда германскими дивизіями и насажденія новаго «всероссійскаго» правительства.

Почтенный графъ клялся при этомъ и билъ себя въ грудь, что онъ «германофиломъ» никогда не былъ, что онъ и его друзья хотѣли только использовать германскіе штыки для водворенія порядка на Руси и устраненія большевиковъ. При этомъ предполагая, что разъ я сотрудничая въ англійскихъ изданіяхъ, то я обязательно «англофиль» и «германофобъ» — онъ то и дѣло оговаривалъ другихъ дѣятелей своей группы — помню, главнымъ образомъ, кн. Волконскаго, б. тов. предсѣдателя Г. Думы, который, по его словамъ, являлся настоящей «гидрой» германофильскихъ теченій...

Впослѣдствіи, дѣйствительно, кн. Волконскому пришлось покинуть гельсингфорскую политическую арену; нѣмцы были повержены въ прахъ, кругомъ вѣялъ антантестскій духъ, даже стойкіе до упрямства финны должны были, по крайней мѣрѣ для виѣшняго вида прикинуться антанто-филами — иначе нельзя было получить продовольствія изъ Америки — и кн. Волконскій, не поладившій съ Юденичемъ и новыми людьми, которые его стали окружать (А. В. Карташевъ, Кузьминъ-Караваевъ и др.) уѣхалъ, не то въ Копенгагенъ, не то въ Берлинъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, однако, когда и я уже успѣлъ распрощаться съ Гельсингфорсомъ и перенесъ свою дѣятельность на южный берегъ Финскаго залива, въ Ревель — имя кн. Волконскаго снова какъ-то всплыло на поверхность.

Это было въ дни «бермонтовщины», послѣ внезапнаго удара знаменитаго Авалова-Бермонта на Ригу. Въ европейской печати пронесся слухъ, что видное мѣсто среди членовъ образованнаго Аваловымъ-Бермонтомъ «всероссійскаго національнаго совѣта» съ функціями правительства находится и бывший тов. предсѣдателя Г. Думы 4-го созыва, кн. Волконскій. Это казалось весьма правдоподобнымъ, и я ни минуты не задумался дать мѣсто этому сообщенію на столбцахъ «Свободы Россіи», которую я тогда редак-

тировали, поддерживая демократическую декларацию сѣв.-зап. правительства. Но велико было мое удивленіе, когда недѣли черезъ двѣ — это совпало съ напряженнѣйшимъ моментомъ наступленія на Петроградъ — С. Г. Лянозовъ, глава сѣв.-зап. правительства, сталъ рассказывать мнѣ о письмѣ, полученномъ имъ изъ Копенгагена отъ кн. Волконскаго, въ которомъ тотъ просилъ «заставить Кирдецова» опровергнуть напечатанное имъ въ его газетѣ сообщеніе...

Я и теперь не знаю, какія именно мѣры воздѣйствія имѣлъ въ виду вельможный князь — цензурныя или инныя. Я редактировалъ «Свободу Россіи» на территоріи Эстоніи, цензурѣ, слѣдовательно, не подвергался, а сѣв.-зап. правительство я поддерживалъ въ своихъ статьяхъ лишь постолько, поскольку оно реально творило возвыщенные имъ въ своей деклараціи подлинно демократическіе принципы. Но — каюсь — я былъ тогда настолько наивенъ, чтобы вѣрить, что послѣдніе нѣсколько лѣтъ русской жизни не прошли безслѣдно и для политическихъ дѣятелей типа кн. Волконскаго.

Однако, горбатаго, дѣйствительно, только могила исправить...

* * *

Впрочемъ, мнѣ припоминается изъ моей редакторской практики той эпохи другой инцидентъ, когда на меня пытались воздѣйствовать «серьезными мѣрами» не только отечественные любители старины, но и чужіе, наши англійскіе друзья и доброжелатели.

Это было незадолго до моего переѣзда изъ Гельсингфорса въ Ревель и образованія сѣв.-зап. правительства. Я состоялъ тогда редакторомъ «Отдѣла агитаціи и печати», Политическаго Совѣщанія при Главнокомандующемъ и работалъ въ тѣсномъ кон-

тактъ съ А. В. Карташевымъ. Однажды, когда общенныя англичанами и долгожданнныя транспорты съ оружіемъ для сѣв.-зап. арміи все запаздывали, между тѣмъ какъ транспорты съ оружіемъ и обмундированіемъ для эстонцевъ приходили аккуратно, вслѣдствіе чего русское общественное мнѣніе стало замѣтно волноваться — я въ частномъ разговорѣ сказалъ кому-то правду. Я рассказалъ то, что мнѣ доподлинно извѣстно было, а именно, что съ однимъ изъ большихъ англійскихъ транспортовъ, шедшимъ въ Ревель, въ Сѣверномъ морѣ случилось несчастье. что онъ былъ вынужденъ вернуться въ исходный портъ, гдѣ кладъ теперь и перегружается на другой транспортъ.

Но въ томъ состояніи моральнаго разложенія, въ которомъ пребывала тогда русская колонія въ Гельсингфорсѣ, при той сѣти сыска и наблюденія, которой агенты Антанты опутывали тогда все русское, меня не удивило, что на другой-же день послѣ этого разговора англійскій генераль Маршъ, начальникъ военной миссіи въ Балтикѣ, стяжавшій себѣ впослѣдствіи большую славу при образованіи сѣв.-зап. правительства, какъ бомба ворвался къ Юденичу и сталъ требовать моего «устраненія». Онъ указывалъ, что совершенно недопустимо, чтобы лицо, занимающее такой отвѣтственный постъ, распространяло «вздорные» (!) слухи о томъ, какъ Англія помогаетъ своимъ союзникамъ и въ концѣ пригрозилъ, что когда Петроградъ будетъ взятъ, онъ, ген. Маршъ, меня туда не пуститъ.

Судьба, однако, захотѣла, чтобы это «не-вмѣшательство» англійскаго генерала не получило осуществленія. Юденичъ, правда, оробѣлъ: А. В. Карташевъ тоже былъ смущенъ, но мнѣ все таки безъ особыхъ трудовъ удалось убѣдить обоихъ, что наглýmъ домогательствамъ долженъ быть данъ отпоръ рѣшительный и немедленный, — иначе англичане и впрямь на голову намъ сядутъ скоро. Черезъ нѣ-

сколько мѣсяцевъ храбрый генераль, какъ извѣстно, былъ отозванъ изъ Балтики, такъ какъ его диктаторскія замашки, обнаружившіяся съ такой яркостью при образованіи сѣв.-зап. правительства, не пришлись по вкусу даже Верховному Совѣту въ Парижѣ, а я остался въ Ревелѣ. Тамъ другіе англичане, знатные и скромные, еще долго продолжали ходить ко мнѣ въ редакцію «Свободы Россіи» и предлагать «случайныя», полученныя ими изъ Лондона, корреспонденціи, разумѣется, опредѣленнаго характера, но это уже были только просители.

Этотъ эпизодъ, надѣюсь, послужитъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ и для кн. Волконскаго.

* * *

Люди его общественнаго вѣса играли первенствующую роль въ описываемой здѣсь третьей группировкѣ русскихъ эмигрантовъ въ Финляндіи; они опредѣляли ея «политику» въ отношеніи молодой республики, а равно и по отношенію къ союзникамъ и вчерашнему противнику — Германіи. Но ихъ было мало, такъ какъ во второй половинѣ 1918 г. тяга буржуазно-аристократическихъ элементовъ изъ Петрограда и Москвы направлялась преимущественно на югъ Россіи — въ Украину къ Скоропадскому; въ Финляндію-же спасались отдѣльные представители финансоваго міра и крупной промышленности, которые «на всякій случай» считали удобнѣе держаться поближе къ Петрограду или располагали имѣніями за Бѣлоостровымъ, отдѣльные сановники и вельможи, имѣвшіе отдаленную связь — родовую или идейную — съ германскими военными и гражданскими администраторами въ Финляндіи.

Эта социальная особенность гельсингфорской эмиграціи и наложила свою печать на всю ея дальнѣйшую политику. Профессіоналовъ-политиковъ

лѣвѣе, скажемъ, к.-д. тамъ не было вовсе; литераторы-публицисты не пользовались «благоволѣніемъ», да они почти отсутствовали. К. А. Арабажина, который когда-то былъ дѣятельнымъ основателемъ украинской соціалъ-демократіи, держали въ черномъ тѣлѣ за «вредное направленіе» газеты «Русскій Листокъ», которую онъ издавалъ въ Гельсингфорсѣ во время владычества большевиковъ; Е. Ляцкого не любили за «лѣвое интригантство»; Юрданскій жилъ у себя на дачѣ гдѣ-то около Бѣло-Острова и въ гельсингфорскую «политику» не вмѣшивался; Л. Н. Андреевъ въ Гельсингфорсѣ вовсе не показывался, а доживалъ свои послѣдніе мѣсяцы въ Тюрисево въ скромномъ домѣ однофамильца Андреева, почти безъ средствъ къ существованію, безъ книгъ, которыя остались у него въ Петроградѣ въ его домѣ на Марсовомъ полѣ, больной, раздражительный, умиравшій отъ бессонницы и головныхъ болей.

Пріѣхалъ было въ Гельсингфорсѣ (въ началѣ января того-же 1919 г.) и П. Б. Струве; но, какъ членъ Правленія Національнаго Центра, онъ спѣшилъ на «большую» арену, гдѣ рѣшались тогда, какъ казалось, судьбы Россіи — въ Парижѣ, на мирную конференцію или, точнѣе, на обще-россійское политическое совѣщаніе, которое тогда образовывалось на берегахъ Сены. Онъ оставилъ въ Гельсингфорсѣ своего товарища по Національному Центру, бывшаго одно время министромъ вѣроисповѣданій при Керенскомъ, А. В. Карташева: на его-то рыхлыя богословскія плечи и взвалена была отнынѣ тяжелая задача вести «подъ-петроградскую» политику — военную и дипломатическую.

Впослѣдствіи, мѣсяца черезъ два-три, въ Гельсингфорсѣ перебравшись также В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и редакторъ «Рѣчи» І. В. Гессенъ. Однако, и тотъ и другой, сами представители буржуазнаго либерализма, не могли измѣнить создавшейся обста-

новки. Старый либераль изъ генераловъ, напротивъ, сдѣлался фасадомъ для Юденича, вступивъ скоро членомъ въ Политическое Совѣщаніе при Главнокомандующемъ, гдѣ и оставался, сочиняя какіе-то таинственные проекты по снабженію Петрограда продовольствіемъ изъ американскихъ складовъ по «новымъ» невиданнымъ дотолѣ карточкамъ, вплоть до образованія въ Ревелѣ сѣв.-зап. правительства. Но тогда знаменитый ген. Маршъ вдругъ почему-то его забраковалъ, заявивъ ему чуть-ли не на порогѣ комнаты, гдѣ должно было состояться предварительное совѣщаніе, что онъ, Маршъ, «былъ лишень удовольствія пригласить» его на совѣщаніе, но разъ онъ уже явился, то — «милости просимъ»...

Гессена-же, какъ человекъ «съ тяжелымъ характеромъ» будущій диктаторъ, Юденичъ, не возлюбилъ съ первой-же встрѣчи — и хотя Гессенъ и продолжалъ къ нему ходить въ *Societetshuset* и давать совѣты по дѣлу о спасеніи Россіи, но въ Политическое Совѣщаніе Юденичъ его не пускалъ, можетъ быть еще и потому, что «еврейское происхожденіе редактора «Рѣчи» не внушало диктатурѣ гарантій благонадежности. Такъ Гессенъ и перешелъ въ оппозицію его величества вмѣстѣ съ Е. И. Кедринимъ, оставшимся и въ тяжелыя эмигрантскія времена честнымъ, самоотверженнымъ, но — увы — вѣрующимъ и панвнымъ служителемъ «виѣкклассовому» общественному дѣлу, какимъ онъ считалъ себя и въ юные свои годы.

Несмотря на то, что сначала въ Гельсингфорсѣ, а затѣмъ на южномъ берегу залива — въ Ревелѣ, когда онъ уже былъ министромъ юстиціи въ сѣв.-зап. правительствѣ, мы стояли съ нимъ на различныхъ платформахъ и наши споры были нескончаемы — я сохранилъ о покойномъ Е. И. лучшія воспоминанія, какъ о самой чистой фигурѣ на фонѣ тамошней общественности. Но Е. И. Кедринъ былъ необыкновенно наивенъ и вѣрилъ — вѣрилъ всѣмъ

и каждому. Напримѣръ, въ бытность свою министромъ юстиціи сѣв.-зап. правительства, за что, кстати, Національный Центръ, членомъ котораго онъ состоялъ, предалъ его анафемѣ, генералы и гражданскіе администраторы въ освобожденныхъ отъ большевиковъ районахъ творили гнуснѣйшія дѣла по части «правосудія». Они держали въ тюрьмахъ сотни людей — женщинъ и стариковъ, по одному подозрѣнію въ сочувствіи большевизму, предавали ихъ, на основаніи военнаго положенія, безапелляціонному полевому суду, въ то время какъ самое циничное казнокрадство, лихоимство и взяточничество были въ большемъ фаворѣ и, конечно, не карались, потому что не кому было карать. Е. И. Кедринъ волновался, стучался въ двери къ Юденичу, къ его помощнику въ качествѣ военнаго министра ген. Кондыреву и другимъ сильнымъ міра сего, къ начальникамъ многочисленныхъ штабовъ (при арміи въ 72 тысячи ѣдоковъ и... 25 тысячахъ штыковъ!) и столь-же многочисленнымъ «главноуправляющимъ», но терпѣлъ неудачу за неудачей и страдалъ.

Помню одинъ такой случай.

Въ Нарвѣ, въ разгарѣ наступленія сѣв.-зап. арміи на Петроградъ или вскорѣ послѣ ея пораженія, въ русскую военную тюрьму былъ посаженъ по подозрѣнію въ сочувствіи большевизму нѣкій Садыкеръ, маленькій петроградскій журналистъ, кажется, сотрудникъ «Дня», служившій до того добровольцемъ въ автомобильной ротѣ въ Ямбургѣ. Дѣло было пустяшное, никакихъ уликъ не было въ рукахъ военной прокуратуры, все обвиненіе покоилось на какомъ-то доносѣ, исходившемъ изъ Финляндіи, гдѣ арестованный раньше жилъ. Тѣмъ не менѣе военныя власти, продержавъ его нѣкоторое время въ одиночномъ заключеніи, передали его военно-полевому суду, который, какъ правило, оправдательныхъ приговоровъ не выносилъ. Случайно объ

этомъ дѣлѣ узнали мои сотрудники по «Свободѣ Россіи», которые и обратили на него вниманіе, конечно, министра юстиціи Е. И. Кедрина. Тотъ горячо принялся за дѣло, послалъ рядъ срочныхъ депешъ военному прокурору, начальнику штаба и чуть-ли не «самоу» Юденичу съ требованіемъ препроводить ему, какъ министру юстиціи, весь обвинительный матеріалъ. Е. И. сильно волновался, онъ зналъ, что въ такихъ случаяхъ военныя власти любятъ ставить его передъ совершившимися фактами. И его предчувствіе оправдалось. Дѣлыхъ три дня онъ ни отъ кого не получалъ отвѣта, несмотря на то, что телеграфъ дѣйствовалъ вполне исправно, такъ какъ сѣв.-зап. армія располагала собственнымъ проводомъ между Нарвой и Ревелемъ, не говоря уже о телефонномъ сообщеніи и фельд-егеряхъ и курьерахъ, которые зачастую катались въ поѣздахъ между Ревелемъ и Нарвой исключительно для доставки «подарковъ» генеральскимъ женамъ. На четвертыя сутки, наконецъ, Е. И. Кедринъ получаетъ отвѣтную телеграмму съ извѣщеніемъ, что его, министра юстиціи, депеша пришла съ большимъ опозданіемъ — смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе...

Такихъ «инцидентовъ» въ практикѣ военного правосудія на сѣв.-зап. фронтѣ было много. Въ концѣ концовъ Е. И. Кедринъ не вытерпѣлъ и еще до полной ликвидаціи правительства уѣхалъ въ Парижъ, совершивъ при этомъ непростительную ошибку тѣмъ, что въ послѣднюю минуту далъ себя уговорить сохранить за собой званіе «министра» сѣв.-зап. области... на берегахъ Сены.

Но въ Гельсингфорсѣ, какъ мы уже указывали, Е. И. Кедринъ долго поддерживалъ оппозицію І. В. Гессена противъ Юденича. Но это была скорѣе «оппозиція его величества» или просто фронда, потому что зачастую она питалась преимущественно частными мотивами.

Гельсингфорсъ вообще былъ бѣденъ людьми — особенно демократическими элементами—и поэтому уже на выборгскомъ съѣздѣ, состоявшемся 14-го января 1919 г., т.-е. мѣсяца черезъ два послѣ провала треповской затѣи, верхъ взяла крупная буржуазія, такъ называемая торгово-промышленная группа. Это не былъ съѣздъ по выборамъ съ участіемъ всѣхъ группировокъ русскаго населенія въ Финляндіи, а своего рода «чашка чая» по приглашенію. Формально рѣчь шла объ избраніи обще-русскаго комитета въ Финляндіи, которому финляндское правительство готово было присвоить права оффиціального представительства и консульскія функціи. Въ дѣйствительности-же инициаторы и участники съѣзда имѣли въ виду образованіе чисто политическаго органа для осуществленія предстоящихъ общерусскихъ задачъ. Само собою понятно, что, въ виду измѣнившейся общеміровой обстановки — капитуляціи Германіи — съѣздъ поспѣшилъ вы-явить свое лицо и въ международномъ отношеніи; торгово-промышленная группа, взявшая верхъ, окрасяла себя немедленно въ антантофильскій цвѣтъ — предстояло, вѣдь, вести большую политику... Былъ выбранъ комитетъ — любители громкихъ фразъ называли его «національнымъ совѣтомъ» — во главѣ съ б. министромъ Временнаго Правительства А. В. Карташевымъ. Товарищами его были выбраны кн. Волконскій, о которомъ мы выше уже упомянули, и, если память мнѣ не измѣняетъ — извѣстный петроградскій крупный промышленникъ, директоръ резиновой мануфактуры «Треугольникъ», Уtemanъ. Комитетъ подраздѣлялся на многочисленные подъ-отдѣлы и комиссіи, которые съ консульскими функціями, разумѣется, ничего общаго не имѣли, оставаясь поэтому на положеніи учреждений «нелегальныхъ».

Рѣшающая роль принадлежала здѣсь, несомнѣнно, А. В. Карташеву; она за нимъ и осталась вплоть

до переѣзда Юденича на южный берегъ залива (августъ 1919 г.); кн. Волконскій, какъ бывший тов. министра вн. дѣлъ царской эпохи, былъ неудобенъ. Кромѣ того за нимъ числились германофильскіе грѣхи. Утеманъ же, какъ крупный промышленникъ, мало что понималъ въ той «большой политикѣ», которую предстояло дѣлать. Что-же касается остальныхъ членовъ комитета, то это были преимущественно рядовые крупные промышленники вроде, напримѣръ, Ф. А. Добрынина, предсѣдателя Правленія Страхового Общества «Россія», или средніе представители либеральныхъ профессій, какъ, напримѣръ, прис. пов. б. членъ Г. Думы Шефтель.

Нѣсколько болѣе вышуклое положеніе занималъ здѣсь С. Г. Лянозовъ, которому черезъ нѣсколько мѣсяцевъ суждено было стать главою сѣв. зап. правительства и политически вести армію къ воротамъ Петрограда. Это былъ относительно еще молодой человекъ съ хорошимъ образованіемъ, осторожный, вдумчивый, который умѣлъ, когда надо, хорошо говорить, но еще лучше слушать. Крупный промышленникъ, владѣлецъ многихъ милліоновъ въ Россіи и за границей, онъ, однако, отлично разбирался въ томъ, что «то что было — было», что возврата къ старому нѣтъ и быть не можетъ, что если въ результатѣ европейской войны міръ вступилъ на путь широкихъ социальныхъ реформъ, которымъ суждено видоизмѣнить нашъ общественный строй, то этого не избѣгнуть и Россіи, раньше другихъ продѣлывающей опытъ социальной революціи, что династія Романовыхъ безповоротно кончена, что спасеніе Россіи идетъ только черезъ подлинно демократическое Учредительное Собраніе безъ диктатуръ, что земля останется у крестьянъ безъ всякихъ выкуповъ явныхъ или замаскированныхъ.

На эти темы мнѣ впоследствии зачастую приходилось говорить съ Лянозовымъ и — признаюсь — я встрѣчалъ у него полное пониманіе духа времени

въ значительно большей степени. чѣмъ, напримѣръ у А. В. Карташева, профессора и ученаго, состоявшаго одно время министромъ въ социалистическомъ правительствѣ А. Ф. Керенскаго. И вздорно, конечно, утверждать, какъ это сдѣлалъ черезъ годъ послѣ описанныхъ здѣсь событій въ личной бесѣдѣ со мной въ Прагѣ, осторожный въ общемъ, вождь правыхъ с.-р. О. С. Мипоръ, что англичане, молъ «назначили» Лянозова главой сѣв.-зап. правительства только потому, что тотъ запродавъ имъ въ Баку свои нефтяныя копи и вообще способствовалъ упроченію ихъ тамошней позиціи. Я тоже не стоялъ и не стою на одной политической платформѣ съ С. Г. Лянозовымъ, мы — политическіе противники, но мнѣ претитъ заподозривать всегда противника въ корысти и объяснять его дѣйствія не только классовыми и классово-психологическими мотивами, но также и обязательно серебренничествомъ.

Это — недостойно серьезной политической борьбы.

Когда я коснусь непосредственно ревельскихъ событій, приведшихъ къ крушенію петроградской загѣи, я покажу, что С. Г. Лянозовъ, какъ и остальные члены сѣв. зап. правительства, въ отдѣльности и въ цѣломъ, дѣлали одну за другой, непростительныя ошибки, что они постоянно капитулировали передъ генералами, въ частности, передъ Юденичемъ, покрывали безъ нужды его грѣхи, что ихъ демократическія деклараціи, за которыя Колчакъ и его парижское представительство ихъ не признавали, оставались все время мертвыми буквами, потому что Юденичъ, какъ военный министръ, одной рукой ихъ подписывалъ, а другой, какъ Главнокомандующій, ихъ отмѣнялъ — на фронтѣ и въ оккупированныхъ мѣстностяхъ, а они, министры, не находили въ себѣ смѣлости противодѣйствовать ему и его помощникамъ, опасаясь провала «всего дѣла».

Все это вѣрно и за все это тѣ нѣсколько чело-
вѣкъ, которые непосредственно участвовали въ сѣв.-
зап. правительствѣ, а равно и тѣ, кто поддерживалъ
ихъ перомъ и словомъ, несомнѣнно, будутъ отвѣчать
передъ судомъ исторіи. Но у меня очевидца и
участника всѣхъ этихъ событій, знавшаго всѣхъ и
каждаго въ лицо, непосредственно съ нимъ общав-
шагося — у меня никогда не хватитъ ни смѣлости,
ни злой воли сказать, что это были «серебренники».

Въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась тог-
да Россія, въ той плоскости, въ которой тогда стоялъ
и рѣшался вопросъ о способахъ борьбы съ больше-
виками — средніе люди, призванные по мѣстнымъ
условіямъ дѣлать политику, не могли, пожалуй, не
дѣлать промаховъ.

У меня въ портфель сохранилось нѣсколько теле-
граммъ отъ Бурцева изъ Парижа, относящихся къ
періоду образованія сѣв.-зап. правительства, (авг.
1919 г.), съ просьбой изложить ему мое личное мнѣ-
ніе о правительствѣ и о ревельскихъ событіяхъ во-
обще. Бурцевъ, котораго я съ тѣхъ поръ больше не
видалъ, находился, очевидно, въ затруднительномъ
положеніи, не зная на разстояніе какъ ему относить-
ся на столбцахъ «Общаго Дѣла» къ сѣв. зап. пра-
вительству. Съ одной стороны, Колчакъ его не при-
знаетъ, парижскіе его представители съ С. Д. Сазо-
новымъ во главѣ говорятъ, что они знаютъ только
Юденича, потому что тотъ назначенъ Главнокоман-
дующимъ сѣв. зап. фронта не самочинно, а «декре-
томъ Верхняго Правителя». Но тотъ же Юденичъ
въ качествѣ военнаго министра засѣдаетъ въ сѣв.
зап. правительствѣ, которое — страшно вымолвить
— подписало актъ о признаніи независимости Эсто-
ніи да еще съ обязательствомъ хлопотать у союз-
никовъ о признаніи этого акта, чего онъ, Бурцевъ,
какъ защитникъ идеи о «единой недѣлимой», до-
пустить не можетъ...

Я отвѣтилъ В. Л. Бурцеву пространно и обстоятельно, при чемъ основная моя мысль сводилась къ тому, что образованіе сѣв. зап. правительства въ томъ видѣ, какъ оно послѣдовало т. е. со всѣми его актами международного характера и съ его подлинно демократическими деклараціями, шедшими, правда вразрѣзъ съ умѣренно-либеральными обязательствами Колчака, было продиктовано всей совокупностью мѣстныхъ условій — военныхъ, гражданскихъ и международныхъ, если, конечно, мы принципиально продолжаемъ стоять на почвѣ необходимости и цѣлесообразности вооруженной борьбы съ большевиками.

Послѣ этихъ моихъ объясненій В. Л. Бурцевъ поддерживалъ хотя и сугубо сдержанно сѣв.-зап. правительство вплоть до окончательнаго краха всего дѣла; то-же самое — помнится — дѣлали и Звѣздичъ на столбцахъ его швейцарскихъ «Откликовъ» и берлинскій «Голосъ Россіи», тогда какъ опредѣленно колчаковская печать относилась къ сѣв.-зап. «затѣѣ» явно отрицательно и не щадила красокъ, чтобы клеймить ее самозванствомъ, отступничествомъ и радикализмомъ.

Но вернемся къ Гельсингфорсу.

Первенствующую роль игралъ тамъ Карташевъ. Оттого-ли, что торгово-промышленной группѣ просто пріятно было имѣть своимъ главою профессора, ученаго и министра Временнаго Правительства, или просто потому, что другихъ людей съ именемъ подъ рукой не было — бразды правленія перешли цѣлкомъ къ А. В. Карташеву, члену правленія Національнаго Центра, защитнику «единой и недѣлимой». Курсъ въ международной политикѣ будетъ взятъ вѣрный, потому что другіе члены Національнаго Центра находятся въ «самомъ» Парижѣ, а еще другіе — въ Москвѣ и на югѣ; фронтъ можетъ быть созданъ безъ особенныхъ затрудненій (въ сущности, онъ уже созданъ: подъ Нарвой

идутъ бои, англійскій флотъ уже вошелъ въ Финскій заливъ); что-же касается диктатора, Главномандующаго, то онъ также налицо — Юденичъ...

У меня, къ сожалѣнiю, при постоянныхъ моихъ переѣздахъ изъ Ревеля въ Гельсингфорсъ и обратно (на шаландахъ, ледоколахъ и даже на аэропланахъ) затерялась часть моихъ записокъ, относящихся къ описываемому здѣсь періоду; многое мнѣ придется поэтому возстановлявать по памяти. И если только она мнѣ не измѣняетъ, то мнѣ кажется, что весь январь и февраль 1919 г. были ухлопаны группой, возглавляемой А. В. Карташевымъ и отождествлявшей себя съ «Национальнымъ Совѣтомъ» исключительно на организацию бюрократической стороны дѣла. А между тѣмъ моментъ въ военномъ и политическомъ отношенiяхъ былъ необыкновенно напряженный, почти рѣшающій для дальнѣйшаго развитiя событiй на обонхъ берегахъ Финскаго залива. Работу надо было вести на двухъ фронтахъ — на политически-международномъ въ Гельсингфорсѣ и на военномъ — въ Ревелѣ.

Глава III.

Независимая Финляндія.

Въ Гельсингфорсѣ въ ту пору общественная атмосфера была крайне неблагопріятна для дѣятельности русскихъ бѣлыхъ организацій. Русскихъ ненавидѣли, Россію какъ цѣлое, презирали — открыто и безъ прикрасъ, глубоко и безъ лицемерія.

Съ этимъ чувствомъ вы переходили финляндскую границу, когда таможенный чиновникъ или полицейскій офицеръ, точно въ дополненіе къ установленнымъ закономъ нормамъ, примѣняли къ вамъ, русскому, тысячи лишнихъ придирокъ, имѣвшихъ порою характеръ явнаго издѣвательства; это чувство не покидало васъ, когда вы уѣзжали изъ страны. Вы уносили съ собою въ Европу багажъ тяжелыхъ воспоминаній, который давилъ на вашу совѣсть, вашу разсудокъ и логику и, такимъ образомъ, лишалъ васъ возможности видѣть лѣсъ среди деревьевъ.

Финляндскія буржуазныя партіи, за рѣдкими индивидуальными исключеніями, интеллигенція, какъ цѣлое (финская и шведская), бюрократическая и военная среда — всѣ эти элементы сдѣлали изъ ненависти къ русскому особый культъ; ему поклонялись, его развивали, и не было, казалось, жертвы, которая считалась бы недостойной его. Вслѣдствіе этого, русскіе числомъ отъ 15-ти до

20-ти тысячъ человекъ и жили тогда въ странѣ на положеніи паріевъ подъ тяжелымъ административнымъ контролемъ, стѣсненные въ «правожителъствѣ» и въ свободѣ передвиженія, терпя также и острую продовольственную нужду, далеко не всегда оправдывавшуюся общимъ продовольственнымъ кризисомъ въ странѣ.

И тѣмъ не менѣе, провѣряя теперь черезъ фильтръ послѣдовавшихъ затѣмъ событій свои тогдашнія ощущенія, я скажу, что эта ненависть финляндцевъ ко всему русскому не была простымъ выраженіемъ того, что принято нынѣ называть зоологическимъ націонализмомъ новыхъ государственныхъ образованій. Элементъ мести за старыя обиды и оскорбленія — за Бобрикова и Зейна, — несомнѣнно, былъ тутъ налицо, но къ нему примѣшивалось и глубокое чувство страха за завтрашній день.

Независимость Финляндіи была провозглашена вскорѣ послѣ октябрьской революціи, между тѣмъ, какъ до того «самое демократическое изъ всѣхъ демократическихъ правительствъ въ мірѣ» — правительство Керенскаго — этой хартіи вольностей финляндцамъ не давало.

Вспомните только, какъ А. Ф. Керенскій на митингѣ матросовъ и солдатъ въ Гельсингфорсѣ у памятника Александра II-го предостерегалъ финляндцевъ отъ «поспѣшныхъ и необдуманныхъ шаговъ».

Вспомните, какъ сдержанно финляндское общественное мнѣніе стало относиться послѣ этого къ новому демократическому генераль-губернатору Стаховичу и какъ постепенно, подъ вліяніемъ печальныхъ вѣстей изъ Россіи, у нихъ гасла вѣра въ возможность дѣйствительнаго перерожденія Россіи.

Когда Ленинъ возсѣлъ на російскій престолъ, а Троцкій въ Брестъ-Литовскѣ готовился скрѣпить

своей подписью декларацію о самоопредѣленіи національностей со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями — Свинхувудъ, какъ тяжело это ему ни было — не задумался постучаться лично въ Смольный за полученіемъ отпускного свидѣтельства. Онъ и его единомышленники, подавляющее большинство финляндской буржуазіи и интеллигенціи, отлично разбирались, что эта бумажка рѣшительно ничего не стоитъ какъ международно-правовое обязательство, что она во всякомъ случаѣ еще будетъ нуждаться въ ратификаціи завтрашней Россіи. Но они разсуждали при этомъ такъ:

— Намъ нѣтъ дѣла до того, кто въ Россіи сейчасъ правитъ — царь, Керенскій или Ленинъ. Наша связь съ Россіей фактически порвана съ того момента, какъ въ Россіи монархія упразднена, потому что, по точному смыслу фридрихгамскаго мира, между Финляндіей и Россіей существовала лишь унія въ лицѣ царя, великаго князя финляндскаго. Царя нѣтъ — нѣтъ также и уніи. Но, по соображеніямъ тактическимъ, мы все таки желали бы получить расписку въ томъ и отъ нынѣшняго русскаго правительства; она облегчитъ нашу работу въ международно-правовомъ отношеніи въ смыслѣ скорѣйшаго признанія Финляндіи полномочнымъ субъектомъ международнаго права и расчиститъ путь для добрососѣдскаго экономическаго соглашенія съ Россіей...

Далѣе мы покажемъ, что сдѣлали впоследствии изъ этихъ декларацій С. Д. Сазоновъ и его единомышленники, какіе аргументы они противопоставляли финляндцамъ, когда тѣ требовали, чтобы, по крайней мѣрѣ, Колчакъ призналъ безъ оговорокъ ихъ независимость, и какъ византійская аргументація Сазонова и Милюкова пагубно вліяла на дальнѣйшій ходъ событій въ Финскомъ заливѣ.

Но каковы бы ни были возможности различнаго толкованія фридрихгамскаго мира — одно было

ясно: нельзя опираться на него какъ на гранитную скалу для сего дняшняго рѣшенія вопроса о судьбѣ Финляндіи: нельзя—ни финляндцамъ, ни русскимъ.

Старыя нормы международнаго права болѣе не существуютъ; война все опрокинула; міръ стоитъ передъ новыми фактами, которые въ послѣдствіи новые Мартенсы и Листы, конечно, не замедлятъ вылить въ новыя нормы права. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, принять безъ оговорокъ такіе акты и соглашенія, которые въ свое время вытекали, скажемъ, изъ блаженной памяти принципа «легитимности».

Старый принципъ международнаго права, по которому занятіе территоріи непріателемъ не даетъ ему юридическаго титула на владѣніе ею, надо расширить въ томъ смыслѣ, что владѣніе территоріей (т.-е. долгосрочное занятіе), вытекавшее изъ завоеванія или изъ династической купли и продажи, не даетъ владѣльцу юридическаго титула на дальнѣйшее безсрочное владѣніе, если населеніе того не желаетъ. Это — яснѣе яснаго для всякаго, кто только не желаетъ пользоваться демократическими принципами какъ фиговымъ листкомъ для сокрытія своей легитимистической наготы.

Для финляндцевъ тоже было неудобно опираться исключительно на фридрихгамскій міръ, потому что изъ точной буквы его текста нельзя выводить абсолютнаго права Финляндіи на полное отдѣленіе отъ Россіи безъ всякаго предварительнаго сговора съ ней; надо было смотрѣть исключительно на дѣйствительность сего дняшняго дня и постараться скрѣпить ее принципами той новой Европы, которая въ мукахъ родилась отъ міровой войны. Въмѣсто этого, однако, финляндцы, какъ и русскіе типа Милюковъ и Сазоновъ, уперлись въ букву. Финляндцы и въ послѣдствіи, на юрьевской мирной конференціи съ большевиками (августъ—сентябрь

1920 г.) не могли отречься отъ своихъ основныхъ ошибокъ. Свои притязанія на Печенгу, на примѣръ, они стали обосновывать тамъ царскими обѣщаніями; но даже кремлевскимъ дипломатамъ не стоило особыхъ трудовъ отвѣтить иронически, что если финляндцы считаютъ обѣщанія и акты царей «священными», то могутъ, вѣдь, найтись и такія, которыя будутъ говорить въ ущербъ интересамъ Финляндіи.

Большевики, очевидно, намекали при этомъ на Выборгскую губернію, которая, какъ извѣстно, царскими указами была выкроена изъ территоріи Россіи и присоединена къ великому княжеству финляндскому. Пассекиви — вождь финской делегаціи понялъ намекъ и уже больше къ своей аргументаціи не возвращался, предоставивъ своимъ коллегамъ социаль-демократамъ, членамъ сейма, убѣдить большевистскую делегацію въ томъ, что Печенга нужна по соображеніямъ экономическимъ не финской буржуазіи, а пролетаріямъ сѣверныхъ областей Финляндіи, не имѣющимъ выхода къ Ледовитому океану. Это подѣйствовало — *la noblesse oblige*.

Москва уступила....

Черезъ нѣкоторое время эту же ошибку финляндцы повторили и въ своемъ спорѣ съ Швеціей по вопросу объ Аландскихъ островахъ — они отвергли принципъ самоопредѣленія и стали смотрѣть на этотъ вопросъ какъ на внутреннее дѣло Финляндіи. Однако, рядомъ съ этимъ они продолжали настаивать на примѣненіи принципа самоопредѣленія... къ Восточной Кареліи, которая въ рукахъ большевиковъ плохо лежала. Получилась политическая каша въ головахъ у самихъ финляндцевъ: старые международные акты дѣйствительны и недѣйствительны, принципъ самоопредѣленія обязательенъ и необязателенъ...

Но это происходило отъ отсутствія опыта у государственныхъ людей Финляндіи въ международныхъ дѣлахъ, отъ задорности и чрезмѣрной прямолинейности молодой дипломатіи — черты, которыми отличаются всѣ новѣйшія государственныя образованія въ Европѣ. Кромѣ того, съ легкой руки Ллойда Джорджа и Клемансо политика «совершившихся фактовъ» стала здѣсь обыденнымъ явленіемъ независимо отъ того, оправдываются-ли они «священными» лозунгами побѣдителей, во имя которыхъ десятки милліоновъ людей оросили своею кровью поля сраженія въ Европѣ, Азіи и Африкѣ.

Я наблюдалъ такую политику совершившихся фактовъ въ маленькомъ почти микроскопическомъ масштабѣ на первыхъ-же порахъ моего пребыванія въ Гельсингфорсѣ. Тогда (январь 1919 г.) въ модѣ была тамъ идея «уніи» съ Эстоніей. Ей сочувствовали всѣ буржуазныя партіи — финскія и шведскія, печать только и жила этой темой. Финскія делегации ѣздили въ Ревель, эстонскія — въ Гельсингфорсѣ, при чемъ во главѣ движенія стояли преимущественно финскіе интеллигенты, представители либеральныхъ профессій, прошедшіе всю свою жизнь вплоть до большевистскаго переворота... въ Петербургѣ. Здѣсь-то — помнится — они и стали «лансировать» впервые свою мысль объ уніи между Финляндіей и Эстоніей еще лѣтомъ 1917 г. при правительствѣ Керенскаго. Но русская печать не обратила тогда должнаго вниманія на это движеніе, Временное Правительство — еще меньше. Въ Финляндіи-же оно нашло много горячихъ сторонниковъ.

Они говорили. Финскій и эстонскій народы находятся въ близкомъ племенномъ родствѣ, о чемъ

свидѣтельствуеть, прежде всего, языкъ. Въ экономическомъ отношеніи ихъ интересы совпадаютъ, такъ какъ они населяютъ оба берега Финскаго залива, при чемъ у одной страны есть то, чего нѣтъ у другой. Финляндія бѣдна продовольственными продуктами, но зато богата лѣсомъ, камнемъ, бумагой: Эстонія-же не имѣеть никакой промышленности, но зато имѣеть изобиліе сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, которые до сихъ поръ шли почти исключительно на удовлетвореніе петербургскаго рынка, что, въ свою очередь, ставило маленькую страну въ положеніе зависимости отъ Россіи.

Далѣе, если Россія, какъ великая держава, возродится и окрѣпнетъ, она, несомнѣнно, попытается вновь удушить порознь Финляндію и Эстонию. Предотвратить эту возможность можно только тѣмъ, что оба берега Финскаго залива въ государственно-международномъ отношеніи составятъ одно цѣлое, сохраняя каждый свою автономную самостоятельность. Въ этомъ случаѣ обѣ страны, «унипрованныя» на подобіе бывшей Австро-Венгрии (!) или какъ въ свое время Швеція и Норвегія, хотя и безъ монарховъ, получатъ и необходимыя стратегическія гарантіи — Финскій заливъ будетъ закрытъ для Россіи...

Этотъ ходъ мысленія, преимущественно-же послѣдніе (стратегическіе) доводы, преобладалъ у всѣхъ финскихъ сторонниковъ «уни»; эстонцы относились къ ней сдержаннѣе. Они, за исключеніемъ немногочисленной группы социаль-демократовъ, одержавшихъ потомъ верхъ на выборахъ въ Учредительное Собраніе, тогда вообще еще не успѣли выяснить даже для себя самихъ вопросъ о будущности Эстоніи. Говорили о «самостоятельности», о «независимости» скорѣе изъ политическаго приличія, но имѣли въ виду автономію въ предѣлахъ будущей россійской демократической государственности или федерацію съ возродив-

шейся Россіей. Слушали, однако, и финновъ, которые именно благодаря своей географической близости и родственности языка, имѣли возможность вести въ Эстоніи сильную пропаганду въ пользу независимости и полного отдѣленія отъ Россіи, а впослѣдствіи еще больше — англичанъ, которые давали оружіе и снаряженіе.

Когда-же (въ январѣ и февралѣ 1919 г.) финскіе добровольцы, при поддержкѣ финляндскаго правительства, массами стали переправляться на южный берегъ залива въ помощь немногочисленной эстонской арміи, сдерживавшей тогда натискъ большевиковъ по линіи Нарва—Юрьевъ, — эстонцы сразу прозрѣли. Не было общественной группы въ Эстоніи — отъ правыхъ-аграріевъ до социалъ-демократовъ — не было городка и селенія, которые не мечтали бы о скорѣйшемъ избавленіи отъ финской помощи, объ уходѣ бѣлыхъ финскихъ головорѣзовъ-авантюристовъ, терроризировавшихъ маленькую страну не меньше только что ушедшихъ большевиковъ.

Идея «уніи» получила непоправимый ударъ. О ней сразу какъ то перестали говорить: одна сторона, болѣе слабая (Эстонія), убѣдилась, что ей сужать просто новаго хозяина вмѣсто стараго...

Я часто навѣщалъ въ тѣ дни Ревель. Моментъ былъ крайне напряженный въ военномъ отношеніи — большевики съ большими силами то подходили къ Ревелю, то отступали, отступали порою, какъ мы видѣли, подъ давленіемъ... гимназистовъ и добровольческихъ отрядовъ, сформированныхъ изъ эстонцевъ и русскихъ. Государственность находилась въ зачаточномъ состояніи. Не было, казалось, ничего, что могло бы быть пригоднымъ для длительного веденія войны съ большевиками и для обезпеченія независимаго существованія страны. Она была голодна, неодѣта и необута — ибо за шесть мѣсяцевъ оккупации германцы успѣли вы-

вести изъ нея буквально послѣдніе остатки, между тѣмъ какъ даже по брестскому договору Германіи принадлежали въ предѣлахъ Эстляндской и Лифляндской губерній только полицейскія функціи. Обь организаціи или организованности въ административномъ и экономическомъ отношеніяхъ не могло быть и рѣчи, потому что германцы во время своей «полицейской» оккупаціи страны душили всякую самостоятельность, а когда они ушли, вслѣдъ за ними появились большевики.

Я помню — на примѣръ — что первые «министры» эстонской республики лично собирали у богатыхъ людей деньги на покупку оружія и сапогъ у уходящихъ нѣмцевъ, при чемъ расписки выдавались обыкновенно на клочкахъ бумаги, вырванныхъ изъ записной книжки.

Я помню какъ первый премьеръ Пятсъ и затѣмъ военный министръ Ханко, отправляя черезъ Гельсингфорсъ (Ревель еще былъ тогда изолированъ отъ Европы) первую свою телеграмму въ англійскій Foreignoffice съ мольбой прислать 20 000 винтовокъ, 3000 пистолетовъ и нѣсколько баттарей орудій — просили меня... походатайствовать за нихъ въ Лондонѣ и нажать кнопку въ печати.

— Мы дѣлаемъ, вѣдь, одно общее дѣло. Русскіе батальоны (сѣверный корпусъ) сражаются бокъ о бокъ съ нашими. Но мы погибнемъ вмѣстѣ, если у насъ не будетъ оружія, сапогъ и шинелей...

Общественная мысль въ Эстоніи въ ту пору также еще не успѣла выкристаллизоваться въ сколько нибудь опредѣленныя формы; не было печати, вмѣсто парламента дѣйствовалъ суррогатъ изъ представителей разныхъ партій — аграріевъ, народниковъ, трудовиковъ и социаль-демократовъ. Школа бездѣйствовала, потому что учительскій персоналъ и большинство воспитанниковъ среднеучебныхъ заведеній были на фронтѣ, юрьевскій университетъ гдѣ-то виталь въ пространствѣ.

И тѣмъ не менѣ внутренней инстинктъ само-сохраненія подсказывалъ эстонцамъ бояться финскихъ бѣлыхъ добровольцевъ-головорѣзовъ и не вѣрить также аргументамъ въ пользу возможно болѣе тѣснаго политико-государственнаго сближенія съ Финляндіей, т. е. доводамъ въ пользу «уніи». Такъ разговоры о ней вскорѣ и заглохли вовсе и только черезъ годъ слишкомъ, когда миръ Эстоніи съ Совѣтской Россіей уже былъ подписанъ и сама Финляндія тоже готовилась начать мирные переговоры, они опять возобновились, но уже въ видѣ широкаго проекта образованія балтійскаго союза, лиги балтійскихъ государствъ или сѣверо-восточной маленькой «Антанты». Но эта была уже «большая» политика, въ которой участвовали и взрослые, «концертъ», въ которомъ первая скрипка принадлежала уже не Финляндіи, а Польшѣ, и гдѣ незримымъ дирижеромъ былъ Ллойдъ-Джорджъ, а ноты доставляли сами большевики.

Къ несчастью для самихъ эстонцевъ, тотъ-же инстинктъ самоохраненія не удержалъ ихъ въ послѣдствіи отъ бездны ошибокъ, которыя ввергли ихъ въ политическую и экономическую кабалу къ англичанамъ. Лондонъ, казалось, охотно давалъ оружіе, снаряженіе и даже кое-какія деньги — давалъ «широко», почти не требуя гарантій и компенсацій, какъ полагается настоящему барину-побѣдителю и меценату... Эстонская общественность была въ восторгѣ отъ этой отзывчивости англичанъ и льнула къ нимъ. А когда она еще стала замѣчать (весна и лѣто 1919 г.), что тѣ-же благодѣтели рода человѣческаго — относятся къ русскимъ пренебрежительно и высокомерно, третирруя ихъ временами ея сапание — то для націоналистически настроенныхъ элементовъ это дало лишній поводъ, съ одной стороны, усилить свой зоологизмъ въ отношеніи русскихъ и русскаго дѣла, а съ другой — культивировать свою предан-

ность англичанамъ, которые якобы давали имъ возможность «познать самихъ себя».

Въ ту пору мнѣ часто представлялся случай въ бесѣдахъ съ эстонскими общественными дѣятелями обращать ихъ вниманіе на гибельность чрезмѣрной дружбы съ англичанами. Я не былъ «англофобомъ» въ такой же мѣрѣ, какъ я никогда не былъ «германофобомъ» или «франкофобомъ»; но какъ журналистъ, посвятившій 15 лѣтъ своей дѣятельности почти исключительно вопросамъ внѣшней политики, я зналъ азбуку историческаго развитія Англіи въ международномъ отношеніи. Я убѣждалъ эстонцевъ, что Лондонъ никогда «даромъ» ничего не дѣлаетъ, что изъ одного человѣколюбія онъ не станетъ бы распространять свое могущество на сотни милліоновъ людей, на ихъ земли и состояніе, что, слѣдовательно, эстонцамъ также придется платить въ одинъ прекрасный день звонкой монетой за всѣ благодѣянія Англіи. Признаюсь — у меня не было тогда подъ рукой никакихъ данныхъ, я еще не зналъ, что воспаленному мозгу Ллойдъ Джорджа уже мерещилась морская база или угольная станція на о. Эзель и Даго или краткосрочная «аренда» этихъ острововъ на обычныхъ въ англійской дипломатической практикѣ началахъ. Я оперировалъ ощущеніями — и только. Эстонцы слушали меня, но не вѣрили: ихъ вѣковая ненависть къ нѣмецкимъ баронамъ была такъ сильна, что малѣйшій намекъ на возможную корысть англичанъ казался имъ чудовищнымъ германофильствомъ.

Однако, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, и они убѣдились, что Англія, дѣйствительно, не привыкла даромъ расточать свои фунты и стерлинги: не будь рѣзкаго вмѣшательства Клемансо, острова Эзель и Даго такъ и перешли бы, хотя и на арендныхъ началахъ, къ Англіи. Счастье эстонцевъ только въ томъ, что «тигръ» въ послѣднюю минуту усмотрѣлъ въ этомъ явное на-

рушеніе новаго версальскаго «равновѣсія» и запротестовалъ. Въ Ревель примчалась французская миссія — военная и дипломатическая и дѣло было выведено на чистую воду.

Впослѣдствіи мы покажемъ подробно въ отдѣльной главѣ объ Эстоніи, что этотъ эпизодъ все-таки не уберегъ маленькую страну отъ самой грубой ея экономической эксплуатаціи англичанами. Петля закинута — неизвѣстно только когда она удушитъ страну и въ политическомъ отношеніи.

Но, возвращаясь къ вопросу о Финляндіи, справедливость требуетъ отмѣтить, что каковы бы не были имперіалистическія тенденціи отдѣльных ея круговъ при территоріальномъ толкованіи тезиса «независимость» — тенденціи, въ которыхъ повинны всѣ безъ исключенія новѣйшія государственныя образованія въ Европѣ — одно было ясно съ самаго начала: независимость Финляндіи, полная безоговорочная, должна быть признана. Это — пунктъ, съ котораго не отступить никогда ни одинъ финляндецъ, будь-то крайне-правый или красный коммунистъ. Этого требуетъ элементарная справедливость, азбучное политическое благоразуміе, не говоря уже о вѣдѣніяхъ демократическихъ принциповъ, которые заложены или должны быть заложены въ основу новой Европы и, конечно, также Россіи.

Не подлежало сомнѣнію, что финляндская буржуазія и интеллигенція въ своемъ подавляющемъ большинствѣ изъ страха передъ завтрашнимъ днемъ, изъ опасенія, что завтра на страну можетъ быть произведено новое покушеніе, доводили временами идею независимости до абсурда. Бѣлогвардейскіе элементы черпали изъ нея силу—какъ мы уже отмѣтили — для проявленія зоологическаго націонализма въ отношеніи русскихъ, военные и административные — для тщательнаго безвозмезднаго очищенія русскихъ складовъ — военныхъ и

продовольственныхъ — *merite* для «аннексиі» всего государственнаго имущества Россіи въ Финляндіи, нечислявшагося въ нѣсколько миллиардовъ марокъ.

Такъ, напримѣръ, военныя суда, оставленныя большевиками въ финляндскихъ гаваняхъ, главнымъ образомъ въ Гельсингфорсѣ, нѣсколько большихъ торговыхъ пароходовъ съ значительнымъ тоннажемъ, плавучіе доки, ледоколы и шаланды были объявлены «военной добычей». А между тѣмъ, съ точки зрѣнія международнаго права, за которое тѣ же захватническіе элементы постоянно цѣплялись, никакой «войны» между Россіей и Финляндіей не было никогда. Въ Финляндіи произошло возстаніе финляндскихъ же коммунистовъ, которые на нѣсколько мѣсяцевъ захватили власть въ странѣ. Это возстаніе было подавлено финляндской-же бѣлой гвардіей и германскими дивизіями, приглашенными въ страну финляндскимъ бѣлымъ правительствомъ, сидѣвшимъ въ Вазѣ. Ни о какой, слѣдовательно, «военной добычѣ» при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи.

Точно также финляндская администрація не имѣла въ своемъ распоряженіи никакихъ юридическихъ титуловъ на, практиковавшійся на моихъ глазахъ въ широкихъ размѣрахъ, захватъ многомилліоннаго имущества русскихъ общественныхъ организацій — Союза Земства и Городовъ, Военно-Промышленнаго Комитета, Краснаго Креста и др.

Достаточно сказать, что еще весною 1919 г. въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ и нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ городахъ, гдѣ раньше стояли большіе русскіе гарнизоны, финляндская администрація продавала съ торговъ громадныя партіи консервовъ, заготовленныхъ для русскихъ войскъ еще при царскомъ правительствѣ и Керенскомъ и переданныхъ въ моментъ ухода большевиковъ Военно-Промы-

шленному Комитету. Однако, суммы, вырученныя отъ продажи этихъ продуктовъ (они исчислялись милліонами), не были занесены за счетъ Россіи и разсматривались какъ «военная добыча», несмотря на протесты оставшихся въ странѣ представителей русскихъ общественныхъ организацій.

Равнымъ образомъ, безвозмездной конфискаціи подверглось и недвижимое имущество русскихъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, какъ напр., громадныя лѣсные участки, принадлежащія лѣсному вѣдомству, дома, усадьбы и проч. Въ общей сложности, по заявленію самихъ финляндцевъ, сумма русскаго наслѣдства, доставшагося Финляндіи, опредѣлялась въ 7 милліардовъ марокъ въ довоенной валютѣ. И пусть не сѣтуютъ на меня мои финляндскіе друзья, которые будутъ читать эти строки, если скажу, что этотъ способъ «унаслѣдованія» Россіи, мягко выражаясь, былъ далеко незаконномѣренъ. Во имя будущихъ дѣйствительно дружескихъ и добрососѣдскихъ взаимоотношеній съ демократической народной Россіей могли быть изысканы, во всякомъ случаѣ, иные пути и средства для ликвидаціи старой связи.

Я видѣлъ такіе пути и средства черезъ годъ послѣ описываемыхъ здѣсь событій въ другой отдѣлившейся отъ бывшей метрополіи странѣ — въ Чехо-Словакии. Здѣсь никто ничего не хваталъ, здѣсь ничто не казалось плохо лежащимъ. Отношенія между Австріей и такъ называемыми *Successionsstaaten* (государствами-наслѣдниками) ликвидировались по доброду, по справедливому, поскольку это допускалось объективной обстановкой. А между тѣмъ здѣсь, скажемъ, въ Прагѣ тоже произошелъ переворотъ (28-го октября 1918 г.), здѣсь тоже сры-

вали габсбургскіе гербы (эмблемы австрійскаго владычества), здѣсь тоже была провозглашена полная независимость. Однако, Чехо-Словакія, первая среди *Successionsstaaten* позаботилась о томъ, чтобы новый сосѣдь (бывшій хозяинъ), Австрія, не пострадала слишкомъ отъ произведенной операціи; она не только не захватывала ничего, но напротивъ сама успѣшила дать Австріи локомотивы и уголь, желѣзо и сахаръ, вагоны и стекло. Для ликвидаціи же финансовыхъ взаимоотношеній здѣсь скоро были созданы смѣшанныя коммисіи, работающія въ полномъ контактѣ съ союзными коммисіями по возмѣщенію убытковъ (*Commission de Réparation*) согласно мирному договору, — и не сегодня — завтра, гляди, на молодую чехо-словацкую республику еще будетъ перенесена часть австрійскаго государственнаго долга въ размѣрѣ 6—7 миллиардовъ кронъ.

А между тѣмъ, эта республика, какъ бывшая составная часть Австріи, могла бы имѣть основаніе «поживиться» на ея счетъ въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ Финляндія, которая, по словамъ самихъ финляндцевъ, никогда не была «составной частью» російской имперіи, а представляла собой только одно самостоятельное звено «уніи», и гдѣ, слѣдовательно, все русское имущество, какъ нѣчто, принадлежащее другому самостоятельному звену «уніи» должно было остаться за Россіей...

Повторяю: пусть не сѣтуютъ на меня мои финляндскіе друзья, если я вновь перечитываю эти мрачныя, на мой взглядъ, страницы ихъ бракоразводнаго процесса съ Россіей. Война и революція — но главнымъ образомъ, конечно, война — всюду дали волю широкому проявленію злыхъ инстинктовъ. Въ Финляндіи, однако, какъ мы уже отмѣтили, это психологическое состояніе массъ усугублялось еще тѣмъ, что маленькая страна на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ должна была продѣлать же-

стоковую гражданскую войну. Побѣдили «бѣлые» — буржуазія и интеллигенція,— но изъ страха передъ неизвѣстнымъ, изъ опасенія, что независимость страны вновь будетъ подвергнута тяжелымъ испытаніямъ, они явно перегибали палку.

Въ общемъ, на первыхъ порахъ моего пребыванія въ Гельсингфорсѣ (весной 19-го года), если не останавливаться дальше на психологическихъ и административныхъ притѣсеніяхъ, я наблюдалъ два большихъ общественно-политическихъ теченія въ отношеніи Россіи.

Глава IV.

Русское «наслѣдство».

Одно, поддерживаемое преимущественно интеллигентами-политиканами, сдѣлавшими изъ ненависти къ Россіи особую профессію, выражало собой отдаленные отголоски мысли Ллойдъ-Джорджа, что чѣмъ дольше въ Россіи продлится анархія, тѣмъ лучше для Англіи. Финляндцы, сторонники этой тенденціи, то же говорили:

— Для маленькой страны, только что обрѣвшей свою независимость, лишенной сильной арміи и крѣпостей, неимѣющей флота и денегъ, но граничащей съ такой огромной страной, какъ Россія, съ ея 150-ти милліоннымъ населеніемъ и неисчерпаемыми естественными богатствами — для Финляндіи будетъ лучше, если гражданская война въ Россіи продлится до безконечности. Она ослабитъ ее какъ территоріально такъ и экономически въ такой мѣрѣ, что никакіе Бобриковы, буде они опять воцарятся въ Россіи лѣтъ черезъ 50, уже не будутъ страшны для Финляндіи. Необходимо поэтому воспрепятствовать всѣми силами такъ называемой интервенціи, въ которой, въ силу географической близости къ Россіи, первое мѣсто принадлежитъ Финляндіи. Эта интервенція, надлежащимъ образомъ проведенная, можетъ вѣдь привести къ устраненію большевиковъ и къ восстановленію такого режима, который по необходимости вещей будетъ имперіалисти-

ческимъ и, какъ таковой, неизбежно направить свое остріе противъ Финляндіи... Взгляните, напримеръ, на гг. Милюковыхъ и Сазоновыхъ въ Парижѣ. Одинъ — «либеральный» министръ иностранныхъ дѣлъ царскаго правительства; другой — «конституціоналистъ-демократъ», бывший вождь оппозиціи и «отецъ» февральской революціи. Это завтрашніе люди Россіи въ лучшемъ случаѣ, ибо ихъ можетъ еще предупредить какой нибудь Столыпинъ. Но оба они, мечтая о вооруженной помощи Финляндіи, все таки отказываются признать независимость Финляндіи. Требуя отъ насъ крови и денегъ для борьбы съ большевизмомъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ безцеремоннымъ образомъ рисуютъ намъ картину счастливаго «союзительства» съ Россіей на другой день послѣ побѣды надъ Ленинымъ, подъ предлогомъ «стратегической» необходимости. А гдѣ гарантіи, что подъ этой невинной вывѣской не послѣдуетъ черезъ нѣсколько лѣтъ новая хирургическая операція надъ маленькою беззащитной страной? Гдѣ гарантіи, что подъ предлогомъ стратегической необходимости русскіе гарнизоны вновь не появятся въ Финляндіи въ соупутствіи всѣхъ прелестей бобринковскаго режима? До демократіи-же, до подлинной демократіи, Россія еще не доросла и едва-ли вообще доростетъ—это не въ психологіи русскаго человѣка. Въ Россіи мыслимъ либо Ленинъ, либо царь. Середины нѣтъ. Словомъ, пусть Россія гніетъ. Чѣмъ больше она прогніетъ — тѣмъ лучше для насъ...

Маннергеймъ — генераль. главнокомандующій и тогдашній глава государства (временный титулъ, который онъ носилъ до первыхъ президентскихъ выборовъ), явно не сочувствовалъ этой «теоріи гніенія». Генераль царской службы, бывший командиръ одного изъ конно-гвардейскихъ полковъ въ Петербургѣ, женатый на русской, связанный всѣмъ своимъ существомъ съ російскою аристократіей и Романовскимъ дворомъ — онъ естественно мечталъ

о другомъ. Онъ подавилъ возстаніе финляндскихъ коммунистовъ, изгналъ ихъ вооруженной рукой изъ Гельсингфорса и Выборга и поставилъ тамъ бѣлое буржуазное правительство, которое за эти заслуги передъ страной и выбрало его главой государства съ весьма широкими полномочіями. Но все это имѣло лишь ограниченное «локальное» значеніе: гдѣ будущему историку россійской революціи заниматься какой то Финляндіей?... Другое дѣло—взять Петербургъ, этотъ ключъ къ общей побѣдѣ надъ большевистской властью, и тѣмъ самымъ золотыми буквами вписать свое имя въ страницы исторіи...

И генераль Маннергеймъ, какъ всякій другой генераль на его мѣстѣ, делѣялъ эту мысль, поддерживая идею вооруженной интервенціи, какъ въ Лондонѣ и Парижѣ, куда онъ часто ѣздилъ въ качествѣ «главы государства», такъ и въ самой Финляндіи.

Но его несчастье заключалось въ томъ, что онъ былъ слишкомъ «популяренъ» и боялся подергать эту популярность чрезмѣрнымъ руссофильствомъ. Онъ опирался на буржуазію, во имя которой ему удалось подавить возстаніе коммунистовъ, на значительную часть состоятельнаго крестьянства и на интеллигенцію. Физически его сила заключалась не въ арміи, которая какъ организмъ, выросшій изъ всеобщей воинской повинности, состояла на добрую треть изъ рабочихъ, участвовавшихъ раньше въ красномъ возстаніи или ему сочувствовавшихъ, а въ такъ называемой «бѣлой гвардіи».

Этотъ аппаратъ ко времени моего пребыванія въ Финляндіи насчитывалъ до 120-ти тысячъ человекъ и представлялъ собой надежную вооруженную силу. Такъ, по крайней мѣрѣ, высказывались мнѣ и офи-

щеры французскаго генеральнаго штаба, приглашенныя Маннергеймомъ для организаціи финскаго штаба. Этотъ аппаратъ былъ созданъ по образу и подобию народныхъ милицій, но съ той лишь разницей, что въ него входили только элементы изъ буржуазныхъ слоевъ и буржуазная интеллигенція, что само собою понятно, если учесть, что зачатіе этого корпуса относится къ моменту возникновенія гражданской войны въ странѣ. Онъ былъ подраздѣленъ на дивизіи, бригады, полки и батальоны, во главѣ которыхъ стояли обыкновенно б. кадровые русскіе офицеры (финляндцы) или такъ называемые «егеря», прошедшіе германскую военную школу. Оружіе онъ имѣлъ въ изобиліи (благо русскіе много оставили и нѣмцы при уходѣ подарили «на всякій случай»); снабженіе тоже было удовлетворительное. Дисциплина въ немъ держалась крѣпкая побѣда же, одержанная недавно надъ красными финскими батальонами, которымъ вдобавокъ помогали россійско-большевистская «армада», вселяла абсолютную вѣру въ свое призваніе.

Но это не былъ постоянно дѣйствующій организмъ, а только аппаратъ, созданный для опредѣленныхъ функцій въ минуту опасности. Сегодня, напримѣръ, «шюцкористъ» (членъ охраннаго корпуса) былъ инженеромъ, чиновникомъ, фабрикантомъ, домовладѣльцемъ, бухгалтеромъ и банкиромъ; завтра же по первому тревожному сигналу гельсингфорской сирены онъ въ двадцать минутъ облачался въ солдатскій мундиръ, который хранится у него на дому, и являлся въ казарму, откуда еще черезъ 20 минутъ онъ уже выступалъ въ походъ по заранѣе точно разработанному плану.

Я видѣлъ такую пробную мобилизацію «охраннаго корпуса» въ Гельсингфорсѣ лѣтомъ 1919 г.

Была ночь — бѣлая «петербургская» ночь. Городъ давно спалъ глубокимъ сномъ. Въ порту —

никакой жизни. Десятки судовъ, большихъ и малыхъ, мѣстнаго плаванія и дальняго, точно дремали, прикованные толстыми канатами къ набережной. Дремали отъ скуки и городовые на своихъ постахъ, узнавая по шагамъ рѣдкихъ прохожихъ — русскихъ, единственныхъ ночныхъ фланеровъ Гельсингфорса, которыхъ мѣстные фараоны ненавидятъ за громкій разговоръ и безцѣльное шатаніе «по гостямъ». Рестораны давно были закрыты — ночныхъ же притоновъ здѣсь нѣтъ. Трудолюбивый аккуратный финляндецъ рано ложится и рано встаетъ. Онъ не знаетъ картъ, а если и обходить законъ о потребленіи спиртныхъ напитковъ — то тоже въ мѣру.

Царила полная тишина, которая не нарушалась и со стороны вокзала, расположеннаго въ центрѣ города. И вдругъ — протяжный непривѣтливый для слуха вой сирены. Все сразу зашевелилось. Ожили дома. Ярко освѣтились улицы. Въ разныхъ направленіяхъ бѣжали люди — молодые и старые, съ винтовками на плечахъ, а кто и безъ нихъ. Не прошло и 30 минутъ, какъ городъ уже представлялъ собой подлинный военный лагерь стараго нѣмецкаго образца. Одни отряды «занимали» опредѣленные общественныя учрежденія, другіе устранивались въ каррэ на площадяхъ и въ паркахъ, садахъ, еще другіе въ полномъ походномъ состояніи выступали за городъ на «позиціи». Тутъ были представлены всѣ роды оружія: пѣхота, кавалерія, пулеметныя роты, легкая артиллерія и даже танки французскаго образца.

На другой день мнѣ сообщили, что эта пробная мобилизація охранныаго корпуса подняла на ноги въ одномъ Гельсингфорсѣ свыше 18-ти тысячъ человекъ. Ген. Маннергеймъ былъ очень доволенъ результатами этого перваго опыта; поговаривали даже, что онъ былъ продѣланъ бѣлымъ генераломъ не безъ политическихъ задачъ. Маннергеймъ хотѣлъ показать кулакъ рабочимъ элементамъ Гель-

сингфорса наканунѣ выборовъ въ сеймъ и удержать ихъ отъ выступленій, къ которымъ тѣ, по правдѣ сказать, и не готовились вовсе, рѣшивъ участвовать въ выборахъ на самыхъ легальныхъ основаніяхъ.

Какъ бы то ни было — въ «шюцкоррѣ» и только въ немъ Маннергеймъ усматривалъ надежнѣйшую опору бѣлой Финляндіи. Но этотъ аппаратъ, въ силу внутренней своей организаціи, является военнымъ инструментомъ только въ минуту опасности; въ остальное-же время онъ расплывался на гражданъ, преслѣдующихъ хотя одну и ту же классовую задачу — охраненіе буржуазнаго строя отъ коммунистическихъ налетовъ, но партійно разномыслящихъ. И эта вотъ особенность и лишала Маннергейма свободы дѣйствій въ вопросѣ объ интервенціи. Въ «шюцкоррѣ» сторонники отмѣченной выше «теоріи гніенія» были представлены въ такой же степени, какъ и приверженцы активныхъ дѣйствій противъ большевистской Россіи, которыхъ мы впредь будемъ называть соответственно финляндской терминологіи «активистами». Такъ, по крайней мѣрѣ, можно было судить по партійной статистикѣ, а также по количеству голосовъ, поданныхъ черезъ нѣкоторое время на выборахъ въ сеймъ за кандидатовъ буржуазныхъ партій—финскихъ и шведскихъ.

Но если «шюцкоръ», какъ военный организмъ, отражающій политическія настроенія правящей буржуазіи и интеллигенціи, не единодушенъ въ русскомъ вопросѣ, то съ этимъ не справится при особенностяхъ финскаго характера, никакой Маннергеймъ. Онъ рискуетъ въ лучшемъ случаѣ лишиться своей популярности (какъ это случилось впоследствии) или, если онъ пойдетъ на проломъ, обречь все дѣло на провалъ.

Маннергеймъ сталъ дѣйствовать осторожно, глубоко осторожно, что на дипломатическомъ языкѣ называется не «ангажируясь» ни въ чемъ и ни передъ

кѣмъ. Въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ, на примѣръ, онъ никогда не говорилъ о Россіи, точно ея не было, на торжественныхъ приемахъ и манифестаціяхъ онъ избѣгалъ касаться темъ, имѣющихъ хотя бы самое отдаленное отношеніе къ русскому вопросу, а когда, разѣзжая по странѣ, ему и приходилось отвѣчать на запросы депутацій, будетъ ли наконецъ Финляндія участвовать въ походѣ противъ Петрограда, онъ отдѣлывался дипломатическими вуалированными фразами, которыя любая партія вольна была толковать по своему.

Его надеждой, конечно, были «активисты». Они представляли собой прямую противоположность сторонниковъ «теоріи гніенія» и въ извѣстной мѣрѣ отражали цѣлое теченіе буржуазно-общественной мысли Финляндіи въ отношеніи Россіи. Первую скрипку здѣсь играли представители крупной торговли и промышленности, связанные такъ или иначе съ Россіей; заводчики и фабриканты, работавшіе на русской рынокъ до войны; крупные землевладельцы, по преимуществу финны, а не шведы, изъ смежныхъ съ Россіей губерній, а также мелкіе крестьяне, опять таки изъ восточныхъ губерній, наживавшіе раньше большія деньги отъ петроградскихъ дачниковъ.

Всѣ эти элементы поддерживали тѣсное экономическое общеніе съ Россіей, въ годы же войны они богатѣли не по днямъ, а по часамъ. Достаточно вспомнить, на примѣръ, что до войны $\frac{9}{10}$ всего производства бумаги въ Финляндіи шло на русский рынокъ; почти такія же цифры давали деревообдѣлывающая промышленность и производство сельско-хозяйственныхъ машинъ. Изъ Россіи шли дешевый хлѣбъ, сырье, нефтяные продукты и уголь. Само собой понятно, что съ установленіемъ большевистскаго режима въ Россіи этому тѣсному экономическому общенію былъ положенъ конецъ. Хлѣбъ пришлось ввозить изъ Америки, но «благодѣтель рода

человѣческаго», знаменитый американскій продовольственный диктаторъ Хуверъ, изъ благородства ставилъ тяжелыя условія оплаты и обезцѣнивалъ финляндскую марку, которая еще въ январѣ 1919 г. котировалась на лондонской биржѣ изъ расчета 40 марокъ за фунтъ стерлинговъ, а осенью того же года докатилась до 120. То же самое случилось и съ ввозомъ мяса, свинины, сахара и другихъ продуктовъ первой необходимости, которые раньше ввозились изъ Россіи, а нынѣ изъ далекой Америки при общемъ остромъ недостаткѣ тоннажа въ Европѣ.

Положеніе вывоза представляло столь-же печальную картину. Въ странѣ лежали громадныя партіи бумаги, преимущественно ротационной, заготовленной для Россіи на сотни миллионъ марокъ. Во избѣжаніе появленія безработицы, которая могла бы толкнуть рабочія массы, только что побѣжденные въ жестокой гражданской войнѣ, на новыя выступленія, — фабрики продолжали работать на всѣхъ парахъ не имѣя заказовъ. Между тѣмъ бумагононуждающаяся страна ввозила бумагу обыкновенно изъ Швеціи, Норвегіи и Германіи, а о Финляндіи вовсе или почти не знали. Сами-же финляндцы не имѣли аппарата для большой международной торговли, для широкого товарообмѣна на началахъ компенсаціи. Но даже если бы онъ былъ на лицо, все таки не подлежало сомнѣнію, что на долго торговый баланс окажется не въ пользу Финляндіи. Это оправдалось впоследствии въ полномъ объемѣ. Когда мы пишемъ эти строки (май 1921 г.) статистика внѣшней торговли молодой республики за истекшіе 2 года даетъ крайне печальныя для нея цифры: ввозъ продуктовъ первой необходимости, сырья, фабрикатовъ и полуфабрикатовъ на 150% превышаетъ вывозъ. Въ результатъ — финская валюта обезцѣнена, въ Стокгольмѣ финская марка понизилась до 5 эрѣ вмѣсто 72 паритетныхъ, несмотря на

то, что въ лѣтніе мѣсяцы 1920 г. вывозъ строительнаго лѣса, главнымъ образомъ въ разрушенные сѣверныя департаменты Франціи, былъ необыкновенно великъ.

Дальновидные торгово-промышленные дѣятели Финляндіи еще ранней весной 1919 г. предсказывали неизбежность сильнаго экономическаго кризиса, какъ результатъ отсутствія вывоза въ Россію; они предостерегали горячіе умы и отъ чрезмѣрныхъ надеждъ на покупательскія способности новыхъ государственныхъ образованийъ въ Балтикѣ (Эстоніи, Латвіи и Литвы), которыя якобы должны замѣнить собой отсутствующую Россію. Во-первыхъ, страны эти сильно обнищали за годы войны, германской оккупаціи и революціи; во-вторыхъ, ихъ вывозныя способности весьма ограничены; кромѣ лѣса, который сама Финляндія вывозить, нѣкотораго количества льна и отдѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, они ничего не могутъ давать. Наложеніе-же серьезныхъ экономическихъ сношеній съ Украиною, Польшей и Кавказомъ представлялось чрезвычайно затруднительнымъ въ виду неустойчиваго политическаго положенія этихъ странъ; большіе города переходили тамъ по нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, большевики то уходили, то вновь появлялись.

Но экономическое положеніе самой Финляндіи не позволяетъ сидѣть долго сложа руки и ждать у моря погоды; если въ результатѣ хотя бы и самого интенсивнаго товарообмѣна вывозъ все таки будетъ составлять всего одну треть ввоза и марка будетъ продолжать падать, то отъ этого послѣдуетъ неизбежное повышеніе цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ съ неизбежными требованіями о повышеніи заработной платы, забастовками, локаутами и сокращеніемъ производства.

Единственный выходъ отсюда—открыть возможно скорѣе ворота въ Россію, очистить Петроградъ,

какъ ближайшій къ Финляндіи центръ, отъ большевиковъ и тамъ заложить прочный фундаментъ для повсемѣстнаго устраненія Совѣтской власти и постепеннаго возрожденія Россіи.

* * *

Таковъ приблизительно былъ ходъ мышленія торгово-промышленнаго класса Финляндіи или наиболѣе просвѣщенной его части, незатуманенный націоналистическимъ угаромъ, ранней весной 1919 г., т. е. вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Гельсингфорсъ. Развитію этой мысли способствовали, конечно, еще нѣкоторыя весьма вѣскія соображенія внутренне-политическаго характера, по преимуществу классоваго происхожденія.

Финляндцы разсуждали такъ.

— До тѣхъ поръ, пока въ Россіи продержится совѣтскій режимъ — финляндскій пролетаріатъ неизбежно будетъ агрессивенъ. Правда, въ настоящую минуту, когда у него еще не залѣчены раны отъ недавняго жестокаго пораженія, которое онъ понесъ отъ Маннергейма, онъ какъ будто «смирился» и даже собирается участвовать въ выборахъ на легальныхъ началахъ. Но гдѣ гарантіи, что съ дальнѣйшимъ упрочненіемъ совѣтской власти въ Россіи финскія рабочія массы вновь не окрѣпнутъ духовно и физически? Гдѣ гарантіи, что Ленинъ вновь не спровоцируетъ ихъ на выступленіе и этотъ разъ не поддержитъ ихъ всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами? Кто намъ тогда поможетъ? Не нѣмцы, вѣдь, которые теперь сами вынуждены отбиваться всѣми силами отъ спартаковской волны, грозящей ихъ захлестнуть? А избавились бы мы въ свое время отъ коммунистическаго правительства въ Гельсингфорсѣ, если-бы въ напряженнѣйшій моментъ борьбы подъ Таммерфорсомъ въ апрѣлѣ

1918 г. германскія дивизіи фонъ-деръ-Гольца не высадились послѣднимъ въ Хангэ и не ударили въ тылъ краснымъ батальонамъ. Помогутъ-ли намъ въ подобныхъ же условіяхъ англичане, французы или американцы?

А Финляндія — ключъ отъ европейскихъ воротъ для большевиковъ; это для нихъ окно въ Европу черезъ Скандинавію. Мыслимо-ли, чтобы они навсегда отrekliсь отъ захвата такого лакомаго куска? Мыслимо-ли, чтобы финляндскія рабочія массы вообще не находились въ состояніи постояннаго коммунистическаго броженія, если подъ бокомъ у нихъ находится такой мощный очагъ пропаганды какъ Петербургъ?

Отсюда — другой повелительный выводъ о необходимости для Финляндіи участвовать такъ или иначе въ изгнаніи большевиковъ изъ Петербурга — и чѣмъ скорѣе это осуществится, тѣмъ лучше для самой Финляндіи. Hannibal ad portas....

Когда-же сторонникамъ этихъ идей другіе буржуазные мыслители и политики, приверженцы «теоріи гніенія», указывали, что въ Россіи, молъ, возможенъ только либо Ленинъ, либо царь, что если Ленинъ будетъ убранъ при содѣйствіи финляндскихъ штыковъ, то на тронъ возсядетъ... Кириллъ Владиміровичъ (онъ жилъ тогда въ Гельсингфорсѣ и его часто встрѣчали въ ресторанѣ Societetshuset) и надъ независимостью Финляндіи вновь будетъ поставленъ крестъ — когда торгово-промышленниковъ запугивали этой перспективой, они обыкновенно отвѣчали:

— Все что было — было. Міръ теперь не тотъ, какимъ мы его знали до войны, и если вся Европа, вся вселенная видоизмѣнялась до основанія, то почему предполагать, что Россія, пережившая кромѣ войны еще и социальную революцію, избѣгнетъ общей участи и вернется обязательно къ ста-

рому царскому корыту? Напротивъ, въ Россіи побѣда обезпечена именно за демократіей, а съ русской демократіей мы споемся. Надо только помочь ей побѣдить въ тяжелую для нея минуту. Для этого нужно участвовать съ соблюденіемъ опредѣленныхъ гарантій въ изгнаніи большевиковъ изъ Петербурга...

* * *

Справедливость требуетъ отмѣтить, что эти мысли «интервенціонистовъ» находили живой откликъ въ цѣлой массѣ общественныхъ элементовъ, неимѣвшихъ прямого отношенія ни къ организованному торгово-промышленному классу, ни къ демократіи. Мы подходимъ здѣсь къ такъ называемымъ «активистамъ» — сторонникамъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ большевистскаго Петербурга *coute que coute*. Они рекрутировались, главнымъ образомъ, изъ представителей военной среды, офицеровъ русской и германской службы, унтеръ-офицеровъ, добровольцевъ-участниковъ проплогодняго похода Маннергейма на коммунистическій Гельсингфорсъ, студентовъ, «егерей», о которыхъ мы уже упомянули, и просто изъ авантюристовъ-готоворѣзовъ, которые побывали уже на южномъ берегу Финскаго залива — въ Эстоніи, и тамъ дрались съ большевиками.

Всѣ эти элементы явно не довоевали. Перспектива битъ большевиковъ радовала ихъ сердца *quand même*. Они готовы были подраться въ Восточной Кареліи, у Печенги, подъ самымъ Петербургомъ — лишь бы подраться. «Идеологія» ихъ не интересовала: въ худшемъ случаѣ отдѣльные ихъ представители втайнѣ мечтали, что въ общей суматохѣ, если только Петербургъ окажется взятымъ съ помощью финляндскихъ батальоновъ, отъ Россіи, пожалуй, можно будетъ урвать Восточную

Карелию и пришить ее къ Финляндіи вмѣстѣ съ Печенгой: не станетъ-же новая Россія цѣпляться за эти пустынные куски...

Они имѣли широко развѣтвленныя нелегальныя организаціи, строго дисциплинированныя и снабженныя богатыми финансовыми средствами. Въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ опредѣленные періоды они располагали цѣлыми отрядами легіонеро́въ, оружіемъ, снабженіемъ и продовольствіемъ. Укажемъ, напримѣръ, на походъ вождя «активистовъ» полк. Эльвенъ Грейна на Лудейное поле, что между Петербургомъ и Петрозаводскомъ, отъ начала мая 1919 г. Какъ извѣстно, «идейно» этотъ походъ, предпринятый съ помощью 1500 чел. вопреки явно выраженной волѣ тогдашняго финляндскаго правительства, обосновывался необходимостью помочь возставшимъ кареламъ и обезпечить за Восточной Кареліей право на самоопредѣленіе. Благодаря этой вывѣскѣ, возможность репрессивныхъ правительственныхъ мѣръ была исключена à priori, общественное мнѣніе страны высказывалось опредѣленно за Эльвенъ Грейна, бывшаго «героя» гражданской войны годъ тому назадъ, взявшаго Выборгъ штурмомъ и безпощадно расправившагося тамъ съ остатками красной финской арміи.

Кромѣ того, «карелы» были тогда въ модѣ въ Финляндіи, никто не допускалъ даже сомнѣнія въ томъ, что это—подлинныя финны, хотя фамиліи кареловъ—Ивановъ, Сидоровъ и Петровъ—странно какъ то звучали. Но Эльвенъ Грейнъ, несомнѣнно, мѣтилъ дальше Восточной Кареліи, обрушившись внезапно на желѣзнодорожную линію Петербургъ—Петрозаводскъ. Онъ зналъ, что на южномъ берегу залива, между Нарвой и Гатчиной, такъ называемый русскій сѣверный корпусъ, преобразованный спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ сѣв. зап. армію, и стоявшій до тѣхъ поръ на эстонской территоріи,

готовить свой знаменитый «майскій» набѣгъ на Петербургъ подъ командой Родзянки и Дзерожинскаго. Надо было протянуть ему руку черезъ заливъ и отвлечь вниманіе большевиковъ диверсіей по линіи Званка—Лодейное поле—Петрозаводскъ. Въ случаѣ удачи, наконецъ, финляндское правительство могло-бы оказаться втянутымъ въ дѣло автоматически безъ всякаго объявленія войны и безъ широкой подготовки общественнаго мнѣнія.

Къ несчастью для Эльвенъ Грейна, его планъ отпвѣль не успѣвши расцвѣсть. На южномъ берегу залива Родзянко скоро былъ разбитъ, не дойдя даже до Гатчины, Булакъ-Балаховичъ застрѣлъ съ своей конницей въ Псковѣ, занявшись тамъ массовымъ терроромъ безъ суда и слѣдствія, а съ возстаніемъ знаменитой Красной Горки, что противъ Кронштадта, вышла путаница. Фортъ этотъ, какъ извѣстно, возсталъ, направилъ свои пушки противъ Кронштадтскихъ батарей, которыя въ первую минуту тоже изъявили готовность присоединиться къ возстанію, но извѣвъ никто не подходилъ къ Красной Горкѣ, чтобы «снять» гарнизонъ и использовать его мощныя батареи для продолженія борьбы. Правда, какая то рота никому въ крѣпости невѣдомыхъ «ингерманландцевъ» явилась однажды за полученіемъ «ключей», но ее встрѣтили недоувѣрчиво, пожалуй, даже недружелюбно; хотѣли видѣть русскихъ, т.-е. отряды самого Родзянки, съ которыми существовала нѣкоторая связь, или, по крайней мѣрѣ, какіе нибудь «мандаты» отъ него, а у ингерманландцевъ мандатовъ быть не могло просто потому, что нѣсколькими днями раньше въ разгаръ боевъ Родзянко безцеремонно выбросилъ изъ своего кабинета начальника ингерманландскаго батальона, который доселѣ сражался подъ его общимъ командованіемъ. Этотъ «чухонецъ» просилъ Родзянко дать ему на фронтѣ особый участокъ въ районѣ, населенномъ ингерманландцами, т.-е. между

Ямбургомъ и побережьемъ. Бравый генералъ усмотрѣлъ въ этой просьбѣ покушеніе на «единую и недѣлимую» и выбросилъ вонъ начальника отряда...

Въ свою очередь, Эльвенъ Грейнь тоже не добился сколько нибудь ощутительныхъ результатовъ въ своемъ походѣ на желѣзно-дорожную линію Петербургъ—Петрозаводскъ, который угрожалъ отрѣзать большевистскую мурманскую армію отъ всякаго сообщенія съ Россіей и скоро вынудилъ бы ее пойти на капитуляцію передъ войсками генерала Миллера, медленно продвигавшагося тогда съ сѣвера на Петрозаводскъ при поддержкѣ союзныхъ войскъ подъ командой англійскаго генерала Айронсанда. Эльвенъ Грейнь взялъ было Ладейное поле, но скоро вновь отдалъ его большевикамъ, которые, какъ опытъ показываетъ, послѣ перваго замѣшательства и отчаяннаго бѣгства, всегда какъ-то умѣютъ приходить въ себя — и, просидѣвъ еще нѣкоторое время въ захваченной имъ области, безшумно вернулся къ исходному положенію. Кампанія была закончена. Только на сѣверѣ отъ Петрозаводска, вдоль желѣзно-дорожной линіи, отдѣльные его роты еще продолжали партизанскую борьбу съ большевиками. Но скоро и она затихла.

Второй разъ Эльвенъ Грейнь попытался счастья осенью 1919 г. въ разгаръ или, точнѣе, къ концу наступленія Юденича на Петроградъ. Онъ вновь собралъ свои легіоны, численно болѣе внушительные, чѣмъ весенніе, и двинулъ ихъ на юго-востокъ отъ Выборга въ направленіи на желѣзнодорожную линію, идущую отъ Петрограда на Рауту вдоль западнаго берега Ладожскаго озера. Передъ нимъ вновь стояла та же политико-стратегическая задача, которую ему не удалось осуществить весной—протянуть руку Юденичу, который уже находился въ затруднительномъ положеніи подъ Царскимъ Селомъ, путемъ диверсії на Петроградъ съ сѣверо-

запада вызвать замѣшательство въ рядахъ большевиковъ и, такимъ образомъ, воспрепятствовать переброскѣ красныхъ дивизій съ финскаго фронта на южныя петроградскія позиціи. А такъ какъ къ тому времени, какъ мы въ дальнѣйшемъ покажемъ, переговоры между сѣв. зап. правительствомъ и финляндскимъ кабинетомъ объ условіяхъ вооруженнаго вмѣшательства Финляндіи близились къ благопріятному исходу (рѣчь уже шла только о деньгахъ), то въ задачи Эльвенъ Грейна и его сотрудниковъ входила еще попытка форсировать ходъ событій и создать въ пограничномъ районѣ такое положеніе, при которомъ финскія винтовки сами начали-бы стрѣлять.

Но Юденичъ терпѣлъ пораженіе за пораженіемъ. Пати Гатчина, Красное Село, а затѣмъ и Ямбургъ. Финское правительство прекратило переговоры объ интервенціи. Вскорѣ и весь фронтъ Юденича распался. Тогда успокоился и Эльвенъ Грейнъ. О немъ больше не говорили. Его легіоны были распущены. Въ Восточной Карелии установился «легальный» режимъ — въ одномъ районѣ сидѣли большевики, въ другомъ — самоопредѣлившіеся карелы.

«Активисты», въ общемъ были очень вліятельны въ Финляндіи; они сидѣли въ штабахъ регулярной финляндской арміи, въ администраціи, и имѣли въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ серьезныхъ органовъ печати — какъ финской, такъ и шведской. Пропаганда, которую они вели въ странѣ — конспиративно и легально — замѣтно давала плоды—и само собою понятно, что торгово-промышленный классъ для вящаго успѣха своего экономического обоснованія необходимости интервенціи, пользовался «активистами» въ самой широкой мѣрѣ и всячески ихъ поддерживалъ. Такимъ образомъ, къ веснѣ 1919 г., т.-е. вскорѣ послѣ появленія англійской, а затѣмъ и французской эскадры въ

Финскомъ заливѣ и обостренія боевъ на эстонско-петербургскомъ фронтѣ, въ финляндскомъ общественномъ мнѣніи, по крайней мѣрѣ, среди буржуазныхъ слоевъ и интеллигенціи, замѣтно стала преобладать идея вооруженнаго вмѣшательства.

* * *

Рабочія массы, естественно, не дѣлали тайнъ изъ своего опредѣленно отрицательнаго отношенія къ «активизму» въ русскомъ вопросѣ. Соціалистическая партія, расколъ въ которой и образование лѣваго крыла съ коммунистическими тенденціями послѣдовали только черезъ годъ слишкомъ, проявляла въ этомъ отношеніи полное единодушіе. Финскій національный характеръ, какъ извѣстно, не выноситъ скачковъ и молніеносныхъ психическихъ реакцій — это отразилось на идеологіи и тактикѣ финской соціально-демократической партіи — партіи доподлинно пролетарской безъ преобладанія интеллигентскаго элемента. Прошлогоднее возстаніе было подавлено, тысячи вождей томились въ тюрьмахъ и на каторгѣ, право коалицій было замѣтно урѣзано, профессиональное движеніе тормазилось административнымъ произволомъ, партія подъ давленіемъ обстоятельствъ была вынуждена вступить на путь парламентаризма и до-революціонныхъ легальныхъ методовъ борьбы — все это вѣрно. Но достаточно было хоть сколько нибудь поглубже всмотрѣться въ психологію финскаго рабочаго, чтобы сразу же уяснить себѣ, что впечатлѣніе «легализма» обманчиво.

Въ нѣдрахъ рабочихъ массъ клокоталъ вулканъ ненависти къ буржуазіи, которая огнемъ и мечомъ прошла по рабочимъ рядамъ при подавленіи коммунистическаго возстанія, къ Маннергейму и его сотрудникамъ, къ активистамъ — бѣлогвардейцамъ

и всѣмъ тѣмъ, кто только содѣйствовалъ такъ или иначе побѣдѣ бѣлаго террора. Это была ненависть жгучая, острая, безмѣрная и неукротимая. А рядомъ съ ней въ сердцахъ таилась еще надежда на помощь изъ Москвы, изъ Петербурга, въ которомъ осталось до 10-ти тысячъ финскихъ коммунистовъ, участниковъ вчерашняго возстанія, перешедшихъ русскую границу вмѣстѣ съ остатками большевистской армады въ маѣ 1918 г. послѣ вступленія нѣмцевъ въ Гельсингфорсъ и Выборгъ.

Но эта помощь мыслилась не въ видѣ физической, военно-технической поддержки для осуществленія физическихъ-же задачъ, — на примѣръ для повторенія опыта захвата государственной власти и установленія диктатуры пролетаріата по русскому образцу.

Нѣтъ! И кто знакомъ хотя бы поверхностно съ исторіей захвата власти въ Гельсингфорсѣ въ января 18 г., т. е. съ финскимъ «25-е октября», тому извѣстно, несомнѣнно, что дѣло не обошлось тамъ такъ «гладко по-пролетарски» какъ въ Петербургѣ. Коммунистическій «авангардъ» финскаго пролетаріата — мы уже не говоримъ о массѣ — безъ непосредственнаго руководства російскихъ большевиковъ никогда-бы не вступилъ на путь насильственнаго переворота во имя немедленнаго насажденія социализма. Финскія рабочія массы, финская социалистическая партія десятилѣтіями были воспитаны на традиціяхъ германской социаль-демократіи, на избирательномъ бюллетенѣ, на трѣдъ-унионизмѣ. Въ Финляндіи, странѣ по преимуществу сельско-хозяйственной, мелко-собственнической съ мало развитой промышленностью, и — прибавимъ, поголовно грамотной, невтянутой непосредственно въ міровую войну, а напротивъ отъ нея обогатившейся — въ этой странѣ не было и тѣхъ социальныхъ, экономическихъ и психологическихъ предпосылокъ, кото-

рыя въ Россіи привели большевизмъ къ побѣдѣ по всей линіи.

А вѣдь эти именно предпосылки въ своей совокупности и обусловили октябрьскую побѣду Ленина. Но никто не станетъ спорить и противъ того, что для побѣды нуженъ былъ также и техническій аппаратъ — германскій, т. е. организаціонно-техническая, я сказалъ-бы, «штабная» помощь тѣхъ многочисленныхъ представителей берлинскаго генеральнаго штаба, которые незримо для Временнаго Правительства, а порою по его попустительству въ Кронштадтѣ и Петербургѣ технически и инако помогали большевикамъ осуществить переворотъ.

Я не стану повторять здѣсь банальностей, что въ лицѣ Ленина, Троцкаго, Бухарина и Зиновьева мы имѣемъ германскихъ «агентовъ», получившихъ якобы за свое дѣло... 70 милліоновъ марокъ. Только Бурцевъ при слѣпомъ своемъ пристрастіи къ охраннымъ архивамъ можетъ еще вѣрить въ эту басню и навязывать ее другимъ. Но—каюсь —я питаю такое-же пристрастіе къ такъ называемой военной литературѣ, къ всевозможнымъ мемуарамъ и запискамъ германскихъ государственныхъ дѣятелей — военныхъ и гражданскихъ — принимавшихъ такъ или иначе участіе въ войнѣ; моя бібліотека полна этихъ изданій. И я скажу по чистой совѣсти и безъ всякой предвзятости: во всѣхъ этихъ изданіяхъ, изъ которыхъ многія представляются весьма авторитетными и цѣнными историческими документами, меня поражаютъ слѣды именно технической помощи, оказанной императорскою Германіей большевикамъ до и послѣ октябрьскаго переворота.

У Людендорфа, который, несомнѣнно, умѣетъ молчать, эти слѣды нѣсколько затушеваны; у Гельфериха они болѣе явны; Эрцбергеръ только намекаетъ на «что-то»; Чернинъ, какъ искусный дипломатъ, тщательно вуалируетъ свою мысль, но мѣста-

ми все такъ проговаривается. Исторія — настоящая исторія — повидимому еще не написана. Но я думаю, что и сами большевики не станутъ сегодня отрицать, что они пользовались въ свое время германской помощью: для нихъ рѣчь шла, вѣдь, объ опытѣ социальной революціи, о борьбѣ не на жизнь, а на смерть. Важно-ли при этомъ отъ куда шла къ нимъ помощь — изъ Франціи, которая толкала Керенскаго на продолженіе войны, или — изъ императорской Германіи, которая добивалась мира *comme d'habitude*... Помогалъ нѣмецъ — ладно, помогалъ бы вмѣсто него аргентинецъ или шведъ — было-бы то же самое. Кромѣ того, въ глазахъ большевиковъ, техническая помощь, полученная отъ Людендорфа должна была опрокинуть въ конечномъ счетѣ не только Керенскаго, но и самого Людендорфа со всей императорской Германіей и ея буржуазнымъ порядкомъ.

А если по представленію большевиковъ въ томъ фактѣ, что они пользовались помощью Гогенцоллерновъ нѣтъ никакого состава преступленія, то въ равной мѣрѣ нельзя было требовать и отъ отдѣльныхъ вождей финскаго рабочаго движенія, чтобы они считали преступнымъ пользоваться технической помощью русскихъ большевиковъ, располагавшихъ въ ту пору въ Финляндіи сильными гарнизонами, пушками, винтовками и снабженіемъ. Вѣдь, всѣ эти техническіе факторы сами собою напрашивались — и было бы психологически необьяснимо, если бы «авангардъ» финскаго пролетаріата не попыталъ тогда счастья насадить коммунизмъ въ странѣ. Но объективный историкъ докажетъ, опять таки, что это сдѣлалъ именно «авангардъ»; массы же финскаго рабочаго класса только приняли новый фактъ. Онѣ явно сомнѣвались въ благопріятномъ исходѣ большевистской затѣи въ странѣ, насквозь пропитанной легализмомъ, но разъ борьба

разгорѣлась и ожесточилась, онѣ естественно уже слѣдовали за классовымъ инстинктомъ.

И теперь вотъ, по прошествіи года, когда буржуазія уже успѣла вернуться къ власти, когда политическая борьба вновь вошла въ рамки традиціоннаго, хотя и нѣсколько усовершенствованнаго, парламентаризма, финскія рабочія массы при всей своей затаенной ненависти къ побѣдительницѣ-буржуазіи мыслили помощь отъ російскихъ большевиковъ не иначе какъ въ видѣ помощи моральной. Онѣ разсуждали при этомъ такъ-же, какъ въ свое время т. е. до провозглашенія знаменитыхъ 21 пункта Московскаго Интернаціонала разсуждали во Франціи — Кашэнъ, а въ Англии — Гендерсонъ:

— Совѣтская власть дѣлаетъ большія глупости, она явно перегибаетъ палку своими методами диктатуры пролетаріата и терроромъ. Мы, во всякомъ случаѣ, сдѣлали-ли бы иначе. Но въ тотъ моментъ, когда Ленинъ будетъ устраненъ изъ Кремля, Клемансо и Ллойдъ-Джоржъ насъ всѣхъ удушатъ. Мы, слѣдовательно, держимся здѣсь только благодаря тому, что Ленинъ сидитъ въ Москвѣ....

А если такъ, разсуждали въ Парижѣ и въ Лондонѣ, то въ Гельсингфорсѣ въ виду его непосредственной географической близости къ красному Петербургу, послѣ пережитого бѣлаго террора рабочія массы, естественно, еще реальнѣе ощущали возможность и необходимость «помощи» отъ Совѣтской Россіи, чтобы удержаться по крайней мѣрѣ на той позиціи, которая обезпечивалась за нимъ новымъ легальнымъ парламентаризмомъ. Но отсюда ясно также, что онѣ высказывались и противъ всякихъ попытокъ вовлечь Финляндію въ вооруженную борьбу для сверженія Совѣтской власти въ Россіи.

Единственно достижимымъ казалось мнѣ тогда обезпеченіе «нейтралитета» финской социаль-де-

мократіи, на случай, если бы борьба противъ Совѣтской власти была предпринята исключительно русскими силами съ гарантіями подлинной демократичности самаго движенія и преслѣдуемыхъ имъ цѣлей.

Впослѣдствіи дѣйствительно, кое-какіе шаги въ этомъ направленіи и были предприняты отдѣльными элементами Ревельскаго сѣв. зап. правитель-ства, въ частности, ея социаль-демократическимъ членомъ В. Л. Горномъ, но, какъ мы въ дальнѣйшемъ увидимъ, надлежащій моментъ для этого былъ упущенъ — «нейтралитетъ» финской социаль-демократической партіи былъ обѣщанъ формально тогда, когда Юденичъ уже отходилъ отъ Петрограда.

Глава V.

Помощь Финляндіи и Эстоніи.

Итакъ, весной 1919 г. въ финляндскомъ общественномъ мнѣніи намѣчались три теченія въ оцѣнкѣ русскаго вопроса и мѣръ къ его рѣшенію: одно, націоналистически-русофобское, обосновываемое такъ называемой «теоріей гніенія»; другое — опредѣленно интервенціонистское, «активистское», поддерживаемое, какъ мы видѣли, вліятельными торгово-промышленными кругами по соображеніямъ чисто экономическимъ; третье — социалистическое, явно противо-интервенціонистское, но которое можно было нейтрализовать упорной демократической работой.

Наличность этихъ трехъ теченій и предопредѣляла, казалось, всю совокупность работы русскихъ анти-большевистскихъ организацій въ Финляндіи. Было ясно, что эта работа должна вестись въ трехъ направленіяхъ; предстояло: 1) ослабить елико возможно руссофобство сторонниковъ «теоріи гніенія» путемъ добровольнаго, искренняго и безусловнаго признанія независимости Финляндіи, что сразу-же парализовало бы пропаганду этой группы; 2) поощрять тѣмъ-же путемъ дѣятельность торгово-промышленниковъ и демократической интеллигенціи и 3) — всѣмъ содержаніемъ бѣлой работы на обоихъ берегахъ залива дать социалистической партіи прочныя гарантіи въ томъ, что воору-

женная борьба противъ Петрограда не преслѣдуетъ никакихъ реставраціонныхъ цѣлей, что возможность установленія военной диктатуры со всѣми ея красотами на другой же день послѣ взятія Петрограда исключена — словомъ, что только принципы февральской революціи будутъ положены въ основу строительства новой подлинно-демократической республиканской Россіи.

Ни одно изъ этихъ условій выполнено не было.

Начать съ того, что «душа и мозгъ» русскаго бѣлаго дѣла въ Финляндіи, бывший членъ Временнаго Правительства А. В. Карташевъ признавалъ независимость Финляндіи только условно. Мы уже не говоримъ о Юденичѣ, который въ этомъ вопросѣ вообще не разбирался, но все таки инстинктомъ стараго царскаго генерала смотрѣлъ на независимость какъ на опредѣленное зло, причиняемое «единой и недѣлимой». Не говоримъ мы также и о ближайшихъ его военныхъ сотрудникахъ, ген. Суворовъ и Кондыровъ (Конзеровскомъ), просто высмѣивавшихъ «чухонскую» требовательность. Эти лица, какъ и вообще весь русскій военный элементъ въ Финляндіи, начиная съ чина подполковника, относились опредѣленно враждебно къ идеѣ независимости маленькой страны, въ которой они нашли себѣ пріютъ. Они не могли да и не хотѣли найти въ своемъ сердцѣ ноты къ сближенію съ тѣмъ самымъ народомъ, отъ котораго они ждали помощи въ борьбѣ съ большевиками. Обстоятельства, окружающая обстановка заставляли ихъ скрывать свои чувства — и они скрывали. Но когда представлялся случай поносить «чухонцевъ» и укусить ихъ, скажемъ, гдѣ нибудь въ Лондонѣ или Парижѣ, они это дѣлали охотно, не отдавая себѣ отчета въ томъ, насколько это вредитъ ихъ собственному же дѣлу въ Гельсингфорсѣ, въ которомъ стѣны имѣли уши и никто никогда не зналъ, гдѣ начинается развѣдка. Умы-же, которые руководили дѣятельностью

этихъ элементовъ, съ своей стороны ничего никогда не сдѣлали хотя бы только для смягченія этой «анти-чухонской» психологін.

А. В. Карташевъ, какъ мнѣ ясно стало при первой же встрѣчѣ съ нимъ на засѣданіи отмѣченнаго выше «Комитета по дѣламъ русскихъ», вообще сильно поиррабѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ большевики отняли у него портфель. Онъ все время говорилъ о необходимости сильной власти, подразумѣвая при этомъ военную диктатуру, о безусловномъ подчиненіи директивамъ Колчака, получавшимся черезъ Парижъ, черезъ фильтръ тамошняго Политическаго Совѣщанія съ «сенатскими» разъясненіями Сазонова и Маклакова. А когда ему указывали, что Колчакъ далекъ и не знаетъ условій работы въ Финляндіи, что бывший министръ ин. дѣлъ царскаго правительства не безгрѣшенъ — онъ отвѣчалъ со свойственнымъ ему богословско-олимпійскимъ спокойствіемъ, что «сохраненіе единства мысли у русскихъ людей важнѣе, чѣмъ освобожденіе того или иного города, хотя бы даже Петрограда, изъ рукъ большевиковъ»....

Онъ считалъ, что независимость Финляндіи будетъ нуждаться въ санкціи Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, для созыва котораго послѣ сверженія Совѣтской власти онъ не ставилъ никакихъ сроковъ, подмѣняя даже слово «Учредительное» колчаковскимъ «національнымъ» съ соответствующимъ содержаніемъ. Что-же касается возможности примѣненія принципа самоопредѣленія къ эстонцамъ, которые въ ту пору почти подъ самымъ Петроградомъ (у Нарвы и Пскова) вели упорнѣйшую борьбу съ большевиками — то говорить объ этомъ было для Карташева кощунственнѣйшимъ дѣяніемъ, на какое только русскій человѣкъ могъ итти.

* * *

Я помню, сколько трудовъ мнѣ стоило тогда уговорить А.В.Карташева начать переговоры о военной «коопераціи» съ эстонскимъ представителемъ въ Гельсингфорсѣ, б. министромъ въ первомъ эстонскомъ правительствѣ г. Ханкой, съ которымъ послѣ перваго моего посѣщенія Ревеля я началъ переговоры на собственный рискъ и страхъ, рассчитывая повліять затѣмъ на русскія организациі въ Гельсингфорсѣ. Мнѣ ясно стало послѣ кратковременнаго пребыванія въ Ревелѣ и на фронтѣ (20 — 28 января 19 г.), что широкая вооруженная борьба «за Петроградъ» или, точнѣе, серьезная ея подготовка можетъ быть начата только на южномъ берегу Финскаго залива. Это диктуется какъ политической обстановкой, такъ и военной. Въ Эстоніи противобольшевистскій фронтъ уже существуетъ, тогда какъ въ Финляндіи его еще нужно создавать. На территоріи Эстоніи дѣйствуютъ автономныя русскія части (Сѣверный корпусъ), находящіяся въ договорныхъ сношеніяхъ съ эстонскимъ командованіемъ, — между тѣмъ какъ въ Финляндіи ихъ еще надо формировать въ тяжелой для русскаго дѣла общественной атмосферѣ. Въ Эстоніи русскіе морально и духовно чувствуютъ себя «дома», правительственныя и общественныя организациі относятся къ русскимъ опредѣленно благожелательно, масса же въ цѣломъ не дѣлаетъ разницы между русскимъ и эстонцемъ.

Я вообще наблюдалъ въ Эстоніи что, за 200 лѣтъ принадлежности этого края къ Россіи, русская культура пустила тамъ глубокіе корни. Интеллигенція говоритъ и думаетъ по русски, будучи воспитанной на русской литературѣ, на русскомъ искусствѣ, театрѣ и музыкѣ. Торговля и промышленность кровно и неразрывно связаны съ Петроградомъ. Промышленный пролетаріатъ — это за рѣдкимъ исключеніемъ, часть петроградскаго пролетаріата, проникнутая сознаниемъ обще-русскихъ

задачу. Крестьянство неавидитъ одинаково нѣмецкаго барона-помѣщика и царскаго урядника, но къ русскимъ, какъ къ таковымъ, ненависти не питаетъ. О независимости страны, о полномъ ея отдѣленіи отъ Россіи говорятъ пока только отдѣльные «экстремисты», въ большинствѣ случаевъ социаль-демократы меньшевистскаго толка, подпавшіе во время оккупации края нѣмцами подъ замѣтное вліяніе берлинскихъ шейдемановцевъ. Но и они говорятъ о независимости только условно, замѣняя ее федераціей — во всякомъ случаѣ представляя окончательное рѣшеніе вопроса первому эстонскому Учредительному Собранію, которое тогдашнее правительство Пятса собиралось созвать не раньше лѣта 1919 г. Буржуазныя-же партіи до трудовиковъ включительно говорятъ только о широкой автономіи въ предѣлахъ россійскаго государства, или о федераціи международно гарантированной.

Что-же касается военнаго элемента, главнымъ образомъ, офицерства, которому въ обстановкѣ тяжелыхъ непрерывныхъ боевъ отъ Нарвы до Юрьева и юго-западнѣе естественно принадлежала почти рѣшающая роль въ опредѣленіи судебъ страны—то оно состояло почти исключительно изъ офицеровъ русской службы, кадровыхъ или запасныхъ, проникнутыхъ, разумѣется, обще-русскими интересами и исполнявшихъ свой долгъ въ борьбѣ съ большевиками такъ же честно и самоотверженно, какъ раньше въ рядахъ русской арміи на Карпатахъ или въ Галиціи, въ Восточной Пруссіи или подъ Эрзерумомъ. Преобладалъ демократическій элементъ — студенты, учителя и представители либеральныхъ профессій, мобилизованныхъ въ предѣлахъ бывшей эстляндской губ. во время войны съ Германіей. Трения между ними и русскимъ Сѣвернымъ корпусомъ, о которомъ рѣчь выше, еще не намѣчались, братство по оружію за рѣдкими исключеніями было полное. Оружіе, которое поступало изъ

Англии или добывалось иными путями дѣлилось поровну, тоже самое происходило и въ отношеніи распредѣленія продовольствія и предметовъ обмундированія.

Въ такой относительно благопріятной, по сравненію съ финляндскими условіями, общественной, политической и военной обстановкѣ мнѣ казалось непреложно доказаннымъ, что центромъ русскихъ противобольшевистскихъ организацій, ставящихъ себѣ задачей овладѣть Петроградомъ и тѣмъ самымъ положить начало общему освобожденію Россіи отъ большевиковъ, долженъ сдѣлаться Ревель.

Здѣсь все говорило въ пользу нашего дѣла. Эстонцы видѣли свое спасеніе только въ побѣдѣ русской демократіи и готовы были ей помочь всѣми силами: требовалось только, чтобы російская демократія, въ свою очередь протянула руку эстонской и признала за маленькимъ народомъ право на самоопредѣленіе хотя бы въ самой академической декларативной формѣ.

* * *

Таковы были основныя требованія тогдашнихъ вожаковъ общественнаго движенія: Тениссона (б. члена Г. Думы), Штрандмана, ставшаго затѣмъ премьеромъ, Пійпа, быв. министра иностран. дѣлъ Республики, Поски, заключившаго впоследствии мирный договоръ съ большевиками, Ханко и Пэтса, съ которыми я часто обмѣнивался тогда мнѣніями по самымъ разнороднымъ вопросамъ російской и, въ частности, балтійской дѣйствительности.

— Мы не остановимся у этнографическихъ границъ Эстоніи, а пойдемъ дальше на Петроградъ, вмѣстѣ съ вами и всѣми тѣми, кто только придетъ намъ на помощь въ эту тяжелую минуту. Но обез-

печьте намъ элементарное право на существованіе; устройте такъ, чтобы русское дѣло здѣсь, въ Эстоніи, попало въ руки подлинной демократіи, а не тѣхъ старорежимниковъ, которые уже теперь говорятъ, что какъ только Петроградъ будетъ взятъ, штыки придется повернуть противъ Ревеля и его «автономистовъ» — самостійниковъ....

Я принялся за работу. Но въ моей тогдашней штабъ-квартирѣ, въ Гельсингфорсѣ, мои разговоры о военной коопераціи съ эстонцами, а главное, условія этого сотрудничества, вызвали чуть-ли не переполохъ въ тамошнихъ руководящихъ русскихъ центрахъ.

А. В. Карташевъ и ближайшіе его сотрудники по политической части въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, молодой инженеръ И. Г. Новицкій, человекъ энергичный, твердой воли и рѣшительный, оказывавшій сильное вліяніе на б. министра Временнаго Правительства, они и слышать не хотѣли о декларированіи принципа самоопредѣленія въ пользу эстонцевъ какъ *conditio sine qua* для совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій на южномъ берегу залива.

Юденичъ, съ которымъ я подробно и обстоятельно говорилъ на эту тему, смотрѣлъ на вещи проще и не повторялъ вслѣдъ за Карташевымъ, что мы, молъ, не имѣемъ никакого права «расточать» наслѣдіе предковъ и выдавать хартію вольности «разнымъ» эстонцамъ и латышамъ. Онъ уже успѣлъ завязать сношенія съ дѣйствовавшимъ въ Эстоніи русскимъ Сѣвернымъ корпусомъ и зналъ, что погва тамъ весьма благопріятна для развитія широкаго противо-большевистскаго военнаго дѣла.

Значить — разсуждалъ онъ — тамъ можно податься, а это, вѣдь, главное. Политику-же пускай дѣлаютъ другіе. Пускай они (т. е. Карташевъ и Политическое Совѣщаніе) создаютъ такую политиче-

скую обстановку, при которой ему, Юденичу, удалось-бы собрать разбросанных по Финляндии русских офицеровъ и добровольцевъ (числомъ до 6 — 7 тысячъ), формировать изъ нихъ на территории Финляндии нѣсколько батальоновъ, перебросить ихъ на южный берегъ залива, въ Эстонию, въ подкрѣпленіе дѣйствующаго тамъ Сѣвернаго корпуса и, заручившись поддержкой союзниковъ и эстонцевъ, начать во главѣ этой маленькой арміи походъ на Петроградъ. Вѣдь онъ, Юденичъ, только «старшій начальникъ» русскихъ войскъ, оставшихся на обоихъ берегахъ залива, но не политическій вождь; поэтому пускай о «политикѣ» заботятся другіе...

А эти «другіе», дѣйствительно, такъ хорошо позаботились объ этой политикѣ, что однажды (въ концѣ февраля 1919 г.) ко мнѣ прибѣгаетъ взволнованный эстонскій представитель въ Финляндіи и будущій военный министръ д-ръ Ханко и сообщаетъ, что дѣло «проваливается». Оказалось, что съѣздившая для переговоровъ въ Ревель делегация въ составѣ кн. Волконскаго (б. товарища предсѣдателя Г. Думы), генерала Суворова и какого-то никому неизвѣстнаго полковника Гершельмана заговорила съ эстонцами о «правомочіяхъ органовъ самоуправленія... эстляндской губерніи», объ условіяхъ передачи Ревельскаго порта, желѣзныхъ дорогъ, почты и телеграфа въ руки русскихъ организацій и объ установленіи единаго командованія въ лицѣ Юденича...

Эстонцы были возмущены: они говорятъ о независимости, о деклараціи права на самоопредѣленіе, у нихъ своя армія, свое правительство, свое дипломатическое представительство въ Лондонѣ и Парижѣ, Англія помогаетъ имъ оружіемъ и деньгами, за ними вообще «ухаживаютъ», а русскіе, которые сами нуждаются въ ихъ помощи, предлагаютъ имъ вернуться къ *status quo ante*, т. е. капитуляцію...

Я успокоилъ, насколько могъ, г. Ханко, написалъ рядъ успокоительныхъ писемъ моимъ ревельскимъ политическимъ друзьямъ и вновь принялся за работу. А. В. Карташевъ постепенно сталъ склоняться на устройство совмѣстнаго со мной собесѣдованія съ Ханкой, который долженъ былъ получить соотвѣтствующія полномочія изъ Ревеля для всесторонняго принципиальнаго обсуждения вопроса о кооперации и выработкѣ условий политической конвенции. Совѣщаніе состоялось черезъ нѣсколько дней въ гостиницѣ «Societetshuset» въ атмосферѣ внѣшняго взаимнаго благожелательства. Ханко, не стѣняясь, говорилъ, что въ странѣ нарастаетъ недовольство противъ русскихъ, которые передали дѣло анти-большевистской борьбы въ руки правыхъ организацій, самолично образовавшихся; что правительство Эстоніи этимъ организаціямъ опредѣленно не вѣритъ, что если гельсингфорской политической организаціи идея совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій противъ Петрограда желательна, то имъ должна предшествовать торжественная и искренняя декларация права эстонскаго народа на самоопредѣленіе. Онъ, Ханко, какъ и все правительство Эстоніи, не сомнѣваются, что при этомъ условіи народный голосъ на предстоящихъ въ скоромъ времени выборахъ въ Учредительное Собраніе выскажется не только въ пользу военнаго сотрудничества, но и за сохраненіе болѣе или менѣе прочной федеративной связи съ Россіей послѣ изгнанія большевиковъ....

Впослѣдствіи въ Парижѣ, Н. В. Чайковскій и Б. В. Савинковъ, совмѣстно съ которыми я возобновилъ переговоры съ тамошней эстонской делегаціей на мирной конференціи, Пустой и проф. Пійпомъ — говорили мнѣ, что въ вопросѣ о декларации права на самоопредѣленіе эстонцы «кобарны», что они молятъ, хотятъ, получить эту

«бумажку» изъ рукъ какой нибудь авторитетной русской политической организаціи только для того, чтобы, предъявивъ ее союзникамъ, сказать имъ: вотъ видите, сами русскіе признаютъ нашу независимость, а вы медлите, нельзя же быть plus russe que les russes....

Дѣйствительность показала скоро, что «коварство» эстонцевъ сводилось просто къ вѣрному пониманію тактическихъ задачъ, стоявшихъ тогда передъ ними въ борьбѣ съ большевиками: у эстонскихъ демократическихъ элементовъ, на плечи которыхъ и ложилась, вѣдь, преимущественно вся борьба съ совѣтской арміей, не было никакихъ другихъ лозунговъ для продолженія этой борьбы кромѣ лозунговъ «самоопредѣленіе», «независимость», «самостоятельность».

Эта была идея, которая еще могла увлечь народные массы для веденія непосильной длительной войны, требовавшей отъ маленькаго народа максимальнаго напряженія энергии и безконечныхъ жертвъ. Идея была нова и захватывала. Люди не предрѣшали вопроса о формѣ будущаго сожителства съ возродившейся Россіей, но сегодня они отъ нея обособлялись, потому что сегодня Россіей правилъ Ленинъ. И само собою понятно, если вступая сегодня въ конвенцію съ представителями не-большевистской Россіи, тѣ же эстонцы требовали выдачи имъ «бумажки», которая только подтвердила бы декларативно ихъ право на самоопредѣленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ нагляднымъ образомъ показала бы массамъ, истекавшимъ кровью въ борьбѣ съ большевиками, что демократическая Россія столь же далека отъ имперіализма коммунистовъ, какъ отъ имперіализма царей.

* * *

А. В. Карташевъ, какъ делегатъ Національнаго Центра, дѣйствовавшій по опредѣленнымъ директивамъ изъ Россіи и, что еще хуже, изъ Парижа, настрѣзъ отказался выдать «бумажку» хотя бы съ самымъ академическимъ содержаніемъ. Требованія Ханки показались ему дерзновеннымъ посягательствомъ на цѣлостность и неприкосновенность российской территоріи, государственной измѣной, въ которой онъ, разумѣется, участвовать не желаетъ, какъ бы дорога ни была помощь эстонцевъ въ борьбѣ за Петроградъ. Единственная уступка, на которую онъ шелъ, была та, что русская военно-политическая организація въ Гельсингфорсѣ (подразумѣвалось Политическое Совѣщаніе при Юденичѣ) обнародовало бы заявленіе съ указаніемъ, что вопросъ о практическомъ примѣненіи принципа самоопредѣленія народовъ къ эстонцамъ долженъ быть представленъ рѣшенію будущаго Всероссийскаго Учредительнаго Собранія.

Переговоры были прерваны, несмотря на то, что сильную поддержку своимъ хлопотамъ по выработкѣ соглашенія съ эстонцами я находилъ въ лицѣ Е. И. Кедрина, пользовавшагося тогда извѣстнымъ вліяніемъ на б. члена правительства Керенскаго. Но Е. И. Кедринъ почему то не пожелалъ тогда слишкомъ «ангажироваться» въ эстонскомъ вопросѣ. Я полагаю, что это происходитъ оттого, что Кедринъ также имѣлъ раньше неосторожность примкнуть къ Національному Центру или просто потому, что отношенія между Кедринимъ и Юденичемъ тогда были сильно натянуты и бывший членъ Центральнаго Комитета партіи «Народная Свобода» не пожелалъ обострять ихъ еще больше проявленіемъ чрезмѣрной лѣвизны.

Какъ бы то ни было — переговоры заглохли. Эстонцы были разочарованы. У лучшихъ сторонниковъ идеи федераціи съ Россіей самый сильный козырь былъ выбитъ изъ рукъ какъ разъ наканунѣ

выборовъ въ Учредительное Собраніе, которое и должно было рѣшить вопросъ отмежеваться-ли отъ Россіи навсегда или нѣтъ. Впервые у эстонскихъ социаль-демократовъ мелькнула тогда мысль: а не заключить ли миръ съ большевиками, если только они признаютъ нашу независимость...

Но, быть можетъ, А. В. Карташевъ и его ближайшіе товарищи по формировавшемуся тогда «Политическому Совѣщанію при Главнокомандующемъ» (Юденичѣ) относились столь отрицательно только къ эстонцамъ, а Финляндію, т. е. ея независимость признавали?

Вѣдь это-же былъ краеугольный камень всей тогдашней антибольшевистской политики въ Финскомъ заливѣ: безъ участія Финляндіи походъ на Петроградъ со стороны Нарвы и Пскова требуетъ длительной подготовки и его успѣхъ скорѣе проблематиченъ, съ участіемъ-же Финляндіи побѣда стремительная и полная, сулящая надежды на общее освобожденіе отъ большевиковъ—обезпечена. Но для того, чтобы заручиться вооруженной помощью Финляндіи нужно раньше признать ея независимость, честно, безъ оговорокъ и заднихъ мыслей. Она, независимость, все равно уже признана *de jure* Франціей, Англійей, Швеціей и нѣкоторыми другими нейтральными странами, причемъ Англія обусловила ее въ официальномъ документѣ, подписанномъ Бальфуромъ, оговоркой, что актъ о признаніи независимости не предрѣшаетъ вопроса о будущихъ границахъ молодой республики, ставшей отнынѣ субъектомъ международнаго права.

Лондонское правительство, очевидно, уже тогда было освѣдомлено о притязаніяхъ финляндскихъ имперіалистовъ на восточную Карелію и Печенгу, а такъ какъ въ ту пору (мартъ 1919 г.) въ Лондонѣ еще дулъ рѣзкій противобольшевистскій вѣтеръ и Черчилль постоянно бралъ верхъ надъ Ллойд-Джоржемъ, то отмѣченная здѣсь оговорка о буду-

щемъ территоріальномъ устройствѣ Финляндіи представляла собою очень жирную кость, брошенную съ барскаго вестминстерскаго стола въ гущу русскихъ бѣлыхъ организацій.

Возможно, конечно, что Англіей руководили при этомъ и другіе, менѣе альтруистическіе мотивы; англійскій флотъ еще стоялъ тогда на Мурманѣ и въ Бѣломъ морѣ; объ уводѣ войскъ генерала Айронсайда никто еще не помышлялъ; напротивъ, экспедиція еще разрасталась, и вслѣдствіе допустимо при такихъ условіяхъ, что самой Англіи могла, скажемъ, понравиться какая нибудь угольная станція въ Ледовитомъ океанѣ, напримѣръ, Печенга съ ея незамерзающимъ портомъ, — въ суматохѣ все что плохо лежитъ — мое....

Со стороны Франціи актъ о признаніи Финляндіи *de jure* не сопровождался никакими оговорками, но оиять таки не изъ чрезмѣрной привязанности Клемансо къ принципу самоопредѣленія, а изъ сухого политическаго расчета убить однимъ ударомъ гидру гермапофильства въ Финляндіи, продолжавшую отравлять тамъ умы и сердца. За то Франція, дѣйствительно, получила скоро отъ Маннергейма существенныя компенсаціи: для реорганизаціи финской арміи, воспитанной на германскихъ традиціяхъ, въ Гельсингфорсѣ былъ приглашенъ цѣлый отрядъ офицеровъ французскаго Генеральнаго Штаба, первой фигурой въ городѣ сдѣлался «начальникъ французской военной миссіи въ Прибалтикѣ» ген. Этьеванъ, на гельсингфорскихъ бульварахъ музыка играла вмѣсто «Wacht am Rhein» марсельезу и Madoon....

Какъ бы то ни было — независимость молодой республики уже была признана *de jure* такими могущественными международными факторами, какъ Англія, Франція, Італія и Соед. Штаты, т. е. нашими вчерашними союзниками, отъ которыхъ мы сегодня ждали помощи оружіемъ и деньгами

для борьбы съ Совѣтской властью. И если русская военно-политическая организація въ Гельсингфорсѣ добивалась этой-же помощи да еще въ болѣе непосредственной формѣ, т. е. въ видѣ подлиннаго вооруженнаго вмѣшательства отъ самой Финляндіи, то, казалось-бы, уже элементарный политическій расчетъ подсказывалъ признать въ торжественномъ актѣ независимость молодой республики безъ всякихъ оговорокъ и тѣмъ самымъ положить начало искреннему дружественному взаимопониманію.

Но А. В. Карташевъ, Юденичъ, Кузьминъ-Караваевъ (І. Вл. Гессена въ Политическое Совѣщаніе не пускали, потому что онъ — «жидъ») явно не торопились. Они шли на поводу у Милюкова и Сазонова, изъ которыхъ первый съ береговъ Темзы, а второй — изъ роскошнаго палаццо русскаго посольства на Rue de Grenelle, какъ боги олимпійскіе вѣщали, что признаніе независимости Финляндіи можетъ быть дано только Всероссійскимъ Учредительнымъ Собраніемъ, которое будетъ созвано послѣ полной побѣды надъ большевиками въ обстановкѣ общаго «успокоенія», что до тѣхъ поръ никакіе акты объ отложеніи той или иной окраины не будутъ почитаться дѣйствительными.

Такого рода «манифестъ» — помнится — былъ обнародованъ въ Парижѣ въ началѣ марта 1919 г. отъ имени тогдашняго Политическаго Совѣщанія и направленъ въ блаженной памяти Совѣтъ Четырехъ, причемъ въ отношеніи Финляндіи, которая только при большомъ нажимѣ на политическую логику и международные акты могла считаться «окрапной» б. россійской имперіи, не было сдѣлано никакихъ исключеній. Само собой понятно, что въ Гельсингфорсѣ, въ финляндскихъ кругахъ появленіе этого манифеста было равносильно взрыву бомбы съ удушливыми газами. Вліятельная шведская «Hufvudsstats-berättelse» писала, что отнынѣ какіе либо переговоры съ русскими бѣлыми организація-

ми по вопросу о совместных дѣйствіяхъ противъ большевиковъ должны считаться государственной измѣной, ибо эти организаціи работаютъ исключительно въ пользу возстановленія status quo ante.

Другой вліятельный финскій органъ — «Helsingin Sanomat», писалъ, что если русскія политическія организаціи въ Гельсингфорсѣ мыслятъ одинаково съ парижскимъ центромъ, то пора взвѣсить вопросъ, не лучше-ли однимъ взмахомъ положить конецъ ихъ дѣятельности на территоріи республики и тѣмъ отвести ударъ, направленный въ самое сердце Финляндіи... Центральная-же органъ социаль-демократической партіи, которая только что на выборахъ въ сеймъ получила $\frac{2}{5}$ изъ общаго числа поданныхъ голосовъ и вступила въ парламентъ въ количествѣ 80 человекъ изъ 200, говорила, что парижскій «манифестъ» является самымъ краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ отвѣтомъ на вопросъ, на чьей сторонѣ должны быть симпатіи финляндской демократіи, на сторонѣ реакціонеровъ, мечтающихъ о быломъ своемъ величіи, или тѣхъ (подразумѣвалась Совѣтская власть), кто еще 4-го декабря 1917 г. призналъ безъ отговорокъ независимость Финляндіи...

Таковъ былъ общій тонъ печати, которая въ Финляндіи, какъ нигдѣ въ Европѣ, точно въ зеркалѣ, отражаетъ общественныя и партійныя настроенія. Со стороны-же правительства первой мѣрой было прекращеніе строго конспиративныхъ переговоровъ съ Юденичемъ о предоставленіи ему возможности формировать на территоріи Финляндіи нѣсколько батальоновъ изъ разбросанныхъ по странѣ русскихъ офицеровъ и добровольцевъ. Предполагалось тогда (мартъ 19 г.), что Юденичъ наслѣхъ образуетъ въ Финляндіи изъ этихъ элементовъ до 8 батальоновъ по 1000 человекъ и вмѣстѣ съ отрядами добровольцевъ, которые шведы предлагали, плюсъ 2—3 тысячи русскихъ доброволь-

цевъ, накопившихся въ Скандинавіи въ лагеряхъ для интернированныхъ во время войны съ Германіей, перебросить ихъ въ числѣ 15-ти тысячъ чело-вѣкъ при содѣйствіи союзнаго флота на южный берегъ залива, въ Эстонію, въ подмогу тамошнему русскому Сѣверному корпусу. Получилась-бы вмѣстѣ съ послѣднимъ маленькая, но хорошо снабжен-ная армія, съ которой и можно было-бы начать по-ходъ на Петроградъ при поддержкѣ эстонской арміи.

Но объ этомъ планѣ рѣчь — впереди.

Когда въ Гельсингфорсѣ разорвалась бомба парижскаго «манифеста», финляндское правительство въ лицѣ военнаго министра Вальдена, который, какъ военный и бывший офицеръ русской службы, конечно, всячески поощрялъ планы Юденича — заявило, что, въ виду подозрительнаго отношенія общественнаго мнѣнія ко всякаго рода русскимъ военнымъ затѣямъ на территоріи республики, оно можетъ разрѣшить Юденичу осуществленіе его проекта только на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Юденичъ формируетъ свои войска не въ Гельсингфорсѣ, а въ провинціи — кажется, въ захолустномъ Экенэсѣ, въ которомъ нѣтъ ни казармъ, ни плацдармовъ;

2) По формированіи какого нибудь батальона, послѣдній подлежитъ немедленной переправкѣ на южный берегъ Финскаго залива и только послѣ этого Юденичъ вправе приступить къ формированію новаго батальона;

3) Ношеніе оружія и пользованіе имъ хотя бы только въ цѣляхъ обученія ни въ коемъ случаѣ не допускается;

4) Союзныя военныя миссіи въ Гельсингфорсѣ гарантируютъ соблюденіе этихъ условій.

Были намѣчены еще и другіе пункты административнаго и юридическаго свойства, еще болѣе

стѣснявшіе свободу дѣйствія будущаго Главкома-мандующаго; но было ясно даже для слѣпыхъ, что финляндскимъ правительствомъ руководить не столько страхъ передъ накопленіемъ болѣе или менѣе значительныхъ русскихъ силъ на территоріи республики (при наличіи финляндскаго «шюцкора», т.-е. охраннаго корпуса, о которомъ мы уже говорили, и регулярной арміи въ 50 000 штыковъ этотъ страхъ былъ бы необоснованъ), сколько желаніе тормозить все начинаніе Юденича или затянуть его до безконечности.

А моментъ былъ важенъ какъ въ общеполитическомъ, такъ и въ военно-стратегическомъ отношеніяхъ, и требовалъ дѣйствій.

* * *

Заливъ постепенно очищался отъ льдовъ послѣ необыкновенно суровой зимы; цѣлая флотилія англійскихъ истребителей и тральщиковъ была занята день и ночь вылавливаніемъ минъ изъ залива, въ то время, когда ядро эскадры адмирала Кована часто подходило къ самому Кронштадту и его батареямъ. На южномъ берегу залива, между Нарвой и Псковымъ незначительная числомъ, но мужественная духомъ эстонская армія наносила большевикамъ одно пораженіе за другимъ. Дѣйствующій тамъ русскій Сѣверный корпусъ замѣтно разрослся благодаря обильному притоку добровольцевъ и перебѣжчиковъ изъ красной арміи («красные» переходили тогда цѣлыми полками, приводя съ собою зачастую на веревкѣ своихъ комиссаровъ) и выказывалъ нетерпѣніе помѣряться силами съ громадой Троцкаго на русской землѣ, въ предѣлахъ Петроградской и Псковской губерній, гдѣ ему, несомнѣнно, помогло бы крестьянство, сплошь тогда анти-большевистски настроенное.

Но у большевиковъ были острия заботы не только здѣсь подь Петроградомъ. Колчакъ перевалилъ черезъ Уралъ и рвался на Самару и Казань. Уже шевелился Деникинъ, готовясь къ общему наступленію, въ то время какъ донцы отвлекали отъ него вниманіе краснаго командованія дѣйствіями въ знаменитомъ «Поворинскомъ» направленіи. На крайнемъ сѣверѣ Миллеръ и Айронсайдъ тоже поспѣвали, не говоря уже о латышахъ, изгнавшихъ большевиковъ изъ Риги, о полякахъ, подходившихъ къ Минску и Мозыри, и, наконецъ, о петлюровцахъ, тютюниковцахъ и махновцахъ, безпоконившихъ непрестанно весь югъ.

Вдобавокъ, европейскій «концертъ» держалъ опредѣленно анти-большевистскій почти военно-интервенціонистскій курсъ; знаменитый проектъ созыва конференціи въ Принкино провалился, потому что П. Н. Милуковъ убоился вдругъ, что Троцкій нанесетъ ему тамъ «по ритуалу», какъ отроку Ющинскому, 13 колотыхъ ранъ въ спину; совѣтскій режимъ въ Венгріи доживалъ послѣдніе дни подь румынскую музыку, баварская совѣтская республика тоже отцвѣтала, не успѣвши расцвѣсть, а въ Лондонѣ глухая борьба между Ллойдъ-Джорджемъ и Черчиллемъ кончилась побѣдой послѣдняго — въ Архангельскѣ и на Мурманѣ посылались подкрѣпленія, повсемѣстно въ Англии шла усиленная запись добровольцевъ.

Словомъ, медлить съ подготовкой похода на Петроградъ, который естественно окрылялъ всѣхъ надеждой на скорое и общее избавленіе отъ большевиковъ — казалось недопустимымъ. Но, какъ мы уже показали, мудрые политики и «демократы» изъ среды Политическаго Совѣщанія въ Парижѣ сдѣлали то, что уже первые шаги русскихъ организацій въ Финляндіи неминуемо должны были встрѣтиться съ рѣшительнымъ non possumus финляндскаго общественнаго мнѣнія и правительства.

А гельсингфорскіе единомышленники Парижа, ближайшіе совѣтники Юденича да и самъ будущій Главнокомандующій, въ свою очередь, палець о палець не ударили, чтобы смягчить здѣсь на мѣстѣ впечатлѣніе отъ парижской бомбы, взорвавшейся такъ некстати. Оффиціозъ «Русская Жизнь», редактированіе котораго было поручено К. Арабажину и Е. Ляцкому, вынужденно молчалъ или акробатически обходилъ опасныя мѣста, причемъ, поскольکو мнѣ доподлинно извѣстно, К. А. Арабажину неоднократно были сдѣланы «внушенія» за чрезмѣрный... либерализмъ.

Спустя нѣкоторое время въ Гельсингфорсѣ съ легкой руки П. Н. Милюкова и С. Д. Сазонова стали давать новое толкованіе отмѣченному выше оговоркамъ въ вопросѣ о признаніи независимости Финляндіи. Это былъ моментъ (апрѣль и май 1919 г.), когда знаменитый Совѣтъ Четырехъ подъ напоромъ социалистическихъ партій, высказывавшихся почти единодушно противъ всякой интервенціи — явной или замаскированной, — счелъ нужнымъ поставить Колчаку рядъ условій болѣе или менѣе демократическаго характера въ особой торжественной нотѣ. Колчакъ — помните — въ столь-же торжественной формѣ долженъ былъ дать прямой отвѣтъ со всѣми вытекавшими отсюда обязательствами. А такъ какъ въ сей отвѣтной нотѣ, оцѣненной тогда Совѣтомъ Четырехъ «въ общемъ и цѣломъ удовлетворительной» (именно только удовлетворительной, а не исчерпывающей!) Колчакъ вновь связалъ вопросъ о независимости финляндской республики нѣкоторыми оговорками, — то гельсингфорская политическая организація Юденича, признававшая безоговорочно «державный авторитетъ Верховнаго Правительства», сочла нужнымъ пуститься на слѣдующую политическую эквилибристику *ad usum deiphrini*, въ наивномъ разсчетѣ, что финляндцы ее не разгадаютъ.

Принципіально, молю, вопросъ о признаніи независимости Финляндіи не вызываетъ никакихъ возраженій, совершившійся фактъ долженъ быть санкціонированъ. Но есть нѣкоторыя чисто стратегическія соображенія, по которымъ это не можетъ быть сдѣлано сегодня, или же, если это должно послѣдовать во что бы то ни стало именно сегодня, то отдѣльныя оговорки необходимы.

Напримѣръ, никто не возьмется сказать, останется-ли Москва столицей послѣ ухода большевиковъ или-же Петроградъ вновь вступитъ въ свои права. Если-же случится послѣднее, то допустимо-ли, чтобы государственная граница проходила въ 34-хъ верстахъ отъ незащищенной столицы безъ всякихъ гарантій военнаго свойства? Допустимо-ли, чтобы въ непосредственной близости къ Петрограду независимая Финляндія, могущая не сегодня — завтра вступить въ любую анти-русскую коалицію, располагала такими мощными фортами, какъ Ино съ его дальнобойными орудіями. Допустимо-ли, чтобы балтійскій флотъ былъ запертъ въ Кронштадтѣ и не имѣлъ никакихъ опорныхъ пунктовъ на сѣверномъ берегу залива?

Вѣдь, въ такомъ случаѣ, Финскій заливъ превратится скоро для Россіи въ новые Дарданеллы, ключъ отъ которыхъ вмѣсто того, чтобы лежать въ дырявыхъ шароварахъ турокъ, находился бы въ рукахъ крѣпкихъ финновъ...

Но всѣ эти вопросы — разсуждали далѣе совѣтники Юденича изъ Національнаго Центра — найдутъ себѣ удовлетворительное для обѣихъ сторонъ разрѣшеніе путемъ взаимныхъ уступокъ, какъ только Россія избавится отъ большевиковъ. Напримѣръ, выгодный для интересовъ Финляндіи торговый договоръ (если хотите, назовите его экономической конвенціей) могъ бы компенсироваться нѣкоторыми стратегическими льготами въ пользу Россіи, точно очерченными въ особомъ договорѣ. Но все

это — дѣло будущаго законнаго російскаго правительства, т.-е. Учредительнаго (Національнаго) Собранія.

Естественно, что финляндцевъ эти туманныя рѣчи не удовлетворяли, а напротивъ еще болѣе озлобили.

— Значитъ, сами русскіе, т.-е. именно тѣ, которые уже представляютъ себя въ роли хозяевъ завтрашней Россіи, считаютъ, что наша независимость будетъ только условной, что Свеаборгъ, на-примѣръ, долженъ будетъ остаться русской морской базой, что въ какихъ нибудь другихъ пунктахъ будутъ стоять, по прежнему, русскіе гарнизоны, а Бобриковы и Зейны, пожалуй, еще возродятся въ какомъ нибудь новомъ образѣ... Но вѣдь тѣ же русскіе сегодня просятъ у насъ помощи для борьбы съ большевиками, т.-е. просятъ крови нашихъ гражданъ. А есть-ли гарантіи, что по выполненіи своей непосредственной задачи, они вновь не обрушатся на насъ и силою штыковъ не заставятъ Финляндію подписать ту именно военно-стратегическую конвенцію, которая уже сегодня рисуется имъ неизбежной?...

Сторонники «теоріи гніенія», разумѣется, шли еще дальше. Для нихъ парижскій «манифестъ», котчаковская отвѣтная нота союзникамъ и послѣдующія толкованія гельсенгфорскихъ русскихъ «диктаторовъ» оказались блестящимъ козыремъ для усиленія анти-русской пропаганды.

— Пусть Россія, дѣйствительно, гніетъ въ объятіяхъ большевиковъ, пускай гніетъ еще десяти лѣтіе — другое, пока мы сами не окрѣпнемъ, а вмѣстѣ съ нами и другія составныя части бывшей російской имперіи... Процессъ ея разложенія долженъ быть доведенъ до конца — вотъ единственное спасеніе...

* * *

Начался флиртъ съ правительствами новыхъ окраинныхъ государственныхъ образованій. Заговорили о необходимости созданія «диагональной» лиги народовъ, которая обнимала бы новыя государства, расположенныя между Финскимъ заливомъ и... Батумомъ. Эта идея, если не ошибаюсь, родилась въ Ревелѣ, а патентъ на нее взялъ петербургскій прив.-доц. Пейпъ, бывший министр индѣлъ эстонскаго правительства и тогдашній делегатъ Эстоніи въ Лондонѣ. «Диагональная» линія шла бы, по его мысли, изъ Гельсингфорса черезъ Эстонію, Латвію, Бѣлоруссію (включая, конечно, и Смоленскъ), Украину, Кубань и сѣверпо-кавказскія республики въ Грузію; конечной ея цѣлью было «на всякій случай» загнать Россію въ предѣлы княжества московскаго, гдѣ-бы она вообще скоро задохлась или обросла густой шерстью на подобіе, скажемъ, Монголіи или Тибета...

Финляндское правительство (Маннергеймъ еще находился тогда у власти) сдержанно-осторожно прислушивалось къ этимъ разговорамъ; оно не «ангажировалось», во-первыхъ уже потому, что въ международно-правовомъ отношеніи Финляндія занимала тогда совсѣмъ иное положеніе, чѣмъ другія окраинныя государственныя образованія. Последнія, въ самомъ дѣлѣ, разсматривались въ Парижѣ на мирной конференціи какъ «*gouvernements provisoires*» или, въ лучшемъ случаѣ, какъ «*gouvernements de fait*», тогда какъ Финляндія уже была признана *de jure* какъ полноцѣнный субъектъ международного права. Въ Ревелѣ и Ригѣ сидѣли представители Антанты на правахъ «комиссаровъ» (даже не дипломатическихъ агентовъ, какъ принято со временъ Вѣнскаго конгресса въ отношеніи полусуверенныхъ государствъ); въ Гельсингфорсѣ же находились подлинныя *ministres plenipotentiaires* (посланники), должнымъ образомъ акредитованные, съ большимъ штатомъ секретарей и аташэ, а финляндское правительство устраивало торжественныя

пріемы «дипломатическаго корпуса» — совсѣмъ какъ подобаеть суверенному государству.

Въ Парижѣ опять таки Совѣтъ Четырехъ подчеркнуто-небрежно обращался съ делегатами Эстоніи, Латвіи, Литвы и Украйны. Клемансо, напримѣръ, котораго никто, конечно, не станетъ обвинять въ чрезмѣрной симпатіи къ Россіи, принималъ ихъ сптомъ, т.-е. собиралъ ихъ воедино въ какомъ нибудь второстепенномъ залѣ и тамъ читалъ имъ «вербальныя» деклараціи, послѣ чего обыкновенно никакихъ дискуссій не происходило...

Въ бытность мою въ Парижѣ по дѣламъ сѣверо-западнымъ, о чемъ рѣчь впереди — я слышалъ много забавныхъ рассказовъ на эту тему. Одинъ какой то делегатъ окраиннаго государства просидѣлъ въ пріемной у Клемансо цѣлыхъ пять часовъ, такъ и не удостоившись аудіенціи, несмотря на то, что уже послѣ его прихода «тигръ» нашелъ время принять одного за другимъ цѣлую серію представителей самыхъ экзотическихъ странъ вплоть до Либеріи. Другой делегатъ былъ ограниченъ въ право-жителъствѣ въ Парижѣ, третьему не дали визы въ Лондонъ и т. д..

Была еще одна причина, почему финляндское правительство и руководящее общественное мнѣніе сугубо-сдержанно относились къ разнымъ проектамъ «діагональныхъ» лигъ.

Политика Антанты въ русскомъ вопросѣ шла тогда зигзагами.

Въ Англіи то побѣждалъ Черчилль съ его интервенціонистскимъ курсомъ, то Ллойд-Джорджъ съ его ставкой на компромиссъ.

Во Франціи минутами бралъ верхъ министръ иностранныхъ дѣлъ Пишопъ съ его идеей о необходимости возсозданія единой и сильной Россіи, которая для будущаго огражденія французскихъ интересовъ представитъ болѣе надежную гарантію, чѣмъ балканизированная восточная Европа; мину-

тами же голосъ Клемансо звучалъ ерихонской трубой и заглушалъ всѣ эти доводы въ пользу другихъ, т. е. его собственныхъ о томъ, что, по соображеніямъ внутренней политики Франціи, современную большевистскую Россію полезнѣе держать до поры до времени не иначе, какъ за колючей проволокой.

Вильсонъ-же то «уходилъ» изъ Европы, то вновь возвращался, а его рѣчи и деклараціи о Россіи были столь-же туманно-академичны, какъ его знаменитые 14 пунктовъ для возсозданія мира въ Европѣ.

Финляндія благоразумно прислушивалась, приглядывалась, прицѣливалась. Она одинаково нуждалась въ расположеніи всѣхъ членовъ Антанты. Изъ Соед. Штатовъ она получала продовольственные продукты, изъ Англіи — фабрикаты первой необходимости, изъ Франціи — военныхъ инструкторовъ и вооруженіе. Всѣмъ этимъ сильнымъ міра сего надо было давать каждадневно вѣщія доказательства того, что пресловутое германофильство финновъ — навѣтъ на молодую республику. Требовалось убѣдить невѣрующихъ, что если Финляндія и имѣла неосторожность избрать прусскаго принца королемъ и посылать къ нему делегацію отъ сейма въ тотъ моментъ, когда режимъ Гогенцоллерновъ уже рушился на западномъ фронтѣ — то это объяснялось исключительно особенностью положенія страны во время ея оккупации фонъ-деръ-Гольцомъ и что во всякомъ случаѣ, когда Версальскій договоръ почти уже изготовленъ, Финляндія знаетъ, гдѣ искать своихъ друзей и доброжелателей...

Наивно, но честно.

Далѣе, у финляндскихъ политическихъ дѣятелей не было надлежащаго опыта въ области международной политики (если не ошибаюсь, въ гельсингфорскомъ университетѣ отсутствовала даже кафедра по международному праву), — опыта, который позволилъ бы имъ быстро ориентироваться въ евро-

пейской обстановкѣ; не было и подготовленнаго дипломатическаго аппарата, ни нужныхъ связей въ такихъ центрахъ, какъ Парижъ и Лондонъ.

Маннергеймъ посѣтилъ было страны Антанты ранней весной 19 г. и, кажется, болѣе или менѣе опредѣленно выступалъ тамъ въ пользу вооруженнаго вмѣшательства Финляндіи въ русскія дѣла; но вскорѣ послѣ его возвращенія въ Гельсингфорсъ стало ясно, что онъ не добился, главнымъ образомъ, въ Лондонѣ ни благословенія, ни порицанія — англійское правительство желало имѣть руки свободными, процессъ дальнѣйшаго разложенія Россіи, очевидно, уже входилъ въ расчетъ Ллойдъ-Джорджа.

Внутреннее политическое положеніе Финляндіи также еще не представлялось окончательно упрочившимся, устойчивымъ. Даже вопросъ о монархическомъ или республиканскомъ образѣ правленія не былъ рѣшенъ. Маннергеймъ былъ только временнымъ Riksvorstand — главой государства — впредь до выясненія результатовъ выборовъ и пересмотра въ новой законодательной палатѣ арханческой конституціи 1772 г., еще дѣйствовавшей въ странѣ. При этомъ монархистамъ и республиканцамъ въ одинаковой степени приходилось считаться съ тяжелымъ багажомъ воспоминаній о томъ, что Финляндія, первое упоминаніе о которой въ исторіи относится къ концу 13-го вѣка, т.-е. къ эпохѣ ея христіанизации, никогда не была сувереннымъ независимымъ государствомъ, а принадлежала то Швеціи, то Россіи.

Можно было только разсчитывать, что народное большинство выскажется за республику и еще разъ скрѣпитъ вѣтумъ стараго сейма отъ 3-го дек. 1917 г. объ абсолютной независимости отъ Россіи. Разсчеты эти, какъ дѣйствительность показала, были правильны, ибо изъ милліона слишкомъ избирателей (при общей численности населенія въ 3 $\frac{1}{2}$ милліона)

за социаль-демократическихъ кандидатовъ голосовало около 400 000 чел., тогда какъ въ буржуазной средѣ (шведской и финской) единства не было, старыя буржуазныя партіи раскололись на мелкія фракціи, блокированіе-же не умѣщается въ финскомъ національномъ темпераментѣ.

Само собой понятно, что такая политическая обстановка — внѣшняя и внутренняя — требовала отъ финляндцевъ сугубой осторожности и отказа отъ всякихъ азартныхъ рѣшеній.

Глава VI.

Аландскій вопросъ.

Большія заботы, кромѣ того, причинялъ финляндцамъ тогда вопросъ объ Аландскихъ островахъ. Выпущенный недавно (ноябрь 1920) шведскимъ правительствомъ объемистый сборникъ дипломатическихъ документовъ по этому вопросу («Alandsfragan infor Nationernas Forbund», Stockholm 1920) показываетъ, что шведское правительство еще 22-го апр. 1919 г., т.-е. какъ разъ въ эпоху описываемыхъ здѣсь событій въ Финскомъ заливѣ, обратилось къ парижской мирной конференціи съ пространнымъ меморандумомъ, содержащимъ явную жалобу на молодую финляндскую республику, которая, сама только что вылупившись изъ принципа самоопредѣленія народовъ, упорно не желаетъ считаться съ результатами народнаго голосованія на Аландскихъ островахъ объ ихъ переходѣ къ Швеціи.

Мы позволимъ себѣ остановиться здѣсь подробнѣе на этомъ документѣ, уже потому, что Аландскій вопросъ имѣетъ для насъ не только историческое значеніе, но завтра-же можетъ сдѣлаться актуальнымъ, разъ ю р и д и ч е с к и рѣчь идетъ о переходѣ части россійской государственной территоріи къ державѣ, съ которой Россія въ войнѣ не состояла, а политически-стратегически — объ утерѣ морской базы, имѣющей значеніе ключа отъ Финскаго залива и, слѣдовательно, отъ Петрограда.

Даже Совѣтская власть, которой обыкновенно не жалко раздавать направо и налево порою самыя цѣнныя части россійской государственной территории, сочла нужнымъ недавно въ рядѣ нотъ предупредить Антанту и спорящія стороны, что никакія рѣшенія по Аландскому вопросу не будутъ почитаться дѣйствительными и обязательными безъ непосредственнаго участія въ нихъ Россіи. Какъ мы далѣе увидимъ, международная юридическая коммиссія, назначенная секретариатомъ Лиги Народовъ для изученія юридической сущности вопроса, условно нашла эту точку зрѣнія Совѣтскаго правительства правильной и зафиксировала ее въ оффиціальныхъ протоколахъ.

Это, кажется, единственный случай изъ исторіи своеобразнаго общенія большевиковъ съ Западомъ, когда юридическая точка зрѣнія московскаго коммунистическаго правительства совпадаетъ со взглядами архи-буржуазныхъ юристовъ-международниковъ. Но мы въ другомъ мѣстѣ еще вернемся къ нему, а также къ обнародованной недавно резолюціи Международной Коммиссіи.

Въ упомянутой нотѣ отъ 22-го апрѣля 1919 г. шведское правительство, обращаясь къ предсѣдателю мирной конференціи, пишетъ:

«Когда въ результатъ русской революціи (февральской Г. К.) бывшія шведскія земли, перешедшія по Фридрихгамскому миру 1809 г. къ Россіи, перестали быть подвластными этой державѣ, большая часть этихъ земель, т. е. тѣ, которыя составляли старую шведскую Финляндію, высказали свое желаніе образовать свободное и независимое Финское государство. Одновременно, осенью 1917 г., население Аландскихъ острововъ, перешедшихъ такъ же какъ Финляндія по тому-же Фридрихгамскому миру къ Россіи, заявило о необходимости воссоединить эти острова съ матерью Швеціей... Населеніе Аландскихъ острововъ — чисто шведскаго проис-

хожденія; сохранившіеся здѣсь древніе культурныя памятники свидѣтельствуютъ, что острова съ незапамятныхъ временъ были населены исключительно шведами. Исторически доказано, что несмотря на свое различное административное устройство на протяженіи вѣковъ, Аландскіе острова занимали обособленное положеніе въ предѣлахъ шведской монархіи въ томъ видѣ, какъ она существовала до 1809 г. и никогда не были слиты съ краемъ, расположеннымъ на востокѣ отъ Ботническаго залива. Когда-же въ 1809 г. Швеція была вынуждена уступить эти острова Россіи, этотъ архипелагъ разсматривался именно какъ шведская территорія, а не какъ часть Финляндскаго края... Но Аландскій вопросъ не есть проблема, интересующая только его населеніе, съ одной стороны, и Швецію и Финляндію — съ другой; напротивъ онъ представляетъ вопросъ общеевропейскій. Уже изъ приложенія къ парижскому трактату 1856 г., лишившему Россію права укрѣплять эти острова, опредѣленно явствуетъ, что судьба Аландскаго архипелага имѣетъ общеевропейское значеніе. Въ соотвѣтствіи съ этимъ шведское правительство въ февралѣ 1918 г., ввиду мѣръ, принятыхъ имъ для предотвращенія извѣстныхъ насильственныхъ дѣйствій въ отношеніи Аландскихъ острововъ (германцы тогда высаживались въ Финляндію по приглашенію Свинхувуда. Г. К.), сочло своимъ долгомъ дать представителямъ Англіи и Франціи въ Стокгольмѣ опредѣленные разъясненія относительно своей точки зрѣнія въ этомъ вопросѣ. Въ свою очередь, указанныя державы въ своемъ отвѣтѣ, ссылаясь на постановленія Парижскаго договора 1856 г., указывали, что окончательное рѣшеніе вопроса не можетъ быть вынесено безъ ихъ участія. Въ этой деклараціи шведское правительство не можетъ не усматривать признанія международно-европейскаго значенія Аландскаго вопроса».

Въ другой нотѣ ((отъ 4-го авг. 1919 г.), адресо-

ванной такъ называемому Верховному Совѣту въ Парижѣ, шведское правительство указываетъ, что оно надѣялось, «что правительство Финляндіи, которое для осуществленія независимости самой Финляндіи опиралось исключительно на священное право народовъ на самоопредѣленіе, по меньшей мѣрѣ, будетъ относиться съ уваженіемъ къ этому принципу въ его примѣненіи къ населенію Аландскихъ острововъ». Оно предложило плебисцитъ съ извѣстными гарантіями, но переговоры съ Гельсингфорсомъ ни къ чему не привели. А между тѣмъ для поддержанія мира и спокойствія въ сѣверной части Европы и сохраненія равновѣсія въ Балтійскомъ морѣ, этотъ вопросъ имѣетъ огромное значеніе...

Остаиваясь далѣе на географическихъ особенностяхъ Аландскихъ острововъ съ указаніемъ, что наиболѣе крупный островъ расположенъ всего въ 40 километрахъ по воздушной линіи отъ шведскаго материка, а отъ Стокгольма — въ 65 кил., между тѣмъ какъ отъ Финляндскихъ шхеръ его отдѣляетъ разстояніе въ 80 километровъ съ свободнымъ проходомъ, именуемымъ Skitett въ 30 кил. — послѣ цѣлага ряда другихъ географическихъ данныхъ шведская нота говоритъ:

«Аландскіе острова съ незапамятныхъ временъ принадлежали къ Швеціи. Первыми обитателями архипелага были шведы, какъ это доказано археологическими изслѣдованіями и названіями мѣстностей. Еще задолго до завоеванія Финляндіи шведами, Аландскіе острова составляли часть шведской монархіи. Дѣйствительно, только въ теченіе 12-го вѣка шведы приступили къ завоеванію края, извѣстнаго теперь по имени «Финляндія»; постепенно этотъ край былъ завоеванъ, цѣликомъ колонизированъ и обращенъ въ христіанство. Какъ извѣстно, населеніе Финляндіи составляетъ нынѣ 3 300 000 человѣкъ, изъ нихъ 340 000 — шведы, населяющіе преимущественно побережье Ботническаго и Фин-

скаго заливовъ... Неоспоримо также, что за все время шведскаго владычества выраженіе «Финляндія» представляло собою наименованіе для владѣній шведской короны отмежованныхъ отъ материка Финскимъ и Ботническимъ заливами. Финляндія не пользовалась никакой автономіей и не имѣла никакого самостоятельнаго народнаго представительства; наравнѣ съ другими шведскими областями она была представлена въ обще-шведскомъ Риксдагѣ; она управлялась на тѣхъ-же началахъ, что и другія владѣнія шведской короны...

Финляндія вообще никогда не существовала какъ самостоятельная политическая концепція до 1809 года, когда императоръ Александръ I, для облегченія ея присоединенія къ Россіи, далъ ей широкую автономію и создалъ Великое Княжество Финляндское, которое до тѣхъ поръ было только титуломъ среди многихъ другихъ титуловъ шведской короны»...

* * *

Финляндскіе шовинисты, обосновывавшіе въ послѣдствіе свои притязанія на Восточную Карелію съ ея преобладающимъ русскимъ населеніемъ, именно «историческими правами», едва-ли будутъ польщены послѣднимъ замѣчаніемъ этой ноты; обрадуются, напротивъ, ихъ русскіе единомышленники-монархисты, ибо — подумайте только: російскіе цари не только не душили самостоятельности Финляндіи, которой никогда не существовало, но, наоборотъ, эту самостоятельность (автономію) ей даровали тотъ прогрю...

* * *

Но есть въ этой нотѣ и другія цѣнныя данныя, относящіяся къ эпохѣ правленія Керенскаго и почему-то скрытыя тогдашнимъ мин. ин. дѣль Терещенко отъ общественнаго мнѣнія Россіи, къ вѣщшему удовольствію архиваровъ бывшаго пѣвческаго моста.

Оказывается: «Сейчасъ-же послѣ первой русской революціи (февральской) и за долго до того, какъ Финляндія въ результатѣ большевистскаго октябрьскаго переворота провозгласила свое отдѣленіе отъ Россіи и независимость, — на Аландскихъ островахъ возникло общее народное движеніе въ пользу ихъ воссоединенія съ Швеціей. Уже 7-го авг. 1917 г. выборные делегаты со всѣхъ острововъ образовали общее народное представительство, которое, немедленно, выдѣлило изъ своей среды особую депутацію для отправки въ Стокгольмъ съ цѣлью сообщить шведскому королю и правительству о пламенномъ желаніи аландцевъ воссоединиться съ матерью Швеціей»...

Почему этотъ фактъ былъ скрытъ Керенскимъ отъ русскаго общественнаго мнѣнія? Помню (я завѣдывалъ тогда иностраннымъ отдѣломъ «Русской Воли», во главѣ которой стоялъ Леонидъ Андреевъ), въ тѣ дни въ Петроградѣ, дѣйствительно существовала какая-то тревога въ отношеніи Швеціи; изъ правительственныхъ круговъ распространялись слухи, что Швеція «что-то» готовитъ въ связи съ германскимъ наступленіемъ на Ригу. Я не придавалъ этимъ слухамъ значенія, ибо никогда за все время войны основной курсъ шведской политики не былъ такъ ясенъ, какъ въ ту пору: ярый антантофилъ социаль-демократъ Брантингъ въ результатѣ парламентскихъ выборовъ сдѣлался главнымъ совѣтникомъ короны... Но такъ какъ слухи росли, а телеграммы моихъ стокгольмскихъ корреспондентовъ стали поступать съ большими цензурными искаженіями, я счелъ нужнымъ обратиться къ

«первоисточнику» — М. И. Терещенко. Но тогдашній російскій Биконсфильдъ продержалъ меня около получаса пустымъ безсодержательнымъ разговоромъ на тему о затрудненіяхъ, которыя ему чинить Исп. Ком. Сов. Раб. Депутатовъ своей самостоятельной внѣшней политикой и форсированнымъ созывомъ Стокгольмской Соціалистической Конференціи. О главномъ же — о Швеціи — онъ «забылъ» сказать что-либо опредѣленное или просто скрыть отъ меня правду. А, вѣдь, правда эта не была вовсе столь страшна для отечественнаго патріотизма: населеніе Аландскихъ острововъ стремилось къ отдѣленію отъ Россіи. Но мало-ли кто самоопредѣлялся у насъ въ тѣ дни?...

* * *

Есть, наконецъ, въ обсуждаемой здѣсь шведской нотѣ еще одна страница, имѣющая актуальный характеръ не только для Чичерина, но и для того, кто завтра займетъ его постъ. Нота говоритъ:

«Союзная Балтійская Комиссія находитъ возраженіе противъ немедленнаго рѣшенія вопроса объ Аландскихъ островахъ въ томъ фактѣ, что данный вопросъ затрагиваетъ также Россію, которая, однако, въ данную минуту лишена голоса. Шведское Правительство абсолютно не оспариваетъ эту точку зрѣнія и находитъ желательнымъ рѣшить Аландскій вопросъ при участіи Россіи. Но если бы рѣчь шла о кратковременной отсрочкѣ, то вопросъ безъ ущерба для дѣла могъ-бы быть отложенъ. Однако, все заставляетъ думать, что еще много времени пройдетъ прежде чѣмъ возстановленіе Россіи станетъ совершившимся фактомъ... Съ другой стороны трудно представить себѣ чтобы вопросъ о суверенитетѣ надъ Аландскими островами сталъ жизненнымъ вопросомъ для Россіи. Правительство адми-

рала Колчака (замѣтите: нота писана въ началѣ авг. 1919 г. т. е. тогда, когда Колчакъ подходилъ къ Казани! Т. К.) едва-ли станеть отстаивать російскій суверенитетъ надъ Аландскими островами, которые разъ Финляндія объявлена независимой, уже лишены всякаго контакта съ Россіей... Что касается нейтрализаціи острововъ, ясно, что Россія, какъ Балтійская держава имѣеть здѣсь свои интересы. Такъ какъ Аландскіе острова представляютъ собою превосходную военно-морскую базу, то владѣніе ими, въ чьихъ бы рукахъ оно не находилось, можетъ вызвать серьезныя опасенія у другихъ балтійскихъ государствъ или стать предметомъ серьезныхъ неудобствъ. Вотъ почему королевское правительство не возражаетъ противъ нейтрализаціи острововъ съ исчерпывающими гарантіями»...

* * *

Такова была тогда основная точка зрѣнія Швеціи. Впослѣдствіи ее аргументироваль съ большимъ дипломатическимъ искусствомъ вождь шведской соціалъ-демократіи Яльмаръ Брантингъ, ѣздившій въ Парижъ въ качествѣ шведскаго делегата на диспутъ съ финляндцами передъ юридической коммиссіей Лиги Націй. Когда тѣ въ рядѣ нотъ, кравне неудачно составленныхъ, стали утверждать, что требованія Швеціи о предоставленіи алаандцамъ права на самоопредѣленіе или о рѣшеніи этого вопроса Лигой Націй является „вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Финляндіи“, ибо острова, молъ, испоконъ вѣковъ составляли интегральную часть Финляндіи и, какъ таковые, съ момента провозглашенія независимости Финляндіи отъ Россіи автоматически вновь входятъ въ суверенную исключительную государственную - правовую компетенцію Финляндіи, — на эти возраженія финляндцевъ Брантингъ отвѣчалъ: Рѣчь

не идетъ вовсе о попыткѣ населенія — опредѣленной области отложиться отъ страны, съ которою она была безспорно связана: Финляндія и Аландскіе острова были объединены д в у м я актами—во 1) Фридрихгамскимъ миромъ 1809, по которому Швеція была вынуждена уступить Россіи свои финляндскія губерніи и Аландскіе острова; во—2) фактомъ созданія императоромъ Александромъ I изъ Финляндіи автономной области, инкорпорированной въ государственныя границы Россіи. Но провозглашая свою независимость, Финляндія разорвала, вѣдь, оба документа, связывавшіе ее съ Россіей и обосновывала свою независимость однимъ единственнымъ принципомъ — правомъ народовъ на самоопредѣленіе. Въ одинаковой мѣрѣ—аландцы, аннулируя оба эти документа, также требуютъ предоставленія имъ права на самоопредѣленіе Точнѣе говоря: единственнымъ титуломъ Финляндіи на владѣніе Аландскими островами является Фридрихгамскій миръ и фактъ включенія императоромъ Александромъ I Аландскихъ острововъ въ административныя границы автономной Финляндіи. Но разъ Финляндія не признаетъ больше за этими документами никакой дѣйствительной силы она должна признать, что они не дѣйствительны и для аландцевъ...

Споръ обострился. Обмѣнъ нотъ между Гельсингфорсомъ и Стокгольмомъ участился, тонъ ихъ сталъ раздражителенъ, на Аландскіе острова были посланы финскія войска „для поддержанія общественнаго порядка и спокойствія“. Не трудно было учесть (всѣмъ кромѣ нѣкоторыхъ финляндскихъ шовинистовъ), что если только вопросъ пойдетъ на усмотрѣніе Лиги Націй, финляндская точка зрѣнія, особенно же ея рѣзкія возраженія противъ компетенціи Лиги Націй, окажется крайне уязвимой со всѣми вытекающими отсюда практическими послѣдствіями.

И въ самомъ дѣлѣ, первой мѣрой Лиги Націй оказался „совѣтъ“, преподанный финляндскому правительству воздержаться примѣнительно къ Аландскимъ островамъ отъ всякихъ актовъ административнаго или военнаго воздѣйствія впередъ до выясненія юридическойсущности вопроса особо назначенной комиссіей изъ людей компетентныхъ въ международномъ правѣ, авторитетныхъ и безпристрастныхъ. Сюда вошли нидерландскій профессоръ Стрикенъ, деканъ парижскаго юридическаго факультета проф. Ларно и проф. бернскаго университета Максъ Губеръ.

Сужденія этой комиссіи, въ томъ видѣ какъ они представлены въ пространной резолюціи Совѣту Лиги Націй отъ 20 окт. 1920 и имъ принятыя къ руководству, затрагиваютъ всю совокупность не только Аландскаго вопроса, но и самое существо политическихъ и правовыхъ взаимоотношеній между Россіей — Финляндіей, Россіей и Швеціей, бросая также обильный свѣтъ на общее отношеніе ссвременнаго международнаго права къ русской „проблемѣ.“ Для историка россійской революціи, какъ и для насъ, современниковъ, эти сужденія представляютъ сугубый интересъ, а потому, мы остановимся на нихъ подробнѣе.

„Допровозглашенія своей независимости юридическое положеніе Финляндіи въ русскомъ государствѣ представлялось особеннымъ и трудно опредѣлимымъ. Спрашивали себя, обратилъ ли Фридрихамскій миръ отъ 5/17 сентября 1809 г. вмѣстѣ съ торжественнымъ обѣщаніемъ императора Александра I отъ 17/29 марта того-же года финляндскому сейму эти бывшія шведскія области въ „государство,“ включенное, несомнѣнно, въ россійскую имперію, но, пользующееся широкой автономіей и самостоятельностью за исключеніемъ внѣшнихъ сношеній и нѣкоторыхъ предметовъ общей законодательной политики, которые, особенно съ

1899 стали возбуждать принципиальные споры и порождали натянутость отношений между имперскими и финскими властями?

Даже отвѣчая утвердительно на этотъ вопросъ, все таки остается неоспоримымъ, что это государство, съ которымъ русское правительство, начиная съ 1809 г. обращалось какъ съ простой провинціей, было неразрывно связано съ Россіей — и положеніе не измѣняется немедленно послѣ февральской революціи 1917 г. и исчезновенія монархической власти въ Россіи, что видно изъ того, что различные Временныя Правительства въ Россіи, слѣдовавшія одно за другимъ до большевистскаго переворота, не прекращали посылать генераль-губернаторовъ въ Финляндію.

Однако, большевистскій манифестъ отъ 15-го ноября 1917 г., провозгласившій для всѣхъ окраинныхъ народовъ Россіи право на самоопредѣленіе, внесъ важное измѣненіе въ отношенія между Россіей и Финляндіей. Далѣе, 31-го декабря 1917 г. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ внесъ въ Исполнительный Комитетъ предложеніе о признаніи независимости Финляндіи, что и было принято 4-го января 1918 г. Въ тотъ же день финляндская республика была признана французскимъ и шведскимъ правительствами. Затѣмъ послѣдовали признанія со стороны Даніи, Норвегіи, Швейцаріи и другихъ государствъ.

Но однихъ этихъ фактовъ недостаточно, чтобы сказать, что съ этого дня Финляндія дѣйствительно реализовала всѣ условія сувереннаго государства.

Опытъ міровой войны, въ самомъ дѣлѣ, показалъ, что нельзя придавать нормальной юридической цѣнности признанію новыхъ государственныхъ образований, особенно тому, которое исходило отъ воюющихъ сторонъ — тѣмъ болѣе, что цѣли такихъ признаній не всегда представлялись

нормальными. Они (признанія) были зачастую только признаніемъ націи, а еще чаще простымъ признаніемъ правительствъ. Точное опредѣленіе территорій этихъ государствъ откладывалось до большой дипломатической операціи возстановленія Европы, которая должна была послѣдовать за мирной конференціей, — подобно тому, какъ во многихъ случаяхъ отложено было разрѣшеніе вопросовъ объ особенностяхъ ихъ внутренняго политическаго устройства и законодательства, въ частности вопросъ о національныхъ меньшинствахъ. Всѣ эти вопросы, такимъ образомъ, были интернаціонализованы . . .

Что касается Россіи, которая первой признала финляндское государство, не слѣдуетъ забывать, что она находилась тогда въ разгарѣ революціи и что ея революціонные органы власти признавались только центральными державами (Брестъ-Литовскъ). Англійское - же правительство признало независимость Финляндіи значительно позже, а именно 6-го мая 1919 г. и снабдило актъ признанія нотой, въ которой выражалась надежда, что Финляндія ни въ коемъ случаѣ не станетъ возражать противъ рѣшеній мирной конференціи относительно ея границъ.

Надо отмѣтить еще, кромѣ этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и то, что и внутри Финляндіи долго отсутствовали условія для образованія государственности. Политическая и социальная жизнь долго были дезорганизованы, смѣнялись одно за другимъ правительства, добрая половина 1918 г. протекла въ гражданской войнѣ и въ оккупации страны иноземными войсками. Отсюда вытекаетъ, что образованіе финляндскаго государства въ 1917 - 1918 гг., каково бы ни было до того юридическое положеніе Финляндіи въ отношеніи Россіи, должно разсматриваться какъ новое поли-

тическое явление, а не какъ простое продолженіе предшествовавшаго политическаго состоянія.

..Съ этой - же точки зрѣнія надо разсматривать и вопросъ объ Аландскихъ островахъ.

До 1809 г., за исключеніемъ кратковременнаго російскаго владычества въ началѣ 18-го вѣка, Аландскіе острова составляли часть Швеціи. Въ 1808 и 1809 г. г. они были завоеваны Россіей, и 17-го сент. 1809 г. король шведскій (Фридрихгамскій миръ) отрекся, въ пользу императора всероссійскаго, отъ всѣхъ своихъ правъ какъ на эти острова, такъ и на континентальную Финляндію. Однако, присоединеніе острововъ къ російской имперіи послѣдовало инымъ путемъ, чѣмъ присоединеніе Финляндіи... Финляндцы уже 28-го марта 1809 г. въ сеймѣ въ Борго присягнули на вѣрность императору всероссійскому, великому князю финляндскому и пріступили къ сотрудничеству съ русскими по организаціи внутренняго быта страны въ предѣлахъ російской имперіи. население же Аландскихъ острововъ, напротивъ, воспротивилось отдѣленію отъ Швеціи и примирилось съ новой своей судьбой только послѣ того, какъ король Шведскій въ особомъ трактатѣ (отъ 17-го сент. 1809 г.) уступилъ острова Россіи...

Международный характеръ Аландскаго вопроса подтверждается также особенностью отношеній Россіи къ архипелагу.

Юридическое положеніе Финляндіи въ отношеніи Россіи, когда рѣчь зашла о ея признаніи, значительно отличалось отъ положенія другихъ государственныхъ образований, родившихся изъ факта разложенія російской имперіи. Но какого - бы мнѣнія мы не придерживались о правовомъ и политическомъ положеніи Финляндіи въ предѣлахъ російской государственности до момента провозглашенія независимости — неоспоримо

ясно, что очень сильная юридическая и политическая связь существовала между ними. Съ провозглашеніемъ независимости, послѣдовавшимъ въ соотвѣтствіи съ деклараціей Совѣтскаго правительства о правѣ самоопредѣленія окраинныхъ народовъ, эта связь была расторгнута.

Нѣтъ на лицо никакихъ документовъ о томъ, чтобы Совѣтское правительство ставило какія бы то ни было условія при признаніи Финляндіи... Но зато изъ 2-хъ радіо - депешъ Совѣтскаго правительства, прочитанныхъ на засѣданіи Верховнаго Совѣта отъ 10-го іюля 1920 г. явствуетъ, что это правительство никогда не переставало считать себя заинтересованнымъ въ Аландскомъ вопросѣ.

Въ первой радіо - депешѣ отъ 3-го окт. 1919 Совѣтское правительство оспариваетъ за мирной конференціей всякое право вмѣшательства въ этотъ вопросъ. Оно заявляетъ, что Аландскіе острова могутъ быть переданы Финляндіи только посредствомъ договора между нею и Россіей, а съ другой стороны, что эти острова въ виду ихъ значенія для путей сообщенія съ Россіей не могутъ быть предоставлены Швеціи безъ согласія Россіи.

Въ другой депешѣ отъ 1-го іюля 1920 г. Совѣтское правительство обращаясь съ тѣми же аргументами по адресу Союзныхъ державъ, а также Швеціи и Финляндіи, заявляетъ, что оно будетъ почитать недѣйствительнымъ и неимѣющимъ никакой юридической силы всякое рѣшеніе или соглашеніе по Аландскому вопросу, въ которомъ Россія не участвовала.

Предположимъ, что за Совѣтскимъ правительствомъ было - бы признано сегодня право вмѣшательства въ Аландскій вопросъ — отъ этого международный характеръ вопроса только лишній разъ получилъ бы утвержденіе независимо оттого обоснованъ-ли юридически тезисъ Совѣтскаго правительства. Но международный характеръ вопроса

неоспоримъ и въ томъ случаѣ, если бы мы признали, что Сов. Правительство не уполномочено представлять собою Россію — ибо въ данномъ случаѣ Лига Націй одинаково лишена возможности игнорировать интересы государства, которое почему либо не можетъ сейчасъ заключать, имѣющіе обязательную международную силу, договоры. Последнее соображеніе представляется тѣмъ болѣе вѣскимъ, что Россія — одна изъ самыхъ заинтересованныхъ въ Аландскомъ вопросѣ державъ . . . Кромѣ того, Россія остается одной изъ договорившихся сторонъ парижскаго трактата 1856 г. Это — не подлежитъ никакому сомнѣнію совершенно независимо оттого, признано - ли Совѣтское правительство какъ власть російскаго государства. Если оно не признано, то въ данномъ вопросѣ рѣчь можетъ идти только о простомъ перерывѣ дѣйствій юридическихъ способностей Россіи. Во всякомъ случаѣ положеніе Россіи, какъ одной изъ договорившихся сторонъ трактата 1856 г. остается неизмѣннымъ. Съ другой стороны, если владѣніе островами и перешло къ другому государству, то Россія, какъ заинтересованная держава, все таки можетъ отстаивать постановленія 1856 г. объ устройствѣ Аландскихъ острововъ.

Эти постановленія, касающіяся разоруженія острововъ, остаются въ силѣ. Они были выработаны въ обще - европейскихъ интересахъ, ими созданъ особый международный статутъ военного свойства. Отсюда явствуетъ, что до тѣхъ поръ, пока эти постановленія надлежащимъ образомъ незамѣнены новыми, каждое заинтересованное государство вправе требовать, чтобы они соблюдались другими. Отсюда одинаково слѣдуетъ, что каждое государство, владѣющее островами, обязано соблюдать обязательства, вытекающія для него изъ постановленій договора 1856 г. о разоруженіи острововъ“.

* * *

Да проститъ мнѣ читатель эту чрезмѣрно длинную выдержку изъ оффиціального документа: она характерна для иллюстраціи того затруднительнаго положенія, въ которомъ вслѣдствіе отсутствія Россіи находится современное международное право при разрѣшеніи цѣлаго ряда вопросовъ какъ малыхъ, такъ и великихъ, теоретическихъ и практическихъ. Приведенныя здѣсь радіо-дешени совѣтскаго правительства, какъ мы уже отмѣтили, доказываютъ въ свою очередь лишній разъ только то, что „коммунистическое“ правительство въ своихъ спорахъ съ практиками современнаго международного буржуазнаго права — Ллойдъ Джорджемъ, шведскимъ королемъ, финскимъ бѣлогвардейскимъ генераломъ Маннергеймомъ и Мильераномъ — ориентируетъ ни чѣмъ инымъ какъ методами того же буржуазнаго права.

Чичеринъ и... юридическая комиссія Лиги Націй. Ленинъ и... лордъ Робертъ Сесиль — какое трогательное единеніе!

Стоило, дѣйствительно, 4 года сооружать „коммунистическое“ государство, а потомъ вдругъ вернуться къ царскимъ договорамъ 1856.

Но вернемся къ Финляндіи.

Наростающей экономической кризисъ, неустойчивость внутренняго политическаго положенія, незалѣченные раны только что пережитой гражданской войны, тучи на горизонтѣ виѣшней политики въ связи съ Аландскимъ вопросомъ — все это, какъ мы уже говорили, создавало обстановку, требовавшую отъ финляндцевъ сугубой осторожности и отказа отъ всякихъ азартныхъ рѣшеній въ русскомъ вопросѣ.

То или иное отношеніе къ нему было связано непосредственно съ „курсомъ“ внутренней политики. Весенніе парламентскіе выборы — первые послѣ гражданской войны — дали почти половину

голосовъ социаль-демократамъ (400,000). Это означало, что Маннергейму при образованіи новаго правительства, если только въ его намѣренія входитъ строгое соблюденіе конституціонныхъ и парламентскихъ гарантій, надлежитъ держать курсъ на демократію. Въ противномъ случаѣ буржуазно-реакціонный кабинетъ будетъ опираться лишь на незначительное парламентское большинство въ нѣсколько голосовъ, а при попыткѣ совершить бѣлый *coup d'état* путемъ незаконнаго роспуска палаты, ограниченія избирательнаго права или иными средствами страна вновь будетъ ввергнута въ пучины гражданской войны.

Вступить на этотъ скользкій путь Маннергеймъ явно не рѣшался. Начались, напротивъ, заигрыванія съ умѣренными социаль-демократическими элементами; послѣднимъ—*horribile dictu* при тогдашнемъ настроеніи умовъ бѣлой Финляндіи — было предложено вступить въ коалиціонный кабинетъ и тѣмъ положить начало разрѣшенію задачи социальнаго примиренія. Социаль-демократы хотя отказались, но было ясно, что они не будутъ вести оппозиціи *quand même*, если только правительство вступить на путь вѣсомыхъ демократическихъ и социальныхъ реформъ.

Дѣйствительно, составъ новаго кабинета Веннолы и Хольсти, первые дебаты въ новой палатѣ по вопросу о монархіи или республикѣ, кулуарные торги съ социаль-демократической фракціей по дѣлу объ амнистіи для участниковъ коммунистическаго возстанія, отмѣна цензуры и рядъ другихъ мѣръ показали, что курсъ взятъ именно на демократію,

Это обстоятельство, само собою понятно, диктовало и русскимъ политическимъ организаціямъ въ странѣ опредѣленную линію поведенія даже если бы ихъ собственный демократизмъ отличался сомнительными свойствами. Но, какъ мы уже рань-

ше показали. Карташевы, Кузьмины-Караваевы и Юденичи были „тверды“. Успѣхи Колчака кружили имъ головы. „Верховный Правитель“ только что перевалилъ черезъ Уралъ и приближался къ Волгѣ, Антанта разговаривала съ нимъ почти заискивающимъ тономъ — гдѣ тутъ до „демократіи“ чухонцевъ...

А „чухонцы“ это видѣли и молчали. Они не напрашивались болѣе. Вѣдь помощь требовалась отъ нихъ — помощь реальная, кровью и деньгами.

Переговоры шли туго, точнѣе говоря, почти совѣмъ не велись, если не считать отдѣльныхъ платоническихъ завтраковъ и чашекъ чая А. В. Карташева съ тѣмъ или инымъ финляндскимъ политическимъ дѣятелемъ изъ правительственныхъ круговъ.

Съ эстонцами-же, этими „чухнами второго разряда“, переговоры вовсе не налаживались. Всѣ мои личные шаги въ этомъ направленіи разбивались о тупое упрямство и политическую недалекость А. В. Карташова.

„Даровать“ право на самоопредѣленіе кому — эстонцамъ? — никогда!.. Съ другой стороны, въ демократическихъ и социалистическихъ кругахъ Ревеля, съ которыми я велъ переговоры на собственный рискъ и страхъ, я наталкивался постоянно на столь-же рѣшительный поп роз-шис, но противоположнаго содержанія:

— Съ вами и вашими единомышленниками мы подпишемъ любое соглашеніе, съ Карташевыми-же и Волконскими — никогда, ибо они и слышать не хотятъ о нашемъ правѣ на самоопредѣленіе...

ГЛАВА VII.

Въ Парижѣ.

У меня возникаетъ тогда мысль (ретроспективно я нахожу ее до нельзя наивной) „взбудоражить“ Парижъ — тогдашній центръ всероссійской эмиграціи, куда со всѣхъ сторонъ стекались „сливки“ русской политической мысли, гдѣ засѣдала мирная конференція и Вильсонъ вѣщалъ народамъ міра новые принципы этики и морали. Я зналъ, что туда, въ Парижъ, прибылъ или прибудетъ изъ Архангельска глава сѣвернаго правительства Н. В. Чайковскій; тамъ-же съ правами члена русскаго Политическаго Совѣщанія находится Б. В. Савинковъ, который въ ту пору еще числился членомъ партіи социалистовъ-революціонеровъ. Найдутся и кое-какіе социаль-демократы. Въ Политическомъ Совѣщаніи, тогда только что образованномъ (мартъ 1919 г.), засѣдаетъ старый идейный работникъ эсъ-эровъ С. Ивановъ а вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторые элементы Временнаго Правительства — кн. Львовъ, Третьяковъ, Коноваловъ и, наконецъ, П. Б. Струве, котораго информируетъ изъ Гельсингфорса исключительно и, конечно, своеобразно А. В. Карташевъ.

Въ виду рѣдкихъ извѣстій изъ Парижа и сугубой конспираціи, которой на первыхъ порахъ была покрыта дѣятельность парижскаго Политическаго Совѣщанія, я, конечно, не зналъ, что оно

идеть на поводу у Колчака, что вся внѣшняя политика Совѣщанія лежитъ въ рукахъ С. В. Сазонова, считающагося полномочнымъ представителемъ Колчака. что немногочисленные „лѣвые“ элементы Совѣщанія — только статисты.

У меня возникла мысль „взбудоражить“ Совѣщаніе, показать ему рельефно огромное значеніе Петроградскаго фронта въ связи съ положеніемъ вещей въ Финляндіи и Эстоніи — тогда какъ все вниманіе Парижа, а также Кремля, было поглощено Ураломъ и Волгой, гдѣ Колчакъ продвигался — и, наконецъ, добиться того, чего въ Гельсингфорсѣ не хотѣли слышать Карташевы. т. е. здоровой и искренней демократической политики въ отношеніи Финляндіи и Эстоніи въ цѣляхъ совмѣстныхъ съ ними дѣйствій противъ большевиковъ,

Попутно мнѣ еще рисовалась возможность прочесть въ союзныхъ делегаціяхъ на мирной конференціи рядъ докладовъ о положеніи на мѣстѣ да „похлопотать“ объ ускореніи присылки оружія, снабженія и денегъ какъ для тѣхъ силъ, которыя Юденичъ набиралъ, такъ и для отмѣченнаго выше русскаго „Сѣвернаго Корпуса“, уже дѣйствовавшаго на территоріи Эстоніи.

Я видалъ войска этого корпуса совершенно безъ сапогъ и шинелей, безъ хлѣба и денегъ; они вообще были предоставлены самимъ себѣ какъ экономически такъ и политически. Одни штабы на собственный рискъ и страхъ печатали фальшивыя „керенки“, другіе (во главѣ съ Родзянкой, а послѣ при содѣйствіи Валяй-Маркова, принявшаго имя капитана Чернявина) — столь-же усердно печатали ярые черносотенныя прокламаціи и распространяли ихъ въ предѣлахъ Псковской губ. подъ самымъ Петроградомъ — въ Гдовскомъ и Ямбургскомъ уѣздахъ...

Нѣкоторымъ „политическимъ“ вліяніемъ на штабы пользовался тамъ въ ту пору нѣкій гастролеръ изъ Петрограда Н. Н. Ивановъ, петербургскій прис. пов., стяжавшій себѣ извѣстность въ свое время рекламой объ „Общественныхъ заводахъ“ на столоцахъ „Новаго Времени“. Впослѣдствіи сей мужъ (если не ошибаюсь — по настоянію эстонцевъ, у которыхъ, какъ поговаривали злые языки, онъ состоялъ на службѣ) попалъ въ члены Сѣв.-зап. Правительства въ самомъ началѣ его образованія, но черезъ 2 — 3 недѣли былъ исключенъ, изблеченный въ соучастіи въ погромной дѣятельности знаменитаго „батки“ Булакъ-Балаховича въ Псковѣ.

Это обстоятельство, однако, не помѣшало сему господину называть себя „министромъ“ до послѣднихъ часовъ существованія Сѣв. зап. Правительства. Еще разъ имя его всплыло въ мартѣ 1921 г. въ дни кронштадскаго возстанія: едва въ Кронштадтѣ загремѣли пушки Н. Н. Ивановъ откуда-то вновь налетѣлъ на Ревель и сталъ тамъ организовывать нѣчто вродѣ правительства на случай паденія коммунистическаго Петрограда. Но на сей разъ въ дѣло вмѣшались большевики: на основаніи постановленій мирнаго договора съ Эстоніей о недопущеніи образованія на территоріи республики русскихъ организацій, „имѣющихъ своей цѣлью насильственное ниспроверженіе существующаго въ Россіи государственнаго строя“, совѣтская делегация въ Ревелѣ потребовала немедленной высылки Иванова — и онъ пропалъ.

Но мы еще вернемся къ сѣверному корпусу и его „дѣятелямъ“. Мысль о Парижѣ совпала съ моментомъ, когда Россійскій Комитетъ въ Гельсингфорсѣ единогласно принялъ разработаннй мною по его приглашенію проектъ отдѣла агитаціи, пропаганды и устройства бюро печати съ отдѣленіями въ Парижѣ и Лондонѣ и другихъ европей-

скихъ центрахъ. Бурцевское „Union“ почти что не существовало еще; Деникинскій „Освагъ“, былъ образованъ значительно позже; главными-же центрами информации о Совѣтской Россіи въ ту пору могли быть только Гельсингфорсъ и Ревель, географически наиболѣе близкіе къ Петрограду, который тогда еще только началъ вымирать политически и экономически и съ которымъ, несмотря на фронты и закупорку границъ, тѣсная связь была установлена относительно прочно.

Предстояло связать въ Парижѣ обѣ задачи — одну политическую и другую по технической организаціи агитаціонно-информаціоннаго бюро. Предшествовали длительныя бесѣды съ А. В. Карташевымъ и Юденичемъ „по пунктамъ“ причемъ, послѣдній особенно напиралъ на то, чтобы я въ Парижѣ добивался „нажима“ союзниковъ на Финляндію и... денегъ.

Этотъ „нажимъ“ меня нисколько не удивлялъ: Юденичъ, сидя вотъ уже четвертый мѣсяцъ безъ дѣла въ комфортабельной гельсингфорской гостиницѣ „Societetshuset“, уже успѣлъ убѣдиться, что дѣйствующій въ предѣлахъ Эстоніи русскій Сѣверный корпусъ, имѣющій свои штабы, традиции, а въ качествѣ „руководителей“ — такихъ головорѣзовъ-авантюристовъ какъ Родзянко (племянника предсѣдателя Гос. Думы), „батько“ Булакъ-Балаховичъ, фонъ-Валь (сына извѣстнаго петроградскаго градоначальника) и Джерошинскій, едва-ли съ распростертыми объятіями встрѣтитъ его, Юденича, хотя онъ и „герой Эрзерума“ да генералъ отъ инфантеріи.

Вотъ почему Юденичу больше улыбалась мысль похода на Петроградъ черезъ Финляндію, а не черезъ Эстонію. Буде походъ удастся — онъ окажется единственнымъ героемъ и исторія будетъ знать только его, а не какихъ-то выскочекъ вроде Балаховича и Родзянки...

Впоследствии я узналъ, что именно въ этомъ направленіи въ Лондонѣ и Парижѣ уже работали „военно-уполномоченные“ Юденича генералы Денино и Геруа, изъ которыхъ послѣдній въ качествѣ профессора Николаевской академіи ген. штаба до своего прибытія въ Гельсингфорсъ (февраль 1919 г.) занималъ очень видный постъ въ красной арміи.

Снабженный полномочіями, я покинулъ Гельсингфорсъ на 7 недѣль.

Въ Лондонѣ, который былъ первымъ моимъ этапомъ по пути въ Парижъ, російская общественность была представлена тогда П. Н. Милюковымъ, проф. М. И. Ростовцевымъ, А. В. Тырковой, и Литовцевымъ, причемъ послѣдній стоялъ на лѣвомъ крылѣ, группируя единомышленниковъ вокругъ своего политическаго еженедѣльника „Самоуправленіе“, издававшагося на англійскомъ языкѣ и представлявшаго собой серьезное литературное начинаніе въ подлинно-демократическомъ духѣ. Болѣе или менѣе значительной „массовой“ эмиграціи на берегахъ Темзы тогда еще не было: Деникинская бѣженская волна еще не нахлынула на Европу, отъ Колчака-же, продвигавшагося побѣдоносно къ берегамъ Волги, пріѣзжали только „уполномоченные“, но не бѣженцы.

Помню, уже на моемъ докладѣ въ Russian Liberation Committee на Флитъ-стритъ, прочитанномъ въ присутствіи Милюкова, Тырковой, Ростовцева и другихъ, я встрѣтилъ первое разочарованіе, о чемъ, впрочемъ, меня и предупреждалъ петроградскій журналистъ А. В. Румановъ, знакомый съ моими взглядами.

П. Н. Милюковъ молчалъ, за то другіе высказывали «недоумѣніе» по поводу основныхъ моихъ тезисовъ, приписывая ихъ исключительно моей «субъективной» оцѣнкѣ положенія. Они были согласны съ тѣмъ, что началомъ и концомъ всякой поли-

тико-стратегической мудрости въ борьбѣ съ большевиками было, есть и будетъ взятіе Петрограда, ибо Колчакъ еще далекъ отъ большихъ центровъ, а Деникинъ существуетъ пока только потенциально. Но никто не хотѣлъ понять, почему для достиженія этой цѣли нужна «кооперация» Финляндіи и Эстоніи, а для «кооперации» — признаніе независимости Финляндіи и права на самоопредѣленіе за Эстоніей.

Еще труднѣе было усвоить господамъ изъ Liberation Committee почему Юденичъ и окружающіе его политическіе элементы, главнымъ образомъ, А. В. Карташевъ, сами не могутъ добиться «кооперации» на пріемлемыхъ началахъ: вѣдь они тамъ, на мѣстахъ, и лучше знаютъ, что дѣлать нужно...

Указанія-же мои, что Гельсингфорсъ по случайному стеченію обстоятельствъ — гнѣздо правыхъ и въ лучшемъ случаѣ, умѣренно-либеральныхъ элементовъ, которымъ ни финляндцы, ни эстонцы рѣшительно не вѣрятъ, что, вдобавокъ, правые монархическіе элементы (группа Волконскаго, бывшаго тов. предсѣдателя Г. Думы) держатъ опредѣленный курсъ на Германію на виду у оффиціальныхъ и тайныхъ представителей Антанты въ Гельсингфорсъ — эти мои указанія и выводы изъ нихъ совсѣмъ ожесточили нѣкоторыхъ членовъ Liberation Committee.

А Милюковъ все молчалъ, чиня карандаши и теребя отъ времени до времени свои по тогдашней модѣ «по-европейски» коротко остриженные усы. Его положеніе въ Лондонѣ было тогда (мартъ 1919 г.) щекотливымъ. Онъ только недавно вернулся изъ Парижа, гдѣ, какъ говорили, за его кievскую германскую оріентацію, французы не постѣснялись указать ему на неудобство его дальнѣйшаго пребыванія на берегахъ Сены. Въ самомъ Лондонѣ патріотическій угаръ еще не разсѣялся (прошло, вѣдь, всего какихъ нибудь 4 мѣсяца со дня перемирія): герман-

нофильство еще каралось, если не закономъ, то во всякомъ случаѣ морально и политически.

Но воездъ и. д. все таки работаль — среди англійскихъ парламентскихъ дѣятелей, съ которыми у него сохранились связи, въ крутахъ профессуры и отъ времени до времени въ печати, чему ему способствовать въ значительной мѣрѣ извѣстный англійскій журналистъ Вильямсъ, проведеншій десятокъ лѣтъ въ Россіи и прекрасно знакомый съ російскими политическими условіями.

Однако, справедливость требуетъ отмѣтить, что на этихъ порахъ своего пребыванія въ Лондонѣ П. Н. Милоковъ держался въ сторонѣ отъ большой политики и не «ангажировался» въ какую-либо опредѣленную сторону, если не считать его рѣшительнаго «нѣтъ» въ вопросѣ о Принцевыхъ островахъ, возбужденномъ два мѣсяца назадъ Ллойдъ-Джорджемъ. Въ общемъ на меня производило впечатлѣніе, что онъ еще только присматривается къ окружающей обстановкѣ, къ идеямъ и модамъ, а своего «курса» пока не имѣеть.

Далѣе, мнѣ сейчасъ же довелось ознакомиться, что въ палатѣ общинъ положеніе русскаго вопроса, т. е. дѣла о помощи въ борьбѣ съ большевиками, далеко не блестящее. Коалиція Ллойдъ-Джорджа, въ томъ видѣ какъ она вышла изъ недавнихъ выборовъ, не имѣеть одинаго мнѣнія въ русскомъ вопросѣ. Часть либераловъ не желала бы ввязывать Англию въ большіе расходы по оплатѣ «экспедицій въ Россію», исходъ которыхъ проблематиченъ, а еще больше она не желаетъ провоцировать Рабочую Партію, пользующуюся огромнымъ вліяніемъ на только что демобилизованные и демобилизуемые милліоны солдатъ. Рабочая партія-же, особенно Гендерсонъ и Макдональдъ, высказываются рѣшительно противъ всякихъ формъ интервенціи, требуютъ даже немедленнаго отозванія англійскихъ войскъ изъ Архангельска и Мурманска, потому что разъ

война съ Германіей кончена, то нѣтъ надобности въ ихъ дальнѣйшемъ тамъ пребываніи, которое правительство Ллойд-Джорджа мотивировало въ свое время общими военными соображеніями, а отнюдь не вѣдѣніями «интервенціи».

Что до самого Ллойд-Джорджа, то онъ по обыкновенію сидѣлъ на двухъ стульяхъ; онъ весь сотканъ изъ компромиссовъ, а если Принцезы острова и провалились сегодня — гдѣ гарантіи, что онъ завтра не выступитъ съ какимъ нибудь новымъ столь-же сенсаціоннымъ предложеніемъ?

Его ближайшій сотрудникъ по кабинету, статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ старикъ Бальфуръ, для котораго атмосфера парижской мирной конференціи становится тяжелой, повидимому, скоро уйдетъ совсѣмъ и его мѣсто займетъ извѣстный ненавистникъ Россіи Керзонъ, отношенія котораго къ Россіи извѣстны всему міру изъ его обширнаго литературнаго труда объ Индіи. Онъ — наиболѣе выпуклый сторонникъ идеи ослабленія Россіи, какъ великой державы, въ Европѣ и Азій, что, само собой понятно, можетъ быть достигнуто только путемъ поддержанія анархіи въ Россіи и ея постепеннаго расчлененія. Для сохраненія могущества Великобританіи, для окончательнаго устраненія всякой угрозы для Индіи, это — *conditio sine qua*. А въ палатѣ общинъ эти идеи Керзона имѣютъ сторонниковъ какъ среди консерваторовъ, оставшихся вѣрными старымъ завѣтамъ англійской политики, такъ и среди либераловъ...

И правда, есть одинъ членъ кабинета, который «душой и тѣломъ» стоитъ за всемірную интервенцію, это—Черчилль, военный министръ. Онъ подъ разнымъ соусомъ, пользуясь остатками исключительныхъ правительственныхъ прерогативъ изъ эпохи войны, уже оказываетъ русскимъ помощь въ контролѣ Палаты Общинъ и, вѣроятно, будетъ оказывать ее послѣдно и впредь. Но и его дни сочтены.

ибо надъ нимъ виситъ Дамокловъ мечъ парламентскаго разслѣдованія атаки Дарданеллъ англійскимъ флотомъ, предпринятой безъ надлежащей подготовки по иниціативѣ Черчилля и закончившейся, какъ извѣстно, гибелью нѣсколькихъ крупныхъ судовъ.

Единственное, на что при данныхъ условіяхъ можно рассчитывать, да и то съ извѣстнымъ нажимомъ на политическую логику, это—англійская помощь оружіемъ и снабженіемъ до тѣхъ поръ пока въ Парижѣ еще засѣдаетъ мирная конференція и миръ съ Германіей не подписанъ, т. е. пока Ллойд-Джорджъ еще поглощенъ наиболѣе важнымъ въ данную минуту германскимъ вопросомъ и, такимъ образомъ, лишень возможности заниматься en grandes lignes россійской проблемой.

Еще одна возможность имѣется на лицо; это — отправка англійскихъ подкрѣпленій на архангельскій и мурманскій фронты въ виду тамошняго затруднительнаго положенія ген. Айронсайда, вызваннаго несомнѣнными успѣхами большевиковъ у Онеги. Но, судя даже по формулировкѣ этого вопроса самимъ Черчиллемъ, это произойдетъ не въ видѣ отправки цѣлыхъ частей, а лишь путемъ вербовки добровольцевъ среди только что демобилизованныхъ солдатъ, часть которыхъ, втянувшись въ теченіе 4-хъ лѣтъ въ военно-походную жизнь, никакъ не можетъ высвободиться изъ нея — явленіе, отмѣченное у всѣхъ участвовавшихъ въ міровой войнѣ народовъ.

Приблизительно то же самое говорили мнѣ мои старые англійскіе знакомые изъ парламентскихъ круговъ, съ которыми у меня сохранились связи еще съ мирнаго времени и, наконецъ, ближайшіе «вѣдомственные» сотрудники Ллойда-Джорджа и Foreign Office'a.

Помню содержаніе двухъ моихъ бесѣдъ съ проф. Симпсономъ, который на Downing - street завѣды-

валъ тогда русскимъ отдѣломъ и пользовался у англичанъ большимъ авторитетомъ. Русскіе обрисовали его мнѣ какъ инициатора плана отдѣленія балтійскихъ окраинъ отъ Россіи и образованія изъ нихъ независимыхъ республикъ, которыя, разумѣется рано или поздно должны превратиться въ британскія колоніи. Это — онъ якобы «натравливаетъ» Ллойд-Джорджа на единую и недѣлимую Россію, никто кромѣ него не обрабатываетъ такъ удачно съѣхавшихся въ Лондонъ представителей Эстоніи и Латвіи въ сторону превозглашенія независимости, обѣщая имъ и финансовую и военную помощь Англии...

Я засталъ на Downing street вѣ кабинетѣ, напомиравшемъ скорѣе отдѣленіе петроградской публичной бібліотеки для научныхъ работъ, ученаго, который несмотря на свои официальные функціи, отнюдь не пряталъ свои мысли за туманными дипломатическими формулами.

Его интересовалъ большевизмъ какъ социально-психологическое явленіе, а не какъ продуктъ «германскихъ» козней, въ чемъ старательно его убѣждали тогдашніе лондонскіе русскіе круги. Знатокъ исторіи Россіи, онъ находилъ, что Ленинъ—неизбѣжное слѣдствіе социально-экономическаго развитія Россіи отъ Петра до Николая II, плюсъ—психологическія особенности русскаго народа... Балтійская проблема, въ ея актуальной практической постановкѣ его, Смитсона, дѣйствительно, занимаетъ, но у него еще нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобы судить насколько обоснованы стремленія балтійскихъ окраинъ въ независимости и «не совершать ли они самоубійства» — экономическаго и политическаго — отдѣлившись отъ Россіи.

Автономія въ предѣлахъ возродившейся російской государственности или тѣсная федеративная связь — вотъ ближайшія возможности рѣшенія данной проблемы. Но русскіе, съ которыми союзни-

камъ и, въ частности, англичанамъ приходится сейчасъ имѣть дѣло въ Лондонѣ и Парижѣ говорить о возвращеніи къ старому, о status quo ante bellum; въ Лондонѣ, напримѣръ, ему довелось слышать перифразировки устарѣвшей французской формулы относительно Австріи: «Если бы Россіи не было вовсе — то ее нужно было бы создать, и именно такой, какой она была въ 1914 г.»...

Почему?

Въ другой разъ, когда разговоръ у насъ уже шелъ о конкретныхъ «политическихъ» нуждахъ русскихъ антибольшевистскихъ организацій въ Финляндіи и Эстоніи, тотъ-же Симпсонъ спросилъ меня вдругъ:

— Правда-ли, что эстонцы, если только имъ удастся отразить новый натискъ Троцкого на Нарву, заключать миръ съ Москвой?

Такой-же вопросъ — помню — черезъ 2 — 3 недѣли послѣ этого разговора поставилъ мнѣ въ Парижѣ «справая рука» Вильсона по русскому вопросу членъ американской делегаціи на мирной конференціи Моррисонъ, назначенный вскорѣ представителемъ Соед. Штатовъ въ такъ называемой Балтійской Комиссіи.

Тогда, въ Лондонѣ и Парижѣ вопросъ этотъ меня не удивлялъ, потому что еще передъ моимъ отъѣздомъ изъ Гельсингфорса эстонскій делегатъ Ханко, военный министръ молодой республики, трудяникъ по своей партійной принадлежности, чистосердечно меня предупредилъ, что если соглашеніе съ русскими по вопросу о военной коопераціи не состоится Эстонія «къ лѣту будетъ вынуждена начать съ большевиками переговоры о мирѣ — благо, Москва ихъ настойчиво предлагаетъ»...

Впоследствии, когда я опять уже сидѣлъ на южномъ берегу Финскаго залива въ Ревелѣ, когда фронтъ Юденича уже развалился окончательно, а

въ Юрьевѣ дописывались послѣднія страницы мирнаго договора (январь 1920 г.), мои эстонскіе друзья уже не скрывали болѣе отъ меня, что первые «намеки» на возможность соглашенія съ Совѣтской властью были сдѣланы именно изъ Лондона.

А читайте — исторической правды ради — тогдашнія официальные англійскія заявленія въ Палатѣ Общинъ: правительство His Majesty осведомлено о переговорахъ, но не производитъ на Эстонию никакого давленія...

Еще на одинъ политическій «куръезъ» началъ я въ тѣ дни въ Лондонѣ: онъ относится скорѣе къ исторіи финансовыхъ дѣлъ Юденича, чѣмъ къ чистой политикѣ.

Отъ Юденича, а также отъ А. В. Карташева я узналъ передъ моимъ отъѣздомъ въ Парижъ, что въ Лондонѣ сидитъ Ю. Гессенъ, директоръ общества «Кавказъ и Меркурій» и «Волга» съ мандатомъ устроить у англичанъ заемъ для покрытія первыхъ расходовъ по предпріятію Юденича. «ибо отъ Колчака деньги все не постуцаютъ».

Само собой разумѣется, что я Гессена посѣтилъ въ Лондонѣ. Онъ буквально «горѣлъ» своимъ дѣломъ и, нужно отдать ему справедливость — совершенно безкорыстно, непримѣръ тѣмъ многочисленнымъ мародерамъ и казнокрадамъ, которые впослѣдствіи, точно пчелы, прилипли къ денежному ящику сѣв. зап. арміи при полномъ попустительствѣ Юденича и ближайшихъ его сотрудниковъ.

Гессенъ, имѣвшій большія связи въ англійскихъ промышленныхъ кругахъ, особенно, въ пароходныхъ компаніяхъ, въ 2—3 недѣли поставилъ на ноги «весь» Лондонъ кромѣ правительственныхъ круговъ, въ отношеніи которыхъ на первыхъ порахъ требовалась строжайшая конспирація. Дошло до того, что ему удалось «достучаться» къ дядѣ короля, герцогу Баттенбергскому, съ которымъ — страшно сказать по тогдашнимъ временамъ! — онъ

объяснялся по... нѣмецки и который обѣщаль всяческое содѣйствіе вплоть до нажима со стороны самой короны...

Нашелся солидный крупный банкъ, который готовъ быть данъ, если не ошибаюсь, до 200.000 фунтовъ стерлинговъ подъ обязательства крупныхъ русскихъ промышленниковъ и финансовыхъ дѣятелей, находившихся тогда въ Лондонѣ и организованныхъ Ю. Гессеномъ въ своеобразный консорціумъ отъ вѣнцовъ.

Намѣчалась при этомъ — если память мнѣ не изменяетъ — слѣдующая комбинація. Деньги эти изъ Англии не выходятъ, ибо для займа требуется разрѣшеніе канцлера казначейства. Финляндіи въ соотвѣтствующей суммѣ будетъ открытъ кредитъ въ Лондонѣ для закупки необходимыхъ ей товаровъ и продуктовъ: она-же, въ свою очередь, выплатитъ эту сумму организациі Юденича въ Гельсингфорсѣ въ финскихъ маркахъ по курсу дня. Такъ какъ портфель Финляндскаго банка въ отношеніи англійской валюты въ ту пору былъ весьма тощъ, а товарный голодъ въ странѣ (послѣ коммунистическаго правленія и германской оккупациі), напротивъ очень великъ, при необходимости, вдобавокъ, покупать продовольственные продукты у американцевъ на доллары — то Финляндское правительство въ лицѣ тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ Энгеля казалось весьма заинтересованнымъ въ удачномъ исходѣ намѣченной операціи. А разъ оно въ ней заинтересовано, то оно должно облегчать, если ужъ не содѣйствовать собственными силами осуществленію задачъ Юденича въ предѣлахъ Финляндіи. Иначе, вѣдь, русскимъ нѣтъ смысла брать у англичанъ деньги, цѣль которыхъ всеѣмъ извѣстна, а именно: покупка сапоговъ, шинелей, продовольствія и медикаментовъ....

Но дѣло все таки провалилось: «въ послѣднюю минуту» банкъ подумалъ что лучше будетъ, на вся-

кій случай, освѣдомиться у правительства His Majesty, а правительство Ллойдъ - Джорджа, которое въ ту минуту, быть можетъ, дѣйствительно опасалось успѣха Юденича у Петрограда, со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями для политики расчлененія Россіи, сказало «нѣтъ» или просто затормозило дѣло.

Такъ оно и заглохло окончательно.

Но мнѣ скажутъ: вѣдь это-же самое правительство Ллойдъ-Джорджа черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, (въ августѣ и сентябрѣ 1918 г.) послѣ образованія Сѣв. зап. Правительства, все таки снабдило армію Юденича оружіемъ и амуницией, снабженіемъ и продовольствіемъ и даже танками?

Совершенно вѣрно. Сѣв.-зап. армія, дѣйствительно, получила отъ Англій нѣкоторые транспорты «со всѣмъ необходимымъ», но, какъ мы это покажемъ болѣе документально въ послѣдующихъ главахъ, транспорты эти, въ большинствѣ случаевъ, представляли собой военный грузъ, отправленный раньше англійскому экспедиціонному отряду въ Архангельскъ и Мурманскъ. Когда же лѣтомъ 1919 г. вѣдѣтвіи развала бѣлой русской арміи Миллера этотъ корпусъ былъ отозванъ въ Англію, шедшія для него транспорты въ пути получили приказъ идти въ Ревель и отдать грузъ Юденичу и эстонцамъ.

Въ нихъ оказалось большое количество предметовъ обмундированія, рассчитанныхъ исключительно на зимнія климатическія условія архангельскаго фронта, но не на лѣтнюю или осеннюю кратковременную кампанію подъ Петроградомъ. Затѣмъ, тамъ оказалось множество предметовъ, съ точки зрѣнія гигиеническихъ потребностей весьма полезныхъ, но встрѣчающихся только въ обиходѣ англійскаго солдата — какъ, напримѣръ, бритвенные приборы на цѣлый корпусъ, зубныя щетки, ремни для точенія бритвъ и даже футбольные шары.

Нельзя, конечно, отрицать, что англичане привезли (я говорю «привезли», а не дали, ибо только часть привезенного досталась русским) также что-то около 40.000 паръ обмундированія для солдатъ и 4000 офицерскихъ обмундированій. Но на ряду съ этимъ надо отмѣтить и другой, не менѣе краснорѣчивый фактъ, что на орудіяхъ, доставленныхъ на другомъ транспортѣ уже непосредственно изъ Англій, не оказалось... замковъ, а на танкахъ, съ помощью которыхъ предполагалось прорвать фронтъ 7-ой большевистской арміи, оборонявшей Петроградъ, не оказалось... пулеметныхъ лентъ. Кто знаетъ аккуратность англичанъ — тотъ едва ли объяснитъ этотъ случай простымъ «недосмотромъ», результатомъ котораго получилось то, что петроградская операція сѣв.-зап. арміи, предполагавшаяся въ сентябрѣ, была отложена до середины октября, когда на подступахъ къ столицѣ грянули морозы и выпалъ снѣгъ.

Такимъ-же «недосмотромъ» надо, очевидно, объяснить и внезапный провалъ лондонской финансовой операціи: подозрительнымъ, какъ мнѣ говорили, было во всякомъ случаѣ то, что лордъ казначейства «до послѣдней минуты» ничего не зналъ о тайнѣ Полишинеля лондонскаго финансово-промышленнаго міра.

Здѣсь для будущаго историка русской революціи небезынтересно будетъ отмѣтить, какими путями Юденичъ досталъ, однако, денегъ для техническаго оборудованія своей петроградской операціи. Мы подходимъ здѣсь вплотную къ много нашумѣвшему въ свое время вопросу о кредиткахъ, выпущенныхъ Сѣв.-зап. Правительствомъ, размѣнъ которыхъ на англійскіе фунты якобы обезпеченъ былъ особымъ соглашеніемъ между Сѣв.-зап. Правительствомъ и англійскимъ кабинетомъ по примѣру выпуска рублей архангельскимъ правительствомъ,

произведеннаго весной 1919 г. и дѣйствительно гарантированнаго Англійей.

Многіе обвиняли тогда Сѣв.-зап. Правительство въ томъ, что оно въ официальныхъ документахъ распространяло завѣдомо ложные слухи, что выпущенныя имъ на сумму нѣсколькихъ сотъ милліоновъ рублей кредитки, извѣстныя подъ именемъ «Петроградки» или «Юденки» гарантированы Англійей, причемъ ихъ размѣнъ на англійскіе фунты изъ расчета 40 рублей за фунтъ будто-бы обезпеченъ... въ Петроградѣ. Потребовалось официальное выступленіе лондонскаго foreign office съ категорическимъ опроверженіемъ этихъ слуховъ — въ результатѣ чего Сѣв.-зап. Правительство обвиняютъ въ сознательномъ обманѣ.

Мы, конечно, далеки отъ стремленія обѣлять во что бы то ни стало всѣ дѣйствія этого правительства какъ въ политическомъ отношеніи, такъ и въ экономическомъ — и мы покажемъ впослѣдствіи, что оно, напротивъ, повинно во многомъ; но въ данномъ случаѣ историческая правда требуетъ отмѣтить, что въ вопросѣ о кредиткахъ Сѣв. зап. Правительство дѣйствительно допустило нѣкоторый «стуманъ». — правда, не караемый какой нибудь статьей закона, но опасный въ морально-политическомъ отношеніи.

Суть дѣла въ слѣдующемъ.

Когда обрисованная выше лондонская финансовая операція Гессена провалилась, Юденичъ и его ближайшіе политическіе сотрудники, еще сидя въ Гельсингфорсѣ стали стучаться къ Колчаку черезъ Парижъ. Колчакъ долго не отвѣчалъ: его военно-уполномоченные въ Лондонѣ и Парижѣ — ген. Щербашевъ и Головинъ «выяснили» въ Гельсингфорсѣ и

Ревель положеніе вещей на мѣстахъ въ связи съ намѣченной Юденичемъ операціей и, когда эти господа убѣдились, наконецъ, въ ея цѣлесообразности. Колчакъ обѣщаль предоставить Юденичу, какъ назначенному пмѣ Главнокомандующему сѣв. зап. фронтомъ, до одного милліона фунтовъ стерлинговъ.

Это было въ іюнѣ 1919 г. Въ ту пору Сѣв. зап. Правительство еще не существовало. Въ Гельсингфорсѣ сидѣль (правда, еще въ отелѣ Societets-huset) Главнокомандующій Юденичъ и при немъ — Политическое Совѣщаніе, въ которомъ главную роль играли: А. В. Карташевъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, С. Г. Лянозовъ и ген. Суворовъ. Само собой понятно, что этотъ органъ въ виду своей определенной (буржуазно-либеральной) политической сущности безъ оговорокъ признавалъ «Верховнаго Правителя», точнѣе считалъ себя подвѣдомственнымъ ему, сохраняя, однако, за собой нѣкоторую автономность дѣйствій въ предѣлахъ мѣстныхъ условій.

Когда отъ Колчака получилось, наконецъ, обѣщаніе дать «Главнокомандующему» (Юденичу) до одного милліона фунтовъ, Политическое Совѣщаніе снарядило въ Стокгольмъ особую экспедицію во главѣ съ бывшимъ директоромъ русско-французскаго банка въ Петроградѣ В. П. Шуберскимъ для изготовленія денежныхъ знаковъ (если не ошибаюсь, на сумму 500 мил. рублей) въ мелкихъ и крупныхъ купюрахъ, по рисунку художника Шевелева. На этихъ знакахъ имѣются подписи Юденича, какъ «Главнокомандующаго Сѣв. зап. фронтомъ» и С. Г. Лянозова, какъ Управляющаго финансовой частью Политическаго Совѣщанія.

Изготовленіе знаковъ въ Стокгольмѣ по техническимъ причинамъ затормозилось, деньги отъ Колчака тоже не поступали. Тѣмъ временемъ (10-го авг. 1919 г.) въ Ревель англійскимъ генераломъ Маршемъ были произведены русскій... «сюр д'ата», без-

дѣйствовавшее гельсингфорское Политическое Собрание было «распущено» и вмѣсто него образовалось Сѣв. зап. Правительство съ участіемъ 4 социаллистовъ подъ предѣдательствомъ Манозова (единственнаго члена бывшаго Политическаго Собрания), причемъ въ этотъ кабинетъ вошелъ и Юденичъ въ качествѣ военнаго министра.

Программа этого правительства, какъ мы въ дальнѣйшемъ покажемъ, была далеко не колчаковская, она представляла собой уклонъ влѣво, граду-совъ, поменьшей мѣрѣ, на 45, за что въ Парижѣ оно сразу было предано анафемѣ, какъ «самозванческое» и «розовое». Но Колчакъ, который также не былъ доволенъ ни личнымъ составомъ этого правительства и ни его программой, все таки убоялся не давать обѣщанныхъ денегъ своему «Главнокомандующему» Юденичу, несмотря на его входженіе въ кабинетъ въ качествѣ военнаго министра: вѣдь это правительство было образовано не «улицей», а Англійей, въ лицѣ ея военно-уполномоченнаго ген. Марша — Англія-же даетъ оружіе и припасы...

Кромѣ того, тѣмъ-же Юденичемъ было дано понять въ Омскѣ что, если только операція подъ Петроградомъ увѣнчается успѣхомъ (въ чемъ онъ никогда не сомнѣвался), онъ эту «сволочь» (подразумѣвается Сѣв.-зап. Правительство) въ столицу не пуститъ, т.-е. что онъ, въ качествѣ Главнокомандующаго и мѣстнаго диктатора будетъ считать себя только намѣстникомъ Верховнаго Правителя, несвязаннымъ болѣе никакими программами и деклараціями Сѣв.-зап. Правительства.

Впослѣдствіи мы покажемъ болѣе детально, что первые шаги по осуществленію этого плана были сдѣланы Юденичемъ, сейчасъ-же постѣ первыхъ его успѣховъ подъ Петроградомъ: во второй половинѣ октября, когда 7-ая большевистская армія была разбита, когда пали Гатчина, Красное Село, Царское и Павловскъ «Главнокомандую-

щій» уже не стѣсняясь, открыто стала игнорировать Сѣв.-зап. Правительство, членомъ котораго онъ состоялъ. Главными его совѣтниками (хотя еще неофициально) сдѣлались опять члены бывшаго гельсингфорскаго Политическаго Совѣщанія Каргашевъ и Кузьминъ-Каравасевъ, молниеносно перебросившіеся изъ Гельсингфорса въ Нарву, т. е. ближе къ Петрограду, который вотъ-вотъ долженъ быть пасть.

Дѣйствительность, во всякомъ случаѣ, показала, что Колчакъ не считалъ удобнымъ отказываться отъ предоставленія милліона фунтовъ Юденичу, несмотря на то, что тотъ казался связаннымъ Сѣв.-зап. Правительствомъ—онъ сдѣлалъ только то, что далъ эти деньги въ исключительное распоряженіе своего «Главнокомандующаго». Они были внесены путемъ сложной финансовой операціи, произведенной представительствомъ Колчака въ Лондонѣ, въ крупный англійскій банкъ въ общей суммѣ 900.000 фунтовъ на имя Юденича.

Я точно не могу установить сейчасъ были-ли они внесены за нѣсколько дней до образованія Сѣв.-зап. Правительства или позже, но сущность дѣла отъ этого, вѣдь, не мѣняется: Юденичъ сталъ хозяиномъ надъ милліономъ фунтовъ. Въ свою очередь, Сѣв.-зап. Правительство, конечно, было сильно смущено этимъ обстоятельствомъ: оно — «правительство», а деньги у Юденича.... Но, вѣдь, Юденичъ — членъ этого правительства, военный министръ, а правительственныя деклараціи, кажется подписаны настоящими чернилами. Кромѣ того, въ первые дни образованія Правительства, *entente cordiale* между нимъ и Юденичемъ была полная — на обѣдѣ въ ревальской гостиницѣ Commerce членъ кабинета, государственный контролеръ В. Л. Горнъ (соціалъ-демократъ), чуть было не похлопывалъ Юденича по животу....

Далѣе, нѣкоторые члены правительства легкомысленно надѣялись, что они въ концѣ концовъ

«облагодѣять» Юденича и выйдутъ такъ или иначе изъ состоянія финансовой отъ него зависимости — къ этимъ оптимистамъ принадлежалъ, помню, и премьеръ С. Г. Лянозовъ, онъ-же министръ финансовъ, и М. С. Маргулисъ въ качествѣ министра торговли и промышленности. Другіе, особенно социалисты, просто не разбирались въ «тонкостяхъ» дѣла и молчали.

Такимъ образомъ, Сѣв.-зап. Правительство въ общемъ и цѣломъ примирилось съ уродствомъ своего финансоваго положенія. Но, къ сожалѣнію, оно не только примирилось, а въ своемъ легкомысліи сдѣлало нѣчто большее: оно взяло на себя и отвѣтственность за денежные знаки, стпечатанные въ Стокгольмѣ и поступившіе нынѣ (уступка Юденича) въ его, правительственное, распоряженіе.

Въ самомъ началѣ сентября оно выпустило утвержденное всѣмъ составомъ кабинета слѣдующее, подписанное Лянозовымъ, объявленіе:

«Въ разъясненіе объявленія Главнокомандующаго, подписаннаго 8-го авг. *) о предстоящемъ выпускѣ съ согласія Верховнаго Правителя адмирала Колчака денежныхъ знаковъ, настоящимъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія:

1) что означенные денежные знаки изготовлены въ Швеціи и придутъ сюда въ ближайшіе дни:

2) что они имѣютъ подпись Главнокомандующаго генерала Юденича и министра финансовъ Лянозова; **)

*) Т.-е. когда Сѣв.-зап. Правительство еще не существовало.

**) Не точно, ибо С. Г. Лянозовъ фигурируетъ на кредиткахъ своею подписью въ качествѣ управляющаго финансовой частью бывшаго гельсингфорскаго Политическаго Совѣщанія, а не какъ «министръ финансовъ» Сѣв.-зап. Правительства.

3) что они обязательны къ приему на русской территории, какъ казенными и общественными учрежденіями, такъ и частными лицами и на всѣхъ рынкахъ и базарахъ по обозначенной на денежныхъ знакахъ стоимости:

4) что черезъ три мѣсяца по занятіи Петрограда выпускаемые нынѣ денежные знаки будутъ обмѣниваться Петроградскимъ Государственнымъ Банкомъ безъ ограниченія суммъ всѣмъ желающимъ на государственные кредитные билеты рубль за рубль:

5) что выпускаемые денежные знаки обезпечены всѣмъ достояніемъ Государства Россійскаго;

6) что правительство сѣв.-зап. области Россіи даетъ гарантію, обезпечивающую каждому по предъявленіи выпускаемыхъ денежныхъ знаковъ въ петроградской конторѣ Государственнаго банка въ теченіе четырехъ (4-хъ) мѣсяцевъ полученіе денежной стоимости знаковъ въ англійской валютѣ. приравняя сорокъ (40) рублей новыхъ знаковъ одному (1) фунту стерлинговъ;

7) что означенные новые знаки эстонскимъ правительствомъ въ республикованномъ министромъ финансовъ распоряженіи допущены къ обращенію въ предѣлахъ Эстонской республики на одинаковыхъ со всякой иностранной валютой правахъ безъ установленія твердаго на нихъ курса;

8) что временные размѣнные знаки, выпущенные приказомъ командующаго сѣверо-западной арміей за подписью генерала Родзянко и начальника снабженія, полковника Полякова, будутъ немедленно обмѣнены, рубль за рубль по прибытіи новыхъ знаковъ изъ Швеціи.

Министръ финансовъ Лянозовъ.»

Въ этомъ объявленіи, распространявшемся съ большой рекламой не только въ районѣ оккупацин сѣв.-зап. арміи (въ Гдовскомъ и Ямбургскомъ уѣздахъ Петроградской губ. и въ Псковѣ), но и въ Эстоніи и Латвіи, а также въ Балтике, обращаетъ на себя вниманіе, несомнѣнно, пунктъ 6, при поверхностномъ чтеніи котораго получается впечатленіе, что денежные знаки Юденича, по примѣру архангельскихъ рублей, г а р а н т и р о в а н ы англійскимъ правительствомъ въ фунтахъ. Этотъ пунктъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ редактированъ съ расчетомъ подѣйствовать на психологію массоваго читателя, держателя этихъ денежныхъ знаковъ.

Когда этотъ правительственный документъ еще до его обнародованія былъ доставленъ мнѣ, какъ редактору «Свободы Россіи», я, несмотря на свою почти полную неграмотность въ финансовыхъ вопросахъ, тотчасъ-же понялъ, что пунктъ 6-ой представляетъ собой «трюкъ». Я, конечно, не замедлилъ обратить на это вниманіе министра торговли и промышленности М. С. Маргуліеса, но:

— Ça rigà — былъ его отвѣтъ. — Кто тамъ разберется...

Публика бросилась покупать «петроградки». Покупали солдаты, крестьяне, мелкіе служащіе, молодые офицеры — словомъ, всѣ кромѣ «китовъ», которые, конечно, отлично понимали значеніе пункта 6-го. Но уже черезъ нѣсколько дней въ Лондонѣ появилось официальное сообщеніе Foreign Office — и «трюкъ» былъ разоблаченъ къ великому конфузу Сѣв.-зап. Правительства. Тогда-то оно и выступило съ новымъ официальнымъ объявленіемъ слѣдующаго содержанія:

«Въ отвѣтъ на телеграмму Главнокомандующаго сѣв.-зап. фронтомъ о происшедшихъ событіяхъ и

образованіи правительства сѣверо-западной области Россіи. изъ Омска получена телеграмма отъ 28-го августа*) съ извѣщеніемъ, что Верховный Правитель, освѣдомившись о перемѣнѣ управленія въ сѣверо-западной области, приказалъ передать, что имъ будетъ оказано всемѣрное содѣйствіе для успѣшнаго завершенія борьбы съ большевизмомъ въ петроградскомъ районѣ, и что министру финансовъ Омскаго Правительства срочно указано перевести непрошенныя Главнокомандующимъ (1½ мѣсяца назадъ) 260 милліоновъ рублей и что задержка произошла изъ за отсутствія валюты, которая въ настоящее время уже имѣется въ распоряженіи правительства. Равнымъ образомъ Омское Правительство продолжаетъ настаивать передъ союзниками на оказаніи петроградскому фронту широкой помощи снабженіемъ и всѣми потребными матеріалами. Указанная сумма уже поступила въ Лондонскій банкъ въ англійской валютѣ и будетъ служить по соглашенію Главнокомандующаго сѣв.-зап. фронта съ министромъ финансовъ сѣверо-западной области Россіи обезпеченіемъ выпущенныхъ въ этой области денежныхъ знаковъ. Омское правительство телеграфировало также, что выпускаемые здѣсь денежные знаки являются всероссійскими денежными знаками и что они обезпечиваются всѣмъ достояніемъ Государства Россійскаго.

Какая то искусная темная рука помѣстила объявленія въ шведскихъ газетахъ о томъ, что денежные знаки сѣв.-зап. правительства гарантированы англійскимъ правительствомъ. Сдѣлано это, конечно, съ цѣлью вызвать официальное опроверженіе и подорвать довѣріе къ новымъ деньгамъ. Какъ можно усмотрѣть изъ вышеприведенныхъ справокъ

*) Телеграмма эта была получена въ Парижѣ представительствомъ Колчака, а не Юденичемъ, который, очевидно, былъ еще въ опалѣ у Колчака за участіе въ Сѣв.-зап. Правительствѣ, непризнанномъ Колчакомъ.

обеспеченіе въ англійскихъ фунтахъ имѣется. и правительство имѣеть полную возможность гарантировать выдачу, согласно объявленію министра финансовъ Сѣв.-зап. Правительства за каждые 40 рублей 1 фунтъ стерлинговъ. Только гарантийная валюта поступила не отъ англійскаго правительства, а отъ правительства адмирала Колчака».

Изъ этого новаго оффиціального сообщенія можно было заключить, что хранящійся въ Лондонскомъ банкѣ милліонъ фунтовъ служить обеспеченіемъ выпущенныхъ денежныхъ знаковъ въ качествѣ золотого фонда и, какъ таковой, неприкосновененъ. Тѣмъ не менѣе—какъ мы впоследствии покажемъ — Юденичъ въ качествѣ Главнокомандующаго, совершенно обходя Сѣв.-зап. Правительство, все время щедро продолжалъ выписывать крупнѣйшіе чеки на Лондонскій банкъ. Оффиціально это объяснялось тѣмъ, что такое отвѣтственное, вращающее милліонами, вѣдомство, какъ отдѣлъ снабженія сѣв.-зап. арміи, было почему-то изъято изъ вѣдѣнія правительства и находилось почти безконтрольно въ рукахъ нѣкаго генерала Янова, интенданта-профессіонала.

Эта славная страница изъ исторіи похода Юденича на Петроградъ завершилась столь блестяще, что къ моменту развала фронта у Юденича оказалось всего 250 тысячъ фунтовъ. А вѣдь оружіе, амуниція и обмундированіе отпускались союзниками «на книжку» за общій счетъ Россіи...

* * *

Судьба «юденическихъ» денежныхъ знаковъ также извѣстна: они были совершенно обезцѣнены. тогда какъ въ моментъ расцвѣта операціи противъ Петрограда они котировались изъ расчета 1 рубль за одну финляндскую марку, и пошли на обон.

Когда я въ послѣдній разъ уѣзжалъ изъ Ревели (июль 1920 г.), большая сумма этихъ денежныхъ знаковъ (кажется, на 100 милліоновъ) въ виду доброты бумаги, была скуплена извѣстной ревельской бумажной фабрикой Югансона для... перепарки. Другіе милліоны остались у мелкихъ людей «на память».

Но мы еще вернемся къ хозяйственной части вѣдической операціи.



Глава VIII.

Парижское Политическое Совѣщаніе.

Что больше всего меня поразило по приѣздѣ въ Парижъ (начало апрѣля 1919 г.), это — полная сторванность мѣстныхъ людей отъ Россіи, російской дѣйствительности и нежеланіе признать этотъ фактъ.

Въ Нарвѣ, въ Ревелѣ и даже въ Гельсингфорсѣ я дышалъ петроградскимъ воздухомъ; тамъ я о щ у щ а л ъ Россію всѣмъ своимъ существомъ — здѣсь же, въ Парижѣ, все было салонно-мертво, все отдавало канцелярщиной да затхлостью мысли и чувства.

Бѣженской массы еще не было — она нахлынула только осенью и зимою 1919/20 г. послѣ пораженія Деникина. Были только «верхи» и среди нихъ — сливки тогдашняго противобольшевистскаго движенія. Но на меня, приѣхавшаго изъ гущи борьбы, производило впечатлѣніе, что эти люди занимаются политикой по инерціи, словно отъ скуки и тоски — даже элементъ гшеславія отступалъ на задній планъ.

Я помню «парадъ», которымъ было обставлено мое выступленіе съ докладомъ въ Политическомъ Совѣщаніи въ роскошномъ палаццо російскаго посольства на rue d'Oranien на второй или третій день послѣ моего приѣзда. Съ портретовъ царей, съ гобеленовъ, съ позолоты на стѣнахъ и потолокѣ, съ рос-

коштныхъ вазъ и дорогихъ персидскихъ ковровъ на меня смотрѣли столѣтія русской исторіи. Я точно попалъ въ музей, куда давно уже не заглядывалъ посѣтитель, къ любителю-коллекціонеру, который прячетъ свое добро отъ людского взора. Все было «въ порядкѣ», но все подъ стекломъ или въ футлярѣ....

Наканунѣ я успѣлъ посѣтить П. Б. Струве, который находился въ тѣсномъ общеніи съ А. В. Карташевымъ и черезъ котораго, главнымъ образомъ, и велась переписка между гельсингфорской организаціей и парижскимъ Политическимъ Совѣщаніемъ. Изъ этого визита, затянувшася на три часа, я вынесъ впечатлѣніе, что въ Парижѣ мнѣ нужно «рубить». Курсъ держится здѣсь опредѣленно правый, если же о демократіи и говорятъ, то только потому, что таковъ сезонъ, мода, установленная мирной конференціей съ легкой руки Вильсона.

П. Б. Струве, со свойственнымъ ему доктринерскимъ упрямствомъ, на всѣ мои доводы въ пользу подлинно-демократической здоровой политики въ Финляндіи и Эстоніи, которая одна только и можетъ обезпечить успѣшное соглашеніе по вопросу о военной кооперации съ Юденичемъ — на всѣ мои доводы бывшій марксистъ и социаль-демократъ отвѣчать, что лишь національная идея спасетъ Россію, а эта національная идея не допускаетъ «распродажи» Россіи разнымъ эстонцамъ и финляндцамъ за чечевичную похлебку проблематичнаго военнотехническаго сотрудничества съ Юденичемъ.

Кромѣ того — разсуждалъ Струве, и этотъ его взглядъ высказывали мнѣ потомъ и другіе члены Политическаго Совѣщанія — судьбы большевистской власти рѣшатся, повидимому, не у воротъ Петрограда, а на Волгѣ, куда Колчакъ уже подходитъ съ своей побѣдоносной, прекрасно оборудованной и закаленной въ бояхъ арміей.

Въ ту пору, дѣйствительно, въ Парижѣ преобладало мнѣніе, что Юденичъ и Деникинъ, буде они поведутъ свои полки на Москву и Петроградъ, въ лучшемъ случаѣ будутъ только «эпизодами» въ исторіи вооруженной борьбы съ Совѣтской властью, тогда какъ Колчакъ — все. Я не знаю, конечно, какія данныя имѣлись тогда въ Парижѣ для такой переоцѣнки военной мощи Колчака, но уже одна вѣра или желаніе вѣрить въ могущество адмирала, кружили многимъ голову.

Политическое Совѣщаніе, недопущенное по настоянію Клемансо къ участию въ трудахъ мирной конференціи, хотя бы и на правахъ консультативнаго органа, посылало Совѣту Четырехъ и Совѣту Десяти ноту за нотой, причемъ, по мѣрѣ продвиженія Колчака къ Уралу и Волгѣ, тонъ этихъ нотъ становился, естественно, горделивѣе и заносчивѣе.

Одна изъ нихъ, выпущенная чуть ли не за недѣлю до моего появленія въ Парижѣ. — помню — испортила мнѣ много крови при моихъ переговорахъ съ парижской эстонской делегацией, предпринятыхъ совмѣстно съ Б. В. Савинковымъ и Н. В. Чайковскимъ. Она заключала въ себѣ въ выраженіяхъ, не оставляющихъ мѣста для сомнѣній или различнаго толкованія, протестъ противъ признанія *de facto* правительствъ Эстоніи, Латвіи, Литвы и др. Выходило такъ, что эти окраины, освободившись собственными силами, т. е. путемъ кровопролитной борьбы, отъ большевиковъ, должны были послать въ Парижъ делегатовъ къ русскому Политическому Совѣщанію съ челобитной назначить имъ намѣстниковъ и правителей.

Очками П. Б. Струве смотрѣлъ на вещи и Макляковъ, сохранившій за собой званіе російскаго посла, но котораго бывшіе друзья и доброжелатели Россіи проницательно называли *l'ambassadeur d'une grande impuissance*, что русскому уху особенно пріят-

но было слышать постъ Восточной Пруссіи и Карпатъ.

Вообще, какъ я замѣтилъ, извѣстный московскій адвокатъ и прекрасный ораторъ, чувствовалъ себя далеко не уютно въ хоромахъ російскаго посольства въ Парижѣ. Въ дипломатическомъ дѣлѣ онъ не былъ мастеромъ наряду съ такими профессиональными «чародѣями», какъ Сазоновъ, Гирсъ, Извольскій и Бахметьевъ, засѣдавшими въ Политическомъ Совѣщаніи и руководившими всей его дипломатіей. Ораторскій же талантъ и другія адвокатскія способности не нужны, вѣдь, въ Парижѣ послу *d'une grande importance*. Не станеть же онъ, въ самомъ дѣлѣ, выступать на митингахъ въ *Société de savants* и пускаться въ полемику съ Миномъ и Вензиновымъ, только что прибывшимъ изъ Сибири для разоблаченія реакціонно-диктаторской политики Колчака...

Зато роль игралъ здѣсь Сазоновъ. Въ Парижѣ, онъ — свой человекъ. Всѣ эти Ллойды-Джорджи, Керзоны, Пиншоны и Тартдье еще недавно пороги обивали у Россіи, а онъ, министръ иностранныхъ дѣлъ государства російскаго, разговаривалъ съ ними, во всякомъ случаѣ, какъ равный съ равными. Онъ знаетъ всѣ ихъ слабости, всѣ уязвимыя точки, всѣ затаенныя мысли. Онъ, наконецъ, и въ личномъ отношеніи близокъ къ нимъ. Не можетъ-же быть, чтобы они его игнорировали, чтобы они его превзошли въ знаніи тонкостей дипломатическаго искусства...

Ближайшими его сотрудниками по дипломатіи были тогда въ Парижѣ А. П. Извольскій, русскій посоль въ Италіи — Гирсъ и посоль въ Соед. Штатахъ — Бахметьевъ. При Политическомъ Совѣщаніи существовалъ особый дипломатическій отдѣлъ, чѣто вродѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ которомъ были представлены всѣ російскіе послы заграницей независимо оттого, были-ли они назна-

чены еще царскимъ правительствомъ (Гирсъ) или Временнымъ (Маклаковъ, Ефремовъ).

По какому критерию или, точнѣе, по какому недоразумѣнію въ число членовъ Политическаго Собранія попалъ и А. П. Извольскій — оставалось загадкой. Не потому-ли, что онъ состоялъ царскимъ посланцемъ въ Парижъ до назначенія Маклакова или оттого, что онъ имѣлъ «связи» на берегахъ Сены? Но вѣдь та широкая общественно-демократическая арена, на которой должна была строиться антибольшевистская политика заграницей а priori исключала эти старыя «связи»...

Столь-же загадочнымъ показалось мнѣ черезъ нѣсколько дней участіе того-же Извольскаго въ управленіи только что основаннаго телеграфнаго агентства „Union“, редактированіе котораго было предоставлено Бурцеву. Въ этомъ «институтѣ пропаганды и агитаціи» принимали участіе, насколько мнѣ помнится, Струве, Савинковъ, Бурцевъ, Деренгалъ, Коноваловъ и Извольскій, причемъ засѣданія этой директоріи происходили въ помѣщеніи савинковскаго «бюро» на улицѣ Ренуаръ одинъ или два раза въ недѣлю.

Кстати о Коноваловѣ.

Этотъ бывший министръ Временнаго Правительства при первой же встрѣчѣ со мною у Савинкова, узнавъ, что я только что пріѣхалъ изъ «руси» обратился ко мнѣ съ просьбой дать ему, елико возможно, печерывающій списокъ видныхъ большевистскихъ дѣятелей... евреевъ, скрывающихся подъ псевдонимами. Когда я сдѣлалъ удивленное лицо, Коноваловъ быстро поправился:

— Меня лично, конечно, этотъ вопросъ не интересуетъ, но французы вотъ приступаютъ: дай имъ евреевъ...

На присутствующихъ эта сцена не произвела никакого впечатлѣнія — очевидно такъ полагалось. Петръ Бернгардовичъ продолжалъ гладить свою бо-

роду. низко. по обыкновенію, опустивъ голову. а Бурцевъ тогда только обратилъ вниманіе на вопросъ Коновалова, когда я подчеркнуто сухо отвѣтилъ. что никогда не занимался этимъ дѣломъ. ибо онъ меня нисколько не интересуеть.

В. Л. Бурцевъ въ ту пору уже открылъ было для своихъ читателей новую Америку на столбцахъ своей „Cause Commune“.

— Большевики — не русскіе. они — кто угодно только не русскіе.

При этомъ Бурцевъ совершенно не отдавалъ себѣ отчета, что этой своеобразной пропагандой онъ только вредить тому общему бѣлому дѣлу, которому онъ служилъ. и еще больше ущерба наносить идеѣ интервенціи. Ибо французы, а равно англичане и другіе союзники недоумѣнно спрашивали:

— Если большевики — не русскіе, то что-же дѣласть рускій народъ? отчего онъ ихъ не убиваетъ однимъ ударомъ кулака, а все обращается къ намъ. чтобы мы это сдѣлали? Очевидно, каждый народъ. дѣйствительно, заслуживаетъ того правительства. которое оно имѣетъ...

Я близко зналъ Бурцева по Петрограду, гдѣ мы вмѣстѣ участвовали въ разныхъ литературныхъ изданіяхъ, и поэтому при частыхъ нашихъ собесѣдованіяхъ въ Парижѣ я, конечно, не преминулъ обратить его вниманіе на неудобства методовъ его пропаганды даже исходя съ точки зрѣнія общихъ раздѣляемыхъ имъ идей — напримѣръ, на истерическій вопль «Кто не за Колчака, тотъ противъ него. тотъ—преступникъ по отношенію къ своей родинѣ».

Это было явная тактическая глупость даже для ярыхъ колчаковцевъ, ибо Колчакъ могъ провалиться. и тогда его сторонникамъ пришлось бы создавать другого «бога». вмѣсто другого — третьяго и т. д.

Впрочемъ, В. Л. Бурцевъ такъ и поступилъ. Послѣ Колчака онъ нашелъ Деникина, а послѣ него — Врангеля.

Но и тогда уже, когда я ему указывалъ, что нельзя всего строить «на личности» Колчака, онъ съ такимъ-же фанатическимъ упрямствомъ защищалъ адмирала отъ всякой тѣни критики, съ какимъ въ свое время въ Петроградѣ боготворилъ Корнилова.

А между тѣмъ даже сами большевики признають нынѣ, что именно августовское выступленіе Корнилова впервые толкнуло ихъ на мысль произвести серьезную попытку захвата власти, ибо именно вслѣдствіе Корниловскаго выступленія часть петроградскаго пролетаріата получила оружіе, а гарнизонъ столицы усиленно сталъ разлагаться.

Вообще колчаковскій фанатизмъ Бурцева былъ феноменаленъ. Припоминаю слѣдующій эпизодъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ описываемыхъ здѣсь событій, когда я опять уже сидѣлъ въ Ревелѣ, когда тамъ въ такихъ тяжелыхъ мукахъ только что родилось Сѣв. зап. Правительство (10-го авг. 1919 г.), В. Л. Бурцевъ сталъ посылать мнѣ одну телеграмму за другой съ просьбой изложить ему мое личное мнѣніе объ этомъ правительствѣ и его задачахъ. Онъ, очевидно, не зналъ какой тонъ ему взять по отношенію къ ревельскимъ событіямъ. Съ одной стороны, онъ лично зналъ нѣкоторыхъ людей, вошедшихъ въ составъ ревельскаго правительства, и не могъ сомнѣваться ни въ ихъ политической честности, ни въ ихъ преданности демократическимъ принципамъ: съ другой-же стороны, въ Парижѣ, въ кругахъ Политическаго Совѣщанія, Сѣверо-зап. Правительство считалось революціоннымъ» за то, что оно уклонялось отъ открытаго признанія верховенства Колчака, а вмѣсто этого скрѣпило своей подписью независимость Эстоніи, растоптавъ, такимъ образомъ, идею единой и неделимой Россіи...

Но въ этомъ правительствѣ участвуетъ и Юденичъ, какъ Главнокомандующій, назначенный не

«революціоннымъ» Сѣв. зап. Правительствомъ, а Колчакомъ... Въ чемъ тутъ дѣло? Неужели англичане все напутали?...

Бурцевъ долго терялся въ догадкахъ, а его «Общее дѣло» молчало. И только послѣ того, какъ я въ длинной депешѣ изложилъ ему суть дѣла и показалъ, что образованіе ревельскаго правительства съ его программой было абсолютно необходимымъ, Бурцевъ принялъ по отношенію къ Ревелю тонъ умѣренного благожелательства.

Попутно отмѣтимъ еще, что въ ту пору не одно только бурцевское «бюро» вело антибольшевистскую пропаганду въ Парижской печати — я насчиталъ тогда въ Парижѣ не менѣе 7 такихъ учрежденій, работавшихъ независимо другъ отъ друга и въ самыхъ противоположныхъ направленіяхъ. Одно «Presse-bureau» состояло при посольствѣ въ вѣдѣніи одного изъ чиновниковъ; другое—при Союзѣ Возрожденія, третье — при Политическомъ Совѣщаніи, четвертое — эсъ-эровское, пятое — монархическое и т. д. Всѣ эти бюро печатали и разсылали бюллетени, при чемъ французскія газеты въ очень рѣдкихъ случаяхъ пользовались доставляемымъ имъ матеріаломъ — очевидно, по «покорнѣйшему» совѣту Клемансо, который еще пользовался тогда цензурнымъ аппаратомъ и ненавидѣлъ русскую пропаганду.

Такъ, по крайней мѣрѣ, Бурцевъ и другіе объясняли мнѣ тогда «сдержанность» французской печати.

Но если число русскихъ «Pressebureau» доходило до 7, то еще большее удивленіе вызвало у меня число «клубовъ», т. е. политическихъ направленій, на которыя разбилась тогдашняя парижская колонія. Ихъ насчитывалось 13, при чемъ въ одномъ только Политическомъ Совѣщаніи, состоявшемъ, кажется изъ 14 человекъ, имѣлось 5 различныхъ фракцій или теченій.

Уже послѣ перваго моего выступленія съ докладомъ въ Политическомъ Совѣщаніи у меня не осталось сомнѣнія, что я стучусь въ наглухо закрытыя двери.

Кн. Львовъ председательствовалъ и молчалъ. Коноваловъ, Ефремовъ и Третьяковъ — (всѣ—бывшіе сотрудники и члены Временнаго Правительства!) отдѣлывались ничтог нестоящими замѣчаніями и столь-же безцѣнными разспросами о внутреннихъ условіяхъ въ Финляндіи и Эстоніи. Зато ясно и опредѣленно говорилъ и ставилъ вопросы С. Д. Сазоковъ. Сразу видно было, какъ мы уже отмѣтили, что онъ здѣсь — хозяинъ положенія.

Финляндія требуетъ признанія своей независимости — это можетъ быть дано только Колчакомъ, но съ оговорками стратегическаго свойства...

Эстонія настаиваетъ на признаніе за нею права на самоопредѣленіе — ко вѣдь она только что выдунулась...

Что касается лѣваго крыла Совѣщанія, Н. В. Чайковскаго и Б. В. Савинкова (послѣдній еще считалъ себя тогда членомъ партіи эсъ-эровъ), то съ ними у меня было рѣшено вести переговоры сепаратно — благо я не былъ связанъ никакими директивами изъ Гельсингфорса.

Эти переговоры у насъ скоро и начались. Чтобы лишить ихъ академичности, мнѣ показалось необходимымъ послѣ первой же бесѣды привлечь къ участию въ нихъ эстонскую делегацію — тѣмъ болѣе, что рѣчь вѣдь шла у насъ о конкретномъ вопросѣ, т. е. о выработкѣ соглашенія съ эстонцами по вопросу о военной коопераціи. Въ Ревель и Гельсингфорсѣ эстонцы настаивали на предварительномъ полученіи «бумажки» отъ той или иной вліятельной русской демократической организаціи съ патентомъ на самоопредѣленіе. Такъ какъ — помните— гельсингфорская организація Юденича и Карташева этой «бумажки» не давала — мнѣ показалось необходи-

мымъ дѣйствовать въ этомъ направленіи здѣсь въ Парижѣ среди «лѣвыхъ» русскихъ.

Глава эстонской делегаціи въ Парижѣ Пуста былъ въ курсѣ нашихъ ревельско-гельсингфорскихъ переговоровъ. Сепаратистъ *par excellence* онъ тѣмъ не менѣе отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что Эстонія собственными силами долго не продержится противъ натиска большевиковъ, что, слѣдовательно, молодой республикѣ потребуется помощь извнѣ. въ данномъ случаѣ — помощь русскаго Сѣвернаго Корпуса плюсъ силы, которыя Юденичъ организуетъ.

Мало того. Недостаточно, чтобы русскіе и эстонцы совмѣстно только оборонялись на территоріи Эстоніи, а необходимо создать такое положеніе, при которомъ они соединенными силами бросились-бы впередъ и взяли коммунистическій Петроградъ — эту постоянную угрозу для молодой республики. Тогда русскіе получатъ для дальнѣйшей борьбы такую мощную базу, какъ Петроградъ, а Эстонія не будетъ больше находиться подъ Дамокловымъ мечомъ новыхъ налетовъ Троцкаго.

Таковъ былъ ходъ мышленія эстонскихъ «сепаратистовъ», въ томъ числѣ и ихъ наиболѣе яраго представителя въ Парижѣ г. Пуста.

Само собой понятно, что предварительнымъ условіемъ *sine qua* для выработки военно-технической конвенціи они ставили полученіе «отпускного свидѣтельства» — признаніе права на самоопредѣленіе, со всѣми вытекающими отсюда для обѣихъ сторонъ послѣдствіями.

Чтобы придать нашимъ переговорамъ характеръ вящей конкретности Пуста привлекъ къ участию въ нихъ также главу эстонской делегаціи въ Лондонѣ проф. Пійпа. назначеннаго мѣсяца черезъ 2 послѣ описываемыхъ здѣсь событій министромъ иностранныхъ дѣлъ и впослѣдствіе подписавшаго въ Юрьевѣ мирный договоръ съ большевиками.

* * *

Переговоры наши начались. Они происходили въ помѣщеніи эстонской делегаціи на тѣснѣйшій 7, при чемъ эстонцы во избѣжаніе узавленія нашего великодержавнаго самолюбія каждый разъ предлагали перенести переговоры въ любое другое мѣсто. Съ нашей, русской, стороны участвовали Чайковский, Савинковъ и я; съ эстонской — Пійпъ, Пустяковъ и вѣрнѣй третій, прибывшій изъ Ревеля, эстонскій представитель, имени котораго не припомню сейчасъ.

Я остановлюсь здѣсь только на одномъ нашемъ собесѣдованіи, которое оказалось рѣшающимъ для дальнѣйшаго развитія вопроса. Протоколовъ мы не вели, но общее содержаніе этой бесѣды у меня еще свѣжо въ памяти.

Началось съ того, что эстонцы взяли «быка за рога». Они стали выдвигать мотивы, побуждающіе ихъ требовать отъ русскихъ предварительнаго признанія за Эстоніей права на самоопредѣленіе, т. е. независимости, причемъ главнымъ мотивомъ было слѣдующее:

Никогда эстонскій народъ, эстонская армія, не поймутъ необходимости сражаться вмѣстѣ съ русскими за Петроградъ, если независимость Эстоніи не будетъ обезпечена какимъ нибудь актомъ. Эта армія отразила до сихъ поръ всѣ натиски большевиковъ именно потому, что на ея знаменахъ золотыми буквами было начертано слово «независимость». Безъ этого знамени, безъ этой идеи, которая воодушевляла народныя массы, страна давно бы уже впала въ объятія большевизма, ибо волею судебъ въ ней существовали почти тѣ же экономическія, политическія и психологическія предпосылки, которыя породили большевизмъ въ остальной части Россіи... Эстонцы, конечно, понимаютъ, что русская демократія затрудняется признать независимость Эстоніи не столько по принципиальнымъ соображеніямъ, сколько по экономическимъ

и стратегическимъ. Россія, лишившись финляндскихъ портовъ, будетъ совершенно отрѣзана отъ моря, если отъ нея еще уйдетъ незамерзающій, только что выстроенный, Балтійскій портъ и Ревель. Но для предотвращенія такой оторванности отъ моря имѣется много возможностей — на примѣръ, заключеніе опредѣленныхъ конвенцій съ Эстоніей относительно пользованія ревельскимъ портомъ, соглашенія о желѣзно-дорожной сѣти и т. д. Россіи, наконецъ, могутъ быть даны и нѣкоторыя стратегическія гарантіи, какъ, на примѣръ, обязательство Эстоніи соблюдать вѣчный нейтралитетъ и препятствовать тому, чтобы ея порты и острова, какъ морскія базы, были использованы какой либо третьей страной. Но всѣ эти конвенціи и соглашенія, само собою разумѣется, должны быть облечены въ форму международно-правовыхъ договоровъ, заключенныхъ между равными....

Pacti clari, amici boni..

Н. В. Чайковскій, который все время молчалъ, полу-лежа въ глубокомъ креслѣ почти въ дремотномъ состояніи, при послѣднихъ словахъ эстонскаго делегата вдругъ вскочилъ.

— Вы говорите «какъ равный съ равнымъ»? По вашему, значитъ, отложеніе Эстоніи отъ Россіи — совершившійся фактъ?

— Да.

— Но вы представляете себѣ, что Россія безъ Ревеля жить не можетъ.

— Представляемъ, а потому и предлагаемъ вамъ конвенціи.

— Великая Россія, стало быть, должна будетъ зависѣть отъ доброй воли Эстоніи.

— Все будетъ основано на взаимности...

Въ діалогъ вмѣшался Б. В. Савинковъ, который вначалѣ въ тонѣ лектора, а потомъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ сталъ доказывать, что въ такой же

мѣрѣ какъ Россія не сможетъ жить ни экономически, ни стратегически безъ эстонскихъ гаваней, въ такой же мѣрѣ Эстонія, какъ хозяйственная единица, совершенно независимая отъ Россіи — немыслима. Россія будетъ демократіей — это бесспорно. А съ русской демократіей эстонскій народъ найдетъ пути соглашенія. Во всякомъ случаѣ побѣда демократіи въ Россіи представитъ для эстонцевъ больше гарантій «свободной самостоятельности жизни» (можетъ быть, въ формѣ федераціи). Чѣмъ тысяча бумажекъ о независимости....

— Но и русская демократія, — прервалъ Н. В. Чайковскій, — пойдетъ войной на Эстонію, если у насъ отнимутъ Ревель. Поймите-же, это для насъ вопросъ жизни или смерти.

Эстонцы переглянулись. Наступила общая неловкость. Всѣ умолкли. Лондонскій представитель Эстоніи, проф. Пійпъ, который до тѣхъ поръ почти не участвовалъ въ дебатахъ, откашлянувшись нервно нѣсколько разъ, наконецъ, сказалъ:

— Мы, во всякомъ случаѣ, очень вамъ благодарны за откровенность. Отнынѣ мы знаемъ, что насъ ждетъ и отъ русской демократіи, если она окажется у власти.

Чтобы ввести разговоръ въ болѣе спокойное русло, я сталъ доказывать, что въ данную минуту рѣчь идетъ не объ отдаленномъ будущемъ, а о конкретныхъ вопросахъ сегодняшняго дня. Эстонцы находятся сейчасъ въ затруднительномъ положеніи, что эстонскимъ делегатамъ извѣстно столько же, сколько и мнѣ, человѣку прибывшему съ мѣста. Эстонская армія еще продержится, быть можетъ, мѣсяць — два, а потомъ наступитъ моментъ, когда она должна будетъ сложить оружіе передъ Троцкимъ, если она не получитъ помощи извнѣ. Эта помощь, какъ это явствуетъ изъ общаго международнаго положенія, не можетъ быть дана союзниками; ее образуютъ только русскія войска, ко-

торыя вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ сражаются бокъ о бокъ съ эстонскимъ народомъ на поляхъ Эстоніи плюсъ тѣ силы, которыя Юденичъ организуетъ. Все это признается и эстонцами, какъ это доказано деклараціями правительства и дебатами въ ревельскомъ Учредительномъ Собраніи. Нужна кооперація, ей должна предшествовать конвенція, а конвенціи — политическая декларація о русско-эстонскихъ взаимоотношеніяхъ. Но такъ какъ ни одна изъ существующихъ сейчасъ русскихъ политическихъ организацій (именуется ли она «правительствомъ» или иначе) не знаетъ въ данную минуту, какъ будущее російское Учредительное Собраніе отнесется къ вопросу о самостоятельности Эстоніи, то въ вышеупомянутой политической деклараціи могло бы быть оговорено, что 1) російская демократія, первая провозгласившая принципъ самоопредѣленія народовъ, признаетъ этотъ принципъ и за Эстоніей, обязуясь, само собою разумѣется, послѣ изгнанія большевиковъ и созыва Учредительнаго Собранія всемѣрно бороться за него; 2) что російское Учредительное Собраніе выдѣляетъ изъ себя особую комиссію, которая на равныхъ правахъ совмѣстно съ комиссіей эстонскаго Учредительнаго Собранія и рѣшаетъ всѣ вопросы, вытекающіе изъ новаго положенія, причемъ въ случаѣ разногласій, споръ отдается на разрѣшеніе Лиги Націй... Данный моментъ, во всякомъ случаѣ не пригоденъ для теоретическихъ споровъ: эстонская армія, насчитывающая 25—30 тысячъ человѣкъ, таетъ. Единственный выходъ изъ положенія — взять Петроградъ.

Чайковскій и Савинковъ явно остались недовольны моею примирительной формулой. Они ее не поддерживали, но и возражать противъ нея имъ было неловко. Эстонцы, напротивъ, особенно проф. Пійпъ, высказывались въ томъ смыслѣ, что она, во всякомъ случаѣ, является «базой для дальнѣйшихъ переговоровъ».

Но тутъ въ разговоръ вмѣшалось новое обстоятельство. Б. В. Савинковъ сталъ указывать, что онъ не «частное» лицо, а одинъ изъ представителей Колчака въ Парижѣ, а, какъ таковой, онъ долженъ предварительно затребовать полномочій изъ Омска. Хорошо будетъ, если тѣмъ временемъ и эстонскіе делегаты получатъ полномочія изъ Ревеля.

Это предложеніе всецѣло было поддержано Чайковскимъ, который послѣ своей угрозы «войной» уже больше не говоритъ. Эстонцы-же за эту мысль ухватились объими руками; они, какъ мнѣ извѣстно, давно уже мечтали получить хотя бы какую нибудь «бумажку» изъ рукъ Колчака, чтобы сейчасъ же ткнуть ее въ носъ союзникамъ да сказать имъ: «Вотъ видите, сами русскіе признаютъ наше право на самостоятельность, а вы все медлите»...

Впоследствии, какъ мы въ дальнѣйшемъ увидимъ, эстонское правительство дѣйствительно обязало Сѣверо-западное Правительство хлопотать передъ Антантой, и правительствомъ Колчака о скорѣйшемъ признаніи независимости Эстоніи».

Попутно отмѣтимъ здѣсь, что въ тогдашнемъ эстонскомъ правительствѣ (коалиціонномъ) заседали самые видные социаль-демократическіе дѣятели во главѣ съ Геллатомъ, а председателемъ Учредительнаго Собранія также состоялъ социаль-демократъ меньшевикъ Рей. Но всѣ они, такъ же какъ и буржуазные элементы правительства и Учред. Собранія были убѣждены тогда, что именно Колчакъ устранить власть большевиковъ и что «бумажка» отъ него будетъ имѣть международно-правовое значеніе.

Впрочемъ, вотъ содержаніе этого документа, подписаннаго у главы англійской военной миссіи въ Прибалтикѣ ген. Марша, первыми министрами Сѣв.-зап. Правительства 11-го авг. 1919 г.

«Заявленіе Эстонскому Правительству и Представителямъ Соед. Штатовъ, Франціи и Великобританіи въ Ревелѣ.

Въ виду настоятельной необходимости образовывать демократическое правительство для сѣверо-западной области Россіи, единственно съ которымъ Эстонское правительство согласно вести переговоры съ цѣлью способствовать русской дѣйствующей арміи освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губерніи отъ большевистской тираніи и учредить въ Петроградѣ Учредительное Собраніе, которое либо подтвердитъ, либо измѣнитъ, какъ можно выразиться на юридическомъ языкѣ, наши соотвѣтствующія назначенія какъ министровъ, каковыя мы принуждены обстоятельствами, независимыми отъ нашей воли принять на себя, — мы, нижеподписавшіеся симъ заявляемъ, что Правительство Сѣв.-зап. Области Россіи сформировано, какъ указано ниже. Какъ первый актъ въ интересахъ нашей страны, мы симъ признаемъ абсолютную независимость Эстоніи и просимъ представителей Соединенныхъ Штатовъ Америки, Франціи и Великобританіи добиться отъ своихъ правительствъ признанія абсолютной независимости Эстоніи. Какъ нашъ второй актъ, мы признаемъ генерала Юденича Главнокомандующимъ Сѣверо-западной русской арміи и просимъ его начать немедленно переговоры съ Главнокомандующимъ Эстонской арміи относительно военныхъ деталей, обезпечивающихъ дѣйствительную помощь эстонскихъ войскъ».

* * *

Вслѣдъ за этой деклараціей Сѣв.-зап. Правительство 12-го авг. обратилось съ новымъ «заявленіемъ» къ Эстонскому правительству и представителямъ Соед. Штатовъ, Франціи и Англии въ Ревелѣ, въ ко-

торомъ вновь повторяется ходатайство о признаніи независимости Эстоніи.

Это «заявленіе» гласило:

«Подтверждая наше предварительное заявленіе ственной власти Сѣверо-западной Области, какъ группа, принявшая на себя функціи правительственной власти сѣверо-западной области, какъ части единой Россіи, дополнительно заявляемъ слѣдующее:

Въ цѣляхъ дѣйствительной военной помощи русской Дѣйствующей Арміи сѣв.-зап. фронта со стороны эстонскаго правительства и въ виду заявленія эстонскаго правительства о согласіи своемъ на подписаніе о семъ договора лишь съ демократическимъ правительствомъ Сѣв.-зап. Области, которое необходимо для сего образовать, мы, нижеподписавшіеся, оцѣнивъ обстановку, въ которой оказалось дѣло спасенія нашей родины и освобожденія ея отъ ига большевиковъ, изложенную намъ въ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ ген. Марша и доказавшую полную невозможность дальнѣйшей помощи союзниковъ при существующихъ условіяхъ, настоящимъ заявляемъ:

1) что нами сформировано Правительство Сѣв.-зап. Области Россіи, включающей: Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губерніи, а равно и тѣ, которыя будутъ освобождаться въ указанномъ районѣ отъ ига большевиковъ:

2) что мы приняли на себя полную отвѣтственность по рѣшенію всѣхъ областныхъ вопросовъ;

3) что мы рассчитываемъ, что эстонское правительство окажетъ немедленную поддержку Правительству Сѣв.-зап. Области Россіи вооруженной силой для освобожденія Петрограда и Петроградской, Псковской и Новгородской губерніи отъ большевистскаго ига, дабы правительство, войдя въ Петроградъ, могло установить твердый демократическій порядокъ и осуществить демократическую про-

грамму, основанную на уваженіи человѣческихъ правъ и свободы;

4) что мы увѣрены, что союзная Военная Миссія, снабжающая боевыми припасами Русскую армію, будетъ продолжать такое снабженіе также и продовольствіемъ, амуницией и др. снаряженіемъ черезъ военнаго министра, а равно окажетъ намъ финансовую поддержку;

5) что независимо отъ сего, представляется неизбежнымъ вступить въ переговоры съ эстонскимъ правительствомъ о полученіи новой областью выхода къ морю въ портахъ Эстоніи для обезпеченія взаимныхъ торговыхъ сношеній.

Вполнѣ увѣренные, что всероссійское правительство адмирала Колчака оцѣнитъ создавшуюся обстановку одинаково съ нами, мы, извѣщая о происшедшемъ и о принятомъ нами рѣшеніи Верховнаго Правительства Колчака, одновременно съ симъ просимъ представителей Соед. Штатовъ, Франціи и Англій добиться отъ своихъ правительствъ признанія абсолютной независимости Эстоніи.»

* * *

Предполагалось, что вслѣдъ за этой деклараціей будетъ подписано еще и слѣдующее «соглашеніе» представителями Сѣв.-зап. Правительства и делегатами эстонскаго правительства:

«1) Правительство Сѣв.-зап. Области Россіи, включая губерніи: Петроградскую, Псковскую и Новгородскую, признала абсолютную независимость Эстоніи;

2) Эстонское правительство обѣщаетъ оказать немедленную поддержку русской сѣв.-зап. арміи вооруженною силою, дабы освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губерніи отъ

большевистскаго ига и установить въ Петроградѣ демократическое правительство;

3) Военное командованіе союзными силами объединено въ рукахъ генерала Юденича и генерала Лайдонера, черезъ которыхъ Союзная Военная Миссія снабжала и продолжаетъ снабжать боевыми припасами, необходимыми для вышеупомянутыхъ цѣлей».

Но это «дополнительное соглашеніе» въ послѣднюю минуту не было подписано эстонскими министрами подъ предлогомъ, что они должны раньше обсудить этотъ вопросъ въ Совѣтѣ Министровъ. Оно такъ и осталось одностороннимъ документомъ.

Фактъ, во всякомъ случаѣ, что эстонцы получили тогда не одну, а нѣсколько декларацій Сѣв.-зап. Правительства о признаніи абсолютной независимости плюсъ обязательство ходатайствовать объ этомъ передъ Антантой и Колчакомъ. Этого-же, естественно, они добивались и раньше, будь то въ Гельсингфорсѣ или въ Ревелѣ. Поэтому и теперь, при нашихъ парижскихъ переговорахъ, они съ такимъ чувствомъ удовлетворенія встрѣтили заявленіе Б. В. Савинкова о необходимости для него заручиться полномочіями изъ Омска.

Еще одинъ вопросъ — помню — поставили они передъ закрытіемъ засѣданія.

— Если вы такъ увѣрены — сказалъ проф. Пейпъ, обращаясь къ Савинкову — въ побѣдѣ именно демократіи въ Россіи, то почему-же вы, какъ представитель этой демократіи, боитесь выдать намъ «хартію вольностей», т.-е. признаніе за нами права на самоопредѣленіе?

Савинковъ подумалъ и отвѣтилъ такъ, какъ въ ту пору отвѣчали всѣ сторонники «единой и недѣлимой»:

— Никто сейчасъ не уполномоченъ расчленять Россію, но въ Учредительномъ Собраніи мы будемъ стоять за вась...

Эстонцы усмѣхнулись.

Когда мы вышли на улицу, Чайковскій сказалъ:

— Съ этими господами у насъ ничего не выйдетъ...

Но не одинъ только Чайковскій въ своемъ высокомъ званіи главы сѣвернаго правительства придерживался тогда мнѣнія, что русской демократіи, въ томъ числѣ и социалистической, ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ уступать назойливымъ требованіямъ балтійскихъ окраинъ о независимости. Помню, уже спустя годъ послѣ описываемыхъ здѣсь событій, когда сѣв.-зап. фронта уже не было, а Юденичъ уже находился въ Парижѣ, я встрѣтился въ Прагѣ съ эсъ-эровскимъ лидеромъ Миноромъ. У насъ зашелъ разговоръ о ревельской эпопее, о полтикѣ Сѣв.-зап. Правительства и, въ частности, объ Эстоніи. И вотъ «подлинный эсъ-эръ», а не какой нибудь отщепенецъ Савинковъ, въ самыхъ категорическихъ выраженіяхъ сталъ доказывать мнѣ, что основной ошибкой всѣхъ тогдашнихъ русскихъ политическихъ дѣятелей въ Ревелѣ было... признаніе независимости Эстоніи.

— Русская демократія, — говорилъ Миноръ и, конечно, не преминулъ прибавить «трудовая», — разумѣется, полностью принимаетъ принципъ самоопредѣленія народовъ, и вы помните еще, что онъ красной нитью проходилъ черезъ всю нашу дѣятельность еще въ Петроградѣ со дня февральской революціи до большевистскаго захвата власти. Но методы практическаго примѣненія этого принципа различны въ зависимости отъ общей международной обстановки. Германскіе социаль-демократы, такъ называемые шейдемановцы, — помните — тоже стояли за принципъ самоопредѣленія, а между тѣмъ въ вопросѣ, напримѣръ, объ Эльзасъ-Лотарингіи, они занимали особую позицію, продиктованную имъ исключительно экономическими соображеніями.... Кромѣ того, васъ въ Ревелѣ просто

шантажировали и, въ первую голову, господъ англичане. Такъ я и мои политическіе друзья, такъ мы и смотрѣли въ свое время на ваши ревельскія событія, но мы не вмѣшивались въ нихъ по чисто тактическимъ соображеніямъ...

Подъ послѣдними О. С. Миноръ понималъ, очевидно, «своевольное» выступленіе группы социалистовъ-революціонеровъ сѣв.-зап. области, которая годъ тому назадъ рѣшила участвовать въ Сѣв.-зап. Правительствѣ, делегировавъ для этой цѣли двухъ своихъ членовъ въ кабинетъ Ліанозова, причемъ ни тогда, ни послѣ они не были за это преданы анафемѣ пражскимъ или парижскимъ эсъ-эровскими комитетами. Напротивъ, поскольку мнѣ извѣстно, первосвященникъ эсъ-эровской доктрины В. М. Черновъ, посѣтивъ Ревель послѣ бѣгства изъ Сов. Россіи осенью 1920 г. и выслушавъ заявленія мѣстныхъ эсъ-эровъ объ условіяхъ, въ которыхъ они принимали участіе въ дѣятельности Сѣв.-зап. Правительства, вполне одобрилъ ихъ тактику.

Мало того. Блокъ русскихъ социалистовъ въ Ревелѣ, въ которомъ участвовали нѣкоторые видныя партійныя работницы, при образованіи Сѣв.-зап. Правительства, вотировалъ ему довѣріе и поддерживалъ его деклараціи, въ частности, его рѣшенія о признаніи независимости Эстоніи.

Конечно, *post factum* критика всегда легче дается, но было-бы полезнѣе, если бы эсъ-эровскіе дѣятели обладали даромъ меттерниховской предусмотрительности *ante factum*. Тогда, быть можетъ, и черновская аграрная реформа не попала бы такъ «случайно» въ руки большевиковъ.

Глава IX.

Союзники и балтійскіе народы.

Еще надо отмѣтить, что и среди союзниковъ я не встрѣчалъ тогда въ Парижѣ сколько нибудь опредѣленнаго взгляда на вопросъ объ устройствѣ бывшихъ балтійскихъ окраинъ. Это произошло отъ того, что одни (какъ, напримѣръ, англичане) до поры до времени, т.-е. до окончанія работъ мирной конференціи тщательно скрывали свои карты, а другіе, дѣйствительно, еще не имѣли никакого взгляда.

«Демократическіе» принципы Вильсона, во имя которыхъ новый міръ и долженъ былъ строиться въ Парижѣ, съ одной стороны, подсказывалъ союзникамъ, которые всѣ безъ исключенія распинались тогда за демократію, нѣкоторую, что называется, «largesse» въ вопросахъ о самоопредѣленіи и независимости: народы, вѣдь за это якобы и сражались 4 года. Но съ другой стороны принять цѣликомъ безъ оговорокъ въ отношеніи Россіи старую программу Бетмана-Гольвега объ отторженіи ея западныхъ окраинъ и образованія изъ нихъ независимыхъ государствъ — унаслѣдовать эту гогенцоллерновскую программу, значило поставить вверхъ ногами основу мирной конференціи: народы сражались вѣдь противъ прусскаго милитаризма, противъ политическаго пруссачества, а оказывается,

что онъ вовсе не былъ такъ чудовищень, разъ «демократическая» мирная конференція заимствуетъ у него программу устройства десятка милліоновъ людей, населяющихъ бывшія русскія западныя окраины...

Это было тогда тактически неудобно еще и потому, что это дало бы лишнее орудіе въ руки нѣмцамъ, которые, несомнѣнно, на весь міръ прокричали-бы, что «демократы» мирной конференціи ничего лучшаго не находятъ для устройства восточной Европы, какъ прибѣгать къ программамъ Бетманъ-Гольвега, т.-е. императорской абсолютистской Германіи, осужденной нынѣ на смерть.

Кромѣ того, какъ это видно изъ блестящей книги бывшаго сѣверо-американскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ Лансинга о парижской мирной конференціи, французы, эти несомнѣнные ея диктаторы, и въ особенности «тигръ» Клемансо, уже заранѣе видѣли, что на демократическихъ принципахъ Вильсона далеко не уѣдешь, что въ вопросахъ о практическомъ примѣненіи принципа самоопредѣленія и независимости народовъ чрезмѣрная «la gesse» для Франціи сугубо вредна и опасна. Отъ него, во всякомъ случаѣ, придется замѣтно отступать въ угоду принципамъ, звучащимъ менѣе гордо.

Необходимость польскаго «корридора», напимѣръ, отнюдь не была продиктована принципомъ самоопредѣленія; еще меньше этотъ принципъ подсказывалъ превращеніе Данцига, въ которомъ польскій элементъ составляетъ 1½ % общей численности населенія, въ независимое государство. Но эти рѣшенія были важны для Франціи съ точки зрѣнія ея будущихъ политическихъ и стратегическихъ задачъ, ибо разъ Россіи больше нѣтъ на восточныхъ границахъ Германіи (Фошъ считалъ, что «милитарно» Россія выбыла изъ строя на 50 лѣтъ), то надо подыскать ей «замѣстительницу» — въ данномъ случаѣ Польшу — и сдѣлать такъ, чтобы

эта замѣстительница была сильна и могущественна и въ каждую данную минуту при томъ или иномъ измѣненіи политической конъюнктуры въ Европѣ, могла нажать на Германію, которая черезъ десяти-лѣтіе — другое можетъ вѣдь возродиться и при численномъ превосходствѣ своего населенія вновь представить угрозу для Франціи.

Это — азбука французской «любви» къ полякамъ. Она-же объясняетъ намъ, почему лѣтомъ 1920 г., когда большевики наступали на Варшаву, Франція такъ пламенно возлюбила вдругъ Врангеля и поспѣшно стала снабжать его оружіемъ и припасами для удара въ тылъ большевикамъ. Ясно: «сильная могущественная» Польша могла быть разбита и ее нужно было спасти во что бы то ни стало, ибо въ противномъ случаѣ Франція лишилась-бы указанной выше «замѣстительницы» на восточныхъ границахъ Германіи.

Къ горькому своему стыду этого не видѣли и не хотѣли видѣть всѣ тѣ, которые своимъ патентованнымъ патріотизмомъ поддерживали тогда Врангеля. Они такимъ образомъ собственными «патріотическими» руками помогли полякамъ отхватить отъ Россіи кусокъ Бѣлоруссіи и часть Украины, ибо по стыдливому признанію польскаго генеральнаго штаба, только необходимость бросить подкрѣпленія на врангелевскій фронтъ заставила большевиковъ убрать десятокъ красныхъ дивизій съ польскаго фронта въ разгаръ наступленія на Варшаву, что и дало тогда возможность французскому генералу Вайгану повторить опытъ Жоффра на Марнѣ и осуществить свой блестящій контръ-ударъ въ направленіи на Брестъ-Литовскъ, приведшій затѣмъ большевиковъ къ Рижскому миру.

Эти чисто стратегическія объясненія большевистскаго пораженія подъ Варшавой отнюдь не измѣняютъ высказаннаго въ первой части нашего труда положенія, что Троцкій подъ Варшавой не-

минуемо шель навстрѣчу катастрофѣ даже если бы ему и не понадобилось вдругъ убрать резервы для борьбы съ Врангелемъ. Это положеніе остается въ силѣ потому, что Троцкій политически зарвался: взятіемъ Варшавы онъ хотѣлъ форсировать ходъ соціальной революціи на Западѣ, совершенно забывъ, что его «красная» армія, когда она гнала Пилсудскаго изъ Вѣлоруссіи и Украины до этнографическихъ границъ Польши, отнюдь не была «красной».

Исторія также имѣетъ свои капризы.

Впрочемъ, сами врангельцы уже признаютъ нынѣ, что французская помощь Врангелю лѣтомъ 1920 г. была продиктована Парижу далеко не внезапнымъ, «просвѣтленіемъ» ума у французскихъ государственныхъ дѣятелей по части вооруженной борьбы съ большевизмомъ. Они убѣдились въ этомъ уже потому, что какъ только Мавръ сдѣлалъ свое дѣло, ему самымъ безцеремоннымъ образомъ сказали, что онъ можетъ идти, а когда онъ не захотѣлъ, то ему запросто дали въ шею.

Но, возвращаясь къ парижскимъ настроеніямъ весны 1919 г., необходимо еще разъ отмѣтить, что какъ «альтруистическая» любовь къ полякамъ, такъ и нѣкоторыя другія сепаратныя выступленія французовъ на мирной конференціи (напримѣръ, въ вопросѣ о Фіумѣ, о запретѣ для Австріи воссоединиться съ Германіей и др.) воочию показывали, что, при учетѣ своихъ интересовъ, третья республика не станетъ вѣшаться на шею принципу самоопредѣленія и независимости. Тогдашняя-же политическая мораль и общія народныя настроенія вокругъ конференціи еще исключали нѣкоторую циничность выступлений и пренебреженіе святостью принциповъ, за которые народы ухлопали 10 милліоновъ человѣческихъ жизней. Люди еще рядились тогда въ тогу честныхъ безпристрастныхъ судей, и было неудобно, напримѣръ, французамъ отрекаться

отъ принципа самоопредѣленія въ угоду полякамъ при рѣшеніи вопроса о «коридорѣ» и Данцига, и рядомъ съ этимъ распинаться за этотъ принципъ. когда рѣчь зашла бы о провозглашеніи независимости бывшихъ балтійскихъ окраинъ Россіи. Это звучало бы тогда политически — аморально еще и потому, что въ народныхъ массахъ свѣли были воспоминанія о первыхъ трехъ годахъ участія Россіи въ войнѣ.

Вотъ почему весной и лѣтомъ 1919 г., когда въ Парижѣ еще засѣдала мирная конференція, французы еще не имѣли оффиціального взгляда на вопросъ объ устройствѣ балтійскихъ окраинъ. И въ самомъ дѣлѣ, Клемансо сталъ интересоваться Ревелемъ и Ригой только осенью этого года, когда съ одной стороны, въ Ревелѣ было образовано Сѣв.-зап. Правительство, о которомъ въ виду обстановки его возникновенія заговорили, что оно дѣйствуетъ въ Лондонѣ, втягивающаго постепенно всю Балтику въ свою исключительную сферу вліянія, а съ другой, когда подъ Ригой загремѣли орудія Бермонта-Авалова, дѣйствовавшаго рука объ руку съ фонъ деръ Гольцемъ въ полномъ соотвѣтствіи съ интересами Германіи.

Тогда только французы спохватились, нашли на картѣ Ревель и Ригу и послали туда военныя миссіи. Оффиціально это было сдѣлано для «оказанія помощи» Юденичу снаряженіемъ и совѣтами, а, въ дѣйствительности, для борьбы съ нарастающимъ англійскимъ вліяніемъ въ Эстоніи и Латвіи, причемъ далеко не попутной задачей этихъ миссій была также окончательная ликвидація Бермонта-Авалова и его хозяина фонъ-деръ-Гольца.

Накопецъ, еще одинъ факторъ морально-политическаго порядка затруднялъ въ ту пору въ Парижѣ строгое примѣненіе принципа самоопредѣленія: у многихъ союзниковъ, особенно у Англій, рыльце бы

до въ пуху. Если уже примѣнять этотъ принципъ, со всѣми вытекающими изъ него практическими послѣдствіями ко всѣмъ странамъ, то отъ него нельзя отступать также. скажемъ, въ отношеніи Ирландіи. А если-бы Ллойдъ-Джорджъ и сталъ возражать противъ такой попытки съ большимъ ущербомъ для хваленой политической послѣдовательности англичанъ, то ему можно было бы указать на то, что въ свое время въ подобномъ-же случаѣ его великій учитель Пальмерстонъ отвѣтилъ Меттерниху.

Мы имѣемъ въ виду характерный историческій «анекдотъ» о краковской республикѣ, о которомъ Мартенсъ рассказываетъ въ своемъ «Собраніи трактатовъ».

Въ 1847 г. Меттернихъ вздумалъ нѣкоторымъ образомъ «округлить» владѣнія Габсбургговъ на границахъ Галиціи и измѣнить для этого постановленія Вѣнскаго конгресса о независимости краковской республики при помощи ввода туда австрійскихъ войскъ. Заручившись согласіемъ Николая I, который, какъ извѣстно, проявлялъ всегда большое расположеніе къ великому дипломатическимъ дѣлъ мастеру, а также поддержкой Пруссіи — Меттернихъ постучался къ тогдашнему Ллойдъ-Джорджу — знаменитому Пальмерстону. Но тотъ съ мѣста въ карьеръ сталъ возражать противъ австрійскаго проекта, указавъ, между прочимъ, на то, что этотъ проектъ «самымъ безцеремоннымъ образомъ нарушаетъ основныя принципы Вѣнскаго конгресса»...

Находчивый Меттернихъ прервалъ его:

— Да, но эти принципы плохо примѣнимы на Вислѣ.

— Если они не примѣнимы на Вислѣ, — отвѣтилъ Пальмерстонъ, — то они одинаково должны быть непримѣнимы на Рейнѣ и въ Адриатикѣ. Пересмотримъ уже тогда всѣ постановленія Вѣнскаго конгресса...

Австрийскій канцлеръ понялъ намекъ и въ теченіе этой бесѣды больше уже не возвращался къ краковскому вопросу.

Точно также и въ Парижѣ весною 1919 г. какой нибудь Пальмерстонъ (хотя и не изъ англичанъ) могъ вдругъ замѣтить Ллойдъ-Джорджу:

— Если принципъ самоопредѣленія долженъ быть примѣняемъ повсюду, то его надо примѣнять и къ Ирландіи, а если для Ирландіи онъ не годится, то онъ непригоденъ также для прибалтійскихъ областей Россіи...

Вотъ эти-то «неудобства», вытекавшія изъ особенностей положенія нѣкоторыхъ союзниковъ, игравшихъ въ конференціи первую скрипку, и лишали ихъ возможности на первыхъ порахъ конференціи говорить открыто о своихъ планахъ въ отношеніи Россіи. Я наблюдалъ эту неловкость при всѣхъ моихъ тогдашнихъ бесѣдахъ въ Парижѣ съ англичанами и французами, американцами и итальянцами, особенно же въ одной продолжительной бесѣдѣ съ ближайшимъ сотрудникомъ Ллойдъ-Джорджа извѣстнымъ Филиппомъ Карромъ: всѣ они такъ или иначе обходили щекотливый вопросъ о принципахъ, которые должны быть примѣняемы къ рѣшенію балтійской проблемы.

Относительную искренность сужденій я встрѣтилъ только у одного изъ видныхъ членовъ итальянской делегаціи въ Парижѣ, нынѣшняго мин. иностр. дѣлъ маркиза Торрета, бывшаго долгое время итальянскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петроградѣ и хорошо знающаго Россію.

— Проблема устройства бывшихъ балтійскихъ окраинъ едва-ли будетъ рѣшена въ пользу Россіи... Что до роли Италіи въ этомъ вопросѣ, то надо помнить, что сама Италія создана принципомъ національности, т. е. тѣмъ, что теперь называется принципомъ самоопредѣленія. Это — основа ея по-

литики, и она, естественно будет отстаивать ее въ отношеніи всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію конференціи...

И дѣйствительно, черезъ годъ послѣ описываемыхъ здѣсь событій, когда независимость Эстоніи еще даже не была признана *jure* первымъ великодержавнымъ дипломатическимъ представителемъ въ Ревелѣ съ правами «чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра» оказался итальянецъ — Депретисъ, тогда какъ англичане и французы имѣли тамъ пока только «комиссаровъ».

Впрочемъ, и для Италіи вопросъ о томъ или иномъ устройствѣ Балтики рѣшался не столько въ плоскости симпатіи или антипатіи къ Россіи или къ балтійскимъ народамъ, не столько по велѣнію принципа самоопредѣленія, сколько по соображеніямъ того, что Саландра наканунѣ выступленія Италіи въ войну называлъ «священнымъ эгоизмомъ» (*sacro egoismo*) итальянскаго народа.

Италія такъ-же, какъ и Англія, невыгодно воссозданіе сильной могущественной Россіи, задающей тонъ въ Европѣ. Безъ великой могущественной Россіи адриатическая проблема для Италіи болѣе не существуетъ, т. е. не представляетъ для нея никакихъ заботъ, какъ бы сербы не коснулись на неудовлетворительное рѣшеніе вопроса о Фіумѣ и далматинскихъ береговъ; съ возрожденіемъ великодержавной Россіи эта проблема вновь оживаетъ, ибо молодое государство сербовъ, хорватовъ и словенъ, естественно, будетъ опираться больше на Россію, чѣмъ на всѣ парижскіе договоры и соглашенія «маленькихъ Антантъ».

Равнымъ образомъ, современные итальянскіе государственные дѣятели отдають себѣ отчетъ и въ томъ, что Россія при своемъ великодержавномъ возрожденіи никогда не примирится съ одностороннимъ рѣшеніемъ вопроса о Константинополѣ и про-

ливахъ, въ томъ видѣ какъ съ нимъ «покончили» англичане, французы и итальянцы къ вѣщшему торжеству «исторической справедливости». Возродится эта проблема — возродятся и другія, стоящія въ связи съ раздѣломъ Турціи на сферы вліянія и вообще съ положеніемъ въ восточномъ бассейнѣ Средиземнаго моря, который въ политикѣ Италіи, какъ извѣстно, всегда занималъ первостепенное мѣсто. Отсюда новыя заботы могутъ задѣть оглоблей и южную часть Балканскаго полуострова — Грецію — и перекинуться на Юго-Славію, которая, по представленію итальянцевъ, всегда будетъ идти въ фарватерѣ русской политики.

Словомъ, при возрожденіи великодержавной могущественной Россіи, «заботы» у итальянцевъ будутъ, тогда какъ при дальнѣйшемъ ея ослабленіи и разложеніи они почти совершенно отпадаютъ. Ибо въ Европѣ, въ центральной ея части, Италія не видитъ для себя въ ближайшія десятилѣтія никакихъ «тучъ»: Габсбурговъ нѣтъ, а если Нѣмецкая Австрія, въ концѣ концовъ, и воссоединится съ Германіей, то съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ Италіи это будетъ ей только выгодно. — Она избавится тогда, по крайней мѣрѣ, отъ угольной зависимости отъ Англіи.

Въ общемъ, итальянцы какъ мнѣ довелось слышать недавно въ Римѣ изъ многихъ устъ, охотно повторяютъ сейчасъ слова знаменитаго Эренталя, сказанныя на другой день послѣ аннексіи Босній-Герцеговины: «Мы насыщены»...

Другое дѣло, какъ мы видѣли, — «русская опасность» завтрашняго дня — и въ отношеніи ея уже сегодня надлежитъ подумать о мѣрахъ противодѣйствія. Эти мѣры — англійскій рецептъ, т. е. замаскированное или открытое поощреніе процесса дальнѣйшаго ослабленія и расчлененія Россіи.

Съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ Италіи такая политика тоже выгодна: товарооб-

мѣнь со старой Россіей былъ невеликъ, торговые договоры были основаны, во всякомъ случаѣ, на принципѣ взаимности. Но можетъ ли рѣчь идти о «взаимности», о «равноправіи» при заключеніи экономическихъ соглашеній съ какойнибудь Грузіей, обрѣвшею независимость благодаря заступничеству великодержавной, великодушной Италіи?

Однако, справедливость требуетъ отмѣтить, что эти вождетѣнія обнаружались въ Италіи только къ концу 1920 г. или точнѣе, весною и лѣтомъ 1921 г. на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ, которые понадобились Джиолитти для очистки Монтэ-Читорио отъ чрезмѣрнаго социалистическаго балласта. На мирной—же конференціи въ Парижѣ итальянцы, какъ и англичане, носили въ отношеніи Россіи совершенно чистыя незапятнанныя перчатки и такой же безукоризненной чистоты цилиндры. О попыткѣ превращенія Россіи въ колонію, о ея раздробленіи на «сферы вліяній» никто тогда не смѣлъ еще говорить.

Напротивъ, вы еще слушали комплименты по адресу стараго союзника, соболѣзнованіе по случаю мостившаго его горя и надежды, что, «съ общей помощью» все еще наладится къ лучшему.

Въ частности, по интересовавшему меня вопросу о Прибалтикѣ, я не слышалъ никакихъ опредѣленныхъ мнѣній и плановъ — все откладывалось на «послѣ» конференціи, т. е. на тотъ день, когда мирный договоръ съ Германіей будетъ подписанъ и скрѣпленъ. Тогда — гора съ плечъ долой, и союзники приступятъ къ рѣшенію русскихъ дѣлъ во всей ихъ разновидности.

Единственно конкретное, что мнѣ при этомъ удалось установить, было то, что для установленія возможностей вооруженной борьбы Юденича противъ большевистскаго Петрограда въ Гельсингфорсъ и Ревель будутъ отправлены союзныя военныя миссіи — французская и англій-

ская. — которые и выяснять вопросъ объ оружїи, снабженїи и о продовольствїи. Во внутреннюю нашу кухню эти миссіи ни въ коемъ случаѣ вмѣшиваться не стануть: точно также онѣ не будутъ оказывать никакого давленія и на рѣшеніе вопроса о взаимоотношенїяхъ между русскими политическими организаціями, съ одной стороны, и Финляндіей и Эстонїей съ другой. Явятся, словомъ, только друзья и союзники, готовые помочь дѣлу освобожденія Петрограда отъ большевиковъ...

Съ этими напутствїями я покинулъ Парижъ, направившись назадъ къ себѣ въ Гельсингфорсъ и Ревель. Я еще не зналъ тогда, что миссія англійскаго генерала Гофа (Haugh), отправленнаго, дѣйстви-тельно, очень скоро съ большимъ штабомъ въ Гельсингфорсъ и Ревель, какъ день отъ ночи, будетъ отличаться отъ тѣхъ священныхъ «принциповъ» которые Ллойдъ-Джорджъ оффициально исповѣдывалъ въ Парижѣ. Я не зналъ, что главной его задачей будетъ тамъ присмотрѣться подъ какимъ соусомъ удобнѣе будетъ Англїи втянуть новыя Прибалтійскія государственныя образованія въ сферу общей англійской политики и «на всякій случай» обезпечить за англійскимъ флотомъ какую нибудь прочную военно-морскую базу у входа въ Финскій заливъ подъ видомъ аренды о. Эзель на 99 лѣтъ и при условїи гарантіи независимости отъ всякаго будущаго посягательства Россїи.

Еще меньше, уѣзжая тогда изъ Парижа, я могъ знать съ абсолютной достовѣрностью, что и французская военная миссія генерала Этъевана, командированная вскорѣ послѣ англійской въ Гельсингфорсъ и Ревель, будетъ имѣть главной своей задачей, прежде всего, борьбу съ англійскимъ влїяніемъ со всѣми вытекающими изъ нея для русскаго анти-большевистскаго дѣла погубными послѣдствїями.

Все это обнаружилось для меня только впоследствии, спустя 2—3 мѣсяца, когда приготовленія къ походу Юденича на Петроградъ, казалось, уже были въ полномъ ходу. Тогда именно и началась шахматная игра, достойная лучшихъ мастеровъ.

Не обнаружилось при этомъ, къ стыду англичанъ и французовъ, только одно, это — политическая корысть американцевъ, которые въ Парижѣ меньше всего кричали о помощи русскимъ во имя «священныхъ принциповъ демократіи»: обѣщаніе знаменитаго тогдашняго продовольственнаго диктатора Хувера выслать по первому требованію транспорты съ продовольствіемъ для населенія Петрограда и петроградскаго района срокомъ на 2 мѣсяца было выполнено съ хронометрической точностью безъ всякихъ политическихъ гарантій и компенсаций.

ГЛАВА X.

Юденичъ — Главнокомандующій.

Іюнь и іюль протекли для гельсингфорской политической организациі Юденича почти въ полномъ бездѣйствіи.

Такъ называемое Политическое Совѣщаніе сформировалось въ окончательномъ видѣ какъ бы за чашкой чая. «Общественность и гласность», о которыхъ предсѣдатель Совѣщанія А. В. Карташевъ говорилъ какъ о неизблемыхъ основахъ всякой антибольшевистской дѣятельности на чужой территоріи — совершенно отсутствовали. Въ одинъ прекрасный день нѣкоторые посвященные въ тайны русской организациі въ Гельсингфорсѣ просто «узнали», что Политическое Совѣщаніе при Главнокомандующемъ образовано, въ порядкѣ назначенія самимъ Юденичемъ въ составѣ пяти лицъ и что оно имѣетъ своей цѣлью оказывать Главнокомандующему всемѣрное содѣйствіе» въ достиженіи и выполненіи лежащихъ на немъ задачъ».

Въ чемъ именно эта задача заключалась поясняла телеграмма отъ 14-го іюня изъ Омска, въ которой Юденичу сообщалось: «Верховная Власть Россійскаго Правительства возглавляемая Верховнымъ Правителемъ адмираломъ Колчакомъ, въ губерніяхъ, освобождаемыхъ ввѣренными Вамъ войсками, осуществляется Вами именемъ Верховнаго Правителя»...

Въ этой же телеграммѣ — если память миѣ не измѣняетъ — впервые указывалось, что ген. Юденичъ назначенъ «Главнoкомандующимъ русскимъ Сѣверо-зап. фронтомъ», тогда какъ до тѣхъ поръ онъ фигурировалъ въ Гельсингфорсѣ и Ревелѣ лишь какъ «старшій начальникъ».

Совѣщаніе было разбито на нѣсколько секцій, причемъ на каждаго изъ его членовъ было возложено руководство однимъ или нѣсколькими отдѣлами. Агитація и печать, своего рода министерство пропаганды, были предоставлены сначала В. Д. Кузьмину-Караваеву, а затѣмъ А. В. Карташеву. Другіе «портфели», какъ то: внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, путей сообщенія, юстиціи, продовольствія, снабженія и торговли и промышленности были распределены между А. В. Карташевымъ, В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ, С. Г. Лянозовымъ и ген. М. Н. Суворовымъ.

Все эти лица, само собою понятно, считали себя простыми исполнителями воли Главнoкомандующаго — диктатора. Такъ, напримѣръ, въ выпущенномъ этими лицами (за исключеніемъ С. Г. Лянозова) оправдательномъ документѣ по поводу ихъ оппозиціи противъ Сѣв.-зап. Правительства, мы читаемъ:

«Вся полнота власти сосредоточилась въ рукахъ Главнoкомандующаго, генерала Юденича, назначеннаго указомъ Верховнаго Правителя Россіи. Ген. Юденичъ до 11-го авг. (т. е. до образованія Сѣв.-зап. Правительство въ Ревелѣ Г. К.) былъ военнымъ диктаторомъ въ полномъ смыслѣ этого слова и не только имѣлъ право, но обязанъ былъ говорить и съ войсками, и съ населеніемъ на автократическомъ языкѣ, ибо онъ дѣйствительно являлся единоличнымъ главою русскаго дѣла въ районѣ фронта. И именно такъ его всегда неизмѣнно трактовали представители союзныхъ державъ. Все сношенія направлялись лично къ нему. Продовольствіе для Петро-

града и для занятыхъ мѣстностей поступало въ распоряженіе генерала Юденича. Помощь вооруженіемъ и снаряженіемъ—тоже. Равнымъ образомъ, адмиралъ Колчакъ и состоящее при немъ Всероссійское Правительство и парижскіе представители Верховнаго Правителя обращали всѣ запросы и указанія исключительно къ нему, т. е. лично къ генералу Юденичу. Всѣ денежныя ассигнованія поступали на его имя».

Въ соотвѣтствіи съ этимъ своимъ положеніемъ органа, подчиненнаго Главнокомандующему, Политическое Совѣщаніе и приступило къ выполненію своей задачи. Но помимо формальнаго распредѣленія «портфелей», образованія канцелярій да академическихъ разговоровъ о гражданско-административномъ и продовольственномъ устройствѣ освобождаемыхъ отъ большевиковъ областей, въ теченіе всего іюня не было сдѣлано рѣшительно ни одного шага.

А между тѣмъ, положеніе вещей на южномъ берегу Финскаго залива властно диктовало необходимость дѣйствій. Во второй половинѣ мая такъ называемый Русскій Сѣверный Корпусъ, сражавшійся до тѣхъ поръ бокъ о бокъ съ эстонскою арміею на территоріи Эстоніи подъ начальствомъ Родзянко, удачными дѣйствіями прорвался черезъ границу, разбивъ на голову части большевистской 7-ой арміи, растянутыя по линіи примѣрно Нарва — Псковъ. Черезъ нѣсколько дней, продолжая наступленіе стремительнымъ движеніемъ впередъ, войска Сѣвернаго Корпуса почти голыми руками взяли Гдовъ и Ямбургъ, захвативъ въ плѣнъ нѣсколько большевистскихъ полковъ съ оружіемъ и снаряженіемъ.

По мѣрѣ наступленія, силы Корпуса не только не убавлялись, но и росли, благодаря обильному притоку перебѣжчиковъ и добровольческихъ отрядовъ изъ населенія захваченныхъ областей, ярко

враждебно относившагося къ большевикамъ. Были случаи, что цѣлые большевистскіе полки съ музыкой переходили на сторону Сѣвернаго Корпуса и тутъ-же повернувъ штыки, сражались противъ большевиковъ. Такъ, на примѣръ, поступилъ на линіи Ямбургъ — Гатчина б. Семеновскій полкъ, считавшійся долгое время надежнѣйшимъ оплотомъ Совѣтской власти.

Былъ взятъ, наконецъ, и Псковъ, первый большой городъ, первая серьезная база для будущихъ наступательныхъ дѣйствій. Бѣлыя войска были встрѣчены съ распростертыми объятіями, съ колокольнымъ звономъ. несмотря на то, что большевики успѣли распуścić слухъ, что на Псковъ движается человекъ-звѣрь Булакъ-Балаховичъ. Большевикамъ просто не вѣрили, не хотѣли вѣрить.

Формально Сѣверный Корпусъ, перейдя границы Эстоніи и очутившись на территоріи Россіи, на которую даже самое ярые эстонскіе сепаратисты не претендовали, пересталъ находиться въ подчиненіи эстонскаго Главнокомандующаго, и состоявшееся раньше по этому предмету соглашеніе было объявлено обѣими сторонами недѣйствительнымъ. Сѣверный Корпусъ былъ отнынѣ свободенъ отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ Эстоніи и эстонской арміи, а эстонскіе сепаратисты эту «свободу» привѣтствовали, потому что они тогда уже предвидѣли для себя большія неудобства отъ пребыванія значительной русской вооруженной силы на территоріи республики.

Фактически, однако, снабженіе и продовольствіе на первыхъ порахъ поступали отъ эстонцевъ, въ ихъ-же рукахъ находились и пути сообщенія — водные и желѣзнодорожные — ведшіе изъ района дѣйствій Корпуса къ внѣшнему не-большевистскому міру. Правда, это оружіе и снабженіе эстонцы брали не изъ своихъ кладовыхъ и цехгаузовъ, каковыхъ у нихъ не было, а отъ англичанъ, при-

славшихъ первый транспортъ, какъ только заливъ счистился отъ льдовъ, съ наказомъ раздать оружіе всѣмъ дѣйствующимъ силамъ, независимо отъ національнаго флага, подъ которымъ они шли. Правда также и то, что если въ апрѣлѣ и маѣ эстонцы честно раздавали это оружіе также Сѣверному Корпусу, это дѣлалось не изъ исключительной любви къ русскимъ, а изъ сухого расчета использовать русскія силы для отраженія отчаянныхъ натисковъ Троцкаго на Нарву.

Но по мѣрѣ развитія успѣшныхъ операций Корпуса въ направленіи на Гатчину — Ораніенбаумъ фактическая его зависимость отъ Эстоніи, несмотря на формальное расторгненіе акта о неподчиненности, не только не убавлялась, но замѣтно росла. Требовалась уже не только помощь оружіемъ, снабженіемъ и предметами обмундированія, но и продовольствіемъ, съ одной стороны для численно разросшагося корпуса, а съ другой — для населенія освобожденныхъ уѣздовъ Петроградской, Псковской и Новгородской губерній, обреченнаго большевиками при отходѣ на голодную смерть.

Въ гражданско-политическомъ и административномъ отношеніяхъ Сѣверный Корпусъ по мѣрѣ своего продвиженія вглубь Россіи, а равно и населеніе края были предоставлены всецѣло злой и доброй волѣ двухъ — трехъ начальниковъ въ лицѣ ген. Родзянко, полк. Джерошинскаго и знаменитаго «героя» Булакъ-Балаховича. Что эта воля не была доброй, а напротивъ самой злой изъ всѣхъ когда либо существовавшихъ на бѣлыхъ фронтахъ — доказывать здѣсь лишній разъ не приходится. Эти «начальники» никому, вѣдь, не подчинялись, ни передъ кѣмъ не отвѣчали. Висѣлица работала во-всю. Грабежи и буйство были нормой «управленія». Самодѣятельность населенія въ дѣлѣ элементарной организаціи гражданской жизни и обезпеченія насущныхъ потребностей

разсматривалась какъ бунтъ, какъ приверженность къ большевизму. Крестьянъ обирали до ниточки.

Далѣе, при Корпусѣ не существовало никакой политической организаціи, а что до его мнимой зависимости отъ Юденича и отъ образованнаго при немъ Политическаго Совѣщанія — то достаточно сказать, что Командованіе Корпуса долго вообще не признавало Гельсингфорса и даже подчеркнуто его игнорировало. Потребовались вполнѣдствіи, въ теченіе іюня и іюля, 2 поѣздки Юденича и членовъ Совѣщанія въ районъ фронта и въ Ревель, чтобы убѣдить Родзянко, Крузенштерна, Балаховича въ необходимости признать указъ Колчака о назначеніи Юденича Главнокомандующимъ Сѣв.-зап. фронта съ преобразованиемъ «Корпуса» въ «армію».

Юденичъ долго колебался предпринять-ли ему эту поѣздку въ районъ дѣйствія Сѣвернаго Корпуса или нѣтъ, опасаясь «скандала» передъ лицомъ войскъ и союзныхъ военныхъ представителей. Потребовались, во всякомъ случаѣ, сильные доводы психологическаго порядка, чтобы убѣдить его въ необходимости выйти, наконецъ, изъ гельсингфорской гостиницы и показаться на фронтѣ, «Главнокомандующимъ» котораго онъ назначенъ. Такой психологическій нажимъ — помню — былъ произведенъ мною, какъ только мнѣ стала извѣстна при посѣщеніи Ревеля, картина военнаго и гражданскаго управленія Родзянко и Ко. въ освобожденныхъ мѣстностяхъ.

Юденичъ долго не соглашался съ моими доводами въ пользу немедленной поѣздки на фронтъ, указывая на то, что онъ только испортитъ дѣло, если явится туда «съ пустыми руками» т. е. безъ оружія, снабженія и продовольствія, которыхъ союзники, несмотря на свои обѣщанія, все еще не даютъ. Когда-же, наконецъ, я сталъ говорить о томъ, что въ обществѣ, въ широкихъ народныхъ массахъ и даже въ рядахъ арміи пошелъ ропотъ

«противъ мнѣнческаго Главнокомандующаго, сидящаго въ Гельсингфорсѣ въ гостинницѣ» — Юденичъ сказалъ:

— Хорошо, я ѣду.

И черезъ нѣсколько дней онъ, дѣйствительно, поѣхалъ — на французскомъ миноносцѣ, гдѣ ему были оказаны, соответствующія его чину, военныя почести. При этомъ произошелъ слѣдующій курьезъ:

На территоріи Финляндіи Юденичъ, конечно, не смѣлъ мечтать о генеральскомъ мундирѣ. Стоило-бы ему показаться въ такомъ мундирѣ на улицахъ Гельсингфорса — и первый попавшійся полицейскій подвергъ-бы его задержанію при восторженномъ одобреніи толпы. Поэтому процессъ передѣванія произошелъ уже на самомъ миноносцѣ въ капитанской каютѣ. Но оказалось, что у «Главнокомандующаго» нѣтъ съ собой и орденовъ, въ томъ числѣ и Георгія, который онъ получилъ за Эрзерумъ, а между тѣмъ войскамъ и населенію надо показаться «какъ слѣдуетъ». Выручила находчивость одного изъ адъютантовъ Юденича, молодого полковника Покотило, который въ послѣднюю минуту откуда-то «заимобразно» досталъ ордена, включая Георгія и передалъ ихъ Юденичу.

Французскій миноносецъ благополучно отплылъ къ берегамъ Эстоніи.

Надо полагать, что Юденичъ видѣлъ и слышалъ тамъ многое. На нѣкоторыхъ участкахъ фронта его хотя и встрѣчали съ музыкой и солдаты по приказу начальства во всю глотку кричали: «Здравія желаемъ, Вашему Высокопревосходительству!», но «руководители» арміи держали себя въ высокой мѣрѣ самостоятельно и непринужденно. Зато Юденичъ собственными глазами могъ убѣдиться, что, за исключеніемъ 2 — 3-хъ отборныхъ частей, масса солдатъ была необута, неодѣта, безъ самага необходимаго бѣлья и безъ мыла. Попадались и го-

лые въ полномъ смыслѣ этого слова и такіе, на которыхъ были накинута дамскія фуфайки и передники вмѣсто штановъ. Продовольствіе солдаты Корнуса получали въ весьма ограниченномъ размѣрѣ мукой, саломъ или соленой свининой отъ американской комиссіи вспоможенія. Но и въ этой области, какъ и въ гражданско-административной, царила подлинная вакханалія: всѣмъ распоряжался по усмотрѣнію штабы, достойные представители которыхъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ большемъ числѣ были преданы суду по обвиненію въ самомъ циничномъ казнокрадствѣ.

* * *

Члены тогдашняго Политическаго Совѣщанія при Юденичѣ — А. В. Карташевъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и ген. М. Н. Суворовъ подчеркивали, какъ свой главный активъ, то обстоятельство, что именно они, а не кто либо другой, при первомъ своемъ посѣщеніи Ревеля (7 — 12 іюня 1919 г.) вошли тамъ въ соглашеніе съ американскою комиссіей вспоможенія и обезпечили «во-первыхъ, непосредственную выдачу муки для населенія занятыхъ мѣстностей помимо эстонскихъ властей, и во-вторыхъ, отпускъ муки, соленой свинины и жировъ для продовольствія войскъ».

Никто, конечно, не станетъ оспаривать, что это соглашеніе было заключено ими; никто, далѣе, не станетъ возражать противъ того, что А. В. Карташеву и его коллегамъ по Совѣщанію дѣйствительно стоило слезъ подписать при заключеніи этого соглашенія еще и другой документъ, по которому, въ обезпеченіе отпуска американцами продовольствія, имъ отдавались ввидѣ заклада громадныя лѣсныя участки, расположенныя въ оккупированныхъ уѣздахъ Петроградской губ. Все это вѣрно. Но пусть они скажутъ, сдѣлали-ли они что-ли-

бо, чтобы предотвратить возможность той позорной вакханалии, которая воцарилась тамъ въ дѣлѣ распредѣленія продовольствія, создали-ли они какіе нибудь органы для этой цѣли, поставили-ли надежныхъ людей и вообще оказывали-ли они хоть какое нибудь вліяніе на планомѣрную постановку этого вопроса?

Предоставимъ здѣсь слово имъ самимъ въ томъ видѣ, какъ они сочли нужнымъ это сдѣлать въ указанномъ выше «заявленіи», рассчитанномъ на оправданіе ихъ дѣятельности въ качествѣ руководящихъ членовъ Политическаго Совѣщанія.

«Что касается дѣловыхъ задачъ по гражданскому управленію въ уѣздахъ, занятыхъ Сѣверо-западной арміей, то Политическое Совѣщаніе образовало организацію, построенную на началѣ сосредоточенія всѣхъ отраслей управленія въ рукахъ главноначальствующаго, примѣнительно къ закону о порядкѣ управленія въ оккупированныхъ войсками мѣстностяхъ*.) Ибо совѣщаніе полагало, что такая система являлась единственно правильной, какъ по соображеніямъ принципиальнымъ (диктатура! Г. К.), такъ и по соображеніямъ практическимъ. Мы, какъ уже говорили, не можемъ не признать, что къ 10-му августа (т. е. ко дню ревельскаго coup d'état и упраздненія Политическаго Совѣщанія Г. К.) положеніе дѣла въ области гражданскаго правленія въ занятыхъ областяхъ было близко къ состоянію разрухи».

Это признаніе весьма цѣнно; надо только замѣнить мягкія слова о «полсженіи близкомъ къ состоянію разрухи» словомъ «вакханалія», полностью отражающимъ дѣйствительность.

Но кто-же за это отвѣчаетъ? Политическое Совѣщаніе было образовано вѣдь еще въ концѣ мая,

*) Авторы имѣютъ здѣсь въ виду законы, установленные для непріятельскихъ территорій, занимаемыхъ русскими войсками во время войны.

т. е. имѣло достаточно времени въ своемъ распоряженіи, чтобы къ 10-му августа создать условія мѣтѣ близкія къ состоянію «разрухи». Не въ назначеніи-ли указанного выше «главнокомандующаго» (по велѣнію принципа диктатуры!) для гражданскаго управленія, по образу памятнаго правленія гр. Бобринскаго въ Галиціи въ 1914-15 гг., лежалъ корень зла?

Члены Совѣщанія отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно и при этомъ даютъ намъ такія объясненія, которыя незамѣтно для нихъ самихъ лишній разъ только подтверждаютъ хотя и въ осторожной формѣ все нами сказанное до сихъ поръ.

«Произведенный въ маѣ натискъ Сѣвернаго Корпуса — говорятъ они — и исключительный успѣхъ натиска создали самыя крайнія затрудненія въ гражданской жизни освобожденныхъ мѣстностей. Административный аппаратъ не былъ заранѣе подготовленъ. Приходилось немедленно создавать учрежденія, назначать должностныхъ лицъ. И, въ результатѣ, получилась невѣроятная организаціонная пестрота. Въ однихъ мѣстностяхъ были возстановлены органы земскаго и городского самоуправленія исключительно (благодаря почину и самодѣятельности мѣстныхъ людей Г. К.), въ другихъ — нѣтъ. Въ однихъ мѣстностяхъ быстро появлялась юстиція (опять таки благодаря мѣстнымъ людямъ, возстановившимъ «самочинно» законы Временнаго Правительства Г. К.), въ другихъ царило полное безправіе. Коменданты, уѣздные и волостные, допускали постоянное превышеніе власти. Политическія задачи минуты преслѣдовались неумѣло, все сводилось къ жестокости»... (къ висѣльницѣ и поркѣ Г. К.).

Но почему все это творилось вплоть до 10-го августа, разъ «Политическое Совѣщаніе» при генералѣ Юденичѣ какъ только оно было образовано (24-

го мая Г. К.) безотлагательно же разработало положеніе о гражданскомъ управленіи въ занятыхъ Сѣвернымъ Корпусомъ мѣстностяхъ», а въ первыхъ числахъ іюня это положеніе было утверждено Главнокомандующимъ? Кто-же препятствовалъ осуществленію этого «положенія о гражданскомъ управленіи»?

Отвѣтъ — отсутствіе денегъ, заставившее нѣкоторыхъ начальниковъ Сѣвернаго Корпуса прибѣгнуть къ такой радикальной «мѣрѣ», какъ печатаніе фальшивыхъ керенокъ, причѣмъ одинъ изъ нихъ не постѣснялся даже обратиться къ Юденичу за соотвѣтствующимъ разрѣшеніемъ.

«Полное отсутствіе денегъ — читаемъ мы въ историческомъ «Заявленіи» — вынудило въ это время Сѣверный корпусъ прибѣгнуть иъ продажѣ населенію американской муки не по себѣстоимости, а съ значительной надбавкой (рѣчь идетъ о мукѣ, купленной у американской комиссіи не Корпусомъ, а Политическимъ Совѣщаніемъ! Г. К.). Крайняя нежелательность этой мѣры была слишкомъ очевидна, но запретить ее было невозможно...

Конечно, лишь спустя нѣкоторое время возможно будетъ съ исчерпывающей полнотой выяснить и опредѣлить всѣ тѣ сложныя причины, которыя обусловили разстройство тыла сѣв.-зап. арміи. Но и теперь едва-ли будетъ ошибочно сказать, что продажа американской муки по повышенной цѣнѣ имѣла роковое значеніе. Въ войнѣ съ большевиками продовольственные припасы, пожалуй въ еще большей степени обезпечиваютъ успѣхъ, нежели пушки и ружья. При движеніи Сѣвернаго Корпусавпередъ, населеніе занимаемыхъ областей встрѣчало бѣдныя войска, какъ освободителей отъ голода и отъ террора. Продовольствія-же военное командованіе сначала, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, не имѣло въ своемъ распоряженіи, а затѣмъ, когда оно его получило, стало продавать по

цѣнѣ въ шесть разъ больше противъ цѣны, по которой отпускало ту же самую американскую муку по карточкамъ эстонскаго правительства, и почти въ три раза дороже рыночной вольной цѣны. И не нужно, само собою разумѣется, доказывать, что большевистская пропаганда этимъ воспользовалась. Расположеніе населенія къ бѣлымъ не повышалось, а падало. Оно падало еще больше отъ общенія съ неполучавшими жалованья солдатами. «Создавалась атмосфера недовольства»...

Но это-ли одно создавало среди населенія «атмосферу недовольства»? А публичныя казни въ Ямбургѣ, Гдовѣ и Псковѣ? А переполненныя тюрьмы? А черносотенныя воззванія и прокламаціи штабовъ Родзянки и Балаховича? А погромно-агитаціонная дѣятельность Валая-Маркова, появившагося вдругъ на фронтѣ подѣ «литературнымъ» псевдонимомъ капитана Чернявина? А массовыя грабежи у крестьянъ подѣ видомъ реквизиціи хлѣба, картофеля и скота? А земскіе начальники подѣ названіемъ «комендантовъ»?

Вѣдь все это было и господа члены Совѣщанія это видѣли при своихъ переѣздахъ изъ Гельсингфорса на южный берегъ залива. Почему-же они молчали, если это шло противъ ихъ убѣжденій и если въ ихъ рукахъ была власть да еще основанная на диктатурѣ, какъ они сами объ этомъ заявляли?

Допустимъ, наконецъ, что исторія съ американской мукой, дѣйствительно, являлась большимъ зломъ. Спрашивается, однако: почему-же Политическое Совѣщаніе, состоящее при Главнокомандующемъ-диктаторѣ, «не могло запретить» позорныхъ преступныхъ аферъ господъ интендантовъ и командировъ?

Вотъ кстати и содержаніе договора, заключеннаго между правительствомъ Колчака и знаменитымъ продовольственнымъ диктаторомъ Соед. Штатовъ Хуверомъ по вопросу о продовольственной помощи анти-большевистскимъ русскимъ арміямъ въ Прибалтикѣ, въ томъ числѣ и сѣверо-западной. Этотъ интересный документъ, еще не появившійся въ печати, бросаетъ свѣтъ на всю постановку дѣла союзной помощи русскимъ, а потому мы позволимъ себѣ привести его здѣсь полностью съ сохраненіемъ его стилистическихъ и грамматическихъ особенностей.

Онъ носитъ скромное названіе «Особый договоръ между American Relief Commission и Временнымъ Правительствомъ Россіи» и гласитъ:

«Особый Договоръ между американской комиссіей вспомошествованія и Временнымъ Правительствомъ Россіи, по которому Временное Правительство Россіи, главой котораго является адмиралъ Колчакъ, обратилось къ Соед. Штатамъ Америки, Франціи, Великобританіи и Италіи за снабженіемъ продовольствіемъ, дабы предотвратить голодъ среди русскаго населенія и помочь означенному Правительству сохранить порядокъ и остановить распространеніе анархіи, и по которому желаніе Соединенныхъ Штатовъ Америки оказать помощь въ этомъ дѣлѣ доставкою такового продовольствія, которое будетъ на-лицо, и Американская Комиссія вспомошествованія назначена Соединенными Штатами принять организацию этого дѣла и по которому Комиссія уже доставила нѣкоторое продовольствіе Гражданскому Отдѣлу Сѣв.-зап. арміи для населенія территоріи, расположенной на западѣ отъ рѣки Наровы и озера Чудскаго, на пароходахъ «Лэкъ Страбо» и «Лэкъ Шарлотвиль», и по которому Американская Комиссія вспомошествованія въ данное время держитъ въ пунктахъ Фин-

скаго залива транспорты «Лэкъ Кальвинія», «Діо», «Лэкъ-Треверсъ», «Демократъ» и «Шарлотъ» и можетъ дополнительно отправить добавочное продовольствіе.

По сему теперь договорено вышеозначенными сторонами:

1) Что Американская Комиссія вспомошествованія доставить представителямъ Временнаго Правительства Россіи, особенно его представителямъ — Русскому Отдѣльному Корпусу Сѣв.-зап. района, такія части грузовъ съ «Лэкъ Страбо», «Лэкъ Шарлотвиль», «Діо», «Лэкъ-Треверсъ», «Демократъ» и «Шарлотъ», составляющихъ приблизительно 18 471 тоннъ пшеничной муки, 58 тоннъ ржанной муки, 985 тоннъ бобовъ и гороха, 1501 тоннъ бѣконъ, 834 тонны искусственнаго сала и 17 548 тоннъ конденсированнаго или выпареннаго молока, каковыя будутъ свободны отъ другихъ снабженій и не переданы уже Отдѣльному Корпусу Сѣв.-зап. арміи. Временное Правительство Россіи согласно, что оно заплатитъ за все доставленное продовольствіе, включая ту часть, которая уже доставлена Отдѣльному Корпусу Сѣв.-зап. арміи и добровольческимъ отрядамъ въ Либавѣ и Ригѣ, принимая всѣ обязательства, которыя означенные отряды или ихъ Гражданскіе Отдѣлы могли выдать, и оно далѣе заплатитъ за всякое добавочное продовольствіе отправленное въ Финскій заливъ или Либаву и Ригу для русскихъ добровольческихъ отрядовъ и доставленное въ теченіе мѣсяцевъ июль, августъ или сентябрь 1919 года Американскою Комиссіей вспомошествованія.

2) Временное Правительство Россіи назначаетъ Штабъ Военнаго Начальника русской Сѣверо-западной арміи своимъ агентомъ для пріемки всего продовольствія, доставленнаго послѣ сего по настоящему контракту. Доставка принимается на основаніи *cif* или въ складахъ по усмотрѣнію Амери-

канской Комиссии Вспомоществованія въ Выборгѣ, Ревель или Гельсингфорсѣ или съ согласія Штаба Старшаго Начальника русской Сѣверо-западной арміи во всякомъ другомъ порту Балтійскаго моря. Временное Правительство Россіи далѣе разрѣшаетъ доставку небольшихъ количествъ продовольствія, нужныхъ для поддержанія русскихъ добровольческихъ отрядовъ, оперирующихъ около Риги и приметъ ихъ росписки, какъ окончательное доказательство поставки по сему контракту. Временное Правительство Россіи или его представитель выдаетъ росписки за всякое продовольствіе или другое снабженіе на основаніи погрузочныхъ свидѣтельствъ, представленныхъ Американской Комиссией Вспомоществованія. Представители Комиссии представляютъ Временному Правительству Россіи или его представителямъ счета, каковыя принимаются имъ какъ окончательные и законченные по количеству, стоимости и доставкѣ. Временное Правительство Россіи или его представители уплотятъ всѣ расходы послѣ доставки. Передаваемое продовольствіе будетъ доставлено по себѣстоимости, составляющей покупную стоимость въ Соединенныхъ Штатахъ плюсъ всѣ расходы по транспортированію и другіе расходы съ достаточнымъ запасомъ, чтобы оградить Американскую Комиссію Вспомоществованія отъ убытковъ.

3) Уплата за все доставленное продовольствіе будетъ произведена особымъ долговымъ обязательствомъ Временнаго Правительства Россіи по прилагаемой къ сему договору формѣ, по представленіи Американской Комиссией Вспомоществованія Временному Правительству Россіи счета, выписаннаго на основаніи счетовъ, указанныхъ въ § 2. Означенныя обязательства оканчиваются 30-го іюля 1921 года и стоятъ на тѣхъ-же основаніяхъ относительно обезпеченія и срока, какъ и тѣ обязательства, которыя выданы даннымъ правительствомъ за авансы для тѣхъ же цѣлей, отпущенные таковому Прави-

тельству кѣмъ либо изъ странъ Согласія и ихъ сочленами съ 11-го ноября 1918 года.

4) Временное Правительство Россіи согласно далѣе, что за все снабженіе, которое приобрѣтено у арміи Соединенныхъ Штатовъ, оно выдаетъ означенной арміи росписки такого-же характера, какъ оно выдаетъ за продовольствіе по сему контракту. Оно соглашается далѣе, что въ случаѣ, если Американская Комиссія Вспомоществованія приметъ на себя перевозку этого снабженія изъ Франціи въ Россію, то счетъ Американской Комиссіи за такую перевозку будетъ включенъ на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и счетъ за продовольствіе.

5) Распределеніе продовольствія, такимъ образомъ доставленнаго, будетъ производиться Временнымъ Правительствомъ Россіи или его представителями, но по указанію и съ одобренія Американской Комиссіи согласно принципамъ гуманности. Въ случаѣ, если Временное Правительство Россіи не будетъ въ состояніи использовать такое продовольствіе для помощи населенія, для котораго оно предназначено и явится необходимость перепродать это продовольствіе, то перепродажа можетъ быть произведена лишь съ согласія Американской Комиссіи, и Временное Правительство Россіи передаетъ Американской Комиссіи все получаемое отъ продажи, какъ наличными, такъ и обязательствами, и если означенныя полученія будутъ приняты Американской Комиссіей, то въ такомъ случаѣ Временное Правительство Россіи будетъ освобождено отъ выданныхъ обязательствъ въ размѣрѣ такого платежа.

6) Такъ какъ означенный договоръ составленъ исключительно для цѣлей гуманности организаціей, получающей поддержку отъ частной благотворительности и Правительства, то таковой не понимается какой-либо изъ сторонъ въ какомъ-либо

смыслъ какъ признаніе Правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ Временнаго Правительства Россіи.

Въ подтвержденіе чего стороны къ сему приложили руку шестнадцатаго дня іюля 1919 года.

Временное Правительство Россіи
За Е. Хермоніусъ, генераль-лейтенантъ Р. А.

Американская Комиссія Веломоществованія
За Хошертъ, Хуверъ»...

Лишне, конечно, прибавить, что по буквѣ и смыслу этого договора, содержаніе котораго геллингфорское Политическое Совѣщаніе при Юденичѣ не могло не знать, штабы Сѣверо-западной арміи или гражданскіе органы, поставленные Совѣщаніемъ въ освобожденныхъ мѣстностяхъ, не имѣли права производить продажу отпущенной американцами муки, да еще по цѣнѣ «въ шесть разъ дороже противъ цѣны, по которой отпускало ту же американскую муку эстонское правительство и въ три раза дороже рыночной вольной цѣны».

Не было-ли это гнуснѣйшей аферой въ полномъ смыслѣ этого слова, аферой, ответственность за которую падаетъ всецѣло на Политическое Совѣщаніе?

Характерно въ этомъ документѣ и указаніе тогдашняго американскаго продовольственнаго диктатора для Европы Хувера, что заключенный съ Правительствомъ Колчака договоръ (въ договорѣ оно именуется «Временнымъ Правительствомъ Россіи») не долженъ быть понимаемъ какъ признаніе этого Правительства Соединенными Штатами. А между тѣмъ договоръ былъ подписанъ въ разгарѣ военныхъ успѣховъ Колчака, когда его арміи сражались

между Ураломъ и Волгой. Очевидно, американцы тогда уже не вѣрили въ прочность Омскаго Правительства и оказались, такимъ образомъ, болѣе дальновидными политиками, чѣмъ Клемансо и Ллойдъ-Джорджъ. Они давали хлѣбъ Россіи, а не Колчаку, голодающему населенію Сѣв.-зап. района, а не намѣстнику Колчака — Юденичу, какъ это предполагали члены Политическаго Совѣщанія.

Но вернемся къ политической сторонѣ дѣятельности Совѣщанія. При этомъ, однако, я долженъ оговориться: если я и описываю здѣсь эту дѣятельность въ темныхъ тонахъ, т.-е. такъ, какъ я ее видѣлъ на близкомъ разстояніи, то отнюдь не для того, чтобы потомъ обѣлять Сѣверо-западное Правительство: оно тоже немало грѣшило, но только по легкомыслію.

Глава XI.

Военныя конвенціи.

Политическое Совѣщаніе сидѣло въ Гельсингфорсѣ и оттуда, какъ мы видѣли, «руководило» фронтомъ въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ. Въ результатѣ этого руководства уже въ началѣ іюля первоначальные (майскіе) успѣхи Сѣвернаго Корпуса, переименованнаго въ Сѣверо-западную армію, были начисто ликвидированы. Войска, продвинувшіяся было почти до Ораніенбаума и Гатчины, вернулись къ исходному положенію, но съ той лишь разницей, что прежде, т. е. до наскока на 7-мую большевистскую армію они стояли на эстонской территоріи, а теперь сохраняли въ своихъ рукахъ нѣкоторую полосу російской территоріи, примѣрно по линіи, идущей въ 10-ти верстахъ западнѣе Ямбурга на югъ, черезъ Гдовъ и Псковъ, при чемъ эти послѣдніе пункты успѣшно оборонялись отъ контръ-наступленія Троцкаго. Смычка съ эстонскими войсками имѣлась на флангахъ: на сѣверѣ — въ районѣ Капорской бухты, на югѣ — въ районѣ Пскова.

Предполагалось, что измученная армія, численно выросшая благодаря притоку перебѣжчиковъ, здѣсь отдохнетъ, сорганизуется, подкормится, получитъ отъ союзниковъ обѣщанное вооруженіе и амуницію, а тѣмъ временемъ Политическое Совѣщаніе при Главнокомандующемъ закончитъ благополучно переговоры съ Финляндіей и Эстоніей относительно

военной коопераціи. Последняя была необходима уже потому, что опытъ наскока Сѣвернаго Корпуса на седьмую красную армію, защищавшую Петроградъ, показалъ, что большевики умѣютъ обороняться противъ относительно небольшихъ силъ. Этотъ опытъ, во всякомъ случаѣ, убѣдилъ и Юденича, что о «набѣгахъ» или о простыхъ «прогулкахъ» отъ Ямбурга до Невскаго не можетъ быть и рѣчи, что, напротивъ, планъ кампаніи долженъ быть тщательно разработанъ во всѣхъ своихъ деталяхъ и, наконецъ, что безъ военной помощи Финляндіи или, въ крайнемъ случаѣ, Эстоніи походъ не долженъ быть предпринятъ. Сѣверо-западная армія, несмотря на притокъ перебѣжчиковъ и добровольцевъ, слаба; ѣдоковъ въ ней числится около 50-ти тысячъ, комбатантовъ-же — не болѣе 18—20 тысячъ при почти полномъ отсутствіи артиллеріи. Яснѣе яснаго, что съ этими ничтожными силами не выйдешь большевиковъ изъ Петрограда.

Политическое Совѣщаніе усилило свою дипломатическую дѣятельность. Оно стало писать и телеграфировать въ Парижъ, чтобы оттуда черезъ союзниковъ былъ произведенъ нажимъ на Финляндію. Въ самомъ Гельсингфорсѣ оно искало «контакта» съ финляндскими политическими кругами, преимущественно съ правительственными. Но рядомъ съ этимъ А. В. Карташевъ и его ближайшіе коллеги не теряли изъ виду и Эстонію, хотя и смотрѣли на нее свысока, какъ на *quartier négligable*, несмотря на то, что Сѣв.-зап. армія, какъ мы уже показали, находилась въ фактической, а не только словесной, зависимости отъ эстонцевъ и пути сообщенія съ нею шли единственно черезъ Ревель и Нарву.

Парижъ, т.-е. тамошнее Политическое Совѣщаніе медлило. Оно знало, что Финляндія требуетъ, какъ предварительное условіе для переговоровъ о военной коопераціи, признанія своей суверенной само-

стоятельности Колчакомъ безъ всякихъ оговорокъ. Оно сносилось съ Колчакомъ, Колчакъ выступалъ съ оговорками относительно санкціи Всероссийскаго Учредительнаго Собранія. Что-же касается возможности «нажима» союзниковъ на Финляндію, то въ этомъ отношеніи результаты достигались прямо противоположные поставленной цѣли. Англія, во всякомъ случаѣ, не только не производила никакого нажима, но, напротивъ, опредѣленно предостерегала финляндское правительство отъ всякихъ авантюръ въ русскомъ вопросѣ. И если руководящіе члены гельсингфорскаго Политическаго Совѣщанія судили иначе на основаніи отдѣльныхъ, даже не продиктованныхъ, быть можетъ, изъ Лондона, выступленій или декларацій главы англійской военной миссіи въ Гельсингфорсѣ ген. Гофа—то это лишній разъ только доказывало ихъ политическую близорукость и неумѣніе разобраться въ международной обстановкѣ.

Относительно Франціи-же и ея политики въ Гельсингфорсѣ, всѣ данныя той эпохи свидѣтельствовали, что на первыхъ порахъ въ ея задачи входило: 1) ослабленіе гермаофильскихъ тенденцій у финновъ, тенденцій, имѣвшихъ глубокіе корни культурнаго и экономическаго порядка; 2) борьба съ англійскимъ «засильемъ». Къ обѣимъ задачамъ французская дипломатія въ Гельсингфорсѣ подходила сугубо осторожно. Она, во всякомъ случаѣ, подчеркивала, что никогда не позволитъ себѣ намека на вмѣшательство во внутреннія дѣла молодой республики или въ вопросъ о томъ или иномъ ея отношеніи къ Россіи, въ частности, къ Юденичу.

Эта позиція была выгодна французамъ, съ одной стороны потому, что англичане на первыхъ порахъ своего появленія въ Гельсингфорсѣ выступали, какъ полагалось побѣдителямъ, надменно грубовато, а съ другою — потому, что всякое иное отно-

шеніе французовъ только усилило бы тѣ германо-фильскія тенденціи финновъ, которыя Парижъ собирался вытѣснить во что бы то ни стало. Финляндцы, при своемъ феноменальномъ неумѣннн разбираться въ вопросахъ международной политики, разсуждали бы такъ: «Если Франція толкаетъ насъ на военное выступленіе противъ большевиковъ — значитъ ей желательно, чтобы возродилась великая могущественная Россія. А такъ какъ великая могущественная Россія насъ обязательно съѣстъ — значитъ Франція выступаетъ противъ нашей независимости, противъ нашихъ жизненныхъ задачъ».

Этого именно французы и избѣгали. Напротивъ, еще лѣтомъ 1919 г., какъ только въ Гельсингфорсѣ обосновался первый французскій дипломатическій представитель въ званіи «чрезвычайнаго посланника», парижскій кабинетъ послалъ генералу Маннергейму большое количество танковъ, аэроплановъ и всякаго другого вооруженія. Одновременно въ Гельсингфорсѣ прибыла партія французскихъ офицеровъ для реорганизациі финскаго генеральнаго штаба. Параллельно, по инициативѣ французовъ, начались и переговоры объ устройствѣ для Финляндіи займа въ Парижѣ для оплаты продовольствія и сырья, закупаемаго у американцевъ, при чемъ всѣ эти «любезности» оказывались финляндцамъ при подчеркнуто пренебрежительномъ отношеніи къ Политическому Совѣщанію Юденича, къ его мольбамъ о вооруженіи и деньгахъ, какъ и вообще ко всему русскому, оставшемуся въ Финляндіи.

Было-ли это похоже на тотъ «нажимъ» на Финляндію, на который Политическое Совѣщаніе рассчитывало?

* * *

А между тѣмъ, слѣпо вѣря въ неизбежность давленія союзниковъ на правительственную Финляндію, Политическое Совѣщаніе совершенно упускало изъ виду, что кромѣ правительства въ Финляндіи еще есть народъ. Поскольку припомню — за всю весну и лѣто 1919 г. Совѣщаніемъ не было предпринято ни одного шага, чтобы войти въ соприкосновеніе съ финляндскими политическими партіями и съ народными массами. Не было устроено ни одного публичнаго собранія, ни одной лекціи, ни одного другого общественнаго выступленія, на которыхъ финляндская демократія могла бы хоть сколько нибудь ознакомиться съ задачами Совѣщанія и съ тѣмъ, чего оно желало получить отъ финляндцевъ.

Газета «Русская Жизнь», ставшая официозомъ Политическаго Совѣщанія, держала, разумѣется, опредѣленный курсъ на Колчака, но съ ней случались и открытые монархическіе припадки. Ее редактировалъ то В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, то нѣкій Ив. Ив. Тхоржевскій, бывший въ свое время чиновникомъ для особыхъ порученій или секретаремъ у Кривошеина и о которомъ Карташевъ отзывался мнѣ какъ о «выдающемся стилистѣ-поэтѣ и тонкомъ осторожномъ дипломатѣ».

Однажды — помню — газета вышла въ траурной рамкѣ на первой страницѣ съ большимъ объявленіемъ о назначенной въ мѣстномъ православномъ соборѣ панихидѣ по «въ Бозѣ почившему Государю Императору Николаю II». Газета редактировалась тогда В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ, членомъ Политическаго Совѣщанія. Почувствовалась большая «неловкость» передъ финнами — даже А. В. Карташевъ былъ смущенъ и не щадилъ словъ для порицанія своего коллеги по Совѣщанію. Для предотвращенія новыхъ монархическихъ и иныхъ выходовъ «Русской Жизни» А. В. Карташевъ вознамѣрился поставить ее подъ контроль созданнаго

при его «министерствѣ пронаганды» особаго Совѣта въ составѣ 5 лицъ, подъ предсѣдательствомъ его, Карташева. Само собой разумѣется, что въ этотъ Совѣтъ былъ включенъ и упомянутый выше ближайшій сотрудникъ Кривошеина — И. И. Тхоржевскій. Но когда на первомъ-же засѣданіи Совѣта я выступилъ съ предложеніемъ, включить въ составъ его членовъ для «нейтрализаціи» Тхоржевскаго, извѣстнаго петроградскаго прис. пов. М. С. Маргулеса, общественнаго дѣятеля съ опредѣленными демократическими тенденціями, ставшаго затѣмъ министромъ Сѣв.-зап. Правительства, — большинство Совѣта высказалось рѣшительно противъ моего предложенія. А. В. Карташевъ и его ближайшіе сотрудники объясняли свою оппозицію соображеніями о личныхъ свойствахъ моего кандидата, который минушею зимой якобы «разлагалъ» дѣятельность Яскаго Особаго Совѣщанія. Они «охотно взяли бы въ члены Совѣта и социалиста, если бы я только его нашелъ въ предѣлахъ Финляндіи», но М. С. Маргулеса — ни подъ какими условіями...

Связей-же съ финляндскою печатью (финской и шведскою) Политическое Совѣщаніе совершенно не поддерживало; ея вообще боялись, особенно же демократическихъ и социалистическихъ газетъ, которыя, по выраженію А. В. Карташева, «въ лучшемъ случаѣ могли только повредить» дѣлу созданія опредѣленнаго настроенія въ Финляндіи въ пользу военной помощи русскимъ...

Сеймъ, только что набранный, въ которомъ число социалистическихъ депутатовъ превышало $\frac{2}{3}$ общаго состава, въ глазахъ Политическаго Совѣщанія тоже почти не существовалъ. Зато все вниманіе удѣлялось правительству, точнѣе, отдѣльнымъ его членамъ, какъ, напримѣръ, военному министру — словно въ парламентарно управляемой республиканской Финляндіи вопросъ о вооруженной помощи Юденичу можетъ зависѣть исключи-

тельно отъ того или иного расположенія военныхъ сферъ или даже отъ самого Маннергейма, а не отъ совокупности всѣхъ политическихъ, экономическихъ и моральныхъ факторовъ данной эпохи.

Но и съ этими кругами «контактъ» тоже долго не налаживался: финляндцы не довѣряли ни Юденичу, ни его политическимъ сотрудникамъ изъ Совѣщанія. И когда, наконецъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ внѣшнихъ факторовъ, связь установилась и обѣ стороны приступили къ обсужденію конкретныхъ вопросовъ дня, то оказалось, что и теперь еще у многихъ членовъ Совѣщанія да и у самого Юденича рыльце въ пуху въ отношеніи безусловнаго признанія независимости Финляндіи. Но этотъ фактъ такъ ловко былъ забронированъ, что финляндцы, при своемъ неумѣннн составляя международные договоры и конвенціи, долго не отдавали себѣ отчета въ его существованіи, а только инстинктомъ его улавливали.

Такъ, напримѣръ, въ проектѣ договора съ Финляндіей, выработаннаго Совѣщаніемъ, въ статьѣ первой говорилось: «Положеніе Финляндіи, въ качествѣ сувереннаго государства, признается безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій, какъ совершившійся фактъ».

Казалось-бы — все хорошо. Но читайте что по этому же поводу писали черезъ 2 — 3 мѣсяца члены Совѣщанія въ своемъ упомянутомъ выше «Заявленіи», и вы увидите что въ ихъ мысли оговорки все таки были.

«Ибо мы по совѣсти — говорится въ этомъ документѣ — могли сказать финляндскому Правительству, что дореволюціонная политика официальной Россіи въ финляндскомъ вопросѣ неимѣла корней въ русскихъ народныхъ массахъ, что въ сознаніи русскаго народа, наоборотъ, съ давняго времени сложилось и твердо укоренилось возрѣ-

ніе на Финляндію, какъ на самостоятельную окраину Россіи, обособленную и въ культурномъ, и въ бытовомъ, и въ правовомъ отношеніи, и связанную съ Имперіей, въ составъ которой она входила, лишь личной уніей, что право Финляндіи на территорию, дающую выходъ къ зимнему порту у Ледовитаго океана, основано на неоспоримомъ правовомъ актѣ и что, въ силу всего этого, насколько возможно политическое Предвидѣніе, мы не сомнѣваемся въ томъ рѣшеніи русско-финляндскаго вопроса, которое приметъ всероссійское Учредительное Собраніе».

Значить — опять колчаковская «санкція» Учредительнымъ Собраніемъ! Вопросъ стало быть, въ окончательномъ видѣ еще не ликвидированъ, а потребуетъ еще рѣшеніе Учредительнаго Собранія, т. е. то, на что Омское Правительство указывало въ своей отвѣтной нотѣ союзникамъ.

И — имѣйте въ виду: эта «декларация» была вынуждена Карташевымъ и Кузьминымъ-Караваевымъ въ самомъ Гельсингфорсѣ, гдѣ требовалась сугубая осторожность выраженій, да еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда Юденичъ еще могъ рассчитывать и дѣйствительно рассчитывалъ на вооруженную помощь Финляндіи въ самомъ близкомъ будущемъ.

Въ концѣ концовъ, финляндцы спохватились и договора не подписали. Они, въ сущности, прислушивались не столько къ тому, что говорило Политическое Совѣщаніе Юденича, сколько къ голосу Парижа и Омска, а оттуда дулъ вѣтеръ оговорокъ и ограниченій.

* * *

Параллельно съ переговорами въ Гельсингфорсѣ, Политическое Совѣщаніе сдѣлало попытку договориться и съ Эстоніей. Былъ іюль мѣсяцъ. Положе-

ніе Сѣвернаго Корпуса явно ухудшалось, майскіе успѣхи, достигнутые при налетѣ Родзянко на окрестности Петрограда однимъ за другимъ ликвидировались. Ямбургъ пришлось вновь отдать большевикамъ, къ Пскову-же, гдѣ на тропѣ возсѣдалъ знаменитый «батька» Булакъ-Балаховичъ, коммунистическое командованіе подтягивало значительныя силы и городъ каждую минуту могъ пасть. Настроеніе въ войскахъ было подавленное, оружіе и снабженіе отъ союзниковъ не поступали, среди населенія освобожденной территоріи царило острое недовольство «порядками», введенными какъ военнымъ командованіемъ, такъ и «главноначальствующимъ по гражданской части», котораго поставило Политическое Сѣвѣщаніе.

Рядомъ съ этимъ въ самой Эстоніи, съ которой фронтъ Сѣв.-зап. арміи былъ неразрывно связанъ, все свидѣтельствовало о томъ, что государственный аппаратъ тамъ постепенно налаживается и упрочивается: Ревель пересталъ напоминать городъ, который еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ находился во владѣніи большевиковъ. Исключительные законы, изданные первымъ правительствомъ Пятса зимою 1919 г., были отмѣнены поскольку это допущалось состояніемъ войны: экономическая жизнь замѣтно оживилась; фабрики и заводы работали; въ порту царила бойкая дѣятельность; крестьянство, въ пользу котораго правительство только что рѣшило аграрный вопросъ при помощи конфискаціи крупнаго баронскаго землевладѣнія, стойко поддерживало новый порядокъ и охотно давало казнѣ рекрутовъ для борьбы съ большевиками, а городамъ продовольствіе.

Учредительное Собраніе, вышедшее изъ всеобщаго голосованія, еще ранней весной провозгласило единогласно независимость страны и поручило коалиціонному правительству Штрандмана, въ которомъ преобладающая роль принадлежала со-

ціалъ-демократамъ, добиваться скорѣйшаго признанія этого акта союзными державами. Оно рассчитывало при этомъ, въ первую голову, на поддержку Англии. Ибо если мы русскіе, по свойственной намъ великодержавной политической слѣпотѣ, этого не замѣчали, то маленькіе наблюдательные эстонцы изъ мелкихъ фактовъ повседневной дѣйствительности хотя бы на примѣръ, изъ той предупредительности, съ которой англичане давали имъ оружіе, снабженіе, обмундированіе и продовольствіе (тогда какъ русскимъ въ этомъ отказывалось), — эстонцы давно уже составили себѣ убѣжденіе что независимость Эстоніи въ интересахъ Англии.

При такихъ общественныхъ настроеніяхъ въ молодой республикѣ Политическое Совѣщаніе рѣшило начать съ нею «конкретные» переговоры о военномъ сотрудничествѣ. Оно исходило, однако, изъ совершенно противоположной оцѣнки положенія въ Эстоніи и разсуждало такъ:

Реальная обстановка свидѣтельствуешь, что большевистская пропаганда неудержимо проникаетъ въ Эстонію и эстонскія войска, что въ этомъ отношеніи русская Сѣверо-западная армія является заслономъ для Эстоніи, что если наша армія не будетъ немедленно одѣта, обута и вооружена, не перейдетъ въ наступленіе и развалится, то потокъ большевизма зальетъ Эстонію, — словомъ, что безотлагательное занятіе Петрограда и нанесенія мощнаго удара русскому большевизму составляетъ самостоятельный жизненный интересъ молодого, еще только слагающагося эстонскаго государства....

А если такъ, — разсуждали они дальше — то нѣтъ никакого основанія спѣшить съ вопросомъ о признаніи эстонской независимости и можно лишь говорить о выработкѣ «базиса взаимнаго признанія общности интересовъ въ активномъ выступленіи противъ большевиковъ и, въ частности, въ совмѣстномъ движеніи на Петроградъ».

Событія, развернувшіяся на фронтѣ и въ самой Эстоніи спустя 3 — 4 мѣсяца, показали какъ разъ противоположное: даже послѣ развала и исчезновенія арміи Юденича Эстонія не была «залита потокомъ большевизма», и эстонская армія тоже не перешла на сторону Троцкаго, а, напротивъ, до самаго послѣдняго момента, т. е. до подписанія Юрьевскаго мира (29 янв. 1920 г.) стойко и мужественно отбивала отчаянныя атаки красной арміи на Нарву, непрекращавшіяся даже во время мирныхъ переговоровъ.

При этой глубоко ошибочной оцѣнкѣ «реальной обстановки» въ Эстоніи члены Политическаго Совѣщанія давали своей мысли слѣдующую теоретическую постановку:

«Въ борьбѣ съ разложившимъ отечество большевизмомъ, всѣ народы Россіи обрѣтаютъ право на устроеніе ихъ государственнаго бытія, въ формахъ самостоятельности, соотвѣтственно ихъ усиліямъ и участію въ общемъ дѣлѣ побѣды надъ разложеніемъ». *)

Само собою разумѣется, что эстонцы, которые лучше Карташева знали положеніе своей страны, не примирились ни съ его теоритической постановкой вопроса и ни съ практической концепціей о «заслонѣ», образуемомъ якобы Сѣв.-зап. арміей. Они во всякомъ случаѣ ясно отдавали себѣ отчетъ въ одномъ, а именно, что Политическое Совѣщаніе и Сѣв.-зап. армія больше нуждаются въ помощи Эстоніи, чѣмъ послѣдняя въ помощи Юденича. Соотвѣтственно съ этимъ премьеръ-министръ Штрандманъ и отвѣтилъ пріѣзжавшему въ іюнѣ въ Ревель А. В. Карташеву, что условіемъ *sine qua*

§5 деклараціи, составленной Политическимъ Совѣщаніемъ и предложенной для утвержденія Главнокомандующему Юденичу. Нужно отмѣтить, что эта декларація была предложена Совѣщаніемъ лишь 3-го августа 1919 г., въ іюль-же при переговорахъ съ эстонцами Совѣщаніе «такъ далеко» еще не шло.

пов для конвенціи о военномъ сотрудничествѣ является безоговорочное признаніе независимости Эстоніи. Въ сущности, эстонское правительство теперь отвѣтило то, что мнѣ довелось слышать еще ранней весной, когда страна еще только пыталась стать на ноги, когда въ активѣ эстонской государственности еще не было ни англійскаго фактора и ни тѣхъ реальныхъ результатовъ удачнаго разумнаго самостоятельнаго правленія, какіе были на лицо теперь, и когда, наконецъ. Учредительное Собраніе еще не успѣло вынести единогласнаго рѣшенія о независимости.

Что-же возразило Политическое Совѣщаніе въ лицѣ Карташева?

Давать «хартію вольности» эстонцамъ онъ не хотѣлъ, ибо если въ отношеніи финляндской независимости существенныя уступки были необходимы, то примѣнительно къ Эстоніи ему казалось, что «подобнаго моральнаго обязательства передъ Эстоніей и передъ эстонскимъ правительствомъ ни одинъ русскій политическій дѣятель принять на себя не можетъ». Но съ другой стороны, обстановка на фронтѣ и въ освобожденныхъ мѣстностяхъ требовали дѣйствій, а не словъ: эстонскія силы были нужны до крайности.

Какъ-же выйти изъ этого положенія?

На помощь пришелъ византійскій складъ ума профессора-богослова. А. В. Карташевъ «выключилъ» самого себя, т. е. Политическое Совѣщаніе, и предложилъ эстонскому правительству ограничиться заключеніемъ договора военно-техническаго характера съ... командиромъ Сѣвернаго Корпуса.

Это былъ верхъ остроумія — такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Карташеву и его ближайшимъ друзьямъ. Эстонцы получали бумажку съ признаніемъ своей независимости — Политическое же Совѣщаніе ничуть не было-бы связано этимъ актомъ.... Но вѣдь командиръ Сѣвер-

наго Корпуса уже не самостоятеленъ болѣе въ своихъ дѣйствіяхъ разъ Юденичъ — Главнокомандующій фронта по указу Колчака. Раньше, зимою, когда нѣмцы только что покинули Эстонию и русскіе добровольческіе отряды, образованные въ Псковѣ и затѣмъ на территоріи Эстоніи, еще только приступали совмѣстно съ эстонцами къ дѣйствіямъ противъ большевиковъ — тогда, быть можетъ, командиръ Корпуса и былъ еще «хозяиномъ» своихъ войскъ и могъ выдавать эстонцамъ любыя обязательства въ томъ числѣ, разумѣется, признаніе независимости, а также и то, что въ случаѣ достиженія успѣха въ борьбѣ съ большевиками, Корпусъ ни при какихъ обстоятельствахъ не повернетъ оружіе противъ эстонцевъ. Но теперь, вѣдь, «корпуса», какъ такового, болѣе не существуетъ, а есть Сѣв.-зап. армія и ея Главнокомандующимъ состоитъ генералъ Юденичъ, имѣющій вдобавокъ въ своемъ распоряженіи еще и Политическое Совѣщаніе...

Расчитывали, повидимому, на наивность эстонцевъ или, въ крайнемъ случаѣ, на то, что «техника» военнаго сотрудничества и постоянныя общенія между русскимъ и эстонскимъ командованіемъ сгладятъ, въ концѣ концовъ, всѣ шероховатости, а потому — что Богъ дастъ. Важно лишь, чтобы успѣхъ былъ достигнутъ...

Однако, справедливость требуетъ отмѣтить, что впослѣдствіи (въ началѣ августа), когда развалъ Сѣв.-зап. арміи становился все болѣе очевиднымъ, Политическое Совѣщаніе сочло нужнымъ пойти и на дальнѣйшія уступки. Оно выразило, наконецъ, согласіе декларировать и независимость Эстоніи и даже готово было принять на себя обязательство сообщить объ этомъ въ копіяхъ и черезъ особо посланныхъ лицъ Парижскому Совѣщанію и Колчаку.

«Но — говорили въ оправданіе этой своей «ус-

тупчивости» члены Совѣщанія *) — мы не скрывали ни отъ себя, ни отъ нихъ, что отнюдь не брали на себя смѣлости смотрѣть на нашу декларацію, какъ на волеизъявленіе русскаго народа, а лишь давали ея чисто личное обѣщаніе если эстонскія войска пойдутъ на Петроградъ и операція завершится успѣхомъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, способствовать въ будущемъ правовому закрѣпленію за Эстоніей государственной самостоятельности».

Это дополнительное объясненіе всецѣло соответствовало общей деклараціи, предложенной Политическимъ Совѣщаніемъ Юденичу 3-го авг. подъ названіемъ «Къ населенію русской территоріи Сѣверо-западнаго фронта», и представлявшей собой основную програму Совѣщанія. «квинтэссенцію» его политической мысли. Въ § 3 этой деклараціи такъ и говорилось: «Единство Великой Россіи должно сочетаться съ утвержденіемъ за всѣми народностями, обитающими на ея исторической территоріи, права развивать свою національно-культурную жизнь». И само собой разумѣется, что къ этимъ «архи-демократическимъ» лозунгамъ эстонское Учредительное Собраніе и тогдашнее правительство Штрайдмана отнеслись съ крайнимъ недоумѣніемъ, больше того — съ явной ироніей. Въ іюнѣ, когда Сѣверный Корпусъ, только что преобразованный въ Сѣв.-зап. армію, одерживалъ успѣхи, Политическое Совѣщаніе категорически отклоняло всякіе переговоры на базисѣ признанія независимости Эстоніи и считало измѣнникомъ родинѣ всякаго кто только посягнетъ на подписаніе такого акта, — въ началѣ же августа, когда фронтъ сталъ разваливаться, Карташевъ и Кузьминъ-Каравановъ уже готовы были декларировать эту независимость и даже (!) сообщить объ этомъ Голчаку...

Получилось то же зрѣлище, что съ германцами

*) «Объясненіе Членовъ Политическаго Совѣщанія при Главнокомандующемъ Сѣв.-зап. фронта.» Стр. 14.

въ 1918 г. Когда весной и раннимъ лѣтомъ этого года ихъ положеніе на западномъ фронтѣ не внушало опасенія, они рѣзко отклоняли возможность переговоровъ, на основѣ только что провозглашенныхъ 14-ти пунктовъ Вильсона — въ ноябрѣ же, когда влѣдствіе катастрофичности своего военного положенія, они обѣими руками ухватились за эти тезисы, никто больше ихъ словамъ не повѣрилъ и союзники предпочли заручиться реальными гарантіями — капитуляціей.

Эстонцы то же не повѣрили, видя что политическое *credo* Совѣщанія въ вопросѣ объ устройствѣ бывшихъ окраинъ Россіи мѣнялось исключительно въ зависимости отъ обстановки на фронтѣ. А не повѣривъ, они сдѣлали еще одинъ шагъ — болѣе рѣшительный, чѣмъ всѣ предыдущіе: они заявили, что съ данной русской военно-политической организаціей они больше переговариваться не могутъ.

Здѣсь умѣстно будетъ указать, что члены Политическаго Совѣщанія при своихъ поѣздкахъ въ Ревель совершенно игнорировали мѣстныя русскія общественныя силы, словно ихъ не существовало. А между тѣмъ эти силы были налицо и поддерживали болѣе или менѣе живое общеніе какъ съ русскимъ населеніемъ фронтовой полосы, такъ и съ эстонцами. Это было, съ одной стороны, мѣстное коренное русское населеніе, а съ другой, элементъ пришлый, изъ Петрограда и изъ областей занятыхъ Сѣв.-зап. арміей. Наконецъ, общественныя силы, привыкшія къ самостоятельности, имѣлись и въ Псковѣ и въ уѣздныхъ городахъ Гдовъ и Ямбургъ.

Само собой разумѣется, что по мѣрѣ расширенія фронтовой полосы и задачъ арміи, эти элементы стали проявлять извѣстную активность — тѣмъ болѣе, что дѣятельность назначенныхъ Совѣщаніемъ «Главнначальствующихъ по гражданско-политической части», какъ мы уже видѣли, своди-

лась фактически къ нулю. Спѣшно стали воссоздаваться организаціи земскихъ и городскихъ дѣятелей эпохи Временнаго Правительства, кооперативы, прекратившіе было свою дѣятельность за время владычества большевиковъ, просвѣтительные органы, крестьянскіе союзы и т. д. Преобладалъ опредѣленно элементъ демократическій, который, естественно, въ силу мѣстныхъ условій и потребностей обстановки, сталъ входить въ контактъ не только съ эстонцами, эстонскими политическими партіями и правительствомъ, но и съ союзными военными миссіями — англійской и сѣверо-американской.

Стало создаваться нѣчто вродѣ эмбріональнаго мѣстнаго представительства, къ голосу котораго союзники не могли не прислушиваться уже потому, что оно было болѣе освѣдомлено о нуждахъ фронта, тыла и населенія, чѣмъ члены Политическаго Совѣщанія, сидѣвшіе въ Гельсингфорсѣ и только 2 раза за все лѣто пріѣзжавшіе въ Ревель. Къ этимъ-же мѣстнымъ элементамъ, ввиду ихъ демократичности, и эстонскіе общественные круги и правительство стали относиться съ опредѣленнымъ довѣріемъ — тѣмъ болѣе, что за необходимость вооруженной борьбы съ большевиками высказывался рѣшительно и такъ называемый русскій Соціалистическій Блокъ изъ меньшевиковъ и эс-эровъ.

Но вся эта обстановка, какъ мы уже отмѣтили, Политическимъ Совѣщаніемъ совершенно игнорировалась; оно дѣлало видъ, что въ мѣстномъ русскомъ дѣлѣ существуетъ оно и только оно. разъ его призвала къ жизни власть Главнокомандующаго — диктатора, назначеннаго Колчакомъ. По мѣрѣ же углубленія этой тактики, росла и естественная реакція мѣстныхъ общественныхъ силъ.

Мы подходимъ, такимъ образомъ, вплотную къ событіямъ, разыгравшимся въ связи съ «кудѣтатистскимъ» (по мнѣнію Политическаго Совѣщанія) образованіемъ Сѣв.-зап. Правительства.

Глава XII.

Съверо-западное Правительство.

Къ началу августа общая обстановка представлялась въ слѣдующемъ видѣ.

Фронтъ разваливается, а большевики напираютъ въ такой мѣрѣ, что не сегодня — завтра Сѣв. зап. армія будетъ вынуждена вновь перейти цѣликомъ на территорию Эстоніи и тамъ распасться. Въ тылу—разруха, какъ слѣдствіе самоличныхъ дѣйствій военнаго командованія и бездѣятельности Политическаго Совѣщанія, не пользующагося никакимъ авторитетомъ. Конвенція съ Эстоніей не заключена — о конвенціи съ Финляндіей говорить не приходится. А между тѣмъ возможности для быстрого и рѣшительнаго измѣненія положенія имѣются: къ берегамъ Эстоніи подходят транспорты съ оружіемъ, обмундированіемъ и продовольствіемъ. Важно лишь наладить организацію, военную и политическую, которая всѣмъ этимъ дѣломъ руководила бы въ полномъ сознаніи своей отвѣтственности передъ русскимъ народомъ и величія задачъ, передъ ней стоящихъ.

Представляли ли собою такую организацію Политическое Совѣщаніе Юденича да и самъ Главнокомандующій? Нѣтъ, ибо за три мѣсяца они ничего не создали, и ихъ «власть» была эфемерна, а если бы и существовала какъ реальность, то результаты ея политики оказались бы гибельными. Надо, словомъ, создать нѣчто новое.

Я, конечно, далеко отъ оправданія «солдатскаго» образа дѣйствія пресловутаго англійскаго генерала Марша въ отношеніи отдѣльныхъ членовъ Политическаго Совѣщанія. Я, какъ и каждый русскій, охотнѣе видѣлъ бы, что тогдашнее русское народное дѣло подѣ Петроградомъ налаживается безъ вмѣшательства постороннихъ, въ данномъ случаѣ, англичанъ. Но у меня нѣтъ также данныхъ, чтобы утверждать, что всякій другой вдумчивый наблюдатель тогдашнихъ событій, если бы ему предложили вопросъ: что дѣлать? не отвѣтили бы: нужны радикальныя перемѣны». Онъ смягчилъ-бы можетъ быть «тонъ», устранилъ бы элементъ «безцеремонности» въ обращеніи съ Политическимъ Совѣщаніемъ, и въ «назначеніи министровъ», но сущность дѣла отъ этого не измѣнилась бы. Обстановка требовала именно дѣйствій.

Но у насъ нѣтъ также данныхъ, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже полтора года, чтобы утверждать, что „*coup d'état*“, произведенный тогда главной англійской военной миссіей, былъ продиктованъ ему изъ Лондона въ цѣляхъ вящаго ображденія англійскихъ интересовъ, т. е. въ цѣляхъ скорѣйшаго вовлеченія Эстоніи въ орбиту англійской политики путемъ вынужденнаго признанія ея независимости русскими наганунѣ взятія Петрограда. Думать такъ объ англичанахъ, — значитъ считать ихъ наивными ребятами: въ Лондонѣ политика дѣлается тоньше и всегда въ цилиндры и перчаткахъ...

Напротивъ, всѣ послѣдующія событія заставляютъ думать, что Лондонъ былъ недоволенъ стремительностью дѣйствій его военныхъ представителей въ Ревелѣ. Доказательствомъ можетъ служить хотя бы уже тотъ фактъ, что въ скоромъ времени изъ Прибалтики были отозваны какъ генераль Маршъ, такъ и начальникъ миссіи ген. Гофъ, при чемъ ни тотъ, ни другой не получили новыхъ отвѣтственныхъ назначеній. Объясненія же, данныя Ллойдъ-

Джорджемъ и Черчиллемъ въ Верховномъ Совѣтѣ въ связи съ бурей, поднятой французской печатью относительно засилья англичанъ въ Ревелѣ, также даютъ исчерпывающій матеріалъ для утвержденія, что *coup d'état* былъ произведенъ безъ непосредственнаго приказа Лондона. Въ этомъ случаѣ Ллойдъ-Джорджу можно было вѣрить.

Но что-же, въ сущности, случилось?

Вечеромъ 10-го авг. генераль Маршъ пригласилъ въ помѣщеніе англійской военной миссіи въ Ревелѣ нѣкоторыхъ мѣстныхъ русскихъ общественныхъ дѣятелей демократическаго оттѣнка, съ которыми онъ уже раньше поддерживалъ отношенія, а также прибывшихъ только что изъ Гельсингфорса членовъ Совѣщанія: Карташева, Кузьмина-Караваева и генерала М. Н. Суворова.

«Большинство лицъ — говорится въ протоколѣ (№ 1), подлинный текстъ котораго у меня еще сохранился — были увѣдомлены о предстоящемъ засѣданіи за часъ до собранія, а члены Политическаго Совѣщанія пріѣхали на засѣданіе непосредственно съ парохода, прибывшаго изъ Гельсингфорса. Послѣ открытія засѣданія, ген. Маршъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой указалъ, что обстоятельства на фронтѣ настолько катастрофичны, что медлить нельзя и необходимо тотчасъ же принять опредѣленное рѣшеніе. Русскіе люди, любящіе свою родину, должны дѣйствовать, а не терять время на разговоры. Поправить положеніе дѣла на фронтѣ возможно лишь при условіи признанія Эстоніи совершенно независимымъ государствомъ и такое признаніе должно исходить не отъ одного какого нибудь лица, какъ бы оно не было полномочно, а отъ правительства. Поэтому ген. Маршъ предлагаетъ собравшимся образовать въ своемъ составѣ Правительство Сѣверо-западной Области и принять на себя обязанности немедленнаго разрѣшенія русскихъ вопро-

совѣ. Если этого не будетъ сдѣлано, то онъ отъ имени Англійи заявляетъ, что Англійя и всѣ союзники немедленно прекращаютъ всяческое снабженіе русской Сѣв.-зап. Арміи. Затѣмъ ген. Маршъ заявилъ, что онъ удаляется, чтобы дать возможность собравшимся обсудить его предложеніе и просить не уходя изъ комнаты, къ 7-ми часамъ (т. е. черезъ 40 минутъ) образовать правительство, причемъ онъ вручилъ на англійскомъ языкѣ распредѣленіе портфелей и сообщилъ, что лишь, указанныхъ въ спискѣ, союзники хотѣли бы видѣть въ составѣ правительства.

Послѣ ухода генерала Марша, полк. Крузенстьернъ сообщилъ, что Главнокомандующій ген. Юденичъ оффиціально призналъ полную независимость эстонскаго государства при условіи немедленной вооруженной помощи со стороны эстонскихъ войскъ. Собраніе, обсудивъ предложеніе и имѣя въ виду создавшееся положеніе, которое не давало никакого выхода, во имя спасенія Родины, русской Сѣв.-зап. Арміи и всего русскаго дѣла единогласно постановило принять на себя обязанность разрѣшенія русскихъ дѣлъ въ Сѣв.-зап. Области и образовать правительство, что и было въ назначенный часъ сообщено генералу Маршу.

Послѣ чего ген. Маршъ въ виду крайней спѣшности заявилъ, что ему необходимо представительство русскаго Правительства въ числѣ 3-хъ лицъ, а именно: Министра Иностраннхъ Дѣлъ, Министра Финансовъ и Министра Внутреннихъ Дѣлъ для подписанія договора съ представителями эстонскаго правительства о независимости Эстоніи и что представители эстонскаго правительства будутъ къ 7-ми часамъ въ томъ же помѣщеніи. Собравшіеся указали для этой цѣли М. Н. Суворова, К. А. Крузенстьерна и С. Г. Ліанозова, послѣ чего засѣданіе было закрыто».

Вотъ и текстъ проекта договора съ эстонскимъ правительствомъ, заготовленный генераломъ Маршемъ:

1) Правительство Русской Сѣв.-зап. Области, включая прежнія губерніи: Петроградскую, Псковскую и Новгородскую, признало абсолютную независимость Эстоніи;

2) Эстонское Правительство обѣщаетъ оказать немедленную поддержку Русской Сѣверо-западной Области вооруженною силою, чтобы освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губерніи отъ большевистскаго ига и установить въ Петроградѣ демократическое правительство, которое будетъ уважать человѣческія права, какъ-то жизнь, личную свободу и собственность имущества.

3) Военное командованіе союзными силами объединено въ рукахъ генерала Юденича и генерала Лайдонера, черезъ коихъ союзная Военная Миссія снабжала и продолжаетъ снабжать боевыми припасами, необходимыми для вышеупомянутыхъ цѣлей.»

Делегаты эстонскаго правительства къ назначенному часу, дѣйствительно, прибыли. Однако, какъ нами уже отмѣчено, соглашеніе въ тотъ вечеръ не было подписано, ибо эстонцы заявили, что они должны раньше получить полномочіе государственнаго Совѣта, который будетъ засѣдать лишь на другой день утромъ. Заявленіе это было принято къ свѣдѣнію, причѣмъ въ протоколъ засѣданія оно почему то не было занесено.

* * *

На другой день, т. е. 11-го августа собраніе вновь было назначено въ помѣщеніи англійской Военной Миссіи.

Протоколъ № 2 говорить о немъ слѣдующее:

11-го авг. 1919 г. генераль Маршъ пригласилъ лицъ, бывшихъ у него наканунѣ по его призыву пожаловать къ нему въ 9 ч. вечера. На приглашеніе отозвались: С. Г. Лянозовъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, ген. М. Н. Суворовъ, К. А. Александровъ, М. С. Маргуліесь, полк. К. А. Крузенштергъ. В. Л. Горнъ, Н. И. Ивановъ и М. М. Филиппео. *)

Когда всѣ собрались, ген. Маршъ сообщилъ присутствующимъ, что положеніе дѣль совершенно критическое и пригласилъ въ сосѣдную комнату С. Г. Лянозова и бывшихъ на засѣданіи представителей Союзниковъ: Начальника Англійской Военной Миссіи полковника Хирпета, начальника Французской Военной Миссіи полковника Хюрстель и начальника Американской Политической Миссіи полковника Долей.

Черезъ 10 минутъ С. Г. Лянозовъ, вернувшись въ комнату, гдѣ ждали его приглашенные ген. Маршемъ русскіе, сообщилъ, что ген. Маршъ предложилъ ему подписать листъ съ заявленіемъ ниже слѣдующаго содержанія:

Заявленіе Эстонскому Правительству и Представителямъ Соединенныхъ Штатовъ, Франціи и Великобританіи въ Ревель.

Ввиду настоятельной необходимости образовать демократическое правительство для Сѣверо-зап. Области Россіи, единственно съ которымъ эстонское правительство согласно вести переговоры съ цѣлью способствовать русской Дѣйствующей Арміи освободить Петроградскую, Псковскую и Новгород-

*) Въ этомъ спискѣ пѣтъ А. В. Каргашева, присутствовавшего на первомъ засѣданіи. Изъ послѣдующихъ его заявленій видно, что онъ «уклонился отъ прибытія къ ген. Маршу ввиду принятаго имъ рѣшенія не входить въ составъ правительства».

скую губерніи отъ большевистской тираніи и учредить въ Петроградѣ и временно въ Псковѣ Учредительное Собраніе, которое либо подтвердитъ, либо измѣнитъ наши соотвѣтствующія назначенія какъ Министровъ, каковыя мы принуждены обстоятельствами, независящими отъ нашей воли принять на себя. — мы, нижеподписавшіеся, симъ заявляемъ, что Правительство Сѣверо-западной Россіи сформировано, какъ указано ниже. Какъ первый актъ въ интересахъ нашей Родины, мы симъ признаемъ абсолютную независимость Эстоніи и просимъ представителей Соед. Штатовъ Америки, Англіи и Франціи добиться отъ своихъ правительствъ поддержки Сѣверо-западной Русской Арміи и просимъ его начать немедленно переговоры съ Главнокомандующимъ Эстонской арміи относительно военныхъ деталей, обезпечивающихъ дѣйствительную помощь эстонскихъ войскъ.

..... августа 1919 г.

Ревель

Вполнѣ согласны съ вышензложеннымъ

Ревель..... августа 1919 г.

Главнокомандующій Русской Сѣв. зап. Арміи.

* * *

С. Г. Ланозовъ отказался подписать его безъ соѣщанія съ товарищами. Съ одной стороны, готовность признать независимость Эстоніи уже была заявлена Главнокомандующимъ Сѣв.-зап. Арміи генераломъ Юденичемъ въ его обращеніи къ генералу Гофу*) отъ...3 авг., а съ другой, тою же группою лицъ (и сверхъ того А. В. Карташевымъ) была заявлена генералу Маршу готовность подпи-

*)Начальнику Англійской Военной Миссіи въ Прибалтикѣ.

сать также признаніе, приче́мъ на подписаніе его тутъ же были уполномочены трое изъ присутствующихъ: С. Г. Ланозовъ, генераль М. Н. Суворовъ и подполк. К. А. Крузенштернъ.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ заявилъ, что не будучи членомъ министерства онъ не можетъ подписать Заявленіе въ качествѣ министра, но готовъ подписать его, если союзники не будутъ требовать прибавленія къ фамиліямъ и названія «министръ». Генераль Суворовъ, всецѣло прсоединяясь къ остальнымъ приглашеннымъ лицамъ и заявляя, что онъ подписалъ бы немедленно, не будь онъ на военной службѣ, просить разрѣшенія подписать Заявленіе послѣ прибытія генерала Юденича и одновременно съ нимъ, дабы не ставить себя въ неприемлемое положеніе съ точки зрѣнія военной дисциплины. Полк. же Крузенштернъ нашелъ для себя, какъ состоящаго на военной службѣ, неудобнымъ подписывать Заявленіе, въ которомъ онъ въ числѣ другихъ признавалъ Главнокомандующимъ своего начальника, уже и теперь состоящаго и безъ его признанія таковымъ.

По выслушаніи всѣхъ заявленій, присутствующіе постановили подписать предложенное союзниками Заявленіе не въ окончательной редакціи, о чемъ на немъ сдѣлать нижеслѣдующую надпись:

Подписаль

Министръ-Предсѣдатель: Ланозовъ

Министры: Александровъ, Маргуліесъ, Ивановъ,
Филиппео.»

* * *

Вотъ, въ сущности, содержаніе ревельскаго *coup d'état* отъ 10-11 авг. 1919 г. Произошло, конечно, не то, что при строителствѣ демократическаго правительства въ нормальныхъ условіяхъ должно слу-

чится. Вмѣшалась посторонняя грубая «солдатская») сила и заставила русскихъ политическихъ дѣятелей сдѣлать то, что было продиктовано всѣмъ предшествующимъ ходомъ событій, но чего они не сдѣлали бы сегодня, а быть можетъ, только черезъ мѣсяць.

Въ этихъ дѣйствіяхъ англійскаго «солдата» члены бывшаго Политическаго Совѣщанія усмотрѣли ударъ по своему національному самолюбію и рѣшительно отказались войти въ составъ новаго Сѣв. зап. Правительства, несмотря на то, что нѣкоторые портфели въ немъ были предложены имъ тѣмъ же «солдатомъ» съ согласія остальныхъ членовъ Правительства «ревельцевъ».

У меня, напримѣръ, сохранился подлинникъ первоначальнаго списка членовъ вновь создаваемаго правительства, набросанный карандашемъ по англійски въ томъ видѣ, какъ онъ былъ предложенъ генераломъ Маршомъ на засѣданіи 11-го авг. въ помѣщеніе англійской миссіи.

Въ немъ значились:

Премьеръ-министръ и Министръ Финансовъ — **Ланозовъ** (бывшій членъ Полит. Совѣщанія).

Военный министръ — ген. **М. Н. Суворовъ** (бывшій членъ Полит. Совѣщанія).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ — **Крузенштернъ** (б. управляющій отдѣломъ внѣшнихъ сношеній «при Сѣв. зап. арміи»).

Министръ Вѣроисповѣданій — **Карташевъ** (членъ Полит. Сов.).

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ — **Александровъ** (бывшій «Главначальствующій» по гражданской части въ освобожденныхъ мѣстностяхъ, назначенный Политическимъ Совѣщаніемъ).

*) Самъ генералъ Маршъ характеризовалъ свои дѣйствія, какъ дѣйствія «солдата, привыкшаго больше дѣло дѣлать, чѣмъ спорить».

Министръ Торговли и Промышленности — М. С. Маргуліе съ.

Министръ Юстиціи — С. В. Ивановъ (получившій въ Гельсингфорсѣ порученіе Юденича разработать проектъ временнаго городского управленія для Петрограда).

Морской министръ — адм. Пилкинъ (военный сотрудникъ Юденича въ Гельсингфорсѣ).

Министръ продовольствія — Эйшинскій (городской голова города Пскова).

Государственный Контролеръ — Горнъ.

Министръ Просвѣщенія — Эрнъ.

Министръ Земледѣлія — Богдаловъ.

Министръ Почтъ и Телеграфовъ — Филиппео.

Министръ по Возстановленію — Бутлеровъ (сотрудникъ Полит. Сов. въ Гельсингфорсѣ).

Министръ Общественнаго Прізрѣнія — ген. Кондыревъ (бывшій нач. Штаба Юденича въ Гельсингфорсѣ).

Министръ безъ портфеля — Н. Ивановъ.

Какъ видно изъ этого списка добрая половина портфелей была предложена членамъ бывшаго Политическаго Совѣщанія и ихъ ближайшимъ сотрудникамъ по гражданской и военной части, а другая часть—извѣстнымъ въ Сѣв.-зап. Области общественнымъ дѣятелямъ, представителямъ демократическихъ и социалистическихъ партій. Очевидно, англійскій «солдатъ» хотѣлъ устроить все «по доброму», т. е. такъ, какъ въ Англии во время войны устраивались коалиціонные кабинеты съ участіемъ представителей Рабочей партіи, социалистовъ. При этой комбинаціи Марша, само собой разумѣется, Юденичъ оставался Главнокомандующимъ, но безъ диктаторской власти надъ Правительствомъ, какъ это было раньше съ Полит. Совѣщаніемъ, имъ назначеннымъ и ему же подчиненнымъ.

Но члены Совѣщанія, какъ мы уже видѣли, рѣшительно отказались войти въ правительство по соображеніямъ уязвленнаго національнаго самолюбія. Такъ, по крайней мѣрѣ, они объяснили свой образъ дѣйствія первые дни послѣ переворота и въ Ревелѣ, и въ Гельсингфорсѣ, куда они тотчасъ вернулись, чтобы организовать оппозицію противъ «самочиннаго» ревельскаго Правительства.

Однако, историческая правда не въ томъ. Карташевъ и Кузьминъ-Караваевъ (особенно-же первый), эти главные дѣятели б. Политическаго Совѣщанія, уклонились отъ участія въ Сѣв. зап. Правительствѣ потому, что съ его образованіемъ и при особенностяхъ его конструкціи какъ органа неподчиненнаго болѣе власти Главнокомандующаго, принципъ диктатуры отпалъ. Для нихъ-же этотъ принципъ — все. Они вѣдь считали себя только «подчиненными» диктатору Юденичу, назначенному другимъ диктаторомъ — Колчакомъ. А между тѣмъ изъ хода засѣданій 10-го и 11-го августа имъ ясно стало, что если-бы Юденичъ и отказался признать новый фактъ и не пожелалъ работать вмѣстѣ съ вновь образованнымъ Правительствомъ, отъ него болѣе не зависящимъ, то Главнокомандующимъ арміи стало бы другое лицо, заранѣе намѣченное.

Далѣе, въ ихъ глазахъ принципъ диктатуры, на которомъ они стояли съ перваго дня образованія гельсингфорскаго Совѣщанія, былъ поверженъ теперь въ прахъ еще и тѣмъ, что новое правительство ни въ отношеніи своей программы, ни въ какомъ либо другомъ отношеніи, не ставило себя въ связь съ правительствомъ Колчака и вообще не намѣревалось руководствоваться директивами изъ Омска.

Впослѣдствіи мы увидимъ, что это ему и не удалось: Сѣв. зап. Правительство было одно, а Юденичъ

и фронтъ другое. Правительство сидѣло въ Ревелѣ и сочиняло тамъ законы и циркуляры, полные самыхъ благихъ намѣреній, а власть на фронтѣ и въ ближайшемъ тылу фактически находилась въ рукахъ Главнокомандующаго, который ни на минуту не переставалъ смотрѣть на себя какъ на намѣстника Колчака и въ грошъ не ставилъ правительственные циркуляры и распоряженія. Но мы еще коснемся этой стороны дѣла, вытекавшей изъ легкомысленной недоговоренности взаимоотношеній между Главнокомандующимъ Юденичемъ и Правительствомъ и двусмысленнаго положенія Юденича, какъ Главнокомандующаго арміей и члена Правительства — военнаго министра.

Былъ еще и третій факторъ, заставившій членовъ упраздненнаго Совѣщанія уклониться отъ участія въ Сѣв.-зап. Правительствѣ. Это — «чрезмѣрность» его демократическихъ лозунговъ. Они приближались къ основнымъ программнымъ пунктамъ Временнаго Правительства эпохи коалиціи. Тамъ, на примѣръ, въ проектѣ правительственной деклараціи предполагалось по земельному вопросу заявить:

«Земельный вопросъ будетъ рѣшенъ съ волею трудового земледѣльческаго населенія въ Учредительномъ Собраніи. Впередъ до рѣшенія послѣдняго земля остается за земледѣльческимъ населеніемъ, и сдѣлки купли и продажи на виѣгородскія земли воспрещаются, за исключеніемъ особо важныхъ случаевъ и съ особаго разрѣшенія Правительства».

Естественно, что А. В. Карташевъ, какъ членъ тогдашняго Національнаго Центра, не могъ мириться съ этимъ «размахомъ» Сѣв. зап. Правительства въ области аграрнаго вопроса. Еще меньше онъ и его ближайшіе друзья по Совѣщанію могли мириться и съ предложеніями о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ, о государственномъ контролѣ надъ производствомъ и о другихъ завоеваніяхъ февральской Рево-

люди. Въдь, въ собственной своей деклараціи отъ имени Политическаго Совѣщанія отъ 3-го августа (Юденичемъ кстати не подписанной, а потому и не опубликованной) они по этимъ-же вопросамъ высказывались сугубо туманно: «Земля будетъ передана трудящемуся земледѣльческому населенію для закрѣпленія въ собственность (§ 7). Интересы рабочаго класса найдутъ полное и всестороннее обезпеченіе въ особыхъ законахъ (§ 8)»...



Наконецъ, не одни только основные программные пункты вновь образуемаго Сѣв.-зап. Правительства вызвали рѣшительную оппозицію А. В. Карташева и его друзей, но также цѣлый рядъ предположеній изъ области практической политики сегодняшняго и завтрашняго дня. Напримѣръ, Правительство рѣшило, что «если во условіямъ борьбы созовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія не представится возможнымъ вскорѣ по освобожденіи Петрограда и Петроградской, Псковской и Новгородской губерній, то для устроенія мѣстной жизни должно быть созвано въ Петроградъ Областное Народное Собраніе, избранное на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія“ (§ 5 правительственной деклараціи отъ 24-авг. 1919 г.)

Далѣе, еще 12-го авг. на засѣданіи въ помѣщеніи Англійской Военной Миссіи было рѣшено, что Правительство немедленно созоветъ въ Псковѣ или Юрьевѣ нѣчто вродѣ извѣстнаго Государственнаго Совѣщанія въ Москвѣ, но въ миниатюрныхъ размѣрахъ. Эта мысль исходила отъ псковскихъ и другихъ общественныхъ дѣятелей Сѣв.-зап. Области, вошедшихъ въ составъ Правительства, и съ которыми, какъ мы уже отмѣтили, союзные

представители поддерживали болѣе или менѣе тѣсную связь еще за долго до упраздненія Совѣщанія. Англичане эту мысль поддержали и тутъ-же обязались добиться у эстонскаго правительства разрѣшенія на устройство особаго Съѣзда русскихъ общественныхъ дѣятелей въ эстонскомъ Юрьевѣ, на случай если бы Псковъ, вокругъ котораго еще шла борьба съ большевиками, не подошелъ для этой цѣли.

Вотъ подлинный проектъ созыва этого Съѣзда въ томъ какъ видѣ онъ тутъ же на засѣданіи былъ набросанъ англійской миссіей. Мы приводимъ его полностью съ сохраненіемъ его грамматическихъ и стилистическихъ особенностей.

«Созывъ Съѣзда представителей
народа Сѣверо-Западной Россіи.

1) Правительство Сѣверо-западной Россіи, вѣрное тѣмъ демократическимъ принципамъ, на которые оно опирается, рѣшило объявить ихъ какъ своему народу и войскамъ, такъ и всему міру. Съ этою цѣлью Правительство намѣрено созвать Съѣздъ представителей народа для того, чтобы воспользоваться содѣйствіемъ и совѣтами тѣхъ русскихъ общественныхъ дѣятелей и организацій, которые будутъ приглашены участвовать въ трудахъ Съѣзда.

2) Такъ какъ въ настоящее время невозможно по военнымъ обстоятельствамъ осуществлять производство общихъ выборовъ, то въ первое время Съѣздъ долженъ состояться изъ трехъ категорій членовъ, а именно изъ:

а) Избранныхъ Правительствомъ изъ числа членовъ земскихъ и городскихъ управъ Сѣверо-западной Россіи въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали при правительствѣ Керенскаго;

б) Избранныхъ управленіями центральныхъ и мѣстныхъ кооперативныхъ обществъ Сѣверо-западной Россіи;

в) Избранныхъ Правительствомъ изъ числа бывшихъ членовъ русскихъ Думъ, земствъ и городскихъ управленій и другихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей, нынѣ находящихся въ Сѣв.-зап. Россіи, въ Эстляндіи и Финляндіи.

з) Всѣ министры Правительства Сѣв.-зап. области Россіи имѣютъ право присутствовать и голосовать на засѣданіяхъ Съѣзда Представителей Народа.

4) Правительство Сѣв.-зап. области Россіи принимаетъ на себя созывъ Учредительнаго Собранія области на основаніи всеобщаго, тайнаго и равнаго голосованія.

5) Правительство Сѣв.-зап. области обязуется распустить Съѣздъ Представителей Народа не позже чѣмъ черезъ годъ со дня перваго засѣданія и раньше этого срока, если успѣхи русскихъ войскъ дадутъ возможность произвести раньше общіе выборы для избранія членовъ Учредительнаго Собранія Сѣв.-зап. Россіи.

6) Неизмѣнное намѣреніе Правительства пригласить къ содѣйствію своихъ самыхъ способныхъ гражданъ въ этомъ демократическомъ Съѣздѣ Представителей Народа будетъ объявлено Правительствамъ всѣхъ союзныхъ странъ и опубликовано въ военныхъ приказахъ русской Сѣв. зап. Арміи и въ народной печати“...

Черезъ нѣсколько дней, въ соотвѣтствіи съ этимъ проектомъ, Глава Англійской Дипломатической Миссіи въ Прибалтійской краѣ, полк. Пирри-Гордонъ, обратился въ особымъ воззваніемъ къ гражданамъ Пскова, въ которомъ сообщая объ образованіи новаго демократическаго Сѣв.-зап. Правительства, писалъ:

„Это правительство составлено изъ представителей всѣхъ партій. такъ какъ существенно необходимо, чтобы, пока существуетъ большевистская тиранія, не было междуусобныхъ трений между свободными русскими. Это правительство пользуется совѣтами и матеріальной помощью союзниковъ Россіи, которые нынѣ вырузили запасы продовольствія, оружія, одежды и снаряженія, чтобы дать возможность вновь образованному правительству освободить какъ можно болѣе русскихъ изъ полъ тиранинъ большевиковъ...

Граждане Пскова! Я описалъ вамъ, такимъ образомъ, правительство, которое нынѣ образовано для Сѣв.-зап. Россіи съ одобренія представителей союзниковъ, и я имѣю удовольствіе сообщить вамъ, что вашъ согражданинъ и городской голова г. Эйшинскій избранъ въ число лицъ, призванныхъ руководить судьбой области, дабы возстановить и повѣки обезпечить демократическія гарантіи для всѣхъ свободныхъ русскихъ...

Когда я читаю описанія того, что псковичи сдѣлали въ защиту свободы въ старые дни, я исполняюсь надеждой, что они снова объединятся и гордо пошлютъ своего городского голову занести новыя страницы въ исторію города и снова включить имя Пскова въ число тѣхъ городовъ, которые заслужили благодарность Россіи своей мужественной защитой демократическихъ свободъ.

А потому я призываю васъ, граждане Пскова, не только дать тѣ разрѣшеніе, которое я прошу отъ васъ во имя свободной Россіи и ея союзниковъ и во имя самой цивилизаціи, но дать его быстро, дабы вашъ городской голова могъ занять мѣсто среди другихъ министровъ, когда пріѣдутъ на демократическій конгрессъ представителей народа, который созванъ въ Юрьевѣ...

Граждане Пскова! Прежде чѣмъ проститься съ вами, я молюсь Всемогущему Богу, даровавшему западнымъ демократіямъ побѣду надъ германцами, дабы онѣ вдохновили ваши души, преусиѣяль ваше оружіе и даровалъ русской демократіи побѣду надъ ея врагами и освобожденіе отъ ея угнетателей...

Г. Пирри-Гордонъ, уполномоченный.

„Великобританская Дипломатическая Комиссія въ Прибалтійскомъ краѣ“.

* * *

Члены бывшаго политическаго совѣщанія А. В. Карташевъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и ген. М. Н. Суворовъ въ брошюрѣ, вышущенной ими въ Гельсингфорсѣ, вскорѣ постѣ „сюр а'етаж“, подъ названіемъ „Образованіе Сѣверо-Западнаго Правительства“, относятся крайне трагически къ этимъ англійскимъ документамъ, особенно къ послѣднему, а мѣстами принизируютъ надъ „высокопарнымъ стилемъ“ полк. Пирри-Гордона. „Такія ноты и такой безапелляціонно-диктующій тонъ, быть можетъ, свойствененъ людямъ высшей культуры въ ихъ обращеніяхъ къ населенію странъ, находящихся въ младенческомъ періодѣ быта и политической жизни, но вѣдь наше отечество и въ состояніи большевистскаго развала заслуживаетъ другого отношенія“...

Повторяемъ-мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ томъ, что „солдатскій“ образъ дѣйствій генерала Марша и его ближайшихъ сотрудниковъ дѣйствительно способенъ быть ударить по національному самолюбію членовъ Совѣщанія, но думается, что мы уже въ достаточной мѣрѣ показали, что не эти уколы заставили ихъ направить остріе своего враждебнаго отношенія именно противъ

Сѣверо - западнаго Правительства. Помнится намъ далѣе, что не такіе еще булавочныя уколы эти же самыя члены Совѣщанія получали раньше отъ англичанъ и другихъ „дорогихъ друзей“ во время пребыванія Юденича въ Гельсингфорсѣ. А между тѣмъ тогда „во имя спасенія Родины“ они въ трагическую позу не рядились оттого, что нѣкій англичанинъ Пири-Гордонъ позволялъ себѣ обращаться къ населенію Пскова въ выраженіяхъ принятыхъ, быть можетъ, въ Англии, но не у насъ...

Теперь лишь, когда въ основу конструкціи новой власти были положены новые принципы, когда изъ программы демократическаго правительства исчезла „диктатура“ члены Совѣщанія вспомнили вдругъ о булавочныхъ уколахъ.

Но попытаемся взглянуть на тогдашнее положеніе вещей глазами средняго англичанина, француза или американца.

Фронтъ и тылъ разваливаются. Это признають и члены Совѣщанія, говоря *), что „ген. Маршъ былъ совершенно правъ въ опредѣленіи положенія Сѣв. зап. арміи къ 10-му августу, какъ положенія катастрофическаго. Однакоже онъ былъ правъ въ томъ, что безъ совместныхъ дѣйствій съ эстонцами продолжать операціи на Петроградъ невозможно. Въ отношеніи упорядоченія гражданскаго тыла, насколько гражданскій тылъ разлагающе дѣйствовалъ на тылъ военный и ослаблялъ фронтъ, равнымъ образомъ была настоятельная необходимость самыхъ рѣшительныхъ мѣръ... Мы тоже были наканунѣ принятія радикальныхъ мѣръ. Въ этомъ смыслѣ 6-го авг., въ Ревелѣ, нами, при участіи С. Г. Мянозова было принято вполне опредѣленное отвѣтственное рѣшеніе. Но раскры-

*) Образованіе Сѣверо-западнаго Правительства, Гельсингфорсѣ 1920 г. стр. 9. и 10.

вать какое именно, мы, по понятнымъ причинамъ, не имѣемъ права. Для этого еще не настало время, точно также какъ не настало время излагать подробно всѣ причины, которыми рѣшенія было продиктованы“.

Такъ смотрѣли на вещи сами члены Совѣщанія, которые, разумѣется и *post factum* не имѣли основанія стучать краски, ибо отъ этого ихъ отвѣтственность за катастрофичность положенія только усугубилась-бы. Но средній англичанинъ разсуждалъ иначе:

Они — союзники — даютъ оружіе, снаряженіе, продовольствіе и деньги. Транспорты уже подходятъ къ ревелскому порту. Но кому это давать? Политическому совѣщанію, состоящему при Юденичѣ? Но вѣдь оно никакой власти не имѣетъ, оно—миѣ, а если бы оно и существовало какъ реальность, оно только испортило бы дѣло, какъ показываетъ опытъ его дѣятельности съ мая по августъ. Нужны, стало быть, радикальныя мѣры. Ну, а таковыя порою подсказываютъ нѣксторую безцеремонность...

Мы намѣренно останавливаемся именно на этой психологіи средняго Марша и Пира-Гардона, потому что другой въ тогдашней обстановкѣ у нихъ быть не могло, потому что во славу подлинной демократіи они такъ же мало стали бы тогда ломать копыя какъ ихъ учитель и хозяинъ Ллойд-Джорджъ на парижской конференціи. Они видѣли просто своимъ невооруженнымъ глазомъ, что съ Политическимъ Совѣщаніемъ дальше работать невозможно.

Отсюда — инициатива и стремительность дѣйствій въ дѣлѣ образованія Сѣв.-зап. Правительства.

ГЛАВА XIII.

Юденичъ и Сѣв.-зап. Правительство.

Оно, наконецъ, составилось. Эмбрионально безъ опредѣленныхъ формъ, безъ точно очерченной программы, но съ вѣрою въ дѣло.

Юденичъ послѣ нѣкоторыхъ протестовъ вошелъ въ это Правительство какъ военный министръ, сохраняя за собой званіе „Главкома западной Арміи“. Его власть, конечно, была умалена. Прежде онъ былъ хозяиномъ дѣла, диктаторомъ, намѣстникомъ Колчака, а состоявшее при немъ Политическое Совѣщаніе было ему подвластно, отнынѣ-же онъ будетъ только Главкомандующимъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, предполагали лица вошедшія въ составъ Правительства, особенно элементы демократическіе и социалистическіе. При этомъ, однако, нѣкоторые изъ нихъ, въ виду первоначальной явной неопредѣленности взаимоотношеній между Главкомандующимъ и Правительствомъ, пошли на „хитрость“. Они предложили включить Юденича также въ составъ министерства и дать ему портфель военного министра. Такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, Правительство было бы гарантировано отъ „сюрпризовъ“ со стороны верховнаго военного командованія и связь между обоими учрежденіями постепенно упрочилась бы. Рядомъ съ этимъ авторитетъ Правительства какъ на

фронтъ, такъ и въ тылу, замѣтно усилился бы, не было бы ропота и въ арміи, особенно въ офицерской коллегіи, противъ мнимаго умаленія правъ Главнокомандующаго Правительствомъ, потому что Главнокомандующій — членъ этого Правительства, несущій отвѣтственность за его дѣйствія наравнѣ съ другими министрами...

Это былъ маневръ, рассчитанный на то, чтобы, хоть „какъ нибудь“ заполнить зияющее отсутствіе опредѣленности взаимоотношеній между Главнокомандующимъ и Правительствомъ, допущенное въ первый же день образованія Правительства.

Юденичъ это предложеніе принялъ. Онъ тоже пустился на маневръ. Въ качествѣ члена Правительства, военнаго министра, онъ вѣчно будетъ въ курсѣ внутренней его кухни, будетъ гарантированъ отъ сюрпризовъ, а тѣ его предположенія и намѣренія въ области управленія арміей и тыломъ, которыя, если бы они не исходили отъ власти Главнокомандующаго, встрѣтили бы оппозицію Правительства, нынѣ, наоборотъ, этимъ Правительствомъ будутъ санкціонироваться...

Конечно, Юденичъ отлично разбирался — не смотря на всю свою политическую ограниченность — въ томъ, что съ момента образованія Правительства его власть диктатора сильно ограничена. Онъ отдавалъ себѣ отчетъ и въ двусмысленности своего положенія, съ одной стороны какъ Главнокомандующаго, получившаго свою власть отъ Колчака, а съ другой — какъ члена Правительства, которое Колчакомъ пока не признается и едва ли будетъ признано вслѣдствіе основнаго расхожденія политическихъ принциповъ.

Настолько Юденичъ дѣйствительно, „еще разбирался“ въ политикѣ, чтобы понять, что Сѣв. зап. Правительство съ его демократической про-

граммой не есть намѣстничество Омска. Но у него были свои планы — и напрасно тѣ же сторонники покойнаго Политическаго Совѣщанія да и сами члены его, которые еще нѣсколько дней назадъ чуть-ли не молились на генерала - диктатора, нынѣ, когда онъ вошелъ въ составъ Правительства и согласился дѣлать съ нимъ власть, возопили вдругъ къ небу: „Да какой же это диктаторъ, если онъ капитулируетъ передъ первымъ встрѣчнымъ англичаниномъ“? . . .

Впрочемъ, и эти выкрики, какъ потомъ стало ясно, были рассчитаны только на то, чтобы скрыть отъ общественности одинъ весьма существенный фактъ, оказавшій свое пагубное вліяніе на весь послѣдующій ходъ событій, а именно, что конспиративная связь между Юденичемъ и отдѣльными членами бывшаго Политическаго Совѣщанія ни на одну минуту не порывалась, а въ исключительно важные моменты была рѣшающей.

Но объ этомъ — впереди.

У Юденича сейчасъ былъ свой „планъ“. Онъ рассуждалъ такъ:

— Положеніе вещей требуетъ моего смиренія, ибо если я не приѣмлю Правительства въ томъ видѣ какъ оно мнѣ поднесено генераломъ Маршемъ, я не получу ни оружія, ни снабженія, и въ такомъ случаѣ отъ операціи на Петроградъ придется отказаться. Это Правительство, однако, со всѣми его лозунгами связываетъ меня только до поры до времени. Если операція на Петроградъ удастся, я вновь — хозяинъ положенія, а побѣдителей не судятъ . . .

Это была программа — и нужно отдать справедливость Юденичу, онъ стойко держался за нее до самаго послѣдняго дня, т. е. до двадцатыхъ чиселъ октября, когда ему казалось, или ему было сказано, что армія вотъ - вотъ вступаетъ въ Петроградъ и отъ Правительства. слѣдователь-

но, уже можно отдѣлаться безъ всякаго риска или упрека.

Во всемъ остальномъ о Юденичѣ, съ которымъ я часто видался и въ Гельсингфорсѣ, и въ Ревелѣ, у меня сложилось впечатлѣніе, что это человекъ съ ограниченномъ умомъ и столь же ограниченной волей. Онъ минутами не постигалъ самыхъ простыхъ вещей и поддавался вліянію перваго встрѣчнаго полковника изъ своего штаба. Ближайшіе его сотрудники по Кавказу рассказывали, что только по злой ироніи судьбы Юденичъ прослылъ „героемъ Эрзерума“: планъ взятія Эрзерума и его выполнение принадлежали другому незамѣтному лицу, но лавры присвоилъ себѣ Юденичъ. Но этотъ „диктаторъ“ обладалъ однимъ качествомъ: онъ былъ одинаково упоренъ и гибокъ, въ одно и тоже время тщеславенъ и скромнень, откровененъ и скрытенъ, правдивъ и лживъ — точно двѣ души въ немъ сидѣли. Относительно же политическихъ его убѣжденій въ тѣ дни, когда мы съ нимъ сталкивались, можно было сказать, что это былъ типичнѣйшій „чего изволите“: онъ одинаково „пріялъ“ бы царя и республику — была — бы лишь гарантія служить, получать чины и жалованье. Если-бы онъ остался въ Совѣтской Россіи, его въ концѣ концовъ использовалъ-бы и Троцкій.

Къ сожалѣнію, члены только что образовавшагося Сѣв. зап. Правительства, за исключеніемъ, быть можетъ двухъ-трехъ лицъ, имѣвшихъ нѣкоторый опытъ въ политикѣ, не сразу уяснили себѣ фигуру Главнокомандующаго. Еще меньше они отдавали себѣ отчетъ и въ томъ, что въ арміи, на фронтѣ и въ ближайшемъ тылу, авторитетъ Юденича невеликъ, что высшая офицерская коллегія надъ нимъ втихомолку посмѣивается, дѣйствуя, временами совершенно независимо отъ его указаній и даже вопреки имъ.

Они вообще взяли въ отношеніи Юденича тонъ глубокой почтительности и этимъ путемъ расчитывали постепенно его „очистить“ отъ налетовъ старины.

Эта тактика была глубоко ошибочна, но еще болѣе роковой ошибкой оказалось то, что большинство членовъ Сѣв.-зап. Правительства сознательно оставляли открытымъ вопросъ о точномъ опредѣленіи правовыхъ и функціональных взаимоотношеній между министерствомъ и верховнымъ военнымъ командованіемъ. Это было зло, которое не замедлило сказаться во всемъ своемъ объемѣ во всѣхъ областяхъ дѣятельности Правительства и Главнокомандующаго.

* * *

Наслѣдіе, полученное отъ покойнаго Политическаго Совѣщанія было необыкновенно тяжелое. Фронтъ разваливался, гражданское управленіе въ занятыхъ областяхъ, какъ мы уже показали, отсутствовало. Предстояло возсоздать первый и наладить второй на только что намѣченныхъ демократическихъ началахъ.

Правительство, потерявъ нѣсколько дней надъ разрѣшеніемъ задачи о распредѣленіи портфелей — специалистовъ, знающихъ свое дѣло оказалось очень мало — приступило къ выработкѣ своей основной деклараціи, причемъ къ обсужденію этого вопроса Правительствомъ были привлечены и элементы, не вошедшіе въ его составъ, а равно и нѣкоторыя мѣстныя демократическія общественныя организаціи. Послѣ долгихъ и порою мучительныхъ дебатовъ, сразу же обнаружившихъ отмѣченную выше роковую недоговоренность въ дѣлѣ конструирования взаимоотношеній между Правительствомъ и Главнокомандующимъ, декларация была установлена въ слѣдующей окончательной

редакціи и обнародована въ мѣстной печати за подписью всѣхъ членовъ кабинета.

Этотъ документъ гласилъ:

«Декларация Правительства Сѣв.-зап. Области Россіи.

Въ братоубійственной войнѣ, вызванной большевиками, въ огнѣ и крови гибнетъ Россія. Безполезно и безславно гибнуть молодые и сильные, отъ голода и болѣзней умираютъ старые и слабые.

Вымираютъ города. Опустѣли фабрики и заводы.

Огнемъ сжигаются деревни. Уничтожается на поляхъ трудъ земледѣльца, гибнетъ скотъ, пропадаетъ сельское хозяйство. Лишенные крова и хлѣба, толпами бродятъ по лѣсамъ бѣженцы.

Такъ гибнетъ подъ властью большевиковъ Россія. И близко дно бездны, въ которую ввергнута великая страна.

Призванное къ жизни необходимою рѣшительнаго и немедленнаго освобожденія русской земли отъ большевистскаго ига, возникшее въ полномъ согласіи съ полномочными представителями союзныхъ державъ, объединенное съ остальной Россіей въ лицѣ Верховнаго Правителя, адмирала Колчака, — Правительство Сѣверо-западной Области Россіи объявляетъ русскимъ гражданамъ начала, которыя оно полагаетъ въ основу своей предстоящей дѣятельности.

1) Рѣшительная борьба, какъ съ большевиками, такъ и со всѣми попытками возстановить старый режимъ.

2) Всѣ граждане Государства Россійскаго, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, равны въ правахъ и обязанностяхъ передъ закономъ.

3) Всѣмъ гражданамъ въ освобожденной Россіи обеспечивается неприкосновенность личности и жилища, свобода печати, слова, союзовъ, собраній и стачекъ.

4) Всероссийская власть должна быть возстановлена на основѣ народовластія. Для сего немедленно по освобожденіи Родины отъ тираніи большевиковъ должно быть приступлено къ созыву новаго Всероссийскаго Учредительнаго Собранія на началахъ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права.

5) Если по условіямъ созывъ Всероссийскаго Учредительнаго Собранія не представится возможнымъ вскорѣ по освобожденіи Петроградской, Псковской и Новгородской губерній, то для устроенія мѣстной жизни должно быть создано въ Петроградѣ Областное Народное Собраніе, избранное на той же демократической основѣ освобожденнымъ населеніемъ.

6) Населяющія отдѣльныя территоріи народности, входящія въ составъ единой возрождающейся Россіи, свободно избираютъ для себя форму управленія.

(Актомъ отъ 11-го авг. 1919 г. Правительство Сѣв.-зап. Области Россіи признало независимость Эстоніи.)

7) Административное управленіе государства устанавливается на основѣ широкаго мѣстнаго самоуправленія. Земскія и городскія самоуправленія избираются на общихъ демократическихъ началахъ.

8) Земельный вопросъ будетъ рѣшенъ согласно съ волей трудового земледѣльческаго населенія въ Учредительномъ Собраніи. Впредь до рѣшенія послѣдняго, земля остается за земледѣльческимъ населеніемъ, и сдѣлки купли и продажи на виѣгородскія земли воспрещаются, за исключеніемъ особо

важныхъ случаевъ и съ особаго разрѣшенія Правительства.

9) Рабочій вопросъ разрѣшается на началахъ 8-ми часового рабочаго дня, правительственнаго контроля надъ производствомъ, всеобщей охраны труда и интересовъ рабочаго класса.

Граждане многострадаальной Россіи!

Правительство Сѣверо-западной Области Россіи, принявшее на себя въ этотъ тяжелый часъ освободительной борьбы отвѣтственность за настоящее и заботу о будущемъ, приглашаетъ васъ къ послѣднимъ усиліямъ и жертвамъ во имя Родины. Свободы и Счастья!

Предсѣдатель Совѣта Министровъ,
Министръ Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ.
С. Г. Ланозовъ.»

Слѣдуютъ подписи 13-ти другихъ министровъ въ слѣдующемъ порядкѣ: К. А. Александровъ; ген. Н. Н. Юденичъ; М. С. Маргуліесъ; Е. И. Кедринъ; Ф. Г. Эйшинскій; к.-адм. В. К. Пилкинъ; Ф. А. Эрнъ; А. С. Пѣшковъ; В. Л. Горнъ; П. А. Богдановъ; И. Ф. Евсѣевъ; М. М. Филиппео; Н. Н. Ивановъ.

* * *

Кто были эти люди?

Большинство изъ нихъ, за исключеніемъ 2—3 именъ, не обладало, конечно, большимъ политическимъ цензомъ. въ чемъ члены бывшаго Политическаго Совѣщанія усматривали чуть-ли не преступность. Это были, что называется, мѣстные люди, средніе земскіе и городскіе дѣятели Сѣверо-западнаго района, а среди социалистовъ — средніе партійные работники.

Буржуазно-прогрессивный элементъ какъ въ отношеніи идеологій, такъ и въ области практической дѣятельности представляли собой С. Г. Ліанозовъ, М. С. Маргуліесъ и (нынѣ покойный) Е. И. Кедринъ; остальные были типичными представителями такъ называемой трудовой интеллигенціи. Тутъ были: земскій статистикъ, преподаватель средне-учебныхъ заведеній, крестьянинъ (членъ Г. Думы И. Г. Евсѣевъ) инженеръ и журналистъ.

Членами социалистическихъ партій (меньшевикъ и эс-эровъ) были: Горнъ, Богдановъ, Филиппео и Пѣшковъ. Остальные считали себя безпартійными, но съ несомнѣнными демократическими тенденціями. Всѣ обладали большимъ тюремнымъ цензомъ изъ эпохи борьбы съ самодержавіемъ до и послѣ 1905 г. и болѣе или менѣе значительнымъ опытомъ по земской и городской дѣятельности по выборамъ, въ качествѣ гласныхъ, предсѣдателей управъ и т. д.

Никто изъ нихъ, конечно, звѣздъ съ неба не снималъ, но для той относительно скромной политической задачи, которая стояла на очереди (наладить фронтъ и временно управлять освобожденными отъ большевиковъ Петроградской, Псковской и Новгородской губерніями) они казались людьми подходящими. Не было также никакого основанія подвергать ихъ сомнѣнію и съ точки зрѣнія личной благопорядочности, за исключеніемъ Н. Н. Иванова (министра общественныхъ работъ), фактически связаннаго Правительству эстонцами, который, однако, спустя 2—3 недѣли былъ исключенъ изъ списка министровъ, едва только обнаружилась его интимная связь съ извѣстнымъ «батькой» Булакъ-Балаховичемъ.

Здѣсь небезынтересно будетъ отмѣтить, какъ смотрѣли на задачи Правительства буржуазные его представители, въ частности, премьеръ и мин. ин. д. С. Г. Ліанозовъ, единственный министръ въ лицѣ

котораго сохранилась якобы преемственность съ бывшимъ гельсингфорскимъ Политическимъ Совѣщаніемъ Юденича.

«Образованіе Сѣв.-Зап. Правительства, — говорилъ Липановъ на столбцахъ «Свободы Россіи» отъ 27-го авг., — намѣтилось самой жизнью. Необходимо было для продолженія успѣшной борьбы съ большевизмомъ ввести систему въ гражданское управленіе въ тылу и привлечь къ дѣлу освободительной войны симпатіи, какъ сосѣднихъ народовъ, такъ и союзниковъ, въ рукахъ которыхъ находятся всѣ средства для снабженія района борьбы продовольствіемъ и всякаго рода снаряженіемъ. Выяснилось съ очевидностью, что русская армія не можетъ одна довести начатое ею дѣло до конца: она не представляетъ достаточныхъ гарантій сосѣднимъ народамъ въ конечныхъ своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ. Было опасеніе, что освободительное движеніе, существующее нынѣ въ арміи, можетъ перейти въслѣдствіи подъ вліяніемъ опытныхъ демагоговъ въ длительную диктатуру военной власти, могущую анулировать завоеванія свободы и даже угрожать свободѣ сосѣднихъ демократическихъ государствъ. При этихъ условіяхъ, разумѣется, нельзя было требовать довѣрія — надо было дать гарантіи... Отношенія Сѣв.-зап. Правительства къ другимъ русскимъ правительствамъ и къ Верховному Правителю, адмиралу Колчаку, являются очень несложными. Правительство дѣйствуетъ на объявленной въ деклараціи территоріи, совершенно самостоятельно и приняло на себя какъ полноту власти, такъ и полноту отвѣтственности. Оно признаетъ всѣ существующія русскія правительства на пространствѣ занятыхъ имъ территорій, оно доводитъ до свѣдѣнія другихъ правительствъ о своихъ дѣйствіяхъ и мѣропріятіяхъ, но не ожидаетъ никакихъ санкцій и одобреній. Обстоятельства съ очевидностью доказали, что сношенія и полученія указаній или инструкцій, при совре-

менныхъ условіяхъ всеобщей разрухи, совершенно помыслимы, и что нужно дѣйствовать быстро и рѣшительно, а главное, не бояться отвѣтственности и дѣлать то, что требуется велѣніемъ долга, совѣсти и задачи спасенія многострадальной Родины. Изъ этой формулы, опредѣляющей сущность новой власти, вытекаютъ и намѣренія Правительства. По освобожденіи Петрограда Сѣв.-зап. Правительство будетъ считать себя обязаннымъ находиться у власти ровно столько времени, сколько нужно будетъ для введенія разложенной жизни въ ея нормальное русло по соглашенію съ Всероссійскимъ Правительствомъ. Если сношенія съ нимъ будутъ затруднены и освобожденіе другихъ областей Россіи затянется, то будетъ созвано Областное Народное Собраніе, которое и явится хозяиномъ Сѣв.-зап. Области Россіи»...

Какъ видно изъ этого заявленія, С. Г. Миланозовъ, какъ и другіе буржуазно-демократическіе элементы, вошедшіе въ составъ Правительства, не дѣлали себѣ лишнихъ иллюзій относительно «благополучія» взаимоотношеній съ правительствомъ Колчака. «Приличія ради», премьеръ Сѣв.-зап. Правительства называетъ Колчака «Верховнымъ Правителемъ», но заявляетъ, что никакихъ указаній и инструкцій изъ Омска ждать не станеть.

*
*
*

Заслуживаетъ здѣсь вниманія также и то, какъ въ первые-же дни послѣ *„coup d'état“* наладились взаимоотношенія между Правительствомъ, съ одной стороны, и Арміей — съ другой.

Мы уже отмѣтили въ свое время, что фактическая власть надъ арміей въ ту пору находилась въ рукахъ ген. Родзянки, именовавшаго себя «Командующимъ Сѣв.-зап. Арміей», тогда какъ номи-

нально Юденичъ еще съ начала іюня указомъ Колчака былъ назначенъ «Главнокомандующимъ». Въ штабахъ арміи о ревельскомъ «переворотѣ» узнали, разумѣется, немедленно — и вотъ 14-го авг., т.-е. черезъ 2 дня послѣ образованія Правительства, между Командующимъ арміею ген. Родзянко и предсѣдателемъ Совѣта Министровъ С. Г. Ліанозовымъ пронеходилъ слѣдующій обмѣнъ телеграммъ:

«Изъ штаба Сѣв.-зап. Арміи, № 830.

14-го авг. 16 ч. 40 м.

Предсѣдателю Сѣв.-зап. Правительства, Ревель.
Сѣверо-западная Армія привѣтствуетъ въ вашемъ лицѣ Правительство Сѣв.-зап. Россіи, надѣется найти въ немъ полную поддержку въ начатомъ дѣлѣ по сверженію большевистскаго ига, водворенію порядка и законности, доведенію Россіи до Учредительнаго Собранія, а также установленію хорошихъ отношеній съ сосѣдними государствами.

Нарва, Командующій Сѣв.-зап. Арміею

ген.-маіоръ Родзянко.

* * *

Командующему Сѣв.-зап. Арміею
генералу Родзянко.

Ваша привѣтственная телеграмма доложена мною въ засѣданіи Совѣта Министровъ въ присутствіи военнаго министра Главнокомандующаго генерала Юденича. Правительство поручило мнѣ благодарить Сѣв.-зап. Армію и васъ за высказанныя привѣтствія. Правительство проситъ также довести до свѣдѣнія Арміи, что оно согласилось принять на себя тяжелое бремя власти вслѣдствіе настояпія союзниковъ, заявившихъ о возможности продолжать свою помощь и снабженіе лишь въ случаѣ образованія Правительства съ демократиче-

скими принципами. То же заявленіе сдѣлано было и эстонскимъ правительствомъ, такъ какъ катастрофа надвигалась неотразимо и наша Армія, приковавшая къ себѣ своимъ героизмомъ взоры всего міра, была-бы неминуемо обречена на напрасныя жертвы. Спасая положеніе Арміи и въ цѣляхъ ускоренія взятія Петрограда и избавленія всей страны русской отъ ига большевиковъ, было образовано Правительство, въ составъ котораго вошелъ, какъ военный министръ, Главнокомандующій Арміей генералъ Юденичъ, и такимъ образомъ между Арміей и Правительствомъ установилась живая связь. Правительство твердо увѣрено, что идя рука объ руку съ Сѣверо-западной Арміей и входя во всѣ ея нужды, оно наконецъ получитъ возможность осуществить завѣтную мечту всѣхъ преданныхъ дѣлу свободы русскихъ людей, сложить засиліе и гнетъ большевиковъ и вернуть всѣхъ къ мирной работѣ. Поэтому лозунгомъ момента должно служить «все для Арміи». Вѣдь эта армія — освободительная. Она идетъ для освобожденія русскаго народа отъ ига большевиковъ, идетъ на помощь закрѣпленію истинныхъ свободъ всѣмъ слоямъ населенія безъ различія вѣры и состоянія, на помощь крестьянамъ, рабочимъ и всѣмъ гражданамъ, для завоеванія счастливой, мирной жизни и для разрушенія того мертвaго духа насилія, который царствуетъ нынѣ въ Совдеціи. Эти идеи всѣхъ насъ объединяютъ и на этомъ пути мы всѣ сойдемся. Армія наша уже много сдѣлала, народъ русскій по заслугамъ оцѣнитъ тѣ героическія усилія русскихъ воиновъ и тѣ сверхъчеловѣческіе подвиги, которые они свершали и свершаютъ во имя освобожденія своей несчастной Родины, при той невѣроятной трудной обстановкѣ, которую мы всѣ знаемъ. Будемъ надѣяться, что при дружественной помощи свободной Эстоніи и при содѣйствіи союзниковъ въ дѣлѣ снабженія и финансовъ, мы ускоримъ возложенныя на насъ Родиной тяжелыя обязан-

ности и войдемъ, наконецъ, въ Петроградъ, какъ вѣстники мира, свободы, законности и порядка, дѣлающие возможнымъ созывъ Всероссийскаго Учредительнаго Собранія для установленія желаннаго народу государственнаго строя.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ

Ліанозовъ.»

Что-же касается самого Главнокомандующаго—Юденича, — то въ своихъ многочисленныхъ приказахъ по арміи, которые обязательно читались во всѣхъ ротахъ и частяхъ, онъ почему-то упустилъ подѣлиться съ своими ближайшими сотрудниками «новостью» объ образованіи Правительства и о томъ, что онъ отнынѣ — членъ этого Правительства. Въ одномъ лишь приказѣ по арміи спустя значительное время (№ 34 отъ 2-го сентября), онъ приводитъ содержаніе телеграммы, полученной имъ изъ Омска, въ которой сказано, что «Верховный Правитель, освѣдомившись о перемѣнѣ правленія Сѣверо-западной Области повѣлелъ сообщить, что Сѣв.-зап. Арміи будетъ оказано всемирное содѣйствіе».

Для тактики Юденича, о которой мы выше говорили, этотъ приказъ характеренъ: онъ какъ бы подчеркивалъ, что свою власть Главнокомандующаго, которую онъ получилъ изъ рукъ Верховнаго Правителя, онъ ни съ кѣмъ не дѣлитъ. Къ сожалѣнію, Правительство не реагировало ни на это, ни на другія подобныя выступленія своего сочлена Главнокомандующаго и все разсчитывало, что «все перемелется и мука будетъ». Оно сдѣлало лишь одно. Видя, что Главнокомандующій молчитъ и, очевидно, собирается править фронтомъ безъ непосредственнаго общенія съ солдатскою массою, оно въ началѣ сентября обратилось къ войскамъ со слѣдующимъ, отпечатаннымъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ, воззваніемъ, которое надле-

жалю прочестъ во всѣхъ фронтовыхъ и тыловыхъ частяхъ:

«Граждане солдаты!

Къ вамъ, храбрые солдаты бѣлой арміи, къ вамъ, единственной опорѣ и надеждѣ измученной и истерзанной Россіи обращается вновь создавшееся Правительство Сѣверо-западной Области.

Большевики по своему обыкновенію, вамъ будутъ говорить, что это — правительство капиталистовъ и помѣщиковъ или «соціалъ-предателей».

Гутъ большевики, обманываютъ васъ, не вѣрете имъ, они держатся только ложью, обманомъ и вашимъ легковѣріемъ.

Мы — Правительство не капиталистовъ и не помѣщиковъ. Наше Правительство составилось изъ общественныхъ дѣятелей, представителей всѣхъ классовъ и слоевъ населенія.

Царскій строй намъ также ненавистенъ, какъ и вамъ, и возврата къ нему мы не допустимъ.

Мы не допустимъ, чтобы крестьянинъ вновь сталъ батракомъ на помѣщичьей землѣ.

Земля должна принадлежать тѣмъ, кто на ней работаетъ.

Мы не допустимъ, чтобы капиталисты, фабриканты и заводчики вновь вернули рабочихъ къ 12-ти часовому рабочему дню. Восьми-часовой рабочей день долженъ быть сохраненъ.

Мы не позволимъ, чтобы російская жизнь вновь была заключена въ царскій застѣлокъ, гдѣ она томилась, гнохла и изнывала въ теченіе многихъ вѣковъ.

Мы приложимъ всѣ наши силы, все наше стараніе къ тому, чтобы народъ зажилъ мирною свободною жизнью, чтобы онъ могъ свободно развиваться и проявлять свои силы и способности, чтобы онъ въ полной мѣрѣ могъ пользоваться плодами

своихъ трудовъ, чтобы народъ жилъ въ счастьѣ и довольствѣ, котораго онъ заслуживаетъ.

Для того, чтобы установить эту новую, хорошую жизнь, надо прежде всего избавиться отъ большевиковъ, которые уже почти 2 года терзаютъ и мучаютъ несчастную Россію. Захвативъ насильно власть, они ведутъ Родину къ гибели. Они обѣщали миръ уставшему отъ войны народу и обманули его: они заключили позорный миръ съ нѣмцами, а теперь воюютъ со своимъ-же русскими, проливая море крови. Они обѣщали народу хлѣбъ и вновь обманули его и создали такой голодъ, какого Россія не знала за тысячу лѣтъ своего существованія.

Большевики дали крестьянамъ помѣщичью землю, но отняли у крестьянъ урожай и съ надѣльной и съ помѣщичьей земли, оставляя имъ 20-ти фунтовый паекъ.

Они обѣщаютъ всѣмъ свободу, а на дѣлѣ каждый день сажаютъ въ тюрьму и казнятъ сотни ни въ чемъ неповинныхъ людей и, не спросясь народа, издаютъ свои законы, которые хуже всякаго беззаконія.

Они обѣщаютъ всѣмъ богатую жизнь и разоряютъ города, сжигаютъ деревни, отбираютъ у крестьянъ хлѣбъ, сѣно и скоть.

Пока будутъ у насъ большевики, не будетъ у насъ ни мира, ни хлѣба, ни свободы, ни закона.

Но избавить Россію отъ большевиковъ можетъ только армія.

Мы знаемъ, что вы устали отъ походовъ и сраженій; знаемъ, что вы честно голодали, что вы бывали плохо одѣты и обуты, что не хватало вамъ часто вооруженія, по всему этому пришелъ конецъ — у насъ уже есть для васъ и скоро будутъ вамъ розданы, и хлѣбъ, и табакъ, и одежда, и оружіе.

Напрягите-же послѣднія силы, принесите-же послѣднюю жертву, идите храбро въ бой съ врага-

ми свободы и народа, исполните до конца свой долгъ и завоюйте миръ и счастье, и себѣ, и нашей несчастной родинѣ.

Правительство Сѣверо-западнѣи Области Россіи.

* * *

Спустя нѣкоторое время оказалось, однако, что только нѣкоторыя воинскія части на фронтѣ и въ ближайшемъ тылу знакомы съ содержаніемъ этого правительственнаго воззванія; одни штабы безцеремонно конфисковывали его потому, что оно не соотвѣтствовало ихъ видамъ, другіе — подъ предлогомъ, что оно, молъ, было подброшено большевиками, третьи, наконецъ, ссылались на то, что у нихъ не было инструкцій отъ верховнаго военнаго командованія. Производился, словомъ, открытый саботажъ, подобно тому, какъ такая же участь постигла на первыхъ порахъ газету «Свобода Россіи», поддерживавшую Сѣв.-зап. Правительство и распространявшуюся на фронтѣ въ количествѣ 10.000 экземпляровъ по особому соглашенію съ Сѣв.-зап. Правительствомъ.

Потребовались поѣздки нѣкоторыхъ министровъ на фронтъ, чтобы положить конецъ своеобразной цензурѣ комендантовъ и штабовъ.

Однажды — помню — кооперативное товарищество въ Гдовѣ сообщило мнѣ, что на отдѣльныхъ участкахъ фронта генерала Арсеньева распространение «Свободы Россіи», которую я тогда редактировалъ, строжайше запрещено. Я обратился съ телеграммой непосредственно къ Юденичу, находившемуся въ ту пору въ Нарвѣ. И, дѣйствительно, еще въ тотъ же день я по прямому проводу получилъ, какъ отъ самого Юденича, такъ и отъ его начальника Штаба генерала Ванъ-Дама, самыя положительныя завѣренія, что гдовскіе слухи «лишены основнія». Но и тутъ оказалось, что Главнокомандующій — одно, а штабы — другое: еще цѣ-

лыхъ двѣ недѣли послѣ этого обмѣна телеграммъ «Свобода Россіи» не распространялась на фронтѣ ген. Арсеньева, какъ это было установлено дознаніемъ, произведеннымъ на мѣстѣ министромъ почтъ и телеграфовъ Филиппо. Этотъ скромный человекъ нагрузилъ тогда десятокъ-другой мѣшковъ номерами «Свободы Россіи», лежавшими въ полевомъ штабѣ, и лично принялся за ихъ распространеніе въ мѣстахъ расположенія войскъ.

Впрочемъ, то же самое случилось впоследствии и съ другими литературными произведеніями Сѣв. зап. Правительства, въ частности, Отдѣла Агитаціи и Пропаганды.

Это учрежденіе послѣ долгихъ дебатовъ на тему, въ чьемъ вѣдѣніи оно должно находиться, было основано съ большимъ опозданіемъ какъ автономная часть, подвѣдомственная Совѣту Министровъ, а не какому нибудь отдѣльному министру. Предсѣдательство въ редакціонномъ комитетѣ было поручено Б. В. Дюшену, б. Ярославскому Губ. Комиссару Временнаго Правительства. Для вящаго успѣха своей дѣятельности на фронтѣ и въ тылу Отдѣлъ Агитаціи и Пропаганды тотчасъ же объявилъ конкурсъ на составленіе агитационныхъ листовъ для арміи и населенія Сѣв.-зап. Области « въ чисто демократическомъ духѣ, сообразно съ Деклараціей Правительства отъ 24-го авг. языкомъ совершенно доступнымъ солдату и крестьянину». Въ составъ жюри входили: Редакціонный Комитетъ, Коллегія Министровъ и общественные дѣятели, литераторы и художники по приглашенію Отдѣла, при чемъ члены жюри въ самомъ конкурсѣ не имѣли права участвовать. Темы были намѣчены слѣдующія: 1) За что мы воюемъ; 2) Учредительное Собраніе; 3) Къ солдатамъ красной арміи; 4) Почему большевики враги народа; 5) О помощи союзниковъ; 6) Для чего образовалось Правительство Сѣв.-зап. Области; 7) Какъ обезпечить свободу; 8) Будущее Россіи.

Это было новшество, совершенно не примѣнявшееся у Колчака и Деникина, гдѣ знаменитые «Осваги» дѣйствовали конспиративно, руководствуясь исключительно приказами. Политическая однобокость была исключена.

И тѣмъ не менѣе, какую борьбу Отдѣлу Агитации пришлось выдержать съ полевыми штабами въ дѣлѣ распространенія его ленточекъ и воззваній на фронтѣ и въ ближайшемъ тылу! Сколько разъ они конфисковывались и сжигались только потому, что какой нибудь мѣстный комендантъ или начальникъ штаба отдѣльной части находилъ ихъ «крамольными»!

Но что-же дѣлало Правительство?

Оно, конечно, протестовало, посылало циркуляры, «убѣждало» Юденича положить конецъ разнузданности штабовъ, но вѣдь и власть Юденича какъ Главнокомандующаго, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ была сильно ограничена своеобразными обычаями и традиціями Сѣв.-зап. Арміи, сложившимися еще въ ту пору, когда она была вольной дружиной, вольнымъ казачествомъ, гдѣ капраломъ былъ тотъ, кто первымъ взялъ палку, гдѣ политическая мудрость имѣла своимъ источникомъ такихъ «государственныхъ мужей» какъ гене. Родзянко, Джерюшинскій и «батько» Булакъ-Балаховичъ.

Вѣдь эти элементы фактически никому не подчинялись, никому не хотѣли подчиняться, никого не признавали — конечно, кромѣ себя. Это обнаружилось чуть-ли уже не въ первые дни образованія Сѣв.-зап. Правительства въ связи съ такъ называемой псковской эпопеей, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой оказался все тотъ-же знаменитый «герой» Булакъ-Балаховичъ. Мы подходимъ здѣсь вплотную къ исторіи «балаховщины», положившей роковой тяжелый отпечатокъ на всѣ послѣдующія событія подъ Петроградомъ.

ГЛАВА XIV.

«Балаховщина».

Въ воскресенье 28-го августа мы получили въ Ревелѣ извѣстіе, что палъ Псковъ, единственный большой городъ Сѣверо-западной Области занятый нашими войсками, база будущихъ наступательныхъ операций, центръ, въ который Правительство намѣревалось переселиться и гдѣ долженъ былъ состояться отмѣченный раньше Народный Съѣздъ.

Эта потеря никого, однако, не удивила, ибо уже нѣсколько дней изъ Пскова шли тревожныя извѣстія: большевики напираютъ, въ городѣ царить анархія. Тогда же въ редактировавшейся мною «Свободѣ Россіи» была напечатана передовая, въ которой говорилось:

«Быстрое продвиженіе большевиковъ къ Пскову вовсе не результатъ ихъ умѣлой стратегіи; причины этому лежатъ гораздо глубже и, будемъ говорить прямо, въ перемѣнѣ построенія народныхъ массъ. Всегда слѣдуетъ помнить, что мы ведемъ не обыкновенную войну, а гражданскую, и что въ этой войнѣ прежде всего необходимо обратить вниманіе на социальное и политическое устройство занимаемыхъ войсками территорій. Чѣмъ вѣрнѣе будетъ взятъ политическій курсъ на мѣстахъ, чѣмъ меньше попытокъ будетъ вернуть отжившее старое, тѣмъ легче будетъ задача борьбы съ большевизмомъ, тѣмъ скорѣе мы повернемъ сердца народа въ свою сторону».

Далѣ въ статьѣ указывалось, что въ Псковѣ печальная дѣйствительность даетъ совершенно другую картину, что тамъ сидѣли «дѣятели, которые за короткое время своего хозяйничанія натворили столько дѣлъ, что врядь-ли ихъ скоро расхлебашь... Растлѣвающее вліяніе ихъ дѣятельности настолько подорвало довѣріе народа къ власти, что теперь нужна упорная и долгая работа, чтобы вернуть снова ту добрую и радостную улыбку, съ которой народъ встрѣчалъ впервые наши бѣлыя войска»...

Въ Псковѣ сидѣлъ «батько» Булакъ-Балаховичъ.

Сей «герой», уроженецъ Литвы, началъ свою военную карьеру вольно-опредѣляющимся-добровольцемъ въ 1914 г. на восточно-прусскомъ фронтѣ. Забѣлка и головорѣзъ, смѣлый и предприимчивый, онъ дослужился до чина поручика еще при правительствѣ Керенскаго, а въ 1918 г. мы уже видимъ его въ рядахъ Красной Арміи, въ качествѣ начальника кавалерійской отдѣльной части, подавляющаго крестьянскія возстанія въ Новгородской губерніи. Поссорился-ли онъ съ большевиками или проворовался у нихъ, но зимою 1918/19 г., когда послѣ ухода германцевъ изъ Пскова и бывшей Эстляндской губерніи въ этомъ районѣ начинается вооруженная борьба эстонцевъ и русскаго Сѣвернаго Корпуса съ большевиками — Булакъ-Балаховичъ вдругъ во главѣ своего отряда появляется въ Эстоніи.

Съ такой же рѣшительностью, съ какой онъ раньше во имя коммунизма усмирялъ крестьянъ — онъ направляетъ теперь свое оружіе противъ своихъ прежнихъ хозяевъ. И опять дѣлаетъ карьеру. Отрядъ его разрастается, трофеи умножаются. Эстонцы на него молятся. Ихъ силы почти ничтожны, они еще неопытны, въ дѣлѣ борьбы съ большевиками, а Булакъ знаетъ всѣ слабыя стороны послѣднихъ и творитъ чудеса. Растетъ его авторитетъ

и среди русских войск, оперирующихъ въ Эстоніе подъ названіемъ «Сѣверный Корпусъ». Изъ перебѣжчиковъ и добровольцевъ, среди которыхъ преобладающая часть головорѣзы-авантюристы, а то и просто обще-уголовные элементы, Булакъ-Балаховичъ организуетъ все новые и новые отряды. Онъ дерзновенно храбръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ жестокъ и безпощаденъ. Въ Ревелѣ, который я впервые посѣтилъ въ январѣ 1919 г., миѣ тогда еще о немъ говорили: «тамъ гдѣ Балаховичъ пройдетъ, тамъ трава больше расти не будетъ», и миѣ поясняли, что это надо понимать въ буквальномъ смыслѣ слова, причемъ отмѣчу еще, что такая оцѣнка исходила отъ восторженныхъ поклонниковъ «героя».

Постепенно, по мѣрѣ развитія операцій противъ большевиковъ, Балаховичъ сталъ вытѣснять другихъ начальниковъ Сѣвернаго Корпуса, пользуясь все время широкимъ благоволеніемъ эстонцевъ, а вскорѣ послѣ преобразования Корпуса въ Сѣверо-западную армію съ переходомъ главною командованія къ Юденичу мы уже видимъ его въ качествѣ командира «особой сводной дивизіи», въ которую, разумѣется, вошли всѣ преданныя ему и воспитанныя въ его духѣ части, съ постояннымъ мѣстопробываніемъ въ Псковѣ.

Юденичъ миѣ потомъ рассказывалъ, что онъ «скрѣпя сердце» утвердилъ Балаховича въ этомъ званіи, но — «что дѣлать было: Балаховичъ популяренъ въ войскахъ»...

Предоставимъ теперь слово одному документу, исходящему отъ очевидца «дѣятельности» Булакъ-Балаховича въ несчастномъ городѣ, статьѣ, напечатанной въ тѣ дни въ «Свободѣ Россіи» и написанной (да проститъ миѣ авторъ разоблаченіе псевдонима) однимъ изъ членовъ Сѣв.-зап. Правительства, государственнымъ контролеромъ В. Л. Горномъ. Пусть побольше такихъ документовъ попадаетъ въ исторію анти-большевистской борьбы — тогда мы

меньше ошибокъ будемъ совершать. Отмѣчу лишь, что я напечаталъ тогда эту статью съ предварительнымъ учетомъ возможныхъ сюрпризовъ со стороны какъ эстонской цензуры, такъ и русской, т. е. чувствительно ее урѣзаль.

Вотъ ея содержаніе:

«Кто виновать?»

Псковъ, какъ извѣстно, былъ взятъ исключительно эстонцами. Отрядъ Балаховича пришелъ сюда нѣсколько дней спустя, такъ сказать, уже по готовой дорогѣ. Явившійся въ городъ эстонскій комендантъ сразу же заявилъ собравшимся у него представителямъ городского самоуправления, что эстонскія войска, какъ войска демократической страны не несутъ населенію возстановленія прежнихъ царскихъ порядковъ, а борются за свободу и за демократическій гражданскій строй. Поэтому всѣ Псковичи должны быть спокойны за свою жизнь: эстонскія войска ведутъ войну лишь съ большевиками, а не съ тѣми, кто изъ за куска хлѣба служилъ у нихъ, не сочувствуя въ душѣ ихъ порядкамъ.

И, дѣйствительно, когда въ первые же дни поднялась волна обывательскихъ доносовъ и изобличеній въ большевизмѣ, то эстонскія власти хотя и задерживали приводимыхъ къ нимъ лицъ, но по большей части или тотчасъ же ихъ отпускали (такъ какъ черная сотня охотно видѣла большевика въ каждомъ инакомыслящемъ, неподходящемъ къ ея черной масти, гражданинѣ) или, если улики оказывались серьезными, задерживали и оставляли приведеннаго человѣка до разбора его дѣла. Никакихъ казней городъ не видѣлъ за это время и всѣ жители сразу почувствовали, что явилась дѣйствительно разумная нереакціонная власть. Послѣ всякихъ издѣвательствъ, послѣ кошмарныхъ разстрѣловъ пачками по ночамъ, послѣ всего того произвола, который вытерпѣлъ отъ большевиковъ обыватель,

эстонскій режимъ первыхъ дней настолько выгодно и рѣзко отѣнялся, что казалось не будетъ мѣста впредь никакимъ ужасамъ и обывательскіе нервы наконецъ перестанутъ страдать.

Но — увы... Спокойствію этому скоро пришелъ конецъ!

Спустя недѣлю какъ то вечеромъ въ городѣ раздались крики «ура», появилась небольшая колонна русскихъ силъ, а вмѣстѣ съ нею появился и ея предводитель атаманъ Булакъ-Балаховичъ. Все задвигалось и побѣжало. Быстро собралась огромная толпа, всѣ искренно и радостно встрѣтили своихъ солдатъ. Къ мощной и стойкой защитѣ эстонскихъ солдатъ присоединились свои родные солдаты, и обыватель эту ночь заснулъ еще крѣпче.

Утра слѣдующаго дня я никогда не забуду. Снова бѣжаль народъ, снова пришло все въ движеніе, но не было на лицахъ радостныхъ счастливыхъ улыбокъ. Большинство встрѣчныхъ растерянно качало головой, пожимало плечами и немногіе, скверно скаля зубы и злобно торжествуя, указывали пальцемъ на Базарную площадь. За толпой народа, возвышаясь надъ ней, впереди бѣлѣло и качалось что-то. Только подойдя ближе, я увидѣлъ, что на фонарѣ висѣлъ какой-то человекъ въ одномъ бѣльѣ, а передъ нимъ — толпа, въ которой было много дѣтей. Дуль вѣтеръ, накрапываль дождь, и трупъ качался на своей петлѣ... Я молча закрылъ глаза и бросился на тротуаръ. Тамъ стояли какіе-то люди и одинъ изъ нихъ обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «зачѣмъ это? кому это нужно? Вѣдь такъ даже большевики не дѣлали. А дѣти — зачѣмъ имъ такое зрѣлище?...»

А дальше пошло все въ томъ же духѣ, но много хуже и отвратительнѣе. Вѣшали буквально каждый день, въ центрѣ города, на глазахъ у всѣхъ, на фонаряхъ. Зрѣлище понемногу становилось привычнымъ: толпа заранѣе скапливалась около

штаба Балаховича и часами ждала очередной драмы.

Наконецъ вели жертву къ фонарю, заставляли дѣлать себѣ петлю, иногда устраивали жестокой «диспутъ» съ обреченнымъ, глумились, били его, и приговоренный умиралъ въ петлѣ — днемъ, при всѣхъ, на глазахъ у женщинъ и дѣтей. Часто вѣшали по нѣсколько заразъ, благо фонари въ Псковѣ широкіе, желѣзные трехгранные. Когда умирающая жертва начинала сильно мучиться, окружающіе солдаты, хватали ее за ноги, не давали ей мотать ногами. Я самъ видѣлъ эти сцены почти садизма и видѣлъ, какъ за угломъ плакали мужчины и женщины, хватающія дѣтей, чтобы они не смотрѣли на умирающаго. Покойники потомъ висѣли на фонаряхъ по суткамъ, и болѣе чуткіе люди старались обходить эту улицу. А однажды приходилось обходить тротуаръ на улицѣ: человекъ во время казни сорвался съ петли и побѣжалъ. Его догнали, пристрѣлили изъ револьвера и волокомъ за оставшуюся веревку на шеѣ стащили по тротуару къ рѣкѣ, на тротуарѣ по всему пути осталась широкая засохшая полоса крови.

Какъ же реагировало на это общество?...

Все скольконибудь интеллигентное было возмущено до глубины души, сильно осуждало Балаховича духовенство, осуждали эстонцы. Ужасъ сковалъ уста обывателя, а тутъ начались разные обыски, всевозможныя «реквизиціи», требованіе съ купцовъ по какому-то дикому списку крупныхъ суммъ денегъ, съ угрозой засадить въ тюрьму. Словомъ, началась та вакханалія, тотъ произволъ, при которомъ ни о какомъ общественномъ протестѣ не только противъ казни, но и противъ вообще какихъ либо дѣйствій власти и рѣчи не могло быть... Я не знаю что происходило въ это время въ деревнѣ, но теоретически можно предположить, что балаховцы и для деревни не ломали своей натуры.

Послѣ всего сказаннаго ясно стапеть, что о «демократизмѣ» г. Балаховича можно говорить лишь иронически и тѣмъ, кто не жилъ тамъ на мѣстѣ и не испыталъ всѣхъ прелестей его гражданскаго искусства. Наоборотъ, можно прямо сказать, что въ той дезорганизациі общественной обстановки, которая образовалась въ Псковской губ. во время господства тамъ бѣлыхъ главная часть вины лежитъ на самомъ Балаховичѣ, ибо другіе только додѣлывали то, чему начало положилъ онъ...

И Псковъ палъ, старый городъ палъ отъ дурной политики, которая сдѣлала самую борьбу на этой территоріи бессмысленной въ глазахъ культурныхъ эстонскихъ солдатъ. Слѣдовательно, виноваты въ этомъ всѣ тѣ, кто подготовилъ это настроеніе, кто на мѣстахъ медленно и неуклонно отравилъ общественную атмосферу»...

* * *

Послѣ появленія этой статьи на столбцахъ «Свободы Россіи» я, какъ редакторъ, и нѣкоторые изъ моихъ ближайшихъ сотрудниковъ долгое время находились подъ угрозой личной расправы со стороны «балаховцевъ». Мы сидѣли въ редакціи вооруженные кто «маузеромъ», а кто хорошимъ стѣкомъ...

Приведу здѣсь и показанія другаго очевидца правленія Балаховича въ псковскомъ районѣ, въ частности, политической стороны его дѣятельности. На этомъ стоитъ остановиться уже потому, что «балаховщина» оказала роковое тлѣтворное вліяніе на всю послѣдующую постановку дѣла политическаго строительства въ Сѣверо-западной Области. Съ другой стороны, эти документы показываютъ, какъ велика была отвѣтственность (если только допустить, что оно было реальностью) бывшаго гельсингфорскаго Политическаго Совѣщанія, мирившагося, чтобы не сказать, поощрявшаго, дѣятель-

ность Балаховича въ теченіе цѣлаго ряда мѣсяцевъ, несмотря на вопль и стоны, доносившіеся постоянно изъ Пскова.

Послѣ занятія Пскова бѣлыми (24-го мая) боевыя части ушли впередъ, выполняя извѣстные военные задания. Приступили къ организаціи тыла, безъ котораго, какъ извѣстно, не можетъ существовать армія. Въ Псковѣ образовалось «Общественное Гражданское Управленіе», почти не имѣвшее связи съ широкими слоями населенія, а значитъ, и безсильное въ области практической работы, въ процессѣ которой предстояло вести борьбу съ нѣкоторыми расходившимися не въ мѣру военными властями, считавшими себя единственными зодчими тыла.

Та-же картина имѣла мѣсто и въ уѣздѣ: «волостныя общественныя управленія», волостные коменданты, правда чиномъ пониже, и игнорированіе массъ... Ихъ цѣликомъ и безъ остатка отдали въ распоряженіе цѣлаго ряда комендантовъ, которыхъ, въ свою очередь, подчинили комендантамъ съ болѣе широкими полномочіями и т. д. вплоть до самыхъ высокнихъ.

Самодѣятельность уѣзда, какъ и въ г. Псковѣ, оказалась не нужной больше, нѣкоторыми просто считалась «вредной выдумкой социалистовъ». Короче говоря, устройство тыла было поручено цѣликомъ военной власти. Въ итогѣ — наверху писались одинъ безсмысленнѣе другого приказы, внизу свирѣпствовало «усмотрѣніе».

Фундаментъ — приказы однихъ и усмотрѣнія другихъ — былъ заложенъ: приступили къ кладкѣ стѣнъ. Кадры рабочихъ надо было увеличить, т. к. обстоятельства требовали быстрога завершения постройки. Кликнули кличъ не ко всѣмъ желающимъ и могущимъ работать, не къ тѣмъ, кто единственно могъ работать — крестьянству и городскимъ массамъ, а къ отбросамъ общественности.

Создалось слѣдующее положеніе: въ качествѣ

устроителей тыла выступилъ только реакціонный элементъ; сдерживающихъ центровъ въ лицѣ широкаго представительства демократіи — не было; строить нужно было срочно.

«Ну и устроили: фонарные столбы, увѣшанные людьми, обыски, аресты, вымогательства, приказы № 12 и 113, возстановившіе помѣщика въ деревнѣ, разстрѣлы безъ суда и слѣдствія, переполненные тюрьмы съ Богомъ вѣсть за что, сидѣвшими людьми, почти полное упраздненіе гражданской юстиціи... Всего не вспомнишь, да и не хочется вспоминать какъ скверный сонъ.

Массы первоначально присматривались, выжидали, а потомъ... отвернулись. Отвернулись потому, что «бѣлые не лучше, а, пожалуй, и хуже красныхъ». Тылъ началъ разваливаться, за нимъ сталъ разваливаться фронтъ...

Всѣ, кто искренно, безъ всякихъ заднихъ мыслей, ищетъ виновниковъ паденія «Псковщины», тотъ неминучемо долженъ будетъ прійти къ слѣдующему выводу: Псковщина пала въ силу того, что устройство тыла шло безъ участія народныхъ массъ, съ одной стороны, и исключительно черезъ военныя власти — съ другой.

Итакъ, въ паденіи «Псковщины» виновата система организациі тыла, а значить виноваты и творцы этой системы: имена ихъ будутъ названы исторіей...*)

* * *

Таковы были условія въ «районѣ оккупациі» Булакь-Балаховича. Ихъ результаты не замедлили сказаться: единственный крупный городской

*) «Свобода Россіи» № 11 (30) отъ 30-го сент. 1919. Авторъ статьи — П. Богдановъ, членъ Сѣв.-зап. Правительства по партійной своей принадлежности — с. р.

центр Сѣв. зап. Области, на который были возложены надежды вновь создававшегося Правительства по части дальнѣйшаго военного и политическаго строительства, опять перешелъ къ большевикамъ.

Но еще до того, точнѣе уже черезъ нѣсколько дней послѣ своего образованія, Сѣв. зап. Правительство, и не только оно, но и нѣкоторые трезво смотрявшіе на вещи военные круги, стали напирать на Юденича въ смыслѣ необходимости устраненія Булакѣ-Балаховича. Форма, въ которой это устраненіе вскорѣ послѣдовало, лишній разъ показываетъ, съ одной стороны, насколько «мифична» была до тѣхъ поръ власть Главнокомандующаго, а съ другой, какъ тлѣтворны были «традиціи» Сѣв.-зап. Арміи и какую роковую роль имъ суждено было сыграть въ рѣшающей моментъ похода на Петроградъ.

Вотъ что рассказывалъ объ этомъ эпизодѣ самъ Юденичъ:

«Въ 20-тыхъ числахъ с. м. генераль Арсеньевъ долженъ былъ совершить поѣздку въ Гельсингфорсъ и вслѣдствіи этого ген. маіоръ Балаховичъ временно былъ назначенъ мною командиромъ Корпуса. Такъ вопреки ожиданіямъ предполагаемая поѣздка ген. Арсеньева не состоялась, то ген. лейт. Арсеньевъ и долженъ былъ вернуться въ Псковъ и вступить вновь въ командованіе Корпусомъ.

Я одновременно получилъ документальныя данныя, что чины Штаба ген.-м. Балаховича и чины его личной сотни занимались разбоями, грабежомъ, вымогательствомъ и печатаніемъ фальшивыхъ денегъ. Такъ какъ ген.-м. Балаховичъ не принималъ никакихъ мѣръ противъ этихъ преступныхъ лицъ, то я отдалъ распоряженіе объ арестѣ виновныхъ. Производство этого ареста было возложено на командира 3-го Стрѣлковаго Талабскаго полка полковника Пермикина.

Въ ночь съ 22-го на 23-ое августа полк. Пермикинъ выполняя мое порученіе арестовалъ 7 чело-

вѣхъ изъ штаба и разоружилъ личную сотню ген.-м. Балаховича. Аресты совершались безъ сопротивленія со стороны арестуемыхъ, но 3 чина, противъ которыхъ имѣлись очень серьезныя улики, скрылись. Съ ген.-м. Балаховича полк. Пермикинъ взялъ честное слово, что онъ не оставитъ своего жилища до тѣхъ поръ пока я не приѣду. Ген.-м. Балаховичъ далъ честное слово.

По моемъ приѣздѣ полк. Пермикинъ доложилъ мнѣ о произведенныхъ имъ арестахъ. Я отдалъ приказаніе, чтобы ген.-м. Балаховичъ явился ко мнѣ, но это приказаніе уже не застало его дома. Между тѣмъ поступило донесеніе, что ген.-м. Балаховичъ вышелъ изъ дому и разѣзжалъ по городу. Оказалось, что ген.-м. Балаховичъ заявилъ прапорщику гр. Шувалову, оставленному при немъ, что полк. Пермикинъ разрѣшилъ ему проститься съ войсками. Не допуская, что генераль можетъ сказать неправду, гр. Шуваловъ не считалъ возможнымъ ему не довѣрить и поэтому согласился сопровождать его въ поѣздкѣ по городу. Встрѣчаясь съ воинскими частями ген.-м. Балаховичъ говорилъ съ ними, увѣщая ихъ служить и сражаться храбро. Затѣмъ ген.-м. Балаховичъ выѣхалъ за-городъ и приказалъ гр. Шувалову, сопровождавшему его, направиться назадъ въ городъ. Самъ-же генераль Балаховичъ отказался вернуться.

За ген. Балаховичемъ былъ посланъ въ автомобиль его родной братъ, подполк., которому не удалось нагнать его. Посланные другимъ путемъ за нимъ разѣзды, чтобы передать ему мое приказаніе вернуться, нагнали генерала, но приблизиться къ нему не могли, такъ какъ ген.-м. Балаховичъ сталъ угрожать открытіемъ огня и громко заявилъ, что онъ ничьихъ приказаній не исполняетъ и никого не признаетъ. Разѣзды вернулись, такъ какъ имъ было приказано не свершать никакого насилія.

Вечеромъ 23-го авг. ген.-м. Балаховичъ прислалъ мнѣ угрожающую записку такого содержанія, что

если будутъ разстрѣляны чины его штаба, то онъ повѣситъ всѣхъ тѣхъ, кто разоружалъ войска, дѣйствующія противъ большевиковъ.

Около ген.-м. Балаховича къ настоящему времени собралось не болѣе 150-ти человекъ, составившихся изъ личной его сотни и литовской и польской сотенъ, при чемъ 28 чел. изъ литовской сотни, направляющихся къ ген.-м. Балаховичу были остановлены по пути къ нему. Подполк. Генеральнаго Штаба фонъ Прюссингъ отказался исполнить мое приказаніе имъ вернуться. Узнавъ истинную причину ухода ген.-м. Балаховича, означенная часть литовской сотни вернулась и присоединилась, согласно распоряженію полк. Пермикина, къ Талабскому полку.»

Спустя нѣсколько дней появилось нѣсколько приказовъ Главнокомандующаго по арміи, изъ которыхъ приведемъ слѣдующіе:

«22-го авг. 1919 г. № 19.

Гор. Нарва.

§ 1.

Предписаніе мое ген.-м. Булакъ-Балаховичу вступить во временное командованіе 2-мъ Стрѣлковымъ Корпусомъ — считать недѣйствительнымъ.

§ 2.

Несмотря на неоднократныя напоминанія и увѣщанія относительно злоупотребленій, допускаемыхъ чинами Штаба г. м. Булакъ-Балаховича, ко мнѣ продолжаютъ поступать жалобы и прошенія въ большемъ количествѣ. Изъ этого усматриваю, что г. м. Булакъ-Балаховичъ или не желаетъ прекратить незаконное дѣйствіе своихъ подчинныхъ по отношенію къ мирному населенію или не въ силахъ это сдѣлать, поэтому приказываю:

Полковнику Пермикину, командиру 3-го Стрѣлковаго Талабскаго полка, взявъ въ свое распоряженіе полки: Конно-Егерскій, Семеновскій и Талаб-

ский, 2 конных батареи, 3 бронепоезда и 2 бронемашин — арестовать въ гор. Псковѣ чиновъ Штаба г. м. Булакѣ-Балаховича, замѣшанныхъ въ незаконныхъ дѣйствіяхъ, весь составъ личной сотни г. м. Булакѣ-Балаховича и представить ихъ въ мое распоряженіе для разслѣдованія и преданія суду виновныхъ. Полковнику Пермикину подчинить себѣ все полки и части, входящія въ составъ 2-го Стрѣлковаго Корпуса. Командирамъ частей безпрекословно исполнять приказанія полк. Пермикина, какъ исходящія лично отъ меня. Въ случаяхъ неисполненія какого-либо приказанія, виновный въ нарушеніи этого будетъ преданъ Военно-Полевому Суду.

Главнокомандующій, Генераль отъ Инфантеріи
Юденичъ.

§ 3.

24-го августа 1919. № 20. Городъ Нарва.)
Генерала Булакѣ-Балаховича исключить изъ списковъ Арміи и считать бѣжавшимъ.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ и командахъ.

Главнокомандующій
Генераль отъ Инфантеріи Юденичъ.»

Какъ видно изъ приказа №19 § 2, Юденичъ ожидалъ серьезнаго вооруженнаго сопротивленія со стороны частей Булакѣ-Балаховича и поэтому снарядилъ въ Псковъ военную экспедицію въ составѣ нѣсколькихъ пѣхотныхъ полковъ, кавалеріи, артиллеріи и даже бронированныхъ поездовъ. Къ счастью, дѣло обошлось безъ кровопролитія. Балахо-

*) Въ этомъ приказѣ Юденичъ повторяетъ съ нѣкоторыми подробностями все изложенное въ видѣ его личнаго разсказа на предыдущей страницѣ, добавляя лишь, что ген. м. Балаховичъ «во время боя покинулъ нашу армію и сдѣлалъ это въ виду противника». Приводить поэтому только конецъ приказа.

вичъ просто бѣжалъ во главѣ нѣсколькихъ оставшихся ему преданными сотенъ и перешелъ на участокъ фронта (юго-восточнѣе Пскова), который занимали эстонскія войска и на который, слѣдовательно, власть Юденича уже не распространялась. Тамъ онъ и остался до конца кампаніи и даже умножилъ свои ряды, продолжая все время пользоваться широкимъ благоволеніемъ эстонскимъ военныхъ круговъ и, къ сожалѣнію, также правительства.

Но онъ не покорился судьбѣ. Черезъ мѣсяцъ слишкомъ послѣ описанныхъ здѣсь событій, узнавъ отъ своихъ агентовъ, сидѣвшихъ въ эстонскомъ штабѣ и администраціи, что Юденичъ почти безъ охраны ѣдетъ въ экстренномъ поѣздѣ изъ Ревеля въ Нарву (Сѣв.-зап. армія дѣлала тогда послѣднія приготовленія къ удару на Петроградъ), Булакъ-Балаховичъ покинулъ во главѣ особенно преданной ему конной сотни занимаемый имъ у эстонцевъ участокъ фронта, наиболѣе близкій къ желѣзнодорожной линіи Ревель—Нарва, и попытался было захватить Главнокомандующаго «живьемъ». Однако, въ послѣднюю минуту, это «предпріятіе» не удалось: эстонцы предупредили Юденича, изъ Нарвы навстрѣчу выступили войска.

Второй разъ «батько» былъ счастливѣе. Но это случилось уже значительно позже, когда походъ Сѣв.-зап. арміи на Петроградъ уже былъ ликвидированъ и Юденичъ уже укладывалъ чемоданы, чтобы переѣхать изъ Ревеля въ Парижъ вмѣстѣ съ генералами Глазенапомъ, Владимировымъ и пріѣхавшимъ за ними Г. А. Алексинскимъ на единственно сохранившемся отъ флота Сѣв.-зап. Области старенькомъ утломъ миноносцѣ «Китобой».

Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Въ ночь на 28 января небольшая группа вооруженныхъ людей, во главѣ съ уволеннымъ отъ службы бывшимъ прокуроромъ С.-З арміи Р. Лях-

ницкимъ, проникла въ гостиницу «Коммерсъ», гдѣ жилъ Юденичъ, и объявила отъ имени Балаховича, что Юденичъ арестованъ и долженъ слѣдовать за ними.

Замѣчательно, что ни Юденичъ, ни бывший тутъ же ген. Глазенапъ и многочисленные адъютанты, даже не попытались оказать сопротивленіе. Плѣненный Юденичъ, подъ конвоемъ, былъ отвезенъ на вокзалъ, посаженъ въ вагонъ, прицѣпленный къ товарному поѣзду, и увезенъ по направленію на Юрьевъ.

Происшествіе вызвало «сенсацию», причемъ эстонская газета «Пявалехтъ» писала, что въ карманахъ Юденича были найдены бомбы, и что онъ перевелъ за границу значительную часть имущества и денегъ С.-з. Арміи....

Первоначально сообщалось, что въ арестѣ Юденича принимали участіе и эстонскія власти. Но все это было неправдой, или почти неправдой. «Бомбъ» у Юденича не было, деньги Сѣв.-зап. Арміи по свидѣтельству ген. Краснова и раньше находились въ иностранныхъ банкахъ за границей.

Извѣстіе объ арестѣ Юденича дошло до англійской миссіи, потребовавшей его освобожденія. Утромъ на другой день на ст. Тапсъ Юденичъ былъ освобожденъ отъ почетныхъ конвоировъ Балаховича и привезенъ въ Ревель, гдѣ его водворили въ помещеніе англійскаго генеральнаго консульства. Эстонское правительство въ послѣдствіи опровергало участіе своихъ агентовъ въ этомъ дѣлѣ, объясняя, что безучастность и даже частичное содѣйствіе отдѣльныхъ эстонскихъ чиновниковъ было вызвано тѣмъ, что «и раньше подобные случаи происходили, и были внутреннимъ дѣломъ Сѣв.-зап. Арміи». Эстонцы такъ же завѣряли, что они сами, безъ давленія англичанъ, распорядились освободить Юденича въ Тапсѣ. Задача Балаховича заключалась въ томъ, чтобы захватить Юденича въ плѣнъ и содержать его въ укромномъ мѣстѣ, подѣ стра-

жей, до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ приличнаго его чину и званію выкупа. Статьи на эту тему печатались послѣ неудачи ареста въ газетѣ Балаховича «Вѣрный Путь» съ цѣлью обосновать «идеологію» предпріятія. Самъ Балаховичъ послѣ выясненія своей неудачи, не спѣша уѣхалъ изъ Эстоніи при предупредительномъ безразличіи властей. Никто изъ виновниковъ самочиннаго ареста, ни Балаховичъ, ни его сподвижникъ Ляхницкій и понынѣ подвизающійся въ Ревелѣ, къ суду привлечены не были и никакой кары не понесли.

Но все же это происшествіе подорвало Балаховича: денегъ онъ не досталъ, созданная имъ организація заговорщиковъ безнадежно себя скомпрометировала, въ критическую минуту вскрылась вся хищническая подоплека авантюры и Балаховичъ до поры, до времени, удалился на «другое поле» — въ Бѣлоруссію, гдѣ въ скоромъ времени оказался командиромъ еврейскаго полка.

Надо думать, что здѣсь онъ неизбежно подвергся бы полному самоуничтоженію, если бы великій бомбометатель парижскихъ салоновъ Б. Савинковъ во время не протянулъ ему руку помощи и не выпустилъ этотъ опасный экземпляръ человѣческой породы на новые «подвиги».

Зналь-ли, кстати, Б. В. Савинковъ объ этихъ страницахъ изъ исторіи «дѣятельности» Булакъ-Балаховича, когда онъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ Варшавѣ вступилъ съ нимъ въ соглашеніе для вящей борьбы съ большевиками?

Думается — зналь, ибо не знать онъ не могъ: рассказанные здѣсь факты за нѣкоторыми исключеніями ни для кого не составляли тайны и открыто обсуждались въ русской печати въ Прибалтикѣ. А разъ бывший социалистъ-революціонеръ бомбометатель зналь о нихъ, — то тѣмъ тяжелѣе его отвѣтственность, тѣмъ позорнѣе его роль спасителя Польши окровавленными руками вѣшателя-фальшивомонетчика.

Глава XV.

Подготовка наступленія.

Во всякомъ случаѣ, для насъ, непосредственныхъ участниковъ и наблюдателей процесса строительства Сѣв.-зап. арміи и Правительства, было ясно тогда, что «золотыя страницы», вписанныя въ этотъ процессъ балаховщиной въ ея военной и политической разновидности, окажутся роковыми для исхода операціи противъ Петрограда вслѣдствіе своего разлагающаго тлетворнаго вліянія на фронтъ и тылъ, на солдатъ и широкія народныя массы Сѣв.-зап. Области.

Подумать только, что эти «золотыя страницы» писались тогда, когда Правительство и поддерживавшіе его общественные элементы, почти абсолютно довѣряя военному командованію и союзникамъ, только что приступили къ организаціи новаго духа въ арміи и въ тылу послѣ упраздненія бывшаго Политическаго Совѣщанія! Вѣдь казалось тогда, что единеніе между Правительствомъ и Командованіемъ — полное, что вслѣдствіе этого и успѣхъ операціи обезпеченъ, что надо только морально-политически оздоровить фронтъ да тылъ, укрѣпить въ нихъ демократическіе лозунги и — съ Богомъ впередъ!

Еъ самомъ дѣлѣ.

Въ началѣ сентября въ ревельскій портъ стали прибывать обѣщанные союзниками, главнымъ об-

разомъ, англичанами, первые транспорты оружія, снабженія и продовольствія.

Радость царила неописуемая.

Прибыло обмундированіе — прекрасные англійскіе шерстяные «фрэнчи» и шинели, американскіе сапоги, мыло и медикаменты.

Прибыли, наконецъ, и долгожданные танки — немного, всего 6 штукъ, но все-жъ таки «танки», большіе, чудовищные, которыхъ въ ту пору даже у Деникина еще не было, а у большевиковъ — недавно.

Я не забуду впечатлѣнія, произведеннаго появленіемъ перваго танка на нашихъ солдатъ и на населеніе фронтовой полосы.

— У коммунистовъ, — рассказывалъ тогда очевидецъ, участникъ боевъ, — про танки много говорили и въ газетахъ и среди красноармейцевъ, но комиссары увѣряли, что танки — одно пугало, что они деревянные и при первомъ натискѣ разсыпаются. Въ Псковѣ комиссары демонстрировали деревянный образецъ танка, оставленный пѣмцами, и доказывали, что въ Сѣв.-зап. арміи, если и есть танки, то именно такіе, деревянные.

У дер. Рылово въ районѣ Гдова позиція красныхъ была сильно укрѣплена. Въ лѣсу располагалась часть съ 35 пулеметами. Наши пустили «Бураго Медвѣдя», который медленно и неуклюже поползъ по вспаханному полю къ лѣсу. Тысячи пуль и снарядовъ засыпали его, но «Бурый Медвѣдь» и глазомъ не моргнувъ, а продолжалъ спокойно двигаться. Въ рядахъ красноармейцевъ — смятеніе, которое обратилось въ панику, при видѣ, какъ «Мишка» двигался по лѣсу, укладывая деревья, точно тростникъ. Стрѣльба прекратилась и красноармейцы побѣжали, брося въ паникѣ винтовки и пулеметы. «Бурый Медвѣдь» выпустилъ лишь 2 снаряда и одну пулеметную ленту. Наша пѣхота принялась преслѣдовать красныхъ. Тѣ

бросились на поле, гдѣ часть спряталась за баней, часть за гумнами, а большинство бѣжало безъ оглядки прямо по полю, преслѣдуемые пулеметнымъ огнемъ. «Бурый Медвѣдь», уложивъ молодой лѣсть, спокойно поползъ къ банѣ, которую однимъ патискомъ и сокрушилъ. Послѣ этого, какъ передавали плѣнные, среди красноармейцевъ творилось что-то невообразимое: бросали пулеметы и винтовки, часть людей тупо стояли, ожидая рѣшенія своей участи, а нѣсколько китайцевъ лежали безъ движенія, лицомъ къ землѣ, приготовившись быть раздавленными, считая, что бѣгство отъ чудовища невысказимо.

Въ другомъ мѣстѣ красные устроили на окраинѣ лѣса баррикады изъ деревьевъ, полагая, что танкъ обязательно зачуетъ въ баррикадахъ. Передъ баррикадами были вырыты ямы. Къ удовольствію засѣвшихъ за горой лѣса красныхъ, танкъ пошелъ прямо на баррикаду. И вотъ, когда «Мишка» завозился въ грудѣ деревьевъ, красные съ радостнымъ крикомъ «ура» бросились на него со всѣхъ сторонъ, считая, что танкъ уже въ ихъ рукахъ. Но каковъ былъ ихъ ужасъ, когда вся гора лѣса рассыпалась и танкъ, укладывая десятки кинувшихся на него безумцевъ, ровно двигался дальше по позиціямъ красныхъ.

— Танки у нихъ!... Все пропало!... Комиссары, сволочи, надули! — кричали бѣгушіе въ паникѣ красные.

Покончивъ съ дер. Рылово, «Бурый Медвѣдь» поползъ къ деревнѣ Иглы, съ одинаковымъ успѣхомъ уничтожая все на пути. На Мишиной Горѣ, гдѣ засѣли испытанные въ бояхъ 1000 матросовъ-коммунистовъ, сопротивленія не было оказано, такъ какъ матросы, услышавъ, что танки у бѣлыхъ настоящіе, очистили гору безъ боя и ушли за рѣку Желчь. Такимъ образомъ 43, 167 и 168 красноармейскіе полки были разбиты на голову, они очи-

стили свои позиціи. Разсыпавшихся по лѣсамъ красныхъ ловили потомъ пачками.

Настроение нашихъ солдатъ съ появленіемъ на фронтѣ танковъ весьма повышенное и радостное. Такъ 14-го сентября солдаты N-го полка еще были крайне удручены: они знали, что предстояло идти въ наступленіе, а красныхъ въ пять разъ болѣе. Вдругъ слышать — трескотня.

— Братцы, танки пришли! — кричитъ одинъ.

— Не можетъ быть. давно про танки начальство пѣло, а ихъ все нѣтъ...

— Братцы, кто не вѣритъ, пойдѣмъ смотрѣть!

Пошли. Видятъ, дѣйствительно стоитъ «Бурый Медвѣдь». Обсыпали его солдаты со всѣхъ сторонъ. Щупали. Любовно гладили его стѣны. Ахали. Крестились и говорили:

— Слава те Господи, наконецъ-то танкушка пришла, вотъ-то будетъ потѣха!

Настроение круто перемѣнилось. Всѣ дружно рвались въ наступленіе. Вскорѣ затрещалъ, сокрушая все въ пути, танкъ и всѣ двинулись впередъ.

А мѣстные крестьяне, бабы и дѣти, выгнанные красными изъ своихъ деревень, стали собираться позади «Бураго Медвѣдя» и, крестясь, слѣдовали въ отдаленіи за нимъ, точно за иконою, а затѣмъ, водворенные въ свои деревни, искренно молились за освободителей...

* * *

Таково было настроеніе на фронтѣ.

Въ Ревелѣ-же, гдѣ сидѣло Правительство и Главное Командованіе, общее настроеніе также стало подыматься въ связи съ прибытіемъ первыхъ транспортовъ.

Въ порту день и ночь кипѣла работа. Выгружали артиллерию, снаряды, пулеметы и большіе

американскаго типа грузовики. Все немедленно отправлялось дальше на фронтъ по линіи Ревель—Нарва, либо складывалось въ особо предоставленныхъ намъ эстонцами портовыхъ магазинахъ подъ охраной русскихъ воинскихъ частей.

Въ общемъ и цѣломъ, эстонскія власти въ тѣ дни относились благожелательно къ задачамъ Сѣв.-зап. арміи и Правительства, охотно давали железнодорожно-дорожный подвижной составъ, локомотивы и платформы, а также уголь и дрова. Однако, лишняго рвенія въ этой области не наблюдалось. Напротивъ, каждый разъ при поступленіи какогонибудь транспорта, эстонцы умудрялись путемъ настойчивыхъ требованій у англичанъ урвать какуюнибудь часть груза исключительно для надобностей эстонской арміи. Такъ было съ обмундированіемъ, танками и, особенно, съ артиллеріей, что впоследствии, въ моментъ наступленія, конечно, не замедлило сказаться на боеспособности Сѣв.-зап. арміи.

Нельзя обойти молчаніемъ также и то, что англійская военная миссія, по указанію ли изъ Лондона, или по собственному почину (я полагаю, что по первой причинѣ), охотно шла навстрѣчу требованіямъ эстонцевъ въ вопросахъ снабженія. Скажу больше: предпочтеніе оказывалось подчеркнуто-демонстративно эстонцамъ, въ отношеніи же русскихъ преобладалъ высокомерный тонъ и пренебрежительность, что зачастую, конечно, давало поводъ къ болѣе или менѣе серьезнымъ, оскорбительнымъ для русскаго національнаго самолюбія, столкновеніямъ съ англичанами. Въ результатъ — у эстонцевъ стало складываться впечатлѣніе, что они — «любимцы» Лондона, а русскіе — пасынки. Отъ этого первоначальное благожелательное отношеніе эстонцевъ къ мѣстной русской практической работѣ постепенно стало смѣняться, какъ сказывалъ мнѣ тогдашній эстонскій министръ иностранныхъ дѣлъ Пюска, «холодный сдержанно-

стью». Былъ даже моментъ, когда въ эстонскомъ Учредительномъ Собраніи поднялся вопросъ, умѣстно ли пребываніе 2-хъ правительствъ въ Ревелѣ, эстонскаго и «чужого» — русскаго, Сѣверо-западнаго. Нѣкоторыя фракціи напирали на правительство въ томъ смыслѣ, чтобы Сѣв.-зап. Правительству было предложено переселиться куда нибудь поближе къ фронту....

Помню — я выступилъ тогда на столбцахъ «Свободы Россіи» съ цѣлымъ рядомъ статей по этому вопросу и позволилъ себѣ напомнить рьянымъ шовиннистамъ изъ Учредительнаго Собранія, что гостепримство «чужому» правительству имѣетъ массу прецедентовъ въ исторіи международныхъ отношеній послѣднихъ кошмарныхъ лѣтъ: бельгійское правительство цѣлыхъ 4 года сидѣло въ Гаврѣ, сербское — на островѣ Корфу, принадлежащемъ Греціи. Точно также и Сѣв.-зап. Правительство будетъ сидѣть въ Ревелѣ ни минуты дольше того, чѣмъ это необходимо будетъ для завершенія стоящей передъ нимъ задачи.

Статьи эти были цитированы съ трибуны Учредительнаго Собранія, и произвели «впечатлѣніе»; шовиннисты явно устыдились. Однако, и послѣ разговоры на эту тему не прекращались; понадобилось даже образованіе особой смѣшанной комиссіи въ составѣ трехъ министровъ отъ каждаго правительства для «разсмотрѣнія ряда техническихъ вопросовъ дня, вытекающихъ изъ пребыванія Сѣв.-зап. Правительства на эстонской территоріи....», при чемъ предполагалось, что въ Ревелѣ останутся только русскіе министры съ техническими портфелями, занятые вопросомъ снабженія и внѣшнихъ сношеній, ибо Ревель — единственный пунктъ общенія Сѣв.-зап. Арміи и Правительства съ внѣшнимъ міромъ....

Но вы спросите: какъ же все это съ такой скоростью могло случиться, разъ въ основу образова-

нія Сѣв.-зап. Правительства было положено определенное соглашеніе съ эстонцами по вопросу о военной поддержкѣ съ предварительнымъ признаніемъ эстонской независимости съ русской стороны?

Въ томъ-то и дѣло, что такъ называемая военная конвенція, о которой мы раньше уже говорили, такъ и осталась неподписанной. Это — одно изъ роковыхъ упущеній Сѣв.-зап. Правительства, подорвавшее въ корнѣ всю его послѣдующую дѣятельность.

* * *

Читатель помнитъ, что на другой день послѣ августовскаго «coup d'état» съ упраздненіемъ бывшаго Политическаго Совѣщанія, эстонскіе министры, явившіеся вслѣдъ за членами Сѣв.-зап. Правительства къ англійскому генералу Маршу для заключенія военной конвенціи, уклонились отъ подписанія этого документа подъ предлогомъ, что вопросъ долженъ быть обсужденъ предварительно эстонскимъ Государственнымъ Совѣтомъ утромъ слѣдующаго дня. Но, ни на другой день, ни въ послѣдующіе дни, вопросъ не получилъ окончательнаго разрѣшенія подъ различными предлогами. Было ясно, что эстонцы занялись саботированіемъ вопроса — тѣмъ болѣе, что «компенсація» военной конвенціи, т. е. декларация Сѣв.-зап. Правительства о признаніи абсолютной независимости Эстоніи съ обращеніемъ къ союзникамъ сдѣлать тоже самое, уже находилась въ рукахъ эстонскаго Правительства.

Что-же касается англичанъ, крестныхъ отцовъ Сѣв.-зап. Правительства и авторовъ плана военной конвенціи на почвѣ предварительнаго признанія эстонской независимости — то, по тѣмъ же причи-

намъ, по которымъ они, какъ мы уже видѣли, въ вопросахъ снабженія оказывали предпочтеніе эстонцамъ и въ другомъ отношеніи всячески ихъ обласкивали. по тѣмъ же причинамъ «высокой» политики Лондона ревельскіе англичане не нажимали на эстонцевъ также въ вопросѣ о подписаніи конвенціи : это стало вдругъ «вмѣшательствомъ» во внутреннія дѣла молодой республики, на которое «демократическая» Англія не можетъ ити....

На простомъ языкѣ это означало, что «курсъ» лондонской политики въ отношеніи балтійскихъ государствъ, въ частности, Эстоніи, уже болѣе или менѣе опредѣлился: онъ взятъ, во всякомъ случаѣ, на ослабленіе и расчлененіе Россіи путемъ поощренія, а затѣмъ и признанія независимости этихъ странъ, которыя, такимъ образомъ, благодаря англійской «безкорыстной» матеріальной и моральной поддержкѣ постепенно будутъ втянуты въ англійскую сферу вліянія и, быть можетъ, даже отплатятъ уступкой какихъ нибудь морскихъ базъ въ Финскомъ и Рижскомъ заливахъ или экономическими привиллегіями. Въ частности, въ отношеніи Эстоніи, это могло выразиться въ уступкѣ англичанамъ на правахъ долгосрочной «аренды» такого важнаго военно-морского пункта, какъ островъ Эзель, расположенный почти у входа изъ Балтійскаго моря въ Финскій заливъ и который въ рукахъ англичанъ имѣлъ бы значеніе Гибралтара противъ Россіи. Возможность такой комбинаціи, по крайней мѣрѣ, явно проглядывала, конечно, не въ осторожныхъ рѣчахъ англійскихъ министровъ, издревле привыкшихъ драпировать свои захватные имперіалистическіе замыслы въ тогу высшаго благородства, а въ болтливыхъ заявленіяхъ неопытныхъ въ дипломатическомъ искусствѣ эстонскихъ министровъ, въ частности, въ деклараціяхъ и интервью министра иностранныхъ дѣлъ, нынѣ покойнаго Ив. Ив. Поска, извѣстнаго многимъ русскимъ

по своей долготѣтней практикѣ на берегахъ Невы въ качествѣ прис. пов. Петроградскаго Округа.

Опять же вопросъ: но вѣдь Англія помогала, и Колчаку и Деникину, которые стояли за единую и ведѣлимую Россію, она же, главнымъ образомъ и помогала Юденичу, который, если бы онъ только вступилъ въ Петроградъ, отдѣлался бы и отъ Сѣв.-зап. Правительства, признавшаго независимость Эстоніи, и англичанамъ показалъ бы «кузькину мать» за поощреніе дѣла отдѣленія балтійскихъ народовъ отъ Россіи.....

На это имѣется одинъ отвѣтъ: Ллойдъ-Джорджъ примѣнялъ въ этомъ отношеніи бисмарковскую политику «*zwei Eisen im Feuer*» при чемъ одно изъ нихъ имъ было заготовлено на тотъ случай, если Юденичъ все таки возьметъ Петроградъ и нанесетъ большевикамъ такой чувствительный ударъ, отъ котораго они не оправятся и подъ Москвой, куда Деникинъ уже направлялъ въ ту пору свои усилія послѣ взятія Курска и Орла. А въ этомъ случаѣ, если Англія, оказалась бы спасительницей Россіи, къ кому, если не къ ней, шла бы благодарность бѣлой Россіи? А русскій народъ при свойственной ему «шири» умѣетъ быть благодарнымъ, русская демократія у Меттерниха не училась...

Въ доказательство этой политики Лондона приведемъ попутно слѣдующій, на первый взглядъ мало убѣдительный, фактъ изъ области хроники тѣхъ дней.

Во второй половинѣ августа крейсировавшая въ Финскомъ заливѣ англійская эскадра адмирала Кована выдѣлила вдругъ изъ своего состава рядъ мелкихъ быстроходныхъ мониторовъ и бросила ихъ на Кронштадтъ, т. е. на большевистскій флотъ, причемъ одному изъ мониторовъ удалось даже ворваться въ портъ, гдѣ онъ и пустилъ ко дну одинъ большой крейсеръ, а другой серьезно повредилъ.

Все это было продѣлано точно подѣ шумокъ, какъ «самооборона», ибо чуть-ли не за недѣлю до того на запросъ въ Палатѣ Общинъ о задачахъ англійскаго флота въ Финскомъ заливѣ Ллойдъ-Джорджъ или кто-то изъ его ближайшихъ сотрудниковъ отвѣтилъ, что этотъ флотъ только охраняетъ «безопасность» балтійскихъ береговъ и въ активно-наступательномъ отношеніи рѣшительно ничего не предпринимаетъ...

Въ Ревелѣ-же этотъ наскокъ на Кронштадтъ съ его блестящимъ успѣхомъ произвелъ впечатлѣніе; «патріоты» радостно завопили: «Красный» флотъ подорванъ, силы большевиковъ умалены!...

Но довольнымъ, не въ мѣру довольнымъ оказался Ллойдъ-Джорджъ: «на всякій случай» изъ состава будущаго русскаго флота были выбраны двѣ крупныхъ единицы....

И замѣтите слѣдующее: въ августѣ, когда на сухопутномъ фронтѣ у Петрограда царила тишина, а въ Кронштадтѣ въ связи съ майскимъ возстаніемъ матросовъ большевистское морское командованіе не смѣло даже мечтать о выходѣ флота въ море съ боевыми задачами, теперь въ августѣ англійская эскадра могла позволить себѣ роскошь напасть на кронштадскій флотъ и нанести ему чувствительный уронъ; въ октябрѣ же, когда Юденичъ подходилъ къ самому Петрограду и десятокъ — другой англійскихъ тяжелыхъ снарядовъ по кронштадскимъ батареямъ, въ частности, по знаменитой Красной Горкѣ должны были, несомнѣнно, рѣшить участь кампаніи — о, тогда, въ октябрѣ, это называлось въ Лондонѣ «вмѣшательствомъ» и англійской эскадрѣ былъ данъ приказъ только стоять, смотрѣть, но ничего не предпринимать.

Такъ оно и было. Англійскій флотъ абсолютно бездѣйствовалъ, несмотря на данное раньше категорическое обѣщаніе выступить активно, «какъ только Сѣв.-зап. Армія двинется съ мѣста». Эстон-

цы послѣдовали примѣру «старшихъ» и въ послѣднюю минуту тоже воздержались отъ поддержки лѣваго фланга Сѣв.-зап. Арміи, дѣйствовавшего въ районѣ Петергофъ — Стрѣльна...

* * *

Но вернемся къ вопросу о конвенціи.

Она не была подписана: но изъ частныхъ бесѣдъ съ эстонскими министрами, въ частности, съ буржуазными элементами, Сѣв.-зап. Правительство стало выводить заключеніе, что въ нужную минуту эстонская армія все таки поможетъ, ибо эстонцы столько-же, сколько мы заинтересованы въ томъ, чтобы возможно скорѣе вырвать Петроградъ изъ рукъ большевиковъ и, такимъ образомъ, обезвредить, висящій надъ ними Дамокловъ мечъ. Было ясно, во всякомъ случаѣ, что вторую зиму эстонцы воевать не станутъ; для этого у нихъ нѣтъ ни матеріальныхъ средствъ, ни необходимаго народнаго энтузіазма. Они либо поддержатъ силою Сѣв.-зап. армію, когда та сдвинется съ мѣста съ шансами на успѣхъ, либо заключатъ миръ съ Совѣтской властью, если Сѣв.-зап. армія не окажется готовою къ наступленію до осени или когда походъ Юденича на Петроградъ кончится пораженіемъ. Отсюда — повелительный долгъ для Сѣв.-зап. Правительства и русскаго военнаго командованія слѣшить съ подготовкой наступленія.

Нужно отмѣтить при этомъ, что Юденичъ, который, какъ военный, прислушивался только къ голосу эстонскаго Главнокомандующаго ген. Лайдонера и чиновъ его штаба, совершенно игнорируя общественныя настроенія эстонцевъ, неоднократно высказывалъ увѣренность, что какъ только онъ, Юденичъ, сдвинется съ мѣста, «эстонскія винтовки сами начнутъ стрѣлять противъ большевиковъ и постепенно вся эстонская армія будетъ вовлечена

въ походъ». Но онъ только отчасти былъ правъ. Въ эстонской арміи, дѣйствительно, настроеніе было тогда боевое, особенно въ офицерскомъ корпусѣ, составленномъ преимущественно изъ бывшихъ русскихъ кадровыхъ офицеровъ эстонской національности или изъ молодыхъ офицеровъ военного производства — бывшихъ студентовъ и представителей либеральныхъ профессій. Но эта армія, въ массѣ, благодаря разумной демократической политикѣ, твердо находилась въ рукахъ Правительства, и о какомъ нибудь военномъ прононціаменто при данныхъ условіяхъ не могло быть и рѣчи.

Впрочемъ, тогдашнее эстонское правительство болѣе или менѣе открыто высказывалось о своихъ намѣреніяхъ. Поска, напримѣръ, о которомъ мы выше уже упомянули, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ и фактическаго главы правительства, неоднократно говорилъ тогда членамъ Сѣв.-зап. Правительства, въ частности, М. С. Маргуліесу, съ которымъ его связывала давнишняя дружба по Петрограду: «Спѣшите съ подготовкой наступленія, и мы васъ поддержимъ. Но знайте, что все должно быть сдѣлано до ноября, ибо позже мы уже не сумѣемъ уклониться отъ мирныхъ переговоровъ съ большевиками. Воевать вторую зиму намъ не по силамъ».

Въ поясненіе этихъ откровенныхъ рѣчей Поски надо помнить, что въ ту пору эстонское правительство уже имѣло въ своихъ рукахъ оффиціальное мирное предложеніе большевиковъ, скрывавшееся до поры до времени отъ общественнаго мнѣнія. Чириковъ обратился къ эстонцамъ съ этимъ предложеніемъ чуть-ли не на второй день послѣ образованія Сѣв.-зап. Правительства. Это былъ первый мирный шагъ Москвы. Оно было послано по радіо; въ томъ видѣ, какъ Поска конфиденціально ознакомилъ меня тогда съ его содержаніемъ оно гласило:

«Несмотря на то, что Ревельское Правительство подъ давленіемъ союзниковъ, удовлетворяя лишь ихъ интересамъ и вопреки интересовъ эстонскаго народа, до сихъ поръ производитъ вмѣстѣ съ русскими бѣлогвардейскими бандами противъ Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики военныя операціи въ Петроградской и Псковской губерніяхъ. — Совѣтское Правительство обращается къ нему, — взявъ обратно сначала Ямбургъ, а потомъ и Псковъ, съ предложеніемъ приступить къ мирнымъ переговорамъ, цѣлью которыхъ явилось бы опредѣленіе границъ эстонскаго государства, нейтральной зоны между русскими и эстонскими войсками, установленіе контроля въ нейтральной полосѣ и разрѣшеніе другихъ отдѣльныхъ вопросовъ въ прямой связи съ признаніемъ независимости эстонской республики со стороны Россіи.

Послѣдняя надѣется въ ближайшемъ будущемъ получить отъ ревельскаго правительства предложеніе относительно мѣста и времени для начала переговоровъ, тѣмъ болѣе, что ревельское правительство само должно ясно понимать, что если послѣ предложенія мира со стороны Р. С. Ф. С. Р. ревельское правительство все таки будетъ принимать участіе въ военныхъ операціяхъ противъ нея, слѣдующимъ указаніямъ союзниковъ, которые готовятся къ наступленію противъ Совѣтской республики, тогда ревельское правительство должно принять на себя отвѣтственность за послѣдствія своего военнаго наступленія, и если совѣтскія войска при своемъ наступленіи будутъ руководствоваться только военными соображеніями, то причины этого зависятъ только отъ дѣйствій ревельскаго правительства. Прошу скорого отвѣта и точныхъ указаній, которыя дали бы возможность сразу приступить къ мирнымъ переговорамъ.

Народный Комиссаръ Иностранныхъ Дѣлъ
Чичеринъ № 1175».

«Московскому Комиссару Иностранных Дѣлъ.

Въ отвѣтъ на вашу телеграмму 1175 честь имѣю сообщить, что военныя дѣйствія между Эстоніей и Р. С. Ф. С. Р. были вызваны вторженіемъ русскихъ военныхъ силъ въ предѣлы эстонской республики, и война между борющимися сторонами вслѣдствіе военныхъ дѣйствій была перенесена на русскую территорію не изъ-за какихъ нибудь аннексіонистскихъ цѣлей эстонскаго народа, но единственно ради самозащиты; поэтому, если Р. С. Ф. С. Р. готова начатую съ ея стороны безъ всякой причины войну окончить, то со стороны республиканскаго правительства нѣтъ никакихъ препятствій для приступленія къ переговорамъ и къ опредѣленію взаимоотношеній между обѣими республиками въ будущемъ. Республиканское Правительство предлагаетъ къ упомянутымъ переговорамъ приступить въ городѣ Псковѣ и полагаетъ, что ихъ можно бы начать 10-го сент. сего года. Прошу отвѣта и свѣдѣній относительно распоряженій для пропуска эстонской делегаціи черезъ фронтъ».

* * *

Какъ видно изъ этого отвѣта, эстонцы слѣдовали примѣру своихъ «благодѣтелей» англичанъ и имѣли свою маленькую политику „Zwei Eisen im Feuer“ Они рассуждали такъ:

— Мы будемъ переговариваться съ тѣми и съ другими — съ Сѣв.-зап. Правительствомъ и съ большевиками. Будемъ выгадывать время. Если Сѣв.-зап. Армія къ октябрю будетъ готова къ наступленію и всѣ шансы на успѣхъ будутъ на ея сторонѣ, мы въ надлежущую минуту бросимъ ей

на помощь дивизию — другую и тѣмъ самымъ завоеваемъ благодарность всего русскаго народа, ибо, паденіе Петрограда есть паденіе Москвы, паденіе всего большевистскаго режима. Если же начало похода Юденича покажетъ, что большевики берутъ верхъ, мы воздержимся отъ участія, и дальше при разгромѣ Сѣв.-зап. Арміи ускоримъ ходъ переговоровъ съ Москвой. Само собой разумѣется, что намъ, какъ первой странѣ, заключающей миръ съ большевиками, Москва дастъ большія привиллегіи..

Такъ оно и было и на практикѣ.

Въ теченіе всего сентября и первой половины октября эстонцы, съ одной стороны, помогали или дѣлали видъ, что помогаютъ Сѣв.-зап. Арміи и Правительству, а съ другой — переговаривались съ большевиками. Однако, само собой понятно, что при такой двойственности намѣреній, эта помощь была далеко отъ той формы «военной поддержки» которую имѣлъ (имѣлъ-ли?) въ виду англійскій генераль Маршъ при образованіи Сѣв.-зап. Правительства. Напротивъ, какъ мы видѣли, эта «помощь» мнунтами комомъ стояла у русскихъ въ горлѣ.

* * *

Но Сѣверо-западное Правительство «вѣрило». Оно вѣрило, что въ концѣ концовъ у эстонцевъ возьметъ верхъ «здравый смыслъ» и они присоединятся къ походу, какъ только Юденичъ отдастъ приказъ къ наступленію. Но оно вмѣстѣ съ тѣмъ помнило и предостереженіе, что все должно быть кончено къ началу осени.

А дѣла было еще много, точнѣе, еще ничего не было сдѣлано для надлежащей политической и военной организаціи фронта и тыла. Оружіе и снабженіе еще только стали поступать и, вслѣдствіе от-

сутетвія удобныхъ путей сообщенія и чудовищнаго бюрократизма военнаго вѣдомства, въ частности, интенданства, очнь туго переправлялись на фронтъ. Бывали, напримѣръ, случаи (точнѣе, стало почти нормой), что въ одну фронттовую воинскую часть постунаетъ партія солдатскихъ брюкъ, а въ другую партія френчей, между тѣмъ какъ поголовно вся солдатская масса была полуголою. Мѣстные интенданты идутъ, пока получатся соответствующія «пары» и до тѣхъ поръ солдатамъ ничего не выдаютъ.

Въ результатъ — недовольство и ропотъ.

Выгружается, напримѣръ, въ ревальскомъ порту большая партія грузовиковъ, столь необходимыхъ, какъ для перевозки войскъ на фронтъ, такъ и для доставки снабженія и продовольствія въ бездорожномъ районѣ. Оказывается, однако, что Отдѣлъ Снабженія не позаботился о предварительной покупкѣ бензина. Рядомъ съ этимъ наблюдается и слѣдующее: первая большія партіи «френчей» шинелей и сапогъ идутъ исключительно на обмундированіе многочисленныхъ тыловыхъ частей въ Нарвѣ и Ревелѣ, что опять таки вызываетъ острое негодование «фронтовиковъ». Нарва, этотъ первый тыловой пунктъ, полонъ «англійскихъ» офицеровъ — «золотопогонниковъ», окопавшихся въ безчисленныхъ штабахъ. Ревель кишмя кишитъ толпами блестящихъ щегольски-одѣтыхъ гвардейскихъ офицеровъ, бывшихъ кавалергардовъ, гусаръ и кирасиръ, заполняющихъ всѣ гостинницы, рестораны и увеселительныя мѣста. На фронтѣ-же солдатская масса и субалтерный офицеръ, по признанію самого Юденича, еще мрутъ отъ голода, потому что Глазныиъ Интендантъ ген. Яновъ еще только налаживаетъ свой аппаратъ.

Обиліе генераловъ — роковая черта Сѣв.-зап. Арміи. Въ сентябрѣ число комбатантовъ не превышало 20-ти тысячъ человекъ (при 70-ти тысячъ

«Фдоковъ»); генераловъ-же Юденичъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи до 53 и всѣмъ, конечно, нужно было давать работу соотвѣтственно чину и прежней до-революціонной службѣ. Это считалось закономъ для Юденича, и онъ свято соблюдалъ его до послѣдней минуты.

Откуда вдругъ взялся этотъ многочисленный генералитетъ — одинъ Богъ знаетъ. Одни, надо думать, прибыли изъ Финляндіи и сосѣдней Латвіи, гдѣ стояли большія русскія части, образованныя изъ бывшихъ русскихъ военно-плѣнныхъ въ Германіи, такъ называемые «бермонтовцы», о которыхъ рѣчь впереди; другіе, болѣе знатные, прибыли отъ Деникина и изъ союзныхъ странъ. Среди послѣднихъ выдѣлялись знаменитый Красновъ, Глазенапъ и нѣкій ген.-маіоръ Владимировъ, настоящая фамилія котораго — Новогребельскій. О немъ говорили, что въ царскую эпоху онъ состоялъ жандармскимъ полковникомъ.

Это была одна изъ крупнѣйшихъ, «политическихъ» фигуръ Сѣв. зап. Арміи, оказавшая самое пагубное вліяніе на весь послѣдующій ходъ событій. Скромный на видъ, вѣчно застегнутый на всѣ пуговицы своего англійскаго «фрэнча», молчаливый, онъ скоро цѣликомъ забралъ Главнокомандующаго въ свои руки и опредѣлялъ всю его тактику въ отношеніи Правительства и «гражданскаго» управленія тыломъ. Кандидатуры будущихъ военныхъ и гражданскихъ администраторовъ Петрограда намѣчались не иначе, какъ съ благословенія его, Владимирова. Контръ-развѣдкой распоряжался онъ, причемъ порою въ цѣляхъ вящаго воздѣйствія на умы красноармейцевъ подовѣдомственные ему чины прибѣгали къ печатанію подложныхъ прокламацій-летучекъ за подписью большевистскаго Революціоннаго Военнаго Совѣта съ обѣщаніемъ раздачи особыхъ пайковъ и дополнительныхъ предметовъ обмундированія, какъ то, шинелей и сапогъ къ опредѣленному сроку.

По его иниціативѣ во второй половинѣ октября, когда казалось, что вотъ-вотъ Петроградъ будетъ взятъ, контръ--развѣдкой тайкомъ были заготовлены особые летучія автомобильныя колонны, которыя за ночь до торжественнаго вступленія Юденича вмѣстѣ съ представителями союзныхъ миссій въ Сѣверную столицу, должны были ворваться въ Петроградъ и тамъ по списку, вѣдомому лишь контръ-развѣдкѣ, учинить кровавую расправу.

Это онъ-же, Владимировъ несомнѣнно, давалъ Главнокомандующему совѣты, когда армія уже подходила къ Петрограду «разогнать» Правительство и вообще не пускать его въ столицу, потому что своимъ демократизмомъ оно только помѣшаетъ устроить тамъ «порядокъ и законность».

Это и многое другое, относящееся уже къ области мелкихъ политическихъ дѣлъ, было дѣломъ рукъ Владимирова, съ которымъ Г. А. Алексинскій впоследствии соединенными силами «спасали» Юденича изъ рукъ эстонцевъ и увозили его въ Копенгагенъ, а оттуда въ Парижъ.

Были еще и другія знаменитости среди генеральской коллегіи, но о нихъ рѣчь впереди. Бросалось, однако, въ глаза уже въ первые дни реорганизации арміи, что настоящіе боевые генералы, особенно изъ тѣхъ, которые служили вѣрой и правдой Временному Правительству на отвѣтственныхъ постахъ почему то бракуются Юденичемъ. Такъ, напримѣръ, случилось съ извѣстнымъ боевымъ генераломъ, командующимъ арміей Горбатовскимъ, оставшимся безъ дѣла въ Финляндіи, и съ бывшимъ Главнокомандующимъ Петроградскаго Военнаго Округа при Керенскомъ генераломъ Васильковскимъ, который долго въ Ревелѣ обивалъ пороги въ поискахъ дѣла.

* * *

Вообще нельзя не отмѣтить, что въ Сѣв.-зап. Арміи высшій офицерскій составъ и генералитетъ, точнѣе говоря ихъ функціональныя способности опредѣлялись обыкновенно степенью ихъ принадлежности къ той или другой изъ двухъ группировокъ виѣшне-политическаго свойства — германофильской или антантофильской. Это была своеобразная особенность Сѣв.-зап. Арміи, имѣвшая свои объясненія въ «генезисѣ» воинскихъ частей, оказавшихся въ это время на петроградскомъ фронтѣ, и борющихся съ которой оказались безсильными, и Юденичъ и Сѣв.-зап. Правительство.

Надо помнить, что еще въ теченіе іюля и августа, а то еще раньше, на Сѣверо-западный фронтъ были переброшены морскимъ путемъ нѣкоторыя русскія части, стоявшія до тѣхъ поръ въ Латвіи и Литвѣ, образованныя изъ бывшихъ русскихъ военно-плѣнныхъ въ Германіи и отчасти изъ красноармейскихъ боевыхъ единицъ, прорвавшихся черезъ Польшу въ Прибалтику въ началѣ 1919 г. Мы имѣемъ здѣсь въ виду стяжавшую себѣ въ послѣдствіи извѣстность «дивизію кн. Ливена» и нѣкую «Тульскую» дивизію.

«Ливенцы» прошли въ Ригѣ при содѣйствіи извѣстнаго германскаго генерала фонъ-деръ-Гольца германскую школу, военную и политическую. Это были (какъ солдаты, такъ и офицеры) первые восточно-прусскіе плѣнные изъ кадроваго состава старыхъ гвардейскихъ полковъ. Они были прекрасно вооружены и обмундированы, ихъ дисциплина, выправка и виѣшній видъ напоминали «доброе старое время». Они носили мундиры и шинели германскаго образца, германскія желѣзныя каски военнаго времени, и имѣли оружіе исключительно германскаго происхожденія. Въ составѣ Сѣверо-западной Арміи, гдѣ духъ партизанщины былъ сильно развитъ, «ливенская» дивизія въ военно-техническомъ отношеніи представляла собою образцовую

часть, на которую при предстоящемъ ударѣ на Петроградъ верховнымъ командованіемъ возлагались большія надежды.

За то въ политическомъ отношеніи «ливенцы» были наиболѣе реакціоннымъ элементомъ. Ея «воспитаніе» вполне совпадало съ воспитаніемъ ея старой знакомой по Ригѣ, знаменитой германской желѣзной дивизіи фонъ-деръ-Гольца, которая черезъ годъ слишкомъ послужила главнымъ орудіемъ для монархическаго Капповскаго переворота въ Берлинѣ.

Само собой понятно, что и послѣ своей переброски изъ Риги на Сѣверо-западный фронтъ, поддерживаемый матеріально союзниками, симпатіи «ливенцевъ» остались всецѣло на сторонѣ Германіи. Офицерскій корпусъ, въ которомъ преобладали бывшіе гвардейскіе кадровые офицеры и прибалтійское баронство, имѣлъ свои конспиративныя организаціи, поддерживавшія все время тѣсную связь съ Ригой. Этимъ тогдашнимъ гиѣздомъ германской военной реакціи, въ частности, съ войсками Бермонта-Авалова. На почвѣ «германофильства» и «антантофильства» между ливенской дивизіей и остальными частями Сѣв.-зап. Арміи происходили постоянныя тренія, духовной спайки между ними не существовало никакой, кромѣ развѣ элементарнаго стремленія побить большевиковъ.

Другую «особь» въ рядахъ Сѣв.-зап. Арміи представляла себѣ иѣкая «тульская» дивизія, оригинальнѣйшій продуктъ россійской дѣйствительности. Еще относительно недавно она была красной дивизіей и стояла въ Гомелѣ. Въ мартѣ 1919 г. она подняла возстаніе противъ совѣтскаго режима, перебила комиссаровъ и стала скоро хозяиномъ положенія въ Гомелѣ и ближайшихъ пунктахъ. Но такъ какъ сосѣднія красноармійскія дивизіи ее не поддержали, передъ ней встала дилемма: либо сдаться большевикамъ, которые съ разныхъ сторонъ уже стягивали силы для расправы съ возставшими, либо че-

резь Украину пробиться въ Польшу, а тамъ, внѣ предѣловъ досягаемости для большевиковъ, осмотрѣться что дальше дѣлать. Она выбрала послѣднее и пробилась съ оружіемъ въ рукахъ въ Польшу. Но тамъ поляки ее обезоружили, обобрали до ниточки и размѣстили въ концентраціонныхъ лагеряхъ. Въ дѣло вмѣшались, наконецъ союзники въ частности, французы, для которыхъ русскіе тогда еще не были неграми — и «тулякамъ» была дана возможность перебраться черезъ Литву въ Латвію (Либаву, Митаву и Ригу), гдѣ въ ту пору (весна 1919 г.) накапливались русскія анти-большевистскія силы. Изъ Латвіи, наконецъ, спустя 2—3 мѣсяца тульская дивизія была переброшена морскимъ путемъ черезъ Ригу-Нарву на Сѣв.-зап. фронтъ.

Въ результатѣ пережитыхъ мытарствъ, гоненій, систематическаго недоѣданія тульская дивизія превратилась въ распущенную, разужданную часть. Дисциплина въ ней отсутствовала, политическимъ ея воспитаніемъ никто не занимался. Въ солдатской массѣ преобладало одно стремленіе — «домой», причемъ и необходимость предстоящей борьбы съ большевиками принималась ею только какъ средство вернуться домой. Офицерскій составъ жилъ обособленно; вслѣдствіи вынужденной хозяйственной «самостоятельности» за время хожденія по мукамъ одна часть офицеровъ превратилась въ барышниковъ-спекулянтовъ и совершенно потеряла воинскій обликъ, другая-считала себя «аполитичной».

Для характеристики нравственнаго состоянія «туляковъ» въ моментъ ихъ переброски на нашъ фронтъ приведу слѣдующій случай.

Ко мнѣ въ редакцію «Свободы Россіи» часто за-хаживалъ наѣзжая съ фронта командиръ этой дивизіи полковникъ Стрекопытовъ, еще относительно молодой человѣкъ (35—40 лѣтъ), на видъ энергич-

ный. уравновѣшенный и наблюдательный. Онъ приходилъ такъ, какъ приходили другіе «фронтовики», солдаты и офицеры — дѣлиться впечатлѣніями о состояніи духа арміи, указывать на недостатки, просить поддержки. Однажды нѣкто только что вырвавшійся изъ Совѣтской Россіи обратилъ мое вниманіе на то, что тамъ о тульской дивизіи говорили будто, уходя изъ Гомеля она захватила съ собою всю кассовую наличность тамошняго отдѣленія Государственнаго банка въ размѣрѣ чуть-ли не 75 милліоновъ царскихъ и думскихъ рублей. Я пригласилъ полковника къ себѣ на частную мою квартиру въ гостиницѣ «Золотой Левъ» и тамъ ребромъ поставилъ ему вопросъ:

— А правда-ли, полковникъ, что уходя изъ Гомеля вы захватили изъ Гос. банка 75 милліоновъ? Злые языки постоянно объ этомъ говорятъ...

Стеркѣпытовъ не смутился и отвѣтилъ:

— Во-первыхъ не 75 милліоновъ, а половину того; во-вторыхъ я ихъ не «захватилъ»: нельзя-же было оставлять деньги большевикамъ...

— А что стало съ этой половиной?

— Помилуйте, надо-же было людей содержать въ теченіе цѣлаго ряда мѣсяцевъ нашего скитальчества.

— Есть у васъ какая отчетность?

— По совѣсти говоря — мало, растащили...

И подумайте: этимъ «духовнымъ» вожакамъ тульской дивизіи черезъ мѣсяць-полтора было поручено спасать Россію!

ГЛАВА XVI.

Интенданство и дипломатія

Но не только имъ однимъ была поручена задача подготовить армію къ побѣдѣ надъ большевиками. Я уже упомянулъ однажды о нѣкомъ ген. Яновѣ, которому Юденичъ ввѣрилъ интендантское вѣдомство или, какъ оно называлось въ Сѣв.-зап. Арміи, Отдѣлъ Снабженія. Само собой понятно, что въ той особенно сложной военной, политической и международной обстановкѣ, въ которой протекала дѣятельность Сѣв.-зап. Арміи, эта часть была наиболѣе отвѣтственной. Вѣдь въ нее входило: вооруженіе, обмундированіе, продовольствіе, транспортъ и санитарія, словомъ вся безъ исключенія техническая сторона дѣла. А между тѣмъ— смотрите — какъ оно велось.

Я останавливаюсь здѣсь не на какомъ нибудь голословномъ газетномъ сообщеніи изъ «лѣвыхъ» круговъ, а на «заключеніи Ревизіонно-Слѣдственной Комиссіи», образованной вскорѣ послѣ крушенія Сѣв.-зап. Арміи ближайшимъ сотрудникомъ и замѣстителемъ Юденича упомянутымъ раньше генераломъ Глазенапомъ. Предсѣдателемъ этой комиссіи состоялъ опять таки не какой нибудь «лѣвый» обличитель, а одинъ изъ столповъ Сѣв.-зап. Арміи, командиръ одного изъ ея корпусовъ, генералъ графъ Паленъ, который, какъ и остальные члены комиссіи, исключительно военные, конечно, не

имѣли явнаго намѣренія сгущать краски и, такимъ образомъ, «топить» своихъ друзей.

Въ вступительномъ словѣ къ своему «Заключенію» эта Ревизіонно-Слѣдственная Комиссія говорить о своихъ задачахъ слѣдующее:

«Приказомъ Командующаго Сѣв.-зап. Арміей генераль-лейтенанта Глазенапа отъ 30-го ноября 1919 г. образованы въ г.г. Ревелѣ и Нарвѣ Комиссіи для обревизованія тыловыхъ учреждений Арміи. недостаточно организованная работа коихъ, а иногда и недобросовѣстное исполненіе нѣкоторыми изъ должностныхъ лицъ ихъ служебныхъ обязанностей послужили отчасти причиной неудачъ, выпавшихъ на долю Арміи.

Въ исполненіе этого приказа Комиссія, образованная въ г. Ревелѣ 2 декабря 1919 г. приступила къ обревизованію учреждений, подвѣдомственныхъ главному начальнику снабженій, причемъ попутно входила въ разсмотрѣніе документовъ учреждений бывшаго Сѣв.-зап. Правительства, производя это лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда данныя имѣли связь съ дѣятельностью ревизуемыхъ военныхъ учреждений. 22 января 1920 г. послѣдовалъ приказъ о ликвидаціи всѣхъ учреждений Сѣв.-зап. Арміи, и Ревизіонная Комиссія, будучи ограничена въ виду этого временемъ, вынуждена была сократить свою работу и не довести до конца обслѣдованіе нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности ревизуемыхъ учреждений и отдѣльныхъ должностныхъ лицъ.

Въ своей дѣятельности Комиссія удѣлила исключительное вниманіе органамъ, снабжавшимъ фронтъ главными видами интендантскаго довольствія: обмундированіемъ, продовольствіемъ, медикаментами и санитарнымъ имуществомъ, и приложила усилія къ выясненію причинъ, почему фронтъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ былъ поставленъ въ исключительно тяжелыя условія. Такъ,

по имѣющимся въ распоряженіи Комиссіи даннымъ, въ среднихъ числахъ сентября обмундированіе на фронтъ почти совсѣмъ не доставалось. Воинскіе чины, за рѣдкимъ исключеніемъ, были одѣты во все свое, и эта одежда была совершенно не приспособлена къ дождливому и холодному времени: одежда сильно поистрепалась, сапоги развалились и у многихъ подошвы были подвязаны веревками, портянокъ не было, ноги были всегда мокры, покрыты водяными мозолями, такъ что не только большіе переходы, но и непродолжительная ходьба причиняла страданія; бѣлья не было, мыло совершенно отсутствовало и люди не могли соблюдать чистоту, вслѣдствіе чего появлялись паразиты, расчески и заболѣваемость чесоткой. Солдаты ввиду этого плохо спали по ночамъ, не имѣли нужнаго отдыха и потому не могли удовлетворять тѣмъ серьезнымъ требованіемъ, которыя предъявлялись къ малочисленной Сѣверо-западной Арміи.

Послѣ этого вступительнаго слова къ резолютивной части Комиссія приступаетъ къ подробному изложенію своей ревизіонной работы. Не станемъ утруждать вниманіе читателя полнымъ воспроизведеніемъ всѣхъ «дѣлъ», обследованныхъ Комиссіей, а вырвемъ изъ гущи ея работъ на угадъ слѣдующія 2 — 3, бросающія обильный свѣтъ на общую постановку интендантской стороны Сѣв.-зап. Арміи и, особенно на «дѣятельность» ея Главнаго Начальника ген. Ялова*) и подвѣдомственныхъ ему чиновъ.

Отмѣтимъ еще, что общественный элементъ въ трудахъ этой Комиссіи не участвовалъ изъ боязни

*) Труды Комиссіи изъ ехтен о т.е. въ томъ видѣ какъ они имѣются въ моемъ распоряженіи написанными на пишущей машинѣ, занимаетъ нѣсколько печатныхъ листовъ; къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще и труды образованной вполнѣдствіи русскимъ эмигрантскимъ Комитетомъ въ Ревель, другой ревизіонной комиссіи, въ задачи которой входило обследованіе работъ первой комиссіи.

гласности. Своеобразный бойкотъ въ этомъ отношеніи практиковался также къ членамъ Сѣв.зап. Правительства, оставшимся въ Ревелѣ послѣ развала Сѣв.-зап. фронта и обладавшимъ цѣнными документами.

«Генераль Яновъ, — читаемъ мы въ этомъ документѣ — самъ часто посѣщавшій Нарву съ докладами Главнокомандующему, довольствовался словеснымъ заявленіемъ НЭХО, (Начальникъ Этапно-Хозяйственнаго Отдѣла) что 75% всего обмундированія отправляется на фронтъ, а 25% распределяется среди тыловыхъ учреждений. Такой словесный докладъ вполне удовлетворилъ начальника снабженій, интереса къ болѣе близкому знакомству съ дѣятельностью НЭХО генераль Яновъ не проявилъ, а при допросѣ въ комиссіи даже заявилъ, что ему неизвѣстна постановка дѣла у НЭХО въ смыслѣ техники и поэтому онъ не можетъ сказать, дѣйствительно ли всѣ предметы обмундированія и снаряженія полностью поступали на фронтъ.

Результаты такого отношенія къ дѣлу должны были сказаться — такъ по вѣдомостямъ НЭХО въ Нарвѣ было получено 28800 шинелей, 39124 френча, 39055 брюкъ, 109810 паръ ботинокъ, 38251 пара кальсонъ, 62773 пары носковъ и офицерскаго обмундированія: 960 пальто, 1464 френча, 708 длинныхъ брюкъ и 1034 короткихъ брюкъ (л. д. 120) и хотя по предположеніямъ генерала Янова (точныхъ свѣдѣній онъ, по его заявленію, получить не могъ), бойцовъ въ арміи въ началѣ октября 1919 года было около 18 тысячъ человекъ, оказалось все же, что 50% людей осталось безъ обмундированія и даже безъ сапогъ, хотя количество послѣднихъ превышало въ 6 разъ численность арміи.

Генераль Яновъ совершенно отстранилъ себя отъ непосредственнаго руководства дѣятельностью НЭХО, считая что онъ могъ это дѣлать лишь при посредствѣ начальника штаба арміи, которому НЭ-

ХО подчиненъ. Такой взглядъ находится въ полномъ противорѣчii съ положенiемъ о Полевомъ Управленii войскъ, статья 148 котораго говоритъ, что главный начальникъ снабженiя, въ соотвѣтствii съ указанiями Главнокомандующаго руководитъ снабженiемъ армii всѣмъ необходимымъ, а въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ обязанъ безотлагательно принимать всѣ мѣры для обезпеченiя своевременной подачи войскамъ всего необходимаго, не ожидая соотвѣтствующаго разрѣшенiя Главнокомандующаго.

149-ая ст. предоставляетъ право Главному начальнику снабженiи давать руководящiя указанiя по предметамъ его вѣдѣнiя начальникамъ этапно-хозяйственныхъ отдѣловъ, кои съ разрѣшенiя командующихъ армiями принимаютъ къ исполненiю названныя указанiя при составленii плановъ снабженiи армii всѣмъ необходимымъ.

Такимъ образомъ неправильное пониманiе генераломъ Яновымъ своихъ правъ и обязанностей вызвало бездѣйствiе власти съ его стороны и повлекло за собой отсутствiе соотвѣтствующихъ распоряженiи и наблюденiя за правильной подачей на фронтъ снабженiя, и поставило воинскiя части въ тяжелыя условiя...»

Далѣе, въ другомъ мѣстѣ, мы читаемъ изъ области «мелкой» хроники Интендантства:

«Съ ходатайствами о выдачѣ обмундированiя обращались къ Главнокомандующему генералу Юденичу и другiе начальники учреждений. Такъ, начальникъ Военно-Морского Управленiя контръ-адмиралъ Пилкинъ обратился къ генералу Юденичу съ ходатайствомъ объ отпускѣ чинамъ военно-морской разгрузки обмундированiя и было получено разрѣшенiе выдать солдатское обмундированiе. Копiя этого рапорта вмѣстѣ съ резолюцiей Главнокомандующаго была препровождена интенданту фронта, причемъ въ этой копiи слово «солдатское» было

выпущено, а въ препроводительной бумагѣ испрашивалось обмундированіе офицерское, которое и было выдано въ количествѣ 17 комплектовъ. Когда въпослѣдствіи неправильная выдача была обнаружена, то старшему лейтенанту Недзвѣцкому былъ объявленъ выговоръ за допущенную небрежность въ официальной перепискѣ, слѣдствіемъ чего было удовлетворено недостаточно обоснованное требованіе на офицерское обмундированіе. Въ общемъ же Морскому Управленію было выдано всего 144 комплекта офицерскаго обмундированія, такое же обмундированіе выдавалось въ Нарвѣ офицерамъ и чиновникамъ различныхъ тыловыхъ учрежденій, относительно же поступленія его на фронтъ свѣдѣній положительнаго характера не имѣется, и, если оно поступило туда, то въ очень незначительномъ количествѣ.»

«Снабженіе фронта продовольствіемъ по даннымъ, имѣющимся въ распоряженіи комиссіи, нужно также признать неудовлетворительнымъ. Пища солдатъ была крайне однообразна и состояла изъ двухъ фунтовъ бѣлаго хлѣба, выпеченнаго на закваскѣ, пережареннаго и недопеченнаго, воды съ подболочной мукой и $\frac{1}{2}$ фун. сала — это количество пищи отпускалось на цѣлый день въ лучшее время для арміи въ смыслѣ продовольствія. Чай и сахаръ совершенно отсутствовали (л. д. 320). Не всегда и этими продуктами снабжался исправно фронтъ, такъ какъ начальникъ снабженій, получалъ съ фронта телеграммы: «Нѣтъ муки уже 4 дня», «вышло все сало», «нѣтъ сала 3 дня», а въ Нарвѣ не было сала въ теченіе 9 дней. Эта недостака продуктовъ на фронтѣ наблюдалась въ то время, когда они имѣлись въ запасѣ въ тылу и не были вслѣдствіе неудовлетворительной организаціи снабженія своевременно поданы на фронтъ»...

Еще въ одномъ мѣстѣ указывается, что Сѣв.-зал. Правительство въ лицѣ Ланозова и министра Про-

довольствія (М. С. Маргуліеса) неоднократно обращало вниманіе Главнокомандующаго Юденича на нерадивость, недобросоеѣдность и злоупотребленія, свившія себѣ гнѣздо въ интендантскомъ вѣдомствѣ подъ крыломъ ген. Янова, а равно и на то, что Министерство Продовольствія лишено возможности своевременно «озаботиться приобрѣтеніемъ для нуждъ арміи сала и жировыхъ веществъ, такъ какъ интендантствомъ ему никакихъ данныхъ не представляется, а когда и даютъ ихъ, то въ явно преувеличенныхъ размѣрахъ, не позволяющихъ составлять какой нибудь планъ»; бойцовъ въ арміи не болѣе 25 тысячъ, а пайковъ выдается свыше 70 тысячъ...

Далѣе Ревизіонно-Слѣдственная Комиссія рассказываетъ, что главный интендантъ ген. Яновъ «продолжалъ совершать за границей закупки разныхъ предметовъ снабженія, которые пользы Арміи не принесли, а только причиняли существенный ущербъ казнѣ»... Однажды ген. Яновъ «поручилъ интенданту фронта полковнику Тимченко-Островерхову созвать подъ своимъ предсѣдательствомъ совѣщаніе изъ представителей вѣдомствъ Продовольствія и снабженія и выяснить заготовки на ноябрь. Первое засѣданіе состоялось 20 окт. и интендантомъ была предъявлена вѣдомость потребныхъ продуктовъ для арміи въ... 200 тысячъ человѣкъ. Представители Министерствъ удивились такой цифрѣ, а Предсѣдатель Совѣта Министровъ телеграфировалъ объ этомъ Главнокомандующему. Ген. Юденичъ запросилъ ген. Янова и послѣдній донесъ, что число ртовъ въ арміи по послѣднимъ свѣдѣніямъ около 100 тысячъ человѣкъ, и что армія за послѣднія 2 недѣли увеличилась на 25%, кромѣ того объявлена мобилизація въ захваченныхъ областяхъ...»

* * *

Впоследствии-же, какъ мы далѣе покажемъ, выяснилось, что даже въ лучшей періодъ наступленія Сѣв.-зап. Армія насчитывала не 200 и не 100 тысячъ человѣкъ, а только 70 тысячъ, а изъ нихъ — комбатантовъ всего 25 тысячъ. Ген. Яновъ не могъ не знать дѣйствительной цифры, о которой говорили открыто во всѣхъ штабахъ и канцеляріяхъ, но ему было выгодно производить заготовки на 200 тысячъ... потому что въ интендантскомъ вѣдомствѣ отчетность почти совершенно отсутствовала...

Но вотъ 2 настоящихъ «панамы» — опять таки въ изложеніи Ревизіонно-Слѣдственной Комиссіи, одна касается темной исторіи съ закупкой бензина, другая — приобрѣтенія.. несуществовавшихъ аэропланов у какого то американскаго кашитана.

* * *

«О полной запущенности транспортнаго дѣла свидѣлствуетъ телеграмма Главнокомандующаго генерала Юденича главному начальнику снабженія генералу Янову и генералу Кондыреву 13 октября слѣдующаго содержанія: «Прибыли только два грузовика. Потребность грузовиковъ возрастаетъ каждымъ днемъ. Приказываю немедленно отправить въ Нарву все наличное количество грузовиковъ. Необходимо просить еще грузовики. Неприбытіе грузовиковъ можетъ губельно отозваться на развитіи операцій. 13 октября. Нарва. Юденичъ».

Единственно возможные перевозочныя средства — грузовики на фронтѣ отсутствовали (железнодорожнаго движенія не существовало, такъ какъ мостъ черезъ р. Лугу былъ готовъ только 8 ноября — за четыре дня до оставленія г. Ямбурга), а начальникъ снабженія генералъ Яновъ и интендантъ фронта полковникъ Тимченко-Островерховъ бездѣйствовали и грузовики, находившіеся въ г.

Ревель въ количествѣ, далеко превышающемъ потребность въ нихъ, стояли безъ употребленія.

Телеграмма генерала Юденича отъ 13 октября была доложена Министру Предсѣдателю и онъ срочно отдалъ распоряженіе по всеѣмъ Министерствамъ о предоставленіи всеѣхъ грузовиковъ въ распоряженіе генерала Янова и о высылкѣ въ Нарву всего запаса бензина, около 1200 пудовъ. Предвидя, что этого бензина будетъ недостаточно, Ліанозовъ 13 октября отправилъ двѣ срочныя телеграммы о присылкѣ бензина: посланнику Гулькевичу въ Стокгольмъ, гдѣ находятся крупныя склады бр. Нобель, и Троицкому-Сенютовичу — директору нефтянаго треста бр. Нобель въ Парижѣ. 15 октября былъ полученъ отвѣтъ отъ Гулькевича, что 6 тысячъ пудовъ бензина будутъ отправлены въ Ревель 16 октября.

Генераль Яновъ и Главнокомандующій были извѣщены объ этомъ 16 октября. Впослѣдствіи произошла нѣкоторая задержка въ отправкѣ бензина, но все же весь заказанный бензинъ былъ высланъ въ три срока — 19, 22 и 23 октября и прибылъ въ Ревель 27 и 29 октября, о чемъ (л. д. 243) генераль Яновъ также былъ извѣщенъ.

Свои заботы о преобрѣтеніи бензина генераль Яновъ начинаетъ проявлять лишь 21 октября 1919 года и запрашиваетъ, вмѣстѣ съ начальникомъ инженерныхъ снабженій полковникомъ Гнучевымъ, Управление по дѣламъ торговли, можетъ ли оно срочно доставить для арміи 48 000 пудовъ бензина, 1000 пудовъ тавота и 4 500 пудовъ автомобильнаго масла, на что получаетъ отвѣтъ, что въ данный моментъ предложеній на поставку упомянутыхъ продуктовъ не имѣется и что сдѣланы срочныя запросы, по полученіи отвѣтовъ на которые, возможно будетъ дать отвѣтъ о срокахъ и количествѣ. Вслѣдствіе такого отвѣта генераль Яновъ послалъ 22 октября телеграмму Главнокомандующему съ прось-

бой разрѣшить сдѣлать заказъ въ Копенгагенѣ, такъ какъ оттуда онъ уже имѣетъ предложеніе на нихъ, и перевести туда въ распоряженіе генерала Потоцкаго 44 517 фунтовъ стерлинговъ для уплаты за этотъ заказъ (л. д. 244).

Объ этомъ генераль Яновъ сообщилъ Предсѣдателью Совѣта Министровъ Ліанозову, къ которому ранѣе за содѣйствіемъ не обращался, хотя и зналъ, что Ліанозовъ, стоящій во главѣ нефтяного дѣла въ Россіи и заграничій, является человѣкомъ компетентнымъ и принялъ уже энергичныя мѣры къ доставкѣ въ Ревель бензина. Это сообщеніе вызвало недоумѣніе у Ліанозова и онъ сообщилъ по этому поводу генералу Юденичу, что посылка въ Копенгагенъ агента для покупки бензина является излишней, такъ какъ бензинъ уже посланъ черезъ Стокгольмскую миссію и въ случаѣ надобности можетъ быть пріобрѣтенъ еще въ Стокгольмѣ отъ фирмы Нобель и гораздо дешевле, чѣмъ въ Копенгагенѣ отъ коммисіонныхъ посредниковъ. Генераль Яновъ объяснилъ свой заказъ отрицательнымъ отвѣтомъ отдѣла торговли, но такое объясненіе представляется неправильнымъ, такъ какъ требованіе должно быть предъявлено своевременно.

Дѣйствія генерала Янова по заказу бензина въ Копенгагенѣ носятъ, по мнѣнію Коммисіи, характеръ безхозяйственности и нежеланіе экономить тѣ небольшія средства, которыя были въ распоряженіи арміи. Необращеніе его къ лицу компетентному Ліанозову, а простой канцелярскій запросъ торговому отдѣлу о срочной поставкѣ такого громаднаго количества бензина и масла, которыхъ на мѣстномъ рынкѣ не было, является страннымъ для лица, которому ввѣрено было столь отвѣтственное дѣло. Можно было заранѣе сказать, что отвѣтъ изъ торговаго отдѣла получится отрицательный, и это дастъ лишь поводъ сдѣлать заказъ бензина въ Копенгагенѣ. Заказъ этотъ былъ явно невыгоденъ

для казны уже потому, что количество бензина далеко превышало потребность, а кроме того бензинъ, приобретенный въ Стокгольмѣ, стоилъ съ посудой и доставкой въ Ревель 0,68 кронъ за кило, а стоимость бензина въ Копенгагенѣ безъ доставки и посуды равнялась 43,5 фун. стерл. за 1 тонну, что составляло по курсу дня 0,83 кронъ за 1 кило, т. е. эта цѣна превышаетъ на 40% заготовительную цѣну въ Стокгольмѣ.

Впослѣдствіи заказъ бензина былъ по распоряженію Главнокомандующаго уменьшенъ и куплено всего 10 000 пудовъ; бензинъ этотъ прибылъ въ Ревель въ концѣ ноября и остался невыкупленнымъ изъ таможи.

Генераль Яновъ объяснилъ Комиссiи, что онъ заказалъ бензинъ въ Копенгагенѣ, а не въ Стокгольмѣ, такъ какъ считалъ, что разница въ цѣнѣ незначительна и находилъ, что если бы онъ обратился къ посланнику Гулькевичу въ Стокгольмѣ, то исполненіе заказа могло запоздать, а агентъ генерала Янова — Дубровскій въ Копенгагенѣ долженъ будетъ исполнить его приказаніе.

Такое объясненіе генерала Янова не оправдываетъ, по мнѣнію Комиссiи, его дѣйствій, такъ какъ о цѣнѣ на бензинъ надо было справиться ранѣе, чѣмъ дѣлать заказъ, а не основываться на однихъ лишь предположеніяхъ; относительно же высказанныхъ соображеній о быстротѣ доставки генераль Яновъ также ошибся, такъ какъ бензинъ посланникомъ Гулькевичемъ былъ доставленъ изъ Стокгольма черезъ 2 недѣли, а Дубровскимъ изъ Копенгагена черезъ мѣсяць.

Столь же неудачными нужно признать и другія закупки, совершенныя въ Копенгагенѣ агентомъ Янова — Дубровскимъ, рекомендованнымъ ему полковникомъ Тимченко-Островерховымъ. Дубровскій закупилъ въ Копенгагенѣ 4500 паръ валенокъ за 4000 англійскихъ фунтовъ, но и они,

по свѣдѣніямъ Комиссіи, пришли лишь въ Ревель въ концѣ зимы, на фронтъ не поступили и продаются теперь Ликвидационной Комиссіей.

Также примѣромъ несолиднаго отношенія къ дѣлу можетъ служить и договоръ, заключенный съ капитаномъ парохода «Лейкфрей» Мартиномъ о поставкѣ имъ въ Ревель 20 аэроплановъ за сумму въ 25 000 фун. стерл. Капитанъ Мартинъ былъ рекомендованъ генераломъ фонъ-Валемъ и генералъ Яновъ не счелъ нужнымъ навести о немъ справку и заключилъ договоръ, а между тѣмъ Американская миссія въ Стокгольмѣ сообщила на запросъ Россійской миссіи, что «Капитанъ Мартинъ не имѣетъ никакого права принимать участія въ поставкѣ аэроплановъ. Кромѣ того 25 сентября онъ получилъ инструкціи отъ Морского Управленія прекратить немедленно всякія частныя операціи касательно военныхъ матеріаловъ и снаряженій». Казалось бы, справки возможно было бы навести легко, но генералъ Яновъ этого не сдѣлалъ и заключилъ контрактъ въ то время, когда въ распоряженіи Правительства англійской валюты еще не было. Согласно контракту генералъ Яновъ обязался внести въ депозитъ капитана Мартина въ Стокгольмскій банкъ 15 тысячъ фун. стерлин. эта сумма должна быть уплачена капитану Мартину согласно слѣдующихъ условій: одна треть по полученіи Банкомъ телеграммы отъ русскаго агента, сообщающей о приѣмкѣ имъ покупаемыхъ аэроплановъ, а послѣдняя уплата должна быть произведена въ Ревель. Если по винѣ капитана Мартина доставка аэроплановъ не будетъ произведена въ теченіе 14 дней со дня подписанія контракта, то изъ платежа, слѣдуемаго капитану Мартину, будетъ вычтено по 100 фун. стерл. за каждый просроченный день; если же телеграмма въ Банкъ Гамбургскому агенту Мартина послѣ 12 сентября не придетъ въ назначенный срокъ, то генералъ Яновъ обязывался уплатить за каждый просроченный день по 100 фун.

стерл. въ пользу капитана Мартина. 15 тысячъ фунтовъ, за ихъ неимѣніемъ не были переведены въ Банкъ, капитанъ Мартинъ аэроплановъ также не доставилъ и между сторонами состоялось новое соглашеніе, по которому капитану Мартину должна быть уплачена дополнительная сумма 1500 фунтовъ на наемъ парохода и въ Банкъ въ Стокгольмѣ была помѣщена сумма 16 500 фунт. стерлинговъ. Треть этихъ денегъ 5500 фунтовъ была уплачена агенту Мартина 3-го октября. Въ это время, по заявленію генерала Янова, выяснилось, что капитанъ Мартинъ контръ-агентъ ненадежный и поставить аэроплановъ не можетъ. Покупкой аэроплановъ занялись уже должностныя лица въ лицѣ лейтенанта Штальборна и, по словамъ генерала Янова, было приобрѣтено 5 аэроплановъ, разрѣшенія на вывозъ ихъ отъ союзниковъ не получено, въ Ревель они не доставлены и гдѣ они находятся въ настоящее время неизвѣстно».

* * *

Да простить мнѣ читатель подробное изложеніе этихъ «панамъ». Онѣ не единичны, напротивъ, отчетъ Слѣдственно-Ревизіонной Комиссіи такъ и пестритъ случаями «хищенія, недобросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, нерадивости и преступности», причемъ порою вы находите въ немъ и горькія ноты по адресу самого Главнокомандующаго Юденича, оказавшагося до нельзя безтолковымъ «хозяиномъ».

Мало того сама Комиссія и выросшіе изъ нея органы, какъ, на примѣръ, Военно-Ликвидационная Комиссія, дѣйствовавшая объ внѣ всякаго общественнаго контроля, были взяты впослѣдствіи подъ обоснованное сомнѣніе, что опредѣленно явствуетъ изъ отчетовъ Контрольной Комиссіи, назна-

ченной Съездомъ русскихъ общественныхъ организаций и Эмигрантскимъ Комитетомъ въ Ревелѣ.

Этому послѣднему органу ген. гр. Паленъ, единственный авторитетный представитель Сѣв.-зап. Арміи, оставшійся до поры до времени въ Ревелѣ послѣ отъѣзда Юденича, Глазенапа и Владимірова, и фактически распоряжавшійся милліонами, которые въ послѣднюю минуту еще были оставлены Юденичемъ — этому общественному органу въ виду серьезныхъ нареканий Съезда гр. Паленъ обѣщаль оказать «самое широкое содѣйствіе въ исполненіи возложенныхъ на него Съездомъ задачъ».

Но вотъ что мы читаемъ въ отчетахъ этой Общественной Комиссіи:

«Приступивъ къ работамъ, Комиссія въ первую очередь отмѣтила а) что участіе общественности въ дѣлѣ ликвидаціи Арміи чрезвычайно запоздало, б) — что работа общественного контроля въ лицѣ Комиссіи начинается тогда, когда фактически ликвидація почти полностью уже закончена, огромное большинство требованій къ Ликвидационной Комиссіи тѣмъ или инымъ путемъ удовлетворено и изъ переданныхъ ей генераломъ отъ инфантеріи ЮДЕНИЧЕМЪ 227.000 фунтовъ ст. и 250.000 ф. марокъ осталось меньше 5-ти милліоновъ на эстонскую валюту; в) что вслѣдствіе этого роль органа общественного контроля практически сужена до крайности и, г) что, наконецъ, за всѣ расходы и выдачи имѣвшіе мѣсто до начала работъ К. Р. Комиссіи, послѣдняя не можетъ принять на себя какой бы то ни было отвѣтственности. вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая свою отвѣтственность за расходованіе остатка суммъ въ дальнѣйшемъ, Комиссія постановила принять самое дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ Военно-Ликвидационной Комиссіи, не участвуя, однако, въ ея голосованіяхъ — съ цѣлью всесторонней и полной информаций, а равно и наблю-

денія за ея работой, какъ въ цѣломъ, такъ и по отдѣльнымъ отраслямъ.

Въ виду крайней малочисленности своего состава, Р. К. Комиссія рѣшила ревизію прошлыхъ операцій по ликвидаціи Арміи отложить до закрытія дѣятельности Ликвидационной Комиссіи, обративъ свое вниманіе на контроль за текущей работой послѣдней...

* * *

Главное, что бросалось въ глаза, это — полный хаосъ въ дѣлѣ расчетовъ. Частая смѣна лицъ, во главѣ важнѣйшей отрасли Ликвидации Сѣв.-зап. Арміи чрезвычайно усложнила выработку какихъ либо общихъ положеній, которыя могли бы быть приняты въ основаніе производства расчета...

Первоначально расчетъ производился безъ предварительной записи выдачъ въ денежный журналъ. Казначей и кассиръ отчитывались въ выданномъ авансѣ предъявленіемъ погашенныхъ документовъ (аттестатовъ и проч.). Алфавита заведено не было и фактически провѣрить получило-ли то или иное лицо уже удовлетвореніе не представлялось возможнымъ, тѣмъ болѣе, что расчетъ производился сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ (Нарва, Ревель и Іевве). Кассиры хотя и смѣнялись періодически, во избѣжаніе, повидимому, злоупотребленій, были, однако, часто людьми случайными, а наблюденія за ними достаточнаго не было. Это разительнo показалъ случай съ капитаномъ Гуринымъ, нынѣ задержаннымъ и преданнымъ суду, который могъ бѣжать, захвативъ около 300.000 марокъ въ самый критическій для расчета чиновъ Арміи моментъ...

За короткое время своей работы представителямъ Общественнаго Контроля удалось напасть

въ 2-хъ случаяхъ на слѣды крупныхъ злоупотребленій.

Первый случай сводится къ слѣдующему. Изъ произведеннаго дознанія выяснилось что, группу лицъ было организовано систематическое получение расчета изъ Главной Ликвидационной Комиссiи по подложнымъ документамъ. Дѣлалось это такимъ образомъ: въ день, когда по соотвѣтствующему аттестату должна была быть произведена выдача, какому нибудь лицу предлагалось обыкновенно за 500 марокъ, получить расчетъ по подложному удостовѣренiю личности: иногда же лицо, снабженное такимъ удостовѣренiемъ составляло и свидѣтельство въ полициі или иномъ соотвѣтствующемъ учрежденiи довѣренность на получение причитающихся ему по аттестату денегъ на кого-либо изъ участвующихъ въ шайкѣ лицъ. По даннымъ дознанія главное подозрѣнiе въ соучастiи въ этомъ дѣлѣ падало на Штабсъ-Капитана Калмыкова, Михаила Ивановича, поручика Муста, Владиміра Константиновича и Штабсъ-Капитана Андреева, Константина Константиновича, но несомнѣнно кругъ лицъ причастныхъ значительно шире. Выяснить ихъ можетъ, однако, только предварительное слѣдствіе. Всѣ полученныя данныя переданы, согласно заключенiю Р. К. Комиссiи, наблюдающимъ за ликвидацией Арміи мѣстнымъ судебнымъ властямъ съ просьбой о привлеченiи виновныхъ къ уголовной отвѣтственности.

Второй случай имѣлъ мѣсто въ Нарвѣ. Комиссiи были доставлены чистые листы бумаги съ удостовѣренiемъ несуществующей на нихъ собственноручной подписи — печатью и подписями Командира Авіаціонной Базы Корнета Блау и дѣлопроизводителя послѣдней Силина, а также и рядъ удостовѣренiй и аттестатовъ за тѣми же подписями.

По собраннымъ свѣдѣнiямъ подпись Силина была подложна; аттестаты же и прочіе документы фа-

бриковались съ цѣлью полученія расчета за лицъ ушедшихъ еще въ январѣ въ Совѣтскую Россію. Это дѣло также передано мѣстнымъ судебнымъ властямъ.

Организація выдачи путевого пособия въ общихъ чертахъ страдала этими же дефектами, что и расчетная операція. Дѣло однако, еще осложнялось постояннымъ измѣненіемъ условій выдачи путевыхъ. Сперва для полученія ихъ требовалось представленіе визы, затѣмъ по одному частному случаю, было признано достаточнымъ удостовѣренія прямого начальника, что данное лицо слѣдуетъ дѣйствительно одиночнымъ порядкомъ на какойнибудь изъ бѣлыхъ фронтовъ, наконецъ, путевыя стали выдавать всѣмъ, кто по спискамъ, составленнымъ въ концѣ января былъ занесенъ въ первую или вторую категорію (ѣдушихъ на сѣверный или южный фронтъ). Для лицъ этимъ условіямъ не удовлетворявшимъ допускалось представленіе доказательствъ по какимъ уважительнымъ причинамъ они въ списки по категоріи не попали — словомъ, фактически все свелось къ полному произволу лица, выдающаго пособия. При этихъ условіяхъ естественно могло быть много неправильныхъ выдачъ, участь которыя полностью едва ли возможно, даже при разслѣдованіи каждаго отдѣльнаго случая особо. Вслѣдствіе такой постановки дѣла и слабой провѣрки представляемыхъ свѣдѣній могло имѣть мѣсто со стороны людей недобросовѣстныхъ много злоупотребленій. Требовали и получали фунты на семью многие, чьи семьи вовсе не находились на ихъ изживеніи (будучи въ Совѣтской Россіи или гдѣ либо за границей — Финляндіи, Латвіи и проч.) Были случаи выдачи путевыхъ и на мать, когда по утвержденнымъ Ликвидационной Комиссіей правиламъ подъ семьей въ этомъ случаѣ понимались только жена и дѣти.

Выдача путевыхъ происходила какъ общее правило только въ Ревелѣ. Вслѣдствіе этого удо-

влетвореніе находившихся въ прифронтной полосѣ чиновъ арміи было до крайности затруднено невозможностью для нихъ выѣхать изъ района Нарва—Иевве...

Выдача путевыхъ въ Нарвѣ была, правда, частично произведена, но лишь въ апрѣлѣ подъ самый конецъ дѣятельности Ликвидационной Комиссіи. Фактически же въ первую очередь получили прогонныя служащіе тыловыхъ учреждений, ибо находясь ближе къ Ликвидационной Комиссіи или же служа въ ней, они легче могли о ней позаботиться, чѣмъ работавшіе въ лѣсу, или лишенные права передвиженія строевые офицеры и солдаты. Слѣдуетъ подчеркнуть, что съ принятіемъ генералъ-майоромъ Трусовымъ Бюро путевого пособія, процентъ удовлетворенныхъ послѣднимъ строевыхъ чиновъ сразу же замѣтно повысился....

Всѣ расчеты съ чинами арміи производились въ эстонскихъ маркахъ. Между тѣмъ ген. отъ-инфантеріи Юденичемъ средства на ликвидацію были оставлены въ чекахъ на иностранную валюту. Естественно, что вопросъ размѣна и курса размѣна не могъ не заинтересовать Рев. Контр. Комиссію, ибо колебанія курса могли скрыть крупныя злоупотребленія. Къ сожалѣнію, выяснить въ этой области ничего не удалось и вотъ почему. По закону, изданному правительствомъ Эстонской Республики, купля и продажа иностранной валюты можетъ производиться лишь съ особаго разрѣшенія и то по объявленному оффиціальному курсу, стоявшему значительно ниже дѣйствительнаго, такъ какъ спросъ на иностранную валюту чрезвычайно великъ, то большинство сдѣлокъ минуеть специальный путь и происходитъ либо частнымъ порядкомъ, безъ учета гдѣ бы то ни было, либо хотя черезъ банки по оффиціальному курсу, но съ доплатой покупателями и продавцами разницы частнымъ образомъ. Подобныя сдѣлки преслѣдуются зако-

номъ и конечно, по книгамъ либо вовсе не проводятся, либо поступающія суммы разносятся по совершенно невиннымъ статьямъ. Безъ ревизіи, съ правами сенаторскими, всѣхъ банковскихъ учреждений, невозможно установить производимыхъ комбинацій съ валютой, но даже если бы подобная ревизія имѣла мѣсто, трудно съ увѣренностью сказать, что ей удалось бы открыть что либо существенное»...

* * *

Такъ обращались съ казенными средствами при ликвидаціи Сѣв.-зап. арміи послѣ крушенія похода на Петроградъ, такова, какъ мы раньше видѣли, была постановка дѣла наканунѣ и въ моментъ расцвѣта операціи.

И пусть не говорятъ намъ, что въ этомъ столь ароматномъ для нашего національнаго самолюбія букетѣ участвовали главнымъ образомъ „профессіоналы“ — интенданты. Нѣтъ! Къ широгу злощастной Сѣв.-зап. арміи примазалась масса рыцарей наживы изъ самыхъ разнородныхъ слоевъ населенія, военные и гражданскіе, генераль и бывшій чиновникъ царскаго режима, банкиръ и жандармъ, лавочникъ и простой искатель приключеній и... доходовъ. Всѣми этими элементами руководило одно стремленіе: обезпечить себѣ теплое мѣстечко въ Петроградѣ на случай удачи операціи, а въ случаѣ провала — урвать какой нибудь лакомый кусокъ отъ общаго пирога.

Конечно, Сѣв.-зап. Правительство да и нѣкоторые военные руководители арміи, явно отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что по части расходованія казенныхъ средствъ, какъ и вообще въ дѣлѣ техническаго снабженія арміи, далеко не все обстоитъ благополучно. Но, какъ мы уже отмѣтили раньше въ вопросѣ о необходимости политическаго

оздоровленія фронта и проникновенія его тѣми демократическими лозунгами, которые исповѣдывали большинство членовъ Правительства. послѣднее и здѣсь оказалось отравленнымъ легкомысленнымъ оптимизмомъ. Расчитывали, что постепенно „нечисть“ будетъ устранена внутреннимъ „имманентнымъ“ смысломъ борьбы съ большевиками и совершенно не замѣчали, что именно эта политическая „дикость“ фронта, реакціонность отвѣтственныхъ его руководителей да букетъ хищничества и казнокрадства ведутъ армію къ поражению, а большевиковъ — къ побѣдѣ независимо отъ общихъ историческихъ законовъ, предопредѣлявшихъ тотъ или иной исходъ борьбы съ Ленинымъ и Троцкимъ.

Въ сущности, роль Сѣв.-зап. Правительства, въ дни, предшествовавшіе приказу Юденича о наступленіи, сзодилась къ обезпеченію технического и продовольственнаго снабженія армій. Это — единственное оправданіе, почему оно такъ мало сдѣлало въ области политическаго воспитанія фронта и тыла въ духѣ провозглашенныхъ имъ демократическихъ лозунговъ.

Во второй половинѣ сентября положеніе вещей было таково, что Правительство не имѣло больше территоріи (русской), за исключеніемъ Гдовскаго и части Ямбургскаго уѣздовъ. Псковъ былъ утерянъ вслѣдствіе „балаховщины“, полоса-же территоріи, идущая на востокъ отъ Гдова въ направленіи на желѣзно-дорожную линію Гатчина-Луга-Псковъ, была доведена до крайне скромныхъ предѣловъ самимъ военнымъ командованіемъ въ стратегическихъ интересахъ предстоящаго общаго наступленія. Такимъ образомъ, заготовленный Правительствомъ гражданскій аппаратъ оставался безъ примѣненія, по крайней мѣрѣ, до поры до времени.

Но нужно отдать справедливость министрамъ Сѣв.-зап. Правительства: никто изъ нихъ не „роско-

шествовалъ“ по части штатовъ или внѣшней обстановки, и только злые реакціонные языки могли распространять небывлицы объ отдѣльныхъ членахъ Правительства, въ особенности, о министрѣ продовольствія М. С. Маргулисѣ только потому, что онъ — „жидъ“. Въ дѣйствительности, какъ его министерство, такъ и другія помѣщались въ одномъ какомъ нибудь номерѣ средней руки ревельской гостиницы; нѣкоторыя министерства, — какъ, напримѣръ, Земледѣліе, Государственный Контроль, Народное Просвѣщеніе и др. занимали только отдѣльные столы въ помѣщеніи русской гимназіи на Нарвской ул., причемъ зачастую весь ихъ „штатъ“ состоялъ изъ одного или двухъ чиновниковъ, получавшихъ къ тому же крайне скудное содержаніе.

Не было дѣла, ибо не было территорія. Политическая и гражданско-административная дѣятельность правительства сводилась постепенно къ „грызнѣ“ съ верховнымъ военнымъ командованіемъ, съ Главнокомандующимъ Юденичемъ и ближайшими его помощниками, точнѣе говоря, къ обузданію ихъ чрезмѣрной самостоятельности, которая стала замѣтно расти по мѣрѣ поступленія оружія и снабженія отъ союзниковъ. Однако, и эта „грызня“ не выносилась Правительствомъ на арену общественности, ибо оно все рассчитывало, что сама логика исцѣлитъ фронтъ и тылъ отъ недуговъ, а „диктатора“ — отъ безтолковщины и недомыслія.

Что-же касается главнѣйшей задачи Правительства — дѣятельности по снабженію Арміи, то, какъ мы уже неоднократно указывали, эта область была совершенно изъята изъ вѣдѣнія министерства вслѣдствіе легкомыслія, допущеннаго въ первые же дни послѣ августовскаго „coup d'état“. Деньги — миллионъ фунтовъ полученныя отъ Колчака, были у Юденича, и онъ до послѣдней

минуты оставался ихъ хозяиномъ. Правительство же располагало только тѣми крошечными фондами, которые Юденичъ отъ времени до времени представлялъ въ его распоряженіе для покупки медикаментовъ, санитарныхъ средствъ, табаку и продовольствія. Такимъ образомъ, Правительство могло только наблюдать да и то съ большимъ трудомъ какъ интенданство „снабжаетъ“ фронтъ и тылъ, само-же оно въ этой области почти совершенно бездѣтствовало если не считаться съ единичными случаями заключенія контрактовъ по покупкѣ и доставкѣ продовольствія для гражданскаго населенія петроградскаго района въ дни обостренія борьбы у воротъ сѣверной столицы.

Изъ хроники тѣхъ дней припомню слѣдующее.

Юденичъ былъ настолько увѣренъ въ удачномъ исходѣ операціи противъ Петрограда и эта увѣренность по мѣрѣ его продвиженія въ немъ настолько окрѣпла, что 19-го или 20-го окт., т. е. сейчасъ же вслѣдъ за взятіемъ Гатчины и Царскаго Села, онъ съ позиціи посылаетъ по прямому проводу телеграмму Предсѣдателю Совѣта Министровъ Міанозову держать наготовѣ весь запасъ продовольствія для Петрограда, а первыя партіи немедленно нагрузить, ибо занятіе столицы послѣдуетъ не позднѣе... 2—3 дней.

Само собой понятно, что эта телеграмма вызвала въ Ревелѣ неописуемую радость: всѣ стали укладывать чемоданы, а „сотрудники“ отмѣченнаго раньше генерала Владимірова уже приступили было къ составленію списковъ лицъ, „конмъ въѣздъ въ Петроградъ не разрѣшается“. Правительство однимъ ударомъ купило чуть-ли не 100 вагоновъ картофеля для бесплатной раздачи населенію Петрограда, скупалось вообще все что только доступно было на эстонскомъ продовольственномъ рынкѣ и въ сосѣдней Финляндіи и что только могло бы обрадовать изголодавшагося

петроградскаго жителя. Эстонская марка вмгъ была обезцѣнена, что вызвало крахъ многихъ предпріятій, русскій-же рубль въ томъ числѣ и такъ называемыя „Юденьки“ котировались чуть-ли не на вѣсъ золота. А такъ какъ Ревель въ тѣ дни былъ полонъ всякихъ рыцарей наживы, отечественныхъ и чужихъ, съѣхавшихся сюда съ разныхъ сторонъ въ ожиданіи взятія Петрограда, то никого не удивить, что и шампанское уже потекло рѣкою. Продавались и покупались петербургскіе дома и торгово-промышленныя предпріятія, заключались всякаго рода другія сдѣлки на умопомрачительныя суммы и обязательно въ фунтахъ, долларахъ и рубляхъ, ибо объ „экзотическихъ“ валютахъ никто больше и слышать не хотѣлъ.

Помню, кстати, что въ тѣ дни въ Ревель срочно прибыло изъ Лондона представительство нѣкоего консорціума англійскихъ банковъ во главѣ съ извѣстнымъ Личемъ для веденія переговоровъ съ Сѣв.-зап. Правительствомъ о немедленномъ открытіи въ Петроградѣ особаго русско-англійскаго эмиссіоннаго банка. Ланозовъ — надо отдать ему справедливость — значительно урѣзаль англійскіе аппетиты въ цѣляхъ огражденія русскихъ интересовъ. Тогда — Личъ его обошелъ и обратился непосредственно къ Юденичу, который, конечно, на все согласился.

Только внезапное пораженіе Юденича помѣшало осуществленію этой затѣи.

Примчался изъ Стокгольма въ связи съ этимъ дѣломъ и знаменитый „Митька“ Рубинштейнъ и точно съ налета въ нѣсколько дней „утопиль“ въ Гельсингфорсѣ финляндекую марку, понизивъ ее до небывалыхъ размѣровъ, а русскій рубль поднявъ до умопомрачительной по тогдашнимъ понятіямъ высоты — за что финляндское правитель-

ство, послѣ краха похода на Петроградъ сейчасъ же и выслало его изъ предѣловъ республики...

Налетѣли изъ уютныхъ уголковъ Лондона, Парижа и Стокгольма всякаго рода концессионеры и подрядчики, причемъ—помнится—одному изъ послѣднихъ Юденичъ еще успѣлъ сдать подрядъ на десятки миллионовъ рублей на постройку никому не нужной прифронтной узкоколейной желѣзной дороги. Post factum: объ этомъ узнало Правительство и, когда ему вздумалось запротестовать противъ такого расточенія государственныхъ средствъ, военное командованіе ошетинилось: военные пути сообщенія не находятся въ вѣдѣніи Правительства...

Появился въ тѣ дни въ Ревелѣ и нѣкій петроградскій биржевой маклеръ Цонпи и съ нимъ-то генералъ Глазенапъ, назначенный тѣмъ временемъ Юденичемъ на постъ генералъ-губернатора Петрограда и петроградскаго района, рѣшалъ вопросы о дальнѣйшихъ назначеніяхъ какъ и о мѣрахъ «по поддержанію порядка и общественной тишины» въ столицѣ по ея занятіи.

* * *

Тогда-то я, какъ редакторъ «Свободы Россіи», и получилъ отъ будущаго «генералъ-губернатора» первое негласное предостереженіе, что если дальше буду вести газету въ томъ-же нежелательномъ военному командованію направленіи, меня въ Петроградъ едва-ли пустять.

А дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Узнавъ, что опричники упомянутого выше генерала Владимірова и контръ-развѣдки готовятся къ «маленькому кровопусканію» въ Петроградѣ въ

день вступленія арміи, а также къ разгону Съв. зап. Правительства, я выступилъ въ «Свободѣ Россіи» за своей подписью съ горячей передовой въ наивной вѣрѣ, что мнѣ въ послѣднюю минуту удастся «образумить» диктаторовъ. Это было 21-го октября, т. е. въ день взятія Павловска. Учитывая возможные сюрпризы цензуры я писалъ.

«Мы исчисляемъ теперь время не мѣсяцами и даже не недѣлями, какъ раньше а днями, часами.

Наше вниманіе приковано къ картѣ — къ пунктамъ, которые уже пройдены нашей героической Съв. зап. арміей и тѣмъ что остались еще впереди. Мелькаютъ названія родныхъ городовъ и селеній, а напряженный слухъ жадно ловить каждый звукъ, каждый шорохъ, ница въ нихъ за-вѣтныхъ словъ: „Петроградъ взять“...

Это естественно и понятно. Но еще болѣе естественно если сегодня же всѣ мы, вмѣстѣ взятые, и каждый въ отдѣльности себя спрашиваемъ:

— А что будетъ завтра?

Это не праздное любопытство наше, а выраженіе правильно работающей мысли и чувства отвѣтственности каждаго изъ насъ за грядущее. А не въ немъ-ли грядущемъ — весь смыслъ нашего бытія сегодня и вся цѣнность тѣхъ трудовъ и энергій, которые были приложены нами вчера, когда побѣда надъ кремлевскими насильниками казалась еще далека?

И для того-ли только наши воины-граждане, солдаты и офицеры, вихремъ понеслись туда къ Петрограду — чтобы на другой день послѣ его освобожденія изъ цѣпкихъ лапъ большевизма снова очутиться передъ разбитымъ корытомъ?

Для того-ли всѣ мы, казалось, въ такомъ тѣсномъ сплоченномъ единеніи работали все это время, чтобы завтра, по достиженіи ближайшей цѣли, очутиться передъ неизвѣстнымъ, считать свою

миссію исчерпанной или даже дать мѣсто новому народному недовольству и ропоту?

Нѣтъ!

Такъ думать значило-бы не вѣрить въ глубокое значеніе того историческаго процесса, который совершается въ эти дни. значило бы обращать все предпосылки нашей побѣды и общій духъ новой жизни и тѣхъ демократическихъ принциповъ, которыми проникнуты наши дѣйствія и наши стремленія. Напротивъ, все мы должны вѣрить, а тѣ, кто имѣетъ возможность, должны укрѣпить въ насъ эту вѣру, что наша героическая армія на другой день послѣ занятія Петрограда явитъ всему міру примѣръ высокой гражданской доблести, подлинной демократической зрѣлости и глубокаго пониманія той великой задачи, которая волею судьбы выпала на ея долю.

Надо помнить: вся Европа, весь міръ, слѣдятъ съ напряженнымъ вниманіемъ за всемъ тѣмъ, что совершается сейчасъ вокругъ Петрограда.

Вы, граждане-солдаты, творите сегодня одну изъ самыхъ чудесныхъ страницъ исторіи борьбы съ большевизмомъ. Вы показываете и должны показать своей отвагой, своимъ зрѣлыми продуманными дѣйствіями, что въ схваткѣ тьмы со свѣтомъ побѣждаетъ свѣтъ, что насиліе и разбой обманъ и грабежъ, гнетъ и ложь присущи лишь нашимъ врагамъ—большевикамъ.

Еще съ болѣе напряженнымъ вниманіемъ міръ будетъ слѣдить за вами завтра и когда изъ рукъ лжецовъ и насильниковъ будетъ вырванъ Петроградъ и наступитъ моментъ для первыхъ шаговъ строительства новой свободной жизни безъ всякаго участія самозванныхъ архитекторовъ - строителей, которые, точно мародеры Танарды послѣ битвы у Ватерлоо, пожеладали-бы использовать „суматоху“ въ противно-народныхъ, анти-демократическихъ и кастовыхъ своихъ цѣляхъ.

Мы вѣримъ, что этого не будетъ, ибо быть не должно.

Мы вѣримъ что у насъ сохранится единеніе духа, единство мысли и чувства и лишній разъ опозоренными окажутся шептуны, которые уже сегодня, наканунѣ Свѣтлаго Праздника, отравляютъ наше сознаніе чернымъ пророчествомъ, клеветническими навѣтами на нашего солдата и злымъ вѣщаніемъ, что онъ, молъ, окажется недостойнымъ той великой задачи, выпавшей на его долю подъ Петроградомъ.

Граждане-солдаты! Покажите-же этимъ клеветникамъ, что идетъ новая Россія, что на остріѣ вашихъ штыковъ вы несете свободу „Народовластіе, любовь и справедливость“.

Мы вѣримъ въ васъ.

Дерзайте“!

За эту-то невинную и во всякомъ случаѣ, осторожную статью я и получилъ предостереженіе. Но при этомъ будущіе генераль-губернаторы и начальники жандармскихъ управленій выдали себя головой: они подтвердили, что планъ «кровопусканія» у нихъ былъ, что всѣ наши другія подозрѣнія исполнѣ обоснованы.

Что-же касается возможности какого-либо тормозящаго вліянія союзныхъ военныхъ миссій—то его просто не было. Союзники и ихъ многочисленные представители, военные и политическіе, съѣхавшіеся въ Ревель на великій праздникъ, слѣдили только за развитіемъ военныхъ операцій и въ нашу внутреннюю политическую «кухню» вмѣшиваться явно не желали.

Попутно отмѣтимъ здѣсь, что въ ту пору знаменитаго англійскаго генерала Марша, «творца» Сѣв. зап. Правительства и августовскаго «*com d'état*», въ Ревелѣ давно уже не было. Онъ, какъ и глава англійскихъ военныхъ миссій въ Прибалтикѣ ген.

Гофъ (Gaugh), были отозваны лондонскимъ правительствомъ сейчасъ же послѣ шума, поднятаго въ парижской печати по поводу англійскаго «засилья» въ дѣлѣ образованія Сѣв. зап. Правительства.

Частная телеграмма нѣкоторыхъ русскихъ общественныхъ дѣятелей, посланная черезъ посредство одного нейтральнаго лица къ Клемансо съ просьбой воздѣйствовать черезъ французскихъ представителей въ Ревелѣ на Юденича въ смыслѣ предотвращенія «эксцессовъ» въ Петроградѣ въ моментъ его занятія — эта телеграмма тоже едва ли имѣла бы успѣхъ. Ближайшая ея судьба мнѣ не извѣстна — пусть самъ «тигръ» расскажетъ о ней.

Но вернемся къ предшествующимъ недѣлямъ.

Сѣв. зап. Правительство, устраненное почти цѣликомъ отъ дѣла снабженія, безсильное что-либо сдѣлать въ гражданско-административномъ отношеніи, съ одной стороны, за неимѣніемъ территоріи, а съ другой, вслѣдствіи систематическаго саботажа военнаго командованія въ отношеніи практическаго примѣненія демократическихъ лозунговъ, это Правительство уже въ концѣ сентября стало итти въ хвостѣ событій. Фронтъ, во всякомъ случаѣ, уже жилъ тогда своей жизнью въ томъ ея видѣ, какъ она была предначертана всей совокупностью дѣйствій военнаго командованія.

Одна область дѣятельности, впрочемъ, еще оставалась открытой для Правительства, это — дипломатія. Но и здѣсь получалась только одна игра въ политику. Ланозовъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, „завязывалъ“ сношенія съ Финляндіей, посылалъ ноты финляндскому правительству съ признаніемъ абсолютной независимости молодой республики и увѣреніями въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ русскаго народа и русскои демократіи къ сосѣдней странѣ. Въ свою очередь, Гольсти, тогдашній финляндскій министръ ино-

странныхъ дѣлъ въ отвѣтной нотѣ (по-французски) писалъ:

„Президентъ Республики имѣлъ честь получить Ваше письмо, которымъ Ваше Превосходительство пожелало поставить его въ извѣстность объ образованіи Правительства Сѣверо-западной Россіи, объ общихъ принципахъ, на которыхъ Ваше Правительство предполагаетъ основаться, а также о желаніи Правительства Сѣверо-западной Россіи войти въ сношенія съ Правительствомъ Республики для совмѣстной защиты демократическихъ началъ отъ большевистскаго насилія. Принося благодарность Вашему Превосходительству за это сообщеніе. Президентъ Республики проситъ Васъ, Господинъ Предсѣдатель, быть убѣжденнымъ въ искренности его пожеланій благополучія и процвѣтанія Русской Націи, а также вѣрить въ усилія прилагаемыя Финской Націей поддерживать хорошія отношенія съ Россіей и ея народомъ“ . . .

Это было началомъ дипломатическихъ сношеній съ Финляндіей. Гольети, финляндскій министръ, какъ видно изъ этой ноты, былъ очень любезенъ и корректенъ, но никакихъ обѣщаній не давалъ въ отношеніи „желанія“ Сѣв. зап. Правительства о „совмѣстной защитѣ демократическихъ началъ отъ большевистскаго насилія“. Впослѣдствіи, когда операція противъ Петрограда уже началась, потребовался новый обмѣнъ дружескихъ нотъ и даже личная поѣздка въ Гельсингфорсъ (на французскомъ миноносцѣ, т. е. безъ „визъ“ и хлопотъ) премьера Ланозова, министра Продовольствія и Торговли М. С. Маргуліеса и государственнаго Контролера соц. демократа В. Л. Горна. Дѣло въ томъ, что въ одинъ прекрасный день, въ разгаръ военныхъ операцій, Юденичъ, не посоветовавшись ни съ кѣмъ изъ членовъ Правительства, скорѣе даже въ обходъ Правительства, поручилъ „своему“ военному представителю въ Фин-

ляндіи, нѣкому генералу Гулевичу, человѣку рѣдкой безталанности и замѣчательнаго недомыслия, передать финляндскому правительству какую то бумажку съ вопросомъ намѣрено ли оно присоединиться къ начавшейся противъ Петрограда операціи Сѣв. зап. арміи. Разумѣется, что ген. Гулевичъ „блестяще“ справился съ возложенной на него задачей: онъ явился къ финляндскому министру иностранныхъ дѣлъ или еще лучше къ военному министру, вручилъ бумажку и... ушелъ, не сказавъ ни слова.

У финляндцевъ это оригинальное выступленіе вызвало улыбку.

— Какъ же такъ — разсуждали они. — Сѣверо-западное Правительство находится съ нами въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ, и мы вотъ уже сколько времени переговариваемся съ нимъ о способахъ совместной работы противъ большевиковъ, а вдругъ этотъ запросъ Юденича, несодержательныхъ предложеній, никакихъ предвѣрительныхъ условій...

Дѣйствительно. Въ Финляндіи въ тѣ дни, т. е. въ началѣ успѣшныхъ дѣйствій Сѣв. зап. арміи, настроеніе стало явно „интервенціонистское“, къ этому склонялось и дотолѣ осторожное Правительство, не говоря уже о военныхъ кругахъ. Даже социаль-демократическая партія, въ виду демократической программы Сѣв. запад. Правительства, уже не высказывалось такъ рѣшительно противъ вооруженнаго выступленія Финляндіи и общала было соблюдать въ этомъ случаѣ нейтралитетъ. Въ общемъ, въ тѣ дни въ Финляндіи вопросъ объ интервенціи уже дебатировался только съ точки зрѣнія финансовой, съ принципиальной же стороны все было готово къ выступленію. Финляндское правительство, напримѣръ, считало, что продолжительность его участія въ военныхъ дѣйствіяхъ будетъ не меньше 2-хъ мѣсяцевъ, ибо недо-

статочно только „взять“ Петроградъ, а надо еще его удержатъ противъ возможныхъ контръ-наступленій большевиковъ въ случаѣ, если бы они послѣ перваго замѣшательства вновь оправились, а Деникинъ, сидѣвшій тогда въ Орлѣ, почему-либо не подосылалъ къ Москвѣ. Содержаніе-же арміи численностью въ 40—50 тысячъ человекъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ потребуеетъ не менѣе 50-ти милліоновъ французскихъ франковъ, которые, конечно, должны быть уплачены русскими. Другое условіе Финляндіи заключалось въ томъ, чтобы союзники гарантировали имъ полное возмѣщеніе того количества оружія, боевыхъ припасовъ и снабженія, которое будетъ израсходовано ими на поддержку Сѣв. зап. арміи.

Въ такомъ состояніи умовъ въ Гельсингфорсѣ получилась «бумажка» Юденича. Получился конфузъ, финляндцы не знали что отвѣтить и вообще отвѣчать-ли. Тогда то, какъ мы уже отмѣтили, министры Сѣв. зап. Правительства бросились въ Гельсингфорсъ, причемъ въ задачи социаль-демократа Горна входила специальная задача «обработать» въ соответствующемъ направленіи финскую социаль-демократическую партію. Въ Гельсингфорсѣ они взяли быка за рога — тѣмъ болѣе, что тамъ чуть-ли не каждую минуту ждали извѣстія съ границы объ оставленіи Петрограда большевиками, и однажды — помнится — правительственный радіо-телеграфъ уже успѣлъ даже оффиціально сообщить о занятіи Петрограда передовыми отрядами Сѣв. зап. Арміи, при чемъ извѣстіе это было передано немедленно также союзнымъ посланникамъ въ Гельсингфорсѣ, которые, разумѣется, тотчасъ протелеграфировали о томъ своимъ правительствамъ.

Начались оживленные техническіе переговоры. Въ отношеніи финансовъ былъ придуманъ способъ, по которому тѣ 50 милліоновъ франковъ, которые понадобятся Финляндіи для веденія операціи и

которыхъ у Сѣв. зап. Правительства нѣтъ, были бы гарантированы Парижемъ.

Въ тѣ дни оживленныхъ переговоровъ съ Финляндцами, въ Гельсингфорсѣ разыгрался слѣдующій крайне характерный для нашей отечественной черной сотни инцидентъ. Члены Сѣв. зап. Правительства, «эфекта ради» вздумали устроить въ залахъ «Societetshuset» торжественный пріемъ для финляндскаго правительства, видныхъ представителей общественности и союзниковъ. Финляндскій кабинетъ явился *in plenum*, но увы — все русское «общество», весь юденическій «генералитетъ», все то, что раньше составляло или группировалось вокругъ покойнаго Политическаго Совѣщанія, блистало полнымъ отсутствіемъ, за исключеніемъ, если не ошибаюсь, І. Вл. Гессена, Лидіи Яворской, К. А. Арабажина и нѣкоторыхъ другихъ членовъ бывшей оппозиціи.

Однако, затянулся и ходъ переговоровъ о 50-ти милліонахъ и о гарантіяхъ союзниковъ по обязательному возмѣщенію оружія и припасовъ. А тѣмъ временемъ Сѣв. зап. Армія уже успѣла понести пораженіе подъ Петроградомъ и стала отступать. Министры вернулись въ Ревель...

Но, возвращаясь къ вопросу о «дипломатіи» Сѣв. зап. Правительства, необходимо отмѣтить, что въ этой, единственно открытой для него, области оно столь-же мало могло успѣть какъ и въ другихъ забронированныхъ Юденичемъ, «вѣдомствахъ». Ставка на Эстонію, какъ мы уже видѣли, была несложна: было ясно, что если только Сѣв. зап. Армія не будетъ готова къ наступленію въ началѣ октября или если первый фазисъ операціи не дастъ положительныхъ результатовъ, то ни какіе договоры и конвенціи, хотя-бы тысячу разъ подписанные и скрѣпленные, не заставятъ эстонцевъ бросить свою армію на помощь Сѣверо-западнымъ войскамъ.

Оставались еще сткрытыми дипломатическіе переговоры съ сосѣдней Латвіей, выдерживавшей

тогда тяжелую борьбу съ большевиками въ районѣ Двинска. Съ нею-то Сѣверо-западное Правительство и вступило скоро въ связь; министр продовольствія М. С. Маргуліесъ, въ качествѣ замѣстителя министра иностранныхъ дѣлъ С. Г. Лянозова, съѣздить даже въ Юрьевъ на общую конференцію балтійскихъ государствъ, созванную для предварительнаго обмѣна мнѣній по вопросу о мирѣ, который большевики настойчиво стали предлагать всѣмъ бывшимъ окраинамъ; тамъ въ Юрьевѣ этотъ делегатъ Сѣв. зап. Правительства былъ всячески обласканъ, но оттуда-же, какъ и изъ поѣздки своей въ Ригу и Ковно, онъ вынесъ опредѣленное впечатлѣніе, что до поры до времени, т. е. до тѣхъ поръ, пока Петроградъ еще не взятъ Сѣв. западной арміей, полагаться можно только на свои собственные силы. Обмѣнъ любезныхъ нотъ между Латвійскимъ правительствомъ и Сѣверо-западнымъ также не выходилъ за предѣлы взаимныхъ привѣтствій. Такъ, напримѣръ, въ нотѣ, посланной латвійскому правительству во второй половинѣ сентября, мы читаемъ:

«Совѣтъ министровъ Сѣв. зап. Области Россіи постановилъ:

1) Привѣтствовать Временное Правительство Латвіи и пожелать ему полного успѣха въ его борьбѣ съ разрушающими началами большевизма, и въ его мирной созидательной работѣ по устроению внутренней жизни страны на демократическихъ началахъ;

2) Заявить полное удовлетвореніе въ томъ, что государственный строй Латвіи, и равно ея отношенія къ иностраннымъ государствамъ будутъ предметомъ обсужденія въ близкомъ будущемъ въ Учредительномъ Собраніи Латвіи, и что Совѣтъ Министровъ вполне рассчитываетъ что эти отношенія будутъ установлены на началахъ, могущихъ удовлетворить обѣ стороны.

3) Извѣстить Временное Правительство Латвіи, что впредь до разсмотрѣнія вопроса объ отношеніяхъ къ иностраннымъ государствамъ въ Учредительномъ Собраніи Латвіи Сѣверо-западное Правительство готово немедленно вступить съ нимъ въ тѣсныя сношенія».

Языкъ этой ноты показываетъ, что Сѣв.-зап. Правительство и его министръ иностранныхъ дѣлъ С. Г. Ланозовъ еще только учились тогда писать дипломатическіе документы. Однако въ § 3 требованіе латвійскаго правительства о признаніи суверенной самостоятельности Латвіи, подобно тому какъ это было сдѣлано раньше en toutes lettres въ отношеніи Эстоніи, нашло болѣе или менѣе удачно замаскированный отказъ: пусть сначала латвійское Учредительное Собраніе выскажется о своихъ отношеніяхъ къ „иностраннымъ государствамъ“, техническія-же сношенія какъ съ правительствомъ de facto могутъ быть завязаны немедленно...

ГЛАВА XVII

„Бермонтовщина“.

Но въ отношеніяхъ къ сосѣдней Латвіи, независимо отъ крайней проблематичности возможной помощи съ ея стороны, большимъ пунктомъ былъ вопросъ о русскихъ войскахъ, стоявшихъ на латвійской территоріи, о корпусѣ имени гр. Келлера, инсценировавшемъ впослѣдствіи такъ называемую „бермонтовщину“.

Эти войска, въ такой-же если не большей мѣрѣ, какъ „ливенская дивизія“, о которой мы уже выше говорили въ связи съ ея переброской на Сѣверо-западный фронтъ, всецѣло находились въ рукахъ русско-германской реакціи, въ частности подъ диктатурой знаменитаго генерала фонъ-деръ-Гольца и другого помощника Людендорфа — генерала Бишофа. Численность этихъ русскихъ отрядовъ, образованныхъ такъ же какъ и „ливенцы“ изъ кадровыхъ русскихъ военно-плѣнныхъ (гвардейцевъ и гренадеръ) перваго періода войны и прошедшихъ затѣмъ полный курсъ стараго прусскаго военно-политическаго воспитанія, составляла около 10 000 человекъ. Они были прекрасно вооружены и дисциплинированы, но „духъ“ въ нихъ царилъ тотъ-же что и въ такъ называемой германской „железной дивизіи“, оставшейся въ Латвіи подъ разными предлогами вопреки постановленію Версальскаго договора о полномъ очищеніи Прибалтійскаго края нѣмцами.

Части русскаго корпуса имени гр. Келлера занимали попеременно съ германскими войсками среднюю и южную Латвію начиная отъ Митавы до Либавы; юрисдикція латвійскаго правительства на нихъ не распространялась, потому что они считали себя „оккупантами“, продовольствіе-же и военное снабженіе они получали изъ германскаго резервуара, точнѣе отъ тѣхъ германскихъ военно-реакціонныхъ сферъ, которыя по инерціи-ли, а быть можетъ по инымъ причинамъ, еще продолжали вести „свой“ курсъ въ Прибалтикѣ, несмотря на то, что въ Берлинѣ уже сидѣло правительство социаль-демократа Шейдемана и версальскій договоръ уже былъ подписанъ.

У германской „железной дивизіи“, какъ и у другихъ частей, подчиненныхъ фонъ деръ Гольцу, были свои тягбы съ латвійскимъ правительствомъ. Это — вопросъ о надѣленіи земель всѣхъ тѣхъ германскихъ солдатъ, которые нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ (весною 1919 г.) помогли только что образовавшемуся латвійскому правительству изгнать большевиковъ изъ Риги. Такой договоръ дѣйствительно, былъ подписанъ въ свое время, и соответственно ему „железная дивизія“ въ теченіе какихъ-нибудь 2—3 дней разбила большевистскую „армаду“ и водворила правительство Ульманиса въ Ригѣ. Но очень скоро латвійское правительство спохватилось и подумало, что земли нѣмцамъ можно и не давать, а если и давать, то, во всякомъ случаѣ, не на тѣхъ началахъ (безвозмездно), которые были обусловлены въ договорѣ. Этимъ-то обстоятельствомъ и воспользовались германскіе военно-реакціонные круги, чтобы „пока-что“ остаться въ Латвіи — тѣмъ болѣе, что солдатская масса, обманутая въ своихъ надеждахъ получить землю вмѣсто того, чтобы возвращаться въ изголодавшуюся, разгромленную Германію, была всецѣло на ихъ сторонѣ.

Мерещилась-ли фонъ деръ Гольцу и Бишофу политика „*Ju suis, j'y reste*“ въ связи съ торгами въ Версалѣ или не менѣе заманчивая задача прорваться совместно съ русскими черезъ Эстонию къ Петрограду, свергнуть большевиковъ, установить такимъ образомъ новую непосредственную границу между Германіей и Россіей и потомъ выждать благопріятнаго момента для гогенцоллерновской реставраціи въ Берлинѣ, чему, несомнѣнно, помогла-бы благодарная фонъ-деръ Гольцу реакціонная Россія, освободившаяся отъ большевиковъ, — мерещилась-ли сотруднику Гинденбургу эта послѣдняя задача или объ вмѣстѣ взятыя, трудно было установить въ тѣ дни: карты до нельзя были перепутаны опытными руками. Фактъ, однако, былъ на лицо, что фонъ деръ Гольцъ пользуется земельной тяжбой чтобы сидѣть въ Латвіи и ссориться съ рижскимъ правительствомъ.

Къ этой-то, „политикѣ“ присоединился всецѣло и русскій корпусъ имени Келлера, находившійся, какъ мы отмѣтили, на полномъ извѣщеніи у германской военно-реакціонной клики. И если-бы Сѣв.-зап. Правительство вздумало тогда измѣнить это положеніе вещей да послало бы когонибудь изъ своихъ членовъ въ Митаву для переговоровъ съ „келлеровцами“ — финалъ получился-бы сенсационно-кинематографическій: делегаты Сѣв.-зап. Правительства были-бы взяты какъ заложники...

Остановились поэтому на Юденпчѣ, „Главнокомандующемъ“, назначенномъ на этотъ постъ не „къмъ-нибудь“, а Верховнымъ Правителемъ Колчакомъ, котораго-де „келлеровцы“ должны-же слушаться. Предстояло-же только убѣдить послѣднихъ въ необходимости ихъ немедленнаго переѣзда на петроградскій фронтъ при содѣйствіи союзниковъ, предлагавшихъ для этого и тоннажъ, и другія техническія средства.

И Юденичъ поѣхалъ — въ сопровожденіи большого штаба, сопровождаемый представителями союзныхъ военныхъ миссій, словомъ, какъ полагается Главнокомандующему.

Я полагаю, что онъ былъ далекъ тогда отъ двусмысленной политики; во-первыхъ, его политическое недомысліе, о которомъ мы уже говорили, сразу бы его погубило; во-вторыхъ, ему просто выгоднѣе было получить въ свои руки такой прекрасно вооруженный и дисциплинированный корпусъ, какъ „келлеровцы-бермонтовцы“, чѣмъ связываться съ фонъ деръ Гольцомъ да еще на виду у союзныхъ военныхъ миссій.

Я вѣрю поэтому, что будучи въ Ригѣ, Юденичъ дѣйствительно, какъ онъ самъ потомъ рассказывалъ, „неоднократно приказывалъ, увѣщевалъ и угрожалъ“. Вотъ, впрочемъ, одинъ изъ его приказовъ, „бермонтовцамъ“, изданный при посѣщеніи Риги.

«Приказъ Корпусу имени графа Келлера.

№ 21. 27 сентября 1919 г. Городъ Рига.

Сѣверо-западная Армія 4 мѣсяца дерется съ большевиками въ неравномъ бою; дралась голая, голодная, безъ денегъ, плохо вооруженная и часто безъ патроновъ; жила тѣмъ, что отбивала у красныхъ. Теперь эта доблестная армія получила все: вооруженіе, снаряженіе, обмундированіе и деньги.

Вы то-же были въ бѣдственныхъ и тяжелыхъ положеніяхъ. Но эти 4 мѣсяца вы не были въ сплошныхъ бояхъ. Вы одѣты, обуты, исправно получали жалованье, имѣли продовольствіе и вооружены.

Сѣверо-западная Армія васъ ждетъ къ себѣ, ждетъ съ нетерпѣніемъ. Она вѣритъ, что вы придете, что вы ей поможете, что вы нанесете тотъ жестокой ударъ, который сокрушитъ большевиковъ подъ Петроградомъ.

Вы вмѣстѣ съ Сѣверо-западной Арміей возьмете Петроградъ, откуда соединенными усилями пойдете для дальнѣйшаго освобожденія Родины.

Родина давно ждетъ Васъ; она изстрадалась, послѣднія силы ея на исходѣ. Спѣшите, ибо «промедленіе времени смерти невозвратной подобно».

Приказываю: Сейчасъ-же всеѣмъ русскимъ офицерамъ и солдатамъ Корпуса выступить въ Нарву подъ командой Командующаго Корпусомъ полковника Бермонта и оправдать надежды Сѣверо-западной Арміи и надежды нашей изстрадавшейся Родины.

Главнокомандующій войсками Сѣверо-западнаго фронта

Генераль-отъ-Инфантеріи

Юденичъ».

Съ латвійскимъ правительствомъ Юденичъ не велъ никакихъ переговоровъ, ибо его миссія заключалась только въ томъ, чтобы заставить «бермонтовскій» корпусъ отплыть на англійскихъ судахъ въ Нарву. Что эта его миссія не увѣнчалась успѣхомъ — уже показали событія ближайшихъ двухъ недѣль.

Здѣсь мы подходимъ вплотную къ сенсационно-авантюристическому удару «бермонтовцевъ» на Ригу отъ 9-го октября 1919 г., къ событію, оказавшему по своимъ военнымъ и обще-политическимъ послѣдствіямъ самое роковое вліяніе на развитіе юденической операціи противъ Петрограда и предопредѣлившему, наряду съ другими причинами, крахъ Сѣв.-зап. Арміи.

Для «бермонтовцевъ», находившихся, какъ мы уже раньше отмѣтили, въ тѣсной и постоянной связи съ «ливенской дивизіей», не составляло, конечно, тайны, что Сѣверо-западная Армія начнетъ операціи противъ Петрограда не позднѣе 15-го октября. Приготовленія къ открытію наступ-

ленія шли самымъ ускореннымъ темпомъ. Было ясно, что если октябрь будетъ упущенъ, то походъ противъ Петрограда придется отложить до весны, ибо армія не приспособлена къ зимней кампаніи. До весны-же она развалится — тѣмъ болѣе, что эстонцы тѣмъ временемъ заключатъ миръ съ Москвой.

Это было понятно всѣмъ и каждому, начиная съ Юденича и членовъ Сѣверо-зап. Правительства и кончая послѣднимъ солдатомъ. И вотъ, 9-го октября, когда наступленіе противъ Петрограда фактически уже началось подъ видомъ диверсін одного корпуса на Псковъ, рассчитанной на отвлеченіе большевистскихъ силъ отъ Петрограда. въ этотъ день въ Ревелѣ съ шумомъ разрывается «бомба». Оказывается, что наканунѣ знаменитый Бермонтъ, изъ Митавы, гдѣ находилась главная его квартира, вмѣстѣ съ штабомъ фонъ деръ Гольца, послалъ латвійскому правительству въ Ригѣ ультиматумъ слѣдующаго содержанія:

«Находя, что наступило время двинуться на большевистскій фронтъ, прошу созлатъ такія условія, которыя дали-бы мнѣ возможность безпрепятственно двинуть мои войска для борьбы съ русскими красными бандами, находящимися на территоріи Латвіи и угрожающими сосѣднимъ культурнымъ народамъ разрушеніемъ.

О тѣхъ мѣрахъ, которыя будутъ приняты латвійскимъ правительствомъ, во главѣ котораго вы стоите, для обезпеченія мнѣ свободы передвиженія прошу меня увѣдомить безотлагательно.

Полковникъ Аваловъ Бермонтъ».

Выяснилось далѣе, что не выждавъ отвѣта латвійскаго правительства Бермонтъ уже двинулъ свои войска вмѣстѣ съ частями германской «железной дивизіи» изъ Митавы по направленію къ Ригѣ. Головные его отряды уже подошли къ городу, появились аэропланы, сбрасывающіе бомбы на

беззащитные пригороды, пѣхота цѣпями наступаетъ по всему фронту рѣки Аа, пуская въ ходъ газовыя бомбы...

Вслѣдъ за этими извѣстіями поступили новыя, еще болѣе удручающія для эстонскихъ общественныхъ настроеній: латвійское правительство покинуло Ригу и переѣхало въ Венденъ ввиду того, что занятіе столицы «бермонтовцами» и нѣмцами можетъ послѣдовать каждую минуту; латвійцы просятъ военной помощи у эстонскаго правительства.

Вмигъ, въ Ревелѣ, въ эстонскихъ народныхъ массахъ, въ Учредительномъ Собраніи и въ правительственныхъ кругахъ, относительно благожелательное отношеніе къ русскимъ, къ задачамъ Сѣв. зап. Арміи, круто измѣнилось къ худшему. Стало преобладать подозрѣніе, что движеніе бермонтовскаго корпуса съ помощью нѣмцевъ на Ригу производится, если не по опредѣленному плану, разработанному между Юденичемъ и Бермонтомъ, то во всякомъ случаѣ съ молчаливаго согласія Главнокомандующаго Сѣв. зап. Фронтомъ и къ вящему удовольствію русской реакціонной клики. Бермонтъ, взявъ Ригу, двинется, несомнѣнно, на Ревель, а не, какъ онъ увѣряетъ, на востокъ отъ Двины. Тогда и независимость Эстоніи кончена, ибо кто въ этой обстановкѣ воспрепятствуетъ реакціонно - имперіалистическимъ элементамъ изъ арміи Юденича съ востока протянуть руку Бермонту и воссоединиться съ ними якобы для совместнаго похода на Петроградъ, а въ дѣйствительности для овладѣнія Балтикой?..

Въ соотвѣтствіи съ этимъ ходомъ мысли эстонское правительство немедленно приняло мѣры къ тому, чтобы часть своихъ войскъ, расположенныхъ на большевистскомъ фронтѣ для «эвентуальной» помощи Юденичу, перебросить на югъ, къ Ригѣ, въ цѣляхъ оказанія поддержки войскамъ Латвіи. Такъ въ рижскій районъ, т. е. на новый театръ

военныхъ дѣйствій были двинуты эстонскіе бронепоезда, артиллерія и отборныя пѣхотныя части. Эта переброска войскъ потребовала крайняго напряженія желѣзнодорожнаго транспорта, а такъ какъ эстонскій подвижной составъ самъ по себѣ былъ весьма ограниченъ (впослѣдствіи только онъ замѣтно выросъ благодаря наслѣдству, доставшемуся Эстоніи отъ Сѣв. Зап. арміи), то большое число паровозовъ, вагоновъ и платформъ, предоставленныхъ раньше въ пользованіе русскому военному вѣдомству для обслуживанія фронта, немедленно были затребованы эстонцами назадъ. Отсюда — новая серьезная заминка въ дѣлѣ снабженія Сѣверо-западной арміи боевыми припасами и продовольствіемъ въ наиболѣе отвѣтственный моментъ.

Возможно, конечно, (такъ, по крайней мѣрѣ Юденичъ увѣрялъ тогда), что эстонцы, лишивъ вдругъ Сѣверо-западную армію значительной части желѣзнодорожнаго подвижнаго состава, руководствовались не столько стратегическими соображеніями своего новаго (берматовскаго) фронта, сколько велѣніями чисто политическихъ задачъ; но отъ этого, вѣдь, положеніе Сѣверо-западной арміи не измѣнялось. А между тѣмъ въ тѣ дни, какъ мы дальше подробнѣе покажемъ, наступленіе Сѣв. зап. арміи, къ которому готовились столько времени, фактически уже началось. Оно только замаскировалось до поры до времени „диверсіей“ одной дивизіи на Псковъ съ помощью танковъ и отдѣльныхъ кавалерійскихъ частей. Главная-же масса снабженія, боевыхъ припасовъ и продовольствія шла на такъ называемый Нарвскій фронтъ, наиболѣе кратчайшій къ Петрограду, откуда Юденичъ въ ближайшіе дни и открытъ походъ на Петроградъ внезапнымъ прорывомъ большевистскихъ линій южнѣе Ямбурга. И вотъ, къ этотъ напряженнѣйшій моментъ подготовки прорыва, Сѣверо-западная

армія лишается значительной части желѣзнодорожнаго парка...

Въ политическомъ-же и психологическомъ отношеніяхъ новое положеніе вещей, созданное „бермонтовщиной“, еще больше осложнилось: если прежде Сѣверо-западное Правительство и могло еще рассчитывать въ известной мѣрѣ на военную поддержку Эстоніи, т. е. на то, что эстонскія винтовки „сами“ начнутъ стрѣлять противъ большевиковъ, какъ только Сѣверо-западная армія сдвинется съ мѣста и перейдетъ въ серьезное наступленіе, то теперь шансы на такой оборотъ вещей замѣтно убавились. Нельзя было требовать отъ эстонскихъ народныхъ массъ такого глубокаго пониманія политическихъ задачъ момента, которое заставило бы ихъ сражаться на одномъ фронтѣ („бермонтовскомъ“) противъ русскихъ, а на другомъ (петроградскомъ) — вмѣстѣ съ русскими да еще при подозрѣніи, что кое-какая связь между тѣми и другими русскими существуетъ,

Что-же сдѣлало Сѣв.-зап. Правительство, чтобы выйти изъ этого столь неожиданно осложнившагося положенія, грозившаго сорвать всю петроградскую операцію?

Наивно-оптимистичное, какимъ мы его уже видѣли въ другихъ отрасляхъ его дѣятельности, оно подумало, что роковое развитіе событій можно будетъ остановить бумажнымъ порядкомъ. Оно въ первый же день бермонтовскаго удара на Ригу убѣдило Главнокомандующаго Юденича въ срочной необходимости издать приказъ, въ которомъ Бермонтъ - Аваловъ былъ-бы объявленъ измѣнникомъ и объявить о томъ Эстоніи, Латвіи и союзникамъ. Приказъ этотъ гласилъ:

„Приказъ Главнокомандующаго всѣми російскими вооруженными силами Сѣверо-западнаго Фронта. № 73

9-го окт. 1919 г. городъ Нарва.

Ввиду того, что полковникъ Бермонтъ ни одного изъ моихъ приказовъ въ назначенные ему сроки не исполнилъ и, по полученнымъ сейчасъ свѣдѣнiямъ, открылъ даже враждебныя дѣйствiя противъ латышскихъ войскъ, объявляю его измѣнникомъ родины и исключаю его и находящiяся подъ его командою войска изъ списковъ Сѣверо-западнаго фронта. Оставшимся вѣрнымъ долгу офицерамъ и добровольцамъ приказываю немедленно поступить подъ команду старшаго изъ нихъ, которому при содѣйствiи представителей Англiйской Миссiи принять всѣ мѣры къ безотлагательному отправленiю по морю на присоединенiе къ Сѣверо-западной Армии.

Генераль-отъ-Инфантерiи Юденичъ.

* * *

Еще въ тотъ же день этотъ приказъ былъ переданъ по радио-телеграфу въ Митаву въ „главную квартиру“ Бермонта-Авалова, а также въ городъ Шавли (Литва), гдѣ стояла нѣкая „дивизiя Вырголича“, не входившая, правда, въ бермонтовскiй корпусъ, но относительно которой существовало опасенiе, что подъ влиянiемъ агитацiи агентовъ Бермонта и фонъ-деръ-Гольца она такъ или иначе присоединится къ Бермонту.

Само собой разумѣется, что эта бумажка не возымѣла никакого дѣйствiя. Бермонтъ, напротивъ, воспылялъ еще большей рѣшительностью, провозгласилъ себя „генераль-губернаторомъ прибалтiйскаго края“ и для объясненiя своего образа дѣйствiй обратился съ пространной телеграммой къ Колчаку.

Въ свою очередь Сѣверо-западное Правитель-ство сочло нужнымъ поддержать приказъ Юденича самостоятельнымъ воззванiемъ къ войскамъ бер-

монтовскаго корпуса, возваніемъ, которое рѣшено было сбрасывать съ аэроплановъ на рижскій фронтъ.

Вотъ содержаніе этого документа:

„Г.г. офицеры и солдаты!

Вы слышали призывъ къ Вамъ Главнокомандующаго фронта генерала Юденича. Вы читали приказъ Главнокомандующаго, коимъ онъ объявляетъ измѣнникомъ Родины полковника Бермонта (Авалова), а всѣхъ вѣрныхъ Родинѣ сыновъ зоветъ на Нарвскій фронтъ, туда, гдѣ идетъ сейчасъ наступленіе на злѣйшихъ враговъ Родины, на большевиковъ.

Къ Вамъ обращается Правительство Сѣверо-западной Области Россіи. Бросьте нѣмецкіе ряды и идите къ намъ подъ командой старшаго офицера, какъ это приказалъ нашъ Главнокомандующій!

Вы видите явную измѣну Родинѣ.

Бермонтъ получилъ приказъ идти на подмогу Нарвскаго фронта, — онъ не исполнилъ приказа; мало того, онъ ударилъ на Ригу и на латвійскія войска, дѣйствующія въ союзѣ съ нами противъ большевиковъ.

Вы знаете чѣмъ грозитъ нашему фронту эта измѣна?

Побѣдоносно начавшееся наступленіе можетъ остановиться, латвійскія войска будутъ отвлечены отъ борьбы съ большевиками, эстонскія войска пойдутъ на подмогу Латвіи, тылъ намъ ослабленъ и мы должны будемъ вновь ожидать лучшихъ дней. Большевики же получаютъ передышку, соберутся съ силами и начнутъ вновь безчинствовать, проливая невинную кровь и замучивая возставшее русское населеніе.

Этого ли Вы хотите?

Нѣтъ. Правительство увѣрено, что Вы не допустите такого злораднаго торжества палачей народной воли и свободы! Правительство увѣрено, что Вы исполните свой святой долгъ и откликнитесь всѣмъ, какъ одинъ человекъ, на призывъ своего Главнокомандующаго!

Впередъ, на Нарвскій фронтъ! Впередъ, безъ колебанія!

Пусть восторжествуетъ желѣзная воля Ваша идти на помощь къ освобожденію Родины.

Не поддавайтесь уговорамъ и обѣщаніямъ и не вѣрьте врагамъ Родины. Вступайте смѣло на путь славы, свободы и счастья для себя и для несчастной истерзанной Русской Земли.

На Васъ смотритъ будущая Россія. Къ Вамъ тянутся съ мольбой руки мучениковъ и заключенныхъ въ тюрьмахъ. Къ Вамъ обращены взоры умирающихъ женщинъ и дѣтей.

Спасите ихъ!

Родина будетъ Вамъ благодарна. Она позаботится о Васъ и о дѣтяхъ Вашихъ, — и Вы заслужите гордое и почетное званіе спасителей отечества.

Впередъ, на Нарвскій фронтъ! Васъ зоветъ Правительство, на знамени котораго начертано: „Земля и свобода“!

Правительство Сѣверо-западной
Области Россіи.

12-го октября 1919 г. гор. Ревель“.

* * *

Конечно, и это воззваніе осталось „лоскутомъ бумаги“. Оно запоздало, да и кромѣ того игра велась Бермонтомъ и фонъ-деръ-Гольцемъ слишкомъ крупная, чтобы не обезпечить себѣ предварительно

несокрушимый авторитетъ въ войскахъ всевозможными ухищреніями, подачками и обѣщаніями золотыхъ горъ. А тѣмъ временемъ бои подъ Ригой и въ самой Ригѣ (на лѣвомъ берегу Двины) стали принимать ожесточенный характеръ. Вмѣшалась союзная военная миссія. Къ Бермонту въ Митаву были посланы делегаты съ требованіемъ прекратить наступленіе. Но отвѣтъ отъ „генераль-губернатора“ получался одинъ: онъ дѣйствуетъ на російской территоріи, его цѣль-пробиться на большевистскій фронтъ и поэтому союзники, если только они не сочувствуютъ большевикамъ, не имѣютъ права вмѣшиваться въ его дѣйствіи... Отъ фонъ-деръ-Гольца союзники получили еще болѣе уклончивый отвѣтъ: версальскій договоръ не даетъ имъ права вмѣшательства въ рижскія дѣла, потому что его, фонъ-деръ-Гольца, корпусъ состоитъ изъ добровольческихъ отрядовъ, не подчиненныхъ берлинскому правительству...

Тогда-то къ Ригѣ стали стягиваться англо-французскія военныя суда, которыя въ ночь съ 14-го на 15-го октября и приступили къ бомбардировкѣ позицій, занимаемыхъ бермонтовскимъ корпусомъ подъ самой Ригой.

Я не стану останавливаться здѣсь на дальнѣйшихъ перипетіяхъ рижской „эпопеи“, которая непосредственно не входитъ въ схему моего труда. Отмѣчу лишь для будущаго изслѣдователя исторіи отношеній союзниковъ къ Россіи въ эпоху большевизма слѣдующій фактъ, находящійся въ связи со всей цѣпью англійскихъ выступленій въ Финскомъ заливѣ и въ Балтикѣ.

Безспорно, что съ точки зрѣнія подлинной демократіи бермонтовскій ударъ на Ригу вслѣдствіе реакціонно-реставраторскихъ цѣлей, которыя онъ себѣ ставилъ, долженъ былъ встрѣтить самый рѣшительный отпоръ. Но я спрашиваю: какія нормы международнаго права, исповѣдуемая Ллойдъ-

Джорджемъ и которыя, конечно, ничего общаго не имѣли съ великими подлинно демократическими принциповъ, давали ему право подвергать тогда русскія войска бомбардировкѣ англійскихъ судовъ? Какъ-бы онъ, Ллойдъ-Джорджъ, а не мы, оправдалъ это дѣйствіе передъ Палатою Общинъ, если бы какому нибудь Веджвуду, выступавшему обыкновенно столь рѣшительно противъ всякой попытки вмѣшательства Англии въ русскія дѣла, вздумалось вдругъ спросить правительство His Majesty: „а почему собственно англійскія суда участвуютъ въ рижской аванюрѣ“?

Получилась, вѣдь, слѣдующая, на видъ вопіющая ненослѣдовательность и принципиальная противорѣчивость англійской политики въ русскомъ вопросѣ. Подумайте.

Въ теченіе всего лѣта 19-го года англійская эскадра, крейсирующая въ Финскомъ заливѣ, не подходитъ къ Кронштадту; она его „бонсея“, какъ чортъ ладана, потому что въ Лондонѣ правительство Ллойдъ-Джорджа якобы опасается, что въ палатѣ общинъ будутъ говорить о вмѣшательствѣ въ русскія дѣла. Она, эта эскадра, палець о палець не ударяетъ, чтобы изъять Кронштадтъ изъ рукъ „враговъ цивилизаціи“ даже тогда (іюнь 19-го года), когда кронштадтскіе форты въ связи съ возстаніемъ Красной Горки выкидываютъ бѣлый флагъ и цѣлыхъ 24 часа ждуть англійскихъ „друзей“ которымъ они могли бы сдаться, ибо тогдашній русскій Сѣверный Корпусъ далекъ и у него нѣтъ техническихъ средствъ чтобы подойти къ Кронштадту.

Мало того. Черезъ 10 дней послѣ удара Бермонта на Ригу, когда Сѣверо-западная армія, сдвинувшись наконецъ съ мѣста, однимъ наскокомъ подходитъ къ стѣнамъ Петрограда и англійская эскадра по условію, положенному въ основаніе всей петроградской операціи, должна взять подъ

обстрѣль дальнобойныхъ орудій съ особыхъ такъ называемыхъ „галлинпольскихъ“ мониторовъ Кронштадтъ и укрѣпленный районъ Красной Горки — въ эту рѣшающую минуту адмиралъ Кованъ благородно воздерживается отъ обѣщаннаго выступленія подъ предлогомъ, что одинъ изъ мониторовъ, предназначенныхъ для бомбардировки („Hercules“) поналюбился въ... Ригѣ, другой — не въ порядкѣ, а остальные имѣющіяся въ его распоряженіи, суда—всѣ глубоко сидящія, и лишены возможности маневрировать въ мелководномъ районѣ Кронштадта...

Вслѣдствіе этого рыцарскаго воздержанія англичанъ, большевистское военное командованіе въ самую опасную для себя минуту получаетъ возможность широко использовать батареи Красной Горки для обстрѣла оголенного и беззащитнаго (потому что рассчитывали на поддержку англійскаго флота) лѣваго фланга Сѣв. зап. арміи, который уже успѣлъ было продвинуться почти до Стрѣльной и Лигова. Больше того. Видя бездѣйствіе англичанъ и въ слѣдующіе два дня коммунистическое командованіе идетъ напроломъ: оно выдвигаетъ въ устье Невы дредноуты „Полтава“ и „Петропавловскъ“ и открываетъ съ нихъ убійственный огонь дальнобойныхъ орудій по линіи цѣпей Сѣв. зап. арміи, атакующихъ районъ между Стрѣльной и Краснымъ Селомъ.

Эскадра адмирала Кована и тогда бездѣйствуетъ, и только на четвертый день кровопролитія, когда сраженіе подъ Петроградомъ уже явно проиграно Сѣв. зап. Арміей, когда приказъ къ отступленію по всей линіи уже данъ, по Красной Горкѣ „приличія ради“ выпускается нѣсколько снарядовъ... безъ попаданій.

Очевидно, въ Лондонѣ въ тѣ дни вспомнили, что иной образъ дѣйствій англійской эскадры былъ-

бы посягательствомъ на дѣвственность „демократическихъ“ принциповъ Ллойдъ-Джорджа, и адмиралу Ковану былъ данъ приказъ воздержаться отъ гнуснаго „вмѣшательства“.

Ну, а бомбардировка Риги тѣми-же англійскими судами? Не была-ли она самымъ явнымъ вмѣшательствомъ въ русскія дѣла независимо отъ ихъ подошлеки? Вѣдь именно съ точки зрѣнія международныхъ принциповъ, исповѣдуемыхъ Ллойдъ-Джорджемъ, рѣчь шла тамъ исключительно о русскихъ дѣлахъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, о русской междуусобицѣ, ибо Латвія, какъ новое государственное образованіе, еще не была признано тогда *de jure*, а ея правительство даже въ Лондонѣ считалось лишь правительствомъ *de facto* и отношенія къ нему еще только стали налаживаться.

Но было-бы, конечно, не въ мѣру наивно искать здѣсь оправданія дѣйствій Ллойдъ-Джорджа въ нормахъ международного права, а еще меньше въ его „демократическихъ“ принципахъ. Ларчикъ открывался проще: „Рига“ была опасна для англійскихъ имперіалистическихъ интересовъ, потому что успѣхъ Бермонта при дальнѣйшемъ его развитіи могъ вновь создать призракъ русскаго владычества въ прибалтійскомъ краѣ, который въ Лондонѣ уже видѣли втянутымъ въ орбиту англійской политики — а потому англійскимъ судамъ былъ данъ приказъ дѣйствовать тамъ рѣшительно какъ подобаетъ потомкамъ Нельсона. Подъ Кронштадтомъ, спустя 10 дней, когда проникнутая казалось совершенно другими идеалами Сѣв. зап. армія дѣйствительно одерживала успѣхъ за успѣхомъ и взятіе Петрограда уже могло считаться обезпеченнымъ при извѣстныхъ условіяхъ (т. е. при участіи англійскаго флота), отмѣченная выше «угроза» англійскимъ имперіалистическимъ интересамъ вновь опредѣлилась въ восналенномъ воображеніи Ллойдъ-Джорджа: а вдругъ Петроградъ дѣйствительно будетъ взятъ,

большевики будутъ устранены сначала оттуда, а потомъ изъ Москвы, и процессъ возрожденія Россіи съ помощію демократіи вѣстину начнется, т. е. дальнѣйшему ослабленію и разложенію будетъ положенъ конецъ?

Поэтому — да здравствуетъ не-вмѣшательство!...

Какъ видите, въ дѣйствіяхъ Ллойдъ-Джорджа не было никакой неслѣдовательности, никакой противорѣчивости: онъ шелъ вѣрно по пути, намѣченному еще Гладстономъ.

Но вернемся къ непосредственнымъ ревельскимъ событіямъ тѣхъ дней.

ГЛАВА XVIII.

Наступленіе и катастрофа.

Бермонтовская авантюра, грянувшая какъ разъ наканунѣ перехода Сѣв.-зап. Арміи въ наступленіе, замѣтно пошатнула увѣренность Сѣв.-зап. Правительства въ возможность быстрого и рѣшительнаго успѣха. Стали высказываться сомнѣнія въ томъ, помогутъ-ли дѣйствительно эстонцы, находящіеся теперь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ удара «бермонтовцевъ» на Ригу и чувствительно ослабившіе, какъ мы видѣли, свой большевистскій фронтъ оттяжкой силъ для надобностей противобермонтовскаго фронта. Юденичъ не раздѣлялъ этихъ опасеній, онъ вообще не вѣрилъ въ «психологію» и все продолжалъ утверждать, что эстонскія винтовки «сами» начнутъ стрѣлять, какъ только Сѣв.-зап. Армія прорветъ большевистскій фронтъ и, особливо, какъ только англичане пустятъ въ ходъ свои дальнобойныя орудія. Но онъ инстинктивно вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что медлить дальше онъ не можетъ, что переходъ арміи въ наступленіе долженъ послѣдовать внѣ всякой связи съ дальнѣйшей судьбой бермонтовской авантюры. По даннымъ его Штаба и Интендантства, большая часть снабженія, боевыхъ припасовъ и обмундированія уже доставлена на фронтъ (фактически, какъ мы видѣли изъ 44,000 паръ солдатскихъ «фрэнчей» только 19,000 было роздано фронтовикамъ), остальное будетъ

подвезено и распределено по мѣрѣ развитія операциі.

Что-же касается послѣдней, то въ ея основу положенъ «наскокъ». Фронтъ большевистской 7-ой арміи, охранявшей подступы къ Петрограду, долженъ быть прорванъ съ помощью танковъ и особыхъ ударныхъ частей, послѣ чего Сѣверо-западная армія вихремъ пронесется по линіи Ямбургъ-Гатчина, Ямбургъ-Стрѣльна. и на плечахъ противника ворвется въ Петроградъ. Словомъ, весь планъ похода построенъ на стремительности натиска, ибо для другой кампаніи у Сѣв. зап. арміи нѣтъ ни достаточного количества людей, ни соотвѣтствующаго снабженія.

Сѣверо-западное Правительство составленное изъ людей гражданскихъ, само собою понятно, вполне соглашалось съ этими взглядами Главнокомандующаго. Юденичъ, впрочемъ, не обращался къ нему ни за разрѣшеніемъ начать операциі, ни за одобреніями своего плана дѣйствій; онъ только «освѣдомлялъ» Правительство, что приблизительно къ 10-му октябрю армія будетъ готова. Инстинктивно, однако, нѣкоторые члены Правительства чувствовали, что военнымъ командованіемъ ведется азартная игра.

О духовной и политической снайкѣ арміи, какъ того требовали основныя задачи гражданской войны, не можетъ бытьи рѣчи. Демократическіе принципы, которые должны были быть положены въ основу перевоспитанія арміи послѣ тяжелаго наслѣдія Политическаго Совѣщанія и «партизанщины», остались на бумагѣ. Между штабами ведутся позорнѣйшія интриги: Главнокомандующій не пользуется ни авторитетомъ въ офицерской средѣ, ни популярностью въ солдатскихъ массахъ. Снабженіе фронта поставлено изъ рукъ вонъ плохо, казнокрадство, лихоимство и преступная нерадивость стали нормой, транспортныя средства почти

цѣликомъ отсутствуютъ, съ одной стороны, по винѣ военного вѣдомства, не позаботившаго о своевременной доставкѣ бензина для грузовиковъ, полученныхъ изъ Англiи еще въ сентябрѣ, а съ другой — вслѣдствiи оттяжки желѣзнодорожнаго подвижного состава эстонцами.

Въ отношенiи демократической пропаганды среди населенiя района, въ которомъ предстояло вести операцiи, сдѣлано мало или почти ничего. Съ мѣстѣ поступаютъ свѣдѣнiя, что крестьянское и городское населенiе ближайшихъ, подлежащихъ освобожденiю уѣздовъ, характеризуетъ свои настроенiя простыми словами: «Мы не бѣлые и не красные, мы... сами по себѣ»...

Далѣе, силы противника, боспособность 7-ой большевистской армiи явно недооцниваются. Она, правда, насчитываетъ: 34 пѣхотныхъ полка, 2 особыхъ батальона, 9 специальныхъ отрядовъ, 2 кавалерiйскихъ полка, 1 кавалерiйскiй дивизионъ или, въ общемъ — 22,000 штыковъ, 1000 сабель, 60 орудiй, 3 бронепоезда и 4 броневыхъ машинъ. Но и Сѣверо-западная армiя, послѣ реорганизацiи, предпринятой Юденичемъ, можетъ ей противопоставить къ началу наступленiя въ лучшемъ случаѣ: 5 пѣхотныхъ дивизиiй, 1 сводную пѣхотную, 2 кавалерiйскихъ полка (изъ которыхъ одинъ бывшiй «балаховичскiй»), 1 танковый ударный батальонъ, 4 бронепоезда (кустарнаго издѣлiя), 6 танковъ и 2 бронемашинны, или, въ общемъ: 17,500 штыковъ, 600 сабель, 6 танковъ и 53 орудiя.

Но вѣдь у большевиковъ есть тылъ, есть резервы, которые очень скоро могутъ быть брошены на петроградскiй фронтъ въ случаѣ дѣйствительной угрозы Петрограду, котораго большевики естественно по соображенiямъ психологическимъ отдать не могутъ, ибо паденiе Петрограда есть и паденiе Москвы.

У Сѣверо-западной же арміи нѣтъ ни ближайшихъ резервовъ, ни тыловыхъ. Правда, у нея осталось еще, кромѣ указаннаго выше числа комбатантовъ, около 50,000 «ѣдоковъ», но они не обуты, не одѣты, для нихъ нѣтъ ни достаточнаго вооруженія, ни боевыхъ припасовъ. Вѣрныхъ «союзниковъ» у Сѣв.-зап. арміи также нѣтъ, ибо при томъ явно тревожномъ, анти-русскомъ настроеніи умовъ въ Эстоніи, которое стало опредѣляться подъ вліяніемъ «бермонтовщины» и при тѣхъ общихъ двусмысленныхъ предпосылкахъ эстонской политики, о которыхъ мы раньше уже говорили, ея участіе въ петроградской операціи оставалось гадательнымъ. Единственный мостъ черезъ рѣку Лугу, южнѣе Ямбурга, по которому должны идти обозы, въ случаѣ удачи перваго прорыва большевистскаго фронта, не готовъ, и, такимъ образомъ, танки, отъ которыхъ ждали чудесъ, фактически останутся дома...

* * *

Такъ рисовалась общая обстановка холодному безпристрастному наблюдателю, для котораго желаніе побѣдить еще не было побѣдой, такъ признавали ее инстинктивно и нѣкоторые члены Сѣв. зап. Правительства. Но военное командованіе противопоставляло этому слѣдующія положенія.

Духъ арміи замѣтно укрѣпился послѣ ея реорганизациіи Юденичемъ и послѣ прибытія транспортовъ съ оружіемъ и припасами отъ союзниковъ. Солдаты съ нетерпѣніемъ и трепетомъ ждутъ начала похода на Петроградъ, который (походъ) при поддержкѣ могущественныхъ союзниковъ, только что приславшихъ оружіе и все необходимое, не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ „тріумфальнымъ шествіемъ“. Этотъ бодрый воинственный духъ солдатъ необходимо поддержать переходомъ въ

наступленіе, не выжидая устраненія мелкихъ дефектовъ и улучшенія обще-политической обстановки въ Прибалтикѣ (подразумѣвалась бермонтовщина). Кромѣ того на немедленное наступленіе толкаютъ еще и другія соображенія:

1) Деникинъ продвигается къ Москвѣ и ему нужно протянуть руку. Южная добровольческая армія привлекаетъ къ себѣ все вниманіе краснаго командованія, которое для отраженія подхода Деникина къ Москвѣ бросаетъ на югъ свои лучшія силы. Такимъ образомъ, ударъ Сѣв. зап. Арміи на Петроградъ въ данный моментъ значительно облегчаетъ стратегическія задачи Деникина.

2) Англійскимъ флотомъ, крейсирующимъ въ Финскомъ заливѣ, обѣщана существенная поддержка; но въ концѣ ноября заливъ, особенно въ кронштадтскомъ водномъ районѣ, замерзаетъ, и флотъ, слѣдовательно, уйдетъ съ тѣмъ, чтобы вновь появиться не раньше будущей весны. Безъ содѣйствія же флота операція Сѣв. зап. арміи крайне рискована въ виду обнаженности лѣваго фланга, подверженнаго обстрѣлу кронштадскихъ фортовъ и батарей съ Красной Горки.

3) Эстонцы, если операція будетъ отложена, несомнѣнно, заключатъ миръ съ Москвой, а это значительно свяжетъ всѣ послѣдующія операціи арміи, точнѣе, лишитъ армію возможности пользоваться ревелъскимъ портомъ и эстонскими желѣзными дорогами, безъ которыхъ снабженіе немислимо.

4) Въ концѣ ноября навигація въ Петроградъ прекращается, а вѣдь подвозъ продовольствія и предметовъ первой необходимости для гражданскаго населенія Петрограда разсчитанъ именно на морской путь. Слѣдовательно ударъ на Петроградъ долженъ быть произведенъ еще до наступленія морозовъ.

5) Красное командование считает Сѣверо - западную армію далеко не боеспособной. помнить съ какой легкостью ему весной удалось отразить наступленіе Сѣвернаго Корпуса на Гатчину и Лугу, и вообще не боится „сѣверо-западниковъ“, доказательствомъ чего можетъ служить относительная слабость петроградскаго заслона въ лицѣ 7-ой красной арміи. Въ дѣйствительности - же, у „сѣверо - западниковъ“ отмѣчается высокій подъемъ духа. Эта армія, правда, еще не отмѣчаетъ всеѣмъ предъявляемымъ обыкновенно къ арміи требованіямъ, но въ нее входятъ уже не случайныя части, не партизанскіе отряды, возставшихъ противъ большевистскаго террора „зеленыхъ“, а воинскія части хорошо экипированныя, прилично вооруженныя и связанныя не только общей цѣлью, но хотя и слабенькой, однако все же дисциплиной... Но наблюдающійся въ ней высокій подъемъ духа не выдержитъ своего напряженія до весны и въ теченіе зимы смѣнится общей подавленностью и отчаяніемъ, которыя въ концѣ концовъ совершенно разложатъ армію и превратятъ ее въ стадо голодныхъ изстрадавшихся людей...

Кромѣ того, въ „гражданской войнѣ“ гораздо важнѣе чѣмъ въ настоящей войнѣ проявлять быструю и натискъ. Здѣсь все зависитъ отъ психологическаго момента, а если намъ своей стремительностью удастся уловить его, то красный Петроградъ не смогутъ спасти ни наши обнаженные фланги (со стороны Пскова и кронштадтскихъ батарей), ни какія - бы то ни было обходныя движенія совѣтскихъ полковъ“. Въ виду этого планъ верховнаго командованія Сѣверо-западной арміи разработанъ такъ, что армія упругимъ движеніемъ дѣлаетъ наскокъ съ мѣста линіи своего фронта на Гатчину и Лугу и, не давая противнику опомниться, стремительно двигается на Петроградъ. Эта стремительность вызываетъ разстерянность

среди команднаго состава красной арміи, пробуждаетъ уснувшія надежды антибольшевистскихъ элементовъ въ самой Совѣтской арміи и въ Петроградѣ, создаетъ благопріятныя условія для востанія рабочихъ и крестьянскихъ массъ и способствуетъ общей дезорганизаціи красной арміи...

Въ соотвѣтствіи съ этими „психологическими“ положеніями, тактическія задачи арміи заключаются въ слѣдующемъ: правый флангъ арміи открываетъ замаскированное общее наступленіе на Петроградъ неожиданнымъ ударомъ въ Псковскомъ направленіи. Развивая достигнутый при содѣйствіи танковъ успѣхъ, бѣлыя войска создаютъ угрозу Пскову и тѣмъ заставляютъ красное командованіе для защиты псковскаго района обнажить свои лужскій и гатчинскій фронты. Тогда - то одновременно переходятъ въ общее наступленіе центръ и лѣвый флангъ Сѣв. зап. арміи, имѣя своей задачей въ нѣсколькихъ мѣстахъ прорвать фронтъ противника и одновременно двинуться на Лугу, Гачину и Красное-Село...

Этимъ стратегическимъ и тактическимъ положеніемъ, подкрѣпленнымъ „психологіей“ гражданской войны, Сѣв. зап. правительство ничего не могло противопоставить и даже не пыталось выступить сколько нибудь серьезно съ тѣми возраженіями и той общей (невоенной) оцѣнкой обстановки, о которыхъ мы выше говорили.

Инициатива въ тѣ дни, если о ней вообще еще можно было говорить за все время существованія Сѣв. зап. правительства, явно вынала изъ его рукъ. Рѣшалъ голосъ главнаго командованія. А Юденичъ и ближайшіе его военные сотрудники, сознававшіе, несомнѣнно, трудность положенія, играли *va banque!*

Ставка была огромная — участь всей Сѣверо-западной арміи, побѣда или катастрофа. „Среднихъ“ возможностей не было, ибо всѣмъ было

ясно, что въ случаѣ неудачи похода и вынужденнаго отступленія къ границамъ Эстоніи, послѣдняя разоружить сѣверо-западниковъ, а сама заключить съ Москвою миръ.

Но чѣмъ значительнѣе казалась ставка, съ тѣмъ большимъ азартомъ велась игра.

Va banque!..

Такъ поступали Гинденбургъ и Людендорфъ — по ихъ-же стопамъ шель и Юденичъ.

* * *

Я не стану излагать здѣсь военную исторію похода, въ которой считаю себя некомпетентнымъ. Отмѣчу лишь слѣдующее.

Ни одно изъ стратегическихъ, тактическихъ и „психологическихъ“ положеній военнаго командованія Сѣв. зап. арміи не оправдалось. Удалась только первая, мы бы сказали, азбучная часть задачи — „наскокъ“ на линію Красное Село—Гатчина—Царское Село. Большевики, вѣйствительно, въ первые дни растерялись и бѣжали, ихъ 7-ая армія въ теченіе первой недѣли операціи раздробилась, побросала оружіе, сбозы, снаряженіе и безъ связи отступила на востокъ, а на ея плечахъ сѣверо-западники ворвались въ ближайшіе къ Петрограду пункты. Такимъ образомъ Юденичъ уже на 10-ый день операціи, т. е. 20-го октября былъ въ Царскомъ, а его конные разѣзды „видѣли“ со стороны Лигова золоченный куполь Исаакія.

Но тутъ обстановка круто измѣнилась: у большевиковъ оказалось ихъ дьявольское умѣніе выходить изъ затруднительныхъ положеній путемъ напряженнѣйшей агитаціонной борьбы и энергичныхъ военныхъ дѣйствій, а у сѣверо-западниковъ — вся та политическая и техническая неподгото-

вленность фронта, о которой мы говорили на протяжении всѣхъ этихъ страницъ.

Никакихъ возстаній и рабочихъ забастовокъ, на которыя Юденичъ столько рассчитывалъ, въ Петроградѣ не было, потому что ни рабочіе, ни остальная городская демократія не были увѣрены несеть-ли дѣйствительно Юденичъ на остріѣ своихъ штыковъ какъ это увѣряло Сѣв. зап. правительство, „Свободу, Хлѣбъ и Народовластіе“. Напротивъ, Троцкому относительно очень легко удалось, кромѣ быстрой переброски въ петроградскій районъ резервовъ изъ Москвы, Твери и финляндскаго и архангельскаго фронтовъ сьорганизовать еще въ самомъ Петроградѣ сильные духомъ рабочіе коммунистическіе отряды и бросить ихъ въ гущу борьбы.

По свидѣтельству штаба Юденича эти-то отряды, а не красноармейскія части, да еще матросскіе батальоны и курсанты дрались какъ львы. Они „лѣзли на танки со штыками на перевѣсѣ и, шеренгами падая отъ губительнаго огня стальныхъ чудовищъ, продолжали стойко защищать свои позиціи... Еще 16-го октября на Петроградскій фронтъ спѣшно пріѣхалъ Троцкій, и растерянность краснаго штаба смѣнилась его кипучей энергіей. За нѣсколько часовъ до паденія Гатчины онъ еще пытается здѣсь остановить наступленіе бѣлыхъ, но видя, что это невозможно, спѣшить выѣхать изъ города, чтобы наладить защиту Царскаго. Крупные резервы еще не подошли, но онъ быстро сосредотачиваетъ всѣхъ петроградскихъ курсантовъ, мобилизуетъ все мужское населеніе Петрограда, пулеметами гонитъ обратно на позицію всѣ красноармейскія части и своими энергичными мѣрами приводитъ въ оборонительное состояніе всѣ подступы къ Петрограду. Для болѣе успешной борьбы съ наступающими бѣлыми, онъ стремится поскорѣе взять инициативу ударовъ въ свои

руки. и 20-го октября даетъ приказъ объ общемъ наступленіи красныхъ войскъ...

А у сѣверо-западниковъ?

Послѣ первыхъ успѣховъ, докатившихъ армію до воротъ Петрограда — ликование, побѣдное настроеніе и несокрушимая увѣренность Юденича, какъ мы отмѣтили, что все остальное додѣлается голыми руками. Послѣ первой заминки — растерянность высшаго команднаго состава, полное отсутствіе связей между отдѣльными крупными боевыми единицами. По свидѣтельству самаго штаба Юденича, Главнокомандующій въ теченіе 3-хъ дней, съ 17-го по 20-ое, не зналъ, гдѣ, какая его дивизія находится, вслѣдствіе чего подѣ Гатчиной и въ другихъ пунктахъ одна часть насккиваетъ на другую, приказы не выполняются потому что не доходятъ по назначенію, и армія вообще расплывается на отдѣльныя самостоятельныя части, дѣйствующая каждая на собственный рискъ и страхъ внѣ всякой связи съ сосѣдними колоннами.

Далѣе, между командирами крупныхъ боевыхъ единицъ (а Юденичъ — помните разбилъ свою 25-тысячную армію на... 6 дивизій и 3 корпуса), между командирами, вѣчно между собой интриговавшими, на подступахъ Петрограда, когда взятіе города казалось уже дѣломъ одного-двухъ дней, начинается соревнованіе кто первымъ ворвется въ Сѣверную Пальмиру. Въ результатѣ, по свидѣтельству самаго Юденича, командиръ 3-ей дивизіи изъ корпуса генерала Родзянко, считавшейся одной изъ лучшихъ частей Сѣв.-зап. арміи, нѣкій генералъ Вѣтренко, получивъ приказъ послѣ взятія Гатчины итти стремительно на востокъ и пересѣчь въ районѣ Тосно Николаевскую желѣзно-дор. линію и тѣмъ самымъ парализовать переброску большевистскихъ резервовъ изъ Москвы въ Петроградъ— вмѣсто выполненія этой существенно важной зада-

чи Вѣтренко бѣтъ на Павловскѣ, потому что „опасается“ что Петроградъ будетъ взятъ безъ него и триумфъ достанется другому генералу...

А подвозъ снабженія, боевыхъ припасовъ, продовольствія и санитарныхъ средствъ? Все вдругъ, по даннымъ самаго Штаба Главнокомандующаго, оказывается неподготовленнымъ. все разваливается все приходитъ въ хаосъ; цѣлыя части по два дня не получаютъ хлѣба, нѣтъ перевязочныхъ средствъ, нѣтъ боевыхъ припасовъ, нѣтъ грузовыхъ автомобилей, нѣтъ даже танковъ (кромѣ одного), которые должны сломить послѣднее сопротивление Троцкаго въ районѣ между Царскимъ Селомъ и Пулковской Обсерваторіей. Уже выпалъ первый снѣгъ подъ Петроградомъ, по утрамъ—заморозки, но солдаты спятъ на сырой землѣ и не имѣютъ горячей пищи...

За то въ Гатчинѣ сидитъ крѣпко „генераль-губернаторъ“ Петрограда генераль Глазенапъ и распоряжается именемъ Верховнаго Правителя адмирала Колчака и „Главнокомандующаго Сѣверо-западнаго фронта“, нигдѣ, однако, во всемъ захваченномъ районѣ, не созывая органовъ городского самоуправления для налаженія хоть сколько нибудь сносной гражданской жизни.

Сѣв.-зап. Правительство почти уже не существуетъ; въ сознаніи генераловъ оно осталось какъ тяжелое воспоминаніе вынужденнаго „акшанія“ съ демократіей. 22-го окт. Правительство хочетъ перенестись въ Ямбургъ, поближе къ Петрограду и устроить тамъ послѣднее совѣщаніе передъ вступленіемъ въ Петроградъ, но Юденичъ черезъ адъютанта отвѣчаетъ, что ему некогда пріѣзжать, но онъ, молъ, „помнитъ“ хорошо все, что нужно сдѣлать...

А тѣмъ временемъ большевики крѣпнуть. Инициатива сраженія уже перешла къ нимъ. Такъ какъ англійскій флотъ храбро бездѣйствуетъ, а

эстонцы, по примѣру старшихъ, еще больше, то красное командованіе уже не ограничивается одной обороной подступовъ. Оно предпринимаетъ смѣлый обходъ лѣваго фланга сѣверо-западниковъ, пользуясь для этого гарнизономъ Красной Горки и Кронштадта и бронепоездами, пущенными по линіи Ораніенбаумъ-Петергофъ-Петроградъ. Когда это удастся, а англичане и эстонцы все еще бездѣйствуютъ — большевики явно дерзаютъ и высыпаютъ въ море свои дредноуты „Полтава“ и „Петропавловскъ“ для огневой поддержки задуманнаго обхвата. Еще черезъ нѣсколько дней намѣчается глубокое обходное движеніе праваго фланга Сѣв. зап. арміи со стороны желѣзнодорожной линіи Петроградъ-Дно и изъ псковскаго раіона, о чемъ Юденича предупреждали раньше и союзные военные представители. Армія грозитъ опасность попасть въ клещи.

Начинается отступленіе.

Юденичъ покидаетъ фронтъ.

Въ непрерывныхъ аррьергардныхъ бояхъ, измученная, изголодавшаяся, не знавшая сна и отдыха Сѣв. зап. армія черезъ двѣ недѣли докатывается до границъ Эстоніи.

Здѣсь эстонцы ее обезоруживаютъ и превращаютъ въ бѣженскую массу. Въ лазареты къ намъ переходятъ 14 тысячъ тифозныхъ больныхъ. Много тысячъ здоровыхъ отравлены въ лѣса на работы.

Армія перестала существовать.

Бѣженскія толпы, слѣдовавшія за арміей изъ подъ Петрограда „интернируются“ на взморьѣ — безъ хлѣба, безъ крова.

Зима.

Въ Юрьевѣ, 28-го января, эстонцы поднисываютъ миръ съ Москвой.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Глава I:	
Къ Финскимъ берегамъ	4— 16
Глава II:	
Гельсингфорсъ и Ревель	16— 43
Глава III:	
Независимая Финляндія	43— 59
Глава IV:	
Русское «наслѣдство»	59— 81
Глава V:	
Помощь Финляндіи и Эстоніи	81—107
Глава VI:	
Аландскій вопросъ	107—125
Глава VII:	
Въ Парижѣ	125—150
Глава VIII:	
Парижское Политическое Совѣщаніе	150—171
Глава IX:	
Союзники и балтійскіе народы	171—183
Глава X:	
Юденичъ — Главнoкомандующій	183—201
Глава XI:	
Военныя конвенціи	201—217
Глава XII:	
Сѣверо-западное Правительство	217—236
Глава XIII:	
Юденичъ и Сѣв.-зап. Правительство	236—255
Глава XIV:	
«Балаховщина»	255—271
Глава XV:	
Подготовка наступленія	271—293
Глава XVI:	
Интендантство и дипломатія	293—327
Глава XVII:	
«Бермонтовщина»	327—344
Глава XVIII:	
Наступленіе и катастрофа	344—355

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK265 .8
.L4
K53

